

ПРОВЕДИТЕ

КЪ

ПОЗНАНІЮ КАВКАЗА.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САЛКТЕТРЕДБУРГ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

1847.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 1847 года, Августа 12го дня.

Ценсоръ *Ивановскій*.

Господи! не оставь почитающихъ
славящихъ, тебѣ и спаси заблудшихъ?

Господи! спийди милостію на бла-
годѣтелей несчастныхъ и невинныхъ,
и дай имъ силу побѣдить враги твоя!

Господи, не забудь въ царствіи тво-
емъ раба, восклицающаго съ любо-
вью и смиреніемъ: Слѣва Тебѣ Святѣе,
Всемогущая Троица!

М. С.

РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ КАВКАЗА.

ПУТЬ ЧРЕЗЪ КАВКАЗСКІЯ ГОРЫ И ВОСТОЧ- НЫЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ ВЪ КРЫМЪ.

Статья I.

Г л а в а I.

Въ комъ совершенство, какъ не въ Господы!

.

Высказавъ въ первой книгѣ приблизительное понятіе о религіозномъ и политическомъ состояніи Закавказья, до нынѣшняго столѣтія, мы теперь обратимся на дорогу его, характеръ мѣста, нравы горцевъ и вообще на все то, что можетъ привлечь вниманіе ученаго путешественника.

Положивъ котомку на спину, мы отправляемся на Кавказъ, бывъ увѣрены, что коляски, кареты со всѣми прихотями, будутъ для насъ лишними: потому что путешественникъ проѣзжая быстро, не можетъ замѣтить того, что бѣдный пѣшеходъ. Мы, какъ дитя природы, созерцая, наблюдая ее, будемъ слѣдовать пѣшкомъ, и если наши замѣчанія понравятся читателю, будемъ очень довольны.

Изъ Россіи на Кавказъ дорогъ много: возьмите дорожникъ, тамъ онѣ видны; значительныя есть три: Изъ С. Петербурга на Донъ; изъ Сибири, Астрахани въ Кизляръ, Дагестанъ, и изъ Польши, чрезъ Одессу, Севастополь на Черное Море. Мы выходимъ изъ С. - Петербурга, пробираемся

скромно чрезъ Новгородъ, Тверь, Москву, Тулу, Воронежъ, Новочеркасскъ и, обращая взоръ на все примѣчательное, входимъ въ Донскія станицы, видимъ обширныя, зеленыя степи, табуны лошадей и скота, и незамѣтнымъ образомъ входимъ въ г. Ставрополь, губернской городъ Кавказской области, расположенный на возвышеніи и окруженный пышными садами. За нѣсколько станицъ до него, вы уже встрѣчаете людей въ Черкесской одеждѣ и вполнѣ вооруженныхъ; но не бойтесь ихъ, это Русскіе, линейцы: они надѣли мохнатыя шальи и оружіе для страха горцамъ и вашей безопасности; они добры, ласковы, довѣрчивы, вы будете имѣть къ нимъ, съ перваго раза, невольное уваженіе и душевно благодарить, когда узнаете, что они для вашего спокойствія, славы Россіи проливаютъ свою и своихъ семействъ кровь. — Станицы ихъ отъ Ставрополя къ Георгіевску и Екатеринограду тянутся сначала непрерывно, потомъ отдѣляясь болѣе и болѣе холмистою степью, иногда находится другъ отъ друга въ 20 и болѣе верстахъ. Эти станицы устроены довольно хорошо, имѣютъ все необходимое въ хозяйственномъ отношеніи и даже въ изобиліи. Горцы, находясь отъ станицъ за степью и рѣчками, верстъ за 50, 60 и 70тъ, рѣдко тревожатъ печальными наѣздами; открытыхъ же линейцы не боятся, имѣя для осторожности и сигналовъ непрестанные кордоны или, лучше сказать, деревянныя башенки; слѣдовательно, вы безъ опасности можете идти или ѣхать: васъ только могутъ тревожить ваши страсти, сражайтесь съ ними и съ станціонными зрителями, остальное будетъ прекраснымъ сномъ: надъ вами безпредѣльное, голубое небо, обширная степь съ благоухающими травами, гдѣ часто не увидите на 20ти верстахъ бурьяника и кустика, и, если имѣете вѣрный глазъ, то конечно отличите, въ десяти верстахъ, крадущагося вора - горца, отъ пасущейся овцы, ястреба, фазана, куропатки, другихъ птицъ и животныхъ, которыя пугаютъ неопытныхъ, боязливыхъ путниковъ. Утомясь, вы садитесь на зеленую траву: надъ вами летая, играя между собою, неподобныя жаворонки и щеглыта, помня законы гостепріимства къ страннику,

будутъ усаждать вашъ сонъ или отдыхъ очаровательнымъ пѣніемъ. (*)

Слѣдуя далѣе къ Екатеринограду, видите съ правой стороны Кавказскія горы, прорѣзывающія своими бѣлыми горами черныя тучи; ниже, онѣ покрыты сизымъ туманомъ, выказываютъ разнообразныя свои пласты и лѣса. Съ дороги видъ невыразимо-чудесный; ни какая видопись не можетъ съ ними сравниться. Давая волю воображенію, для силы и красоты картины Кавказа, можете представить надъ величественными его громадами, въ чистомъ небѣ, во всемъ неизобразимомъ величіи и славѣ Всемогущаго Создателя съ Божественнымъ Его сыномъ, окруженныхъ безчисленнымъ сонмомъ Ангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ; лучше сказать, въ томъ вѣлѣніи, какъ самъ Господь - Вседержитель, устами Св. Іоанна Богослова, предсказалъ Апокалипсисомъ свое высокое на землю пришествіе, для милостиваго или грознаго суда надъ міромъ. Вспомнивъ святое прорицаніе, смиритесь, съ глубокимъ благоговѣніемъ, свое челоуѣчество, страсти падите на пушисто-зеленый доль, и славословія міроиздателя, съ искренностію, слезами, молитесь Отцу Небесному о прощеніи, кайтесь въ грѣхахъ. Господь Саваоѣ, любящій всѣхъ дѣтей Своихъ, милующій и блудныхъ, раскаявшихся, по сказанію Св. Евангелія, не отринетъ скорбной, душевной молитвы вашей.

Городъ Екатериноградъ имѣетъ церковь, госпиталь, каменныя присутственныя мѣста и до тысячи деревянныхъ домиковъ, устроенныхъ довольно красиво и хозяйственно, въ которыхъ живутъ дворяне, поселенные Лишійные Казаки и про-

(*) Отъ Средне-Егорлыкского Донскаго Карантина до Ставрополя 198 верстъ; отъ него до г. Александрова 75 вер; отсюда къ г. Георгіевску 71, — здѣсь опасная переправа, во время дождей, черезъ р. Подкумокъ. Отъ Георгіевска къ Екатеринограду 80. Отъ Екатеринограда до Владыкавказъ 105; отъ него до Тифлиса 178. Отсюда до Кутаиса 255 вер. и къ Редутъ - Калѣ 102 вер.

мышленники. Почти все пользуются водою изъ колодцевъ; но въ полуверстѣ находится рѣка Малка, втекающая въ Терекъ. Она служитъ границею Кавказской области; при Малкѣ устроенъ форштатъ съ церковью и таможенею.

Дорога отъ Екатеринограда до Владикавказа напоминаетъ времена патріархальныя: природа роскошно усыпала равнины Кабарды разными растеніями; такъ, что глядя на пестрые луга, являющіеся съ правой и съ лѣвой стороны, въ воображеніи своемъ невольно сравниваете ихъ съ богатѣйшими коврами, употребляемыми въ царскихъ чертогахъ. Мы надѣемся, что всякій добросовѣстный человѣкъ, бывавшій въ Кабардѣ, долженъ сознаться, что трудно представить себѣ, что нибудь восхитительнѣе великолѣпныхъ равнинъ ея: растительная сила является во всемъ своемъ могуществомъ и очарованіи: тучная трава, мѣстами почти въ ростъ человѣка, перемѣщена съ прелестными, ароматическими цвѣтами. Такая роскошь дѣвственной природы, заставляетъ сожалѣть, что она благословенная, досталась въ достояніе народу грубому, который самъ не пользуясь ею, не даетъ и другимъ; и потому, чудесныя растенія всходятъ и вянутъ не принося ни малѣйшей пользы. Впрочемъ, изъ укрѣпленныхъ станицъ, идущихъ непрерывною нитью къ Владикавказу, въ разстояніи другъ отъ друга въ 3, 4, 5, 6, 7, 10, верстахъ, высылаютъ военныхъ поселятъ на близлежащія окрестности, для земледѣлія и сѣнокосовъ, но они трудятся только въ видѣ станицъ, и не имѣя сильнаго прикрытія, иногда гибнутъ отъ внезапныхъ набѣговъ горцевъ.

Нынѣ противъ этого зла приняты мѣры: станицы вооружены орудіями и достаточнымъ прикрытіемъ; кромѣ того сдѣлано распоряженіе: въ случаѣ нападенія горцевъ на одинъ пунктъ, собираться, по сигнальному выстрѣлу, жителямъ всѣхъ станицъ и идти на выручку осажденныхъ; тогда непріятель отступаетъ съ большою быстротою нежели съ какою нападалъ, бросается на лошадахъ съ крутыхъ береговъ въ бурныя волны Терека, и часто, переправясь съ большою потерею товарищей, встрѣчаетъ Русскую пѣхоту и кавалерію,

успѣвшими уже перейти 50 и 60 верстъ въ ночь и отрѣзать имъ путь отступленія. Тогда завязывается отчаянной бой: Русскій штыкъ - молодецъ, пули, картечи и, въ заключеніе, гранаты въ полномъ ходу. Непріятель, лишенный добычи, товарищей, лошадей, или принужденъ бываетъ отдаться въ плѣнь, или, если успѣетъ обмануть, исчезаетъ въ гористыхъ, непроходимыхъ лѣсахъ. Нынѣшнее положеніе станицъ не совсѣмъ завидно; правда, что онѣ богатыютъ часами, и безъ сомнѣнія будутъ прекрасны, когда настанетъ то время, что Большая и Малая Кабарда, Чеченцы и Линейцы вмѣсто кинжаловъ, ружей и шашекъ, примутся за плугъ и соху.

Новыя станицы устроены Правительствомъ съ 1838 года, въ 50, и 100, и даже болѣе деревянныхъ дворовъ, раздѣленныхъ правильными улицами; кругомъ идетъ глубокій ровъ и саженный земляной брустверъ, обложенный колоченою ежовикою и шиповникомъ. При такомъ устройствѣ, въ настоящее время нѣтъ надобности совершать большіе переходы съ значительными конвоями, подъ прикрытіемъ орудій и полубатальона или роты солдатовъ и конницы, какъ водилось до 1838 года, по дорогѣ къ Владыкавказу. Въ прежнія времена были устроены малыя укрѣпленія: Пришибъ, Урухъ, Минаретъ, Дурдуръ, Архонъ и Ардонъ. Пространство ста пяти верстъ необходимо было проходить четыре и пять дней съ отвагою и большою осторожностью, ежеминутно ожидая Черкесскаго набѣда. Теперь же это пространство, пролетаете на почтовыхъ лошадяхъ въ одинъ день, и если нѣтъ, то на наемныхъ, которыхъ держутъ отставные солдаты. За безопасностью дороги наблюдаютъ съ кордоновъ, расположенныхъ другъ отъ друга въ 3 и 4хъ верстахъ; такіе притыны занимаютъ Малороссійскіе казаки и поселенцы. Съ этихъ вышекъ (деревянныхъ башенъ), степь открыта на 20 верстъ, и при малѣйшемъ дымѣ, пыли, которыя могутъ произвестъ конные горцы, извѣщается въ станицахъ, гдѣ въ мгновеніе все готово къ оборонѣ. (*) Съ захожденіемъ солн-

(*) Станицы имѣютъ огромный шестъ, съ привязанною къ верху его

ца ворота запираются, никто не смѣетъ требовать выхода: онѣ отворяются только для экстренныхъ цидулокъ, посылаемыхъ съ казаками; въ то же время, наблюдающіе съ кордоновъ, поселенцы и казаки соединяются въ одинъ общій кордонъ, устроенный среди станицъ, для отпора внезапному набѣгу. Вообще нападенія бываютъ во время туманныхъ ночей или на зарѣ и, объ нихъ, не рѣдко извѣщаютъ заблаговременно мирные горцы за плату; кромѣ того всякую ночь рыщутъ около запертыхъ станицъ Чеченскіе и Кабардинскіе воры, которые водятся и въ благоустроенной странѣ: они, какъ дикіе звѣри ищутъ добычи и часто, выкинутый солдатскій сапогъ или лоскутокъ гнилаго полотна, бываетъ ихъ находкой; о такой драгоцѣнности они рассказываютъ домашнимъ, съ прикрасами, какъ о геройскомъ подвигѣ. Въ станицы, днемъ, наѣзжаютъ и приходятъ горцы для продажи сельскихъ произведеній, скота и бурокъ; бѣднѣйшіе изъ нихъ вымѣниваютъ своихъ куръ, яйца, сыръ за старую рубашку и другія не нужныя уже вещи; впрочемъ, находясь часто съ обнаженными плечами, грудью, они по необходимости, и болѣе по горской гордости, ищутъ средствъ для прикрытія тѣла. Проѣзжающіе, имѣя пинчу въ станицѣ за умѣренную цѣну, отдыхаютъ спокойно, и утромъ, послѣ казачьяго объѣзда по окрестности, отправляются для дальнѣйшаго слѣдованія.

Не смотря на описанныя нами предосторожности, принятыя со стороны Правительства, путешественникъ все-таки пораженъ бываетъ невольнымъ чувствомъ страха около Минарета, гдѣ равнина заперта скалистыми горами съ густымъ, высокимъ лѣсомъ. Отъ Минарета, за 50 верстъ чистой степи, пересѣкаемой и орошаемой рѣчками, идетъ линією громада Кавказскихъ горъ, которыхъ верхи, закрытые льдомъ, освѣнены облаками, какъ вѣнцемъ славы. Такое величіе природы пробуждаетъ чувство въ сердцахъ людей холодныхъ, сонныхъ умомъ и воображеніемъ, и, заставляетъ воскликнуть невольно:

паклею, обмоченною въ фейсверочной составъ, которая зажигается казаками, въ случаѣ замѣчаемаго непріятельскаго движенія.

Какъ безподобенъ Кавказъ, какое великое созданіе, подобнаго не увидишь въ цѣломъ мірѣ.»

Наконецъ кордоны рѣдѣютъ; путешественникъ отдыхаетъ взоромъ замѣчая версты за 10ть г. Владыкавказъ, желѣзные ворота Кавказа. По наружнымъ его вершинамъ и скатамъ, различаете ясно сакли горцевъ закрытыя туманомъ и выходящимъ сизимъ дымомъ. Вблизи дороги съ лѣвой стороны, льется Терекъ, въ плоскихъ берегахъ, грохочущею лентою; за нимъ, на пространной степи, оканчивающейся возвышеніями Кабарды и Назрани, пасется скотъ, стоятъ стоги, скирды сѣна и ищеницы. По мѣрѣ приближенія къ городу, болѣе и болѣе встрѣчаете конныхъ и пѣшихъ Осетинъ и Кабардинцевъ съ радушными, рыцарскими лицами; они вообще одѣты по-Черкесски богато и, съ Русскими путешественниками очень вѣжливы и ласковы, такъ, что видѣть ихъ въ глухой степи, очень пріятно. Передъ городомъ по сю сторону Терека, расположено деревянный форштатъ, состоящій въ поселенныхъ и Осетинскихъ домахъ, окруженныхъ для безопасности брустверомъ и рвомъ. Дорога пролегаетъ въ городъ черезъ длинный деревянный мостъ, устроенный черезъ Терекъ. За мостомъ на лутовомъ возвышеніи стоитъ каменный храмъ и за нимъ почти тотчасъ земляная, обложенная дерномъ и камнемъ крѣпость, изъ внутри которой виднѣются верхи каменныхъ, военныхъ зданій. Въ ста саженьяхъ отъ крѣпости городъ расходится въ обѣ стороны: онъ раздѣленъ на части прямыми улицами, изъ которыхъ главные идутъ на версту. Теперь во Владыкавказъ найдете хорошія лавки, магазины и принадлежность Азіатцевъ - Грузинскіе духаны съ виномъ и сельскими произведеніями, гдѣ, купивъ ихъ дешево, вы можете спокойно отдохнуть на коврѣ въ мезонинахъ; васъ беспокоятъ только мухи и мошки. Послѣ отдыха вы можете пробраться мимо садовъ къ самымъ волнамъ Терека и утолить вашу жажду, не-совсѣмъ чистою водою: ибо здѣсь Терекъ, выскочивъ только что изъ ущелія, хотя пробѣгаетъ по камнямъ быстро и шумно, но имѣетъ воду довольно мутную.

Городъ Владыкавказъ распространяется быстро; онъ об-

веденъ укрѣпленіемъ и занятъ постоянно пятью батальонами съ артиллерійскою батареею, и, нѣтъ сомнѣнія, вскорѣ исполнить свое названіе. — Но мы отойдемъ назадъ и скажемъ кое-что о Кабардѣ.

Замѣтимъ, что Кавказскій хребетъ, начинается отъ впаденія р. Кубани въ Азовское море; потомъ, идя діоганально на Югъ, служить естественною границею Абхазіи отъ горскихъ народовъ, называющихся у насъ Закубанцами. Приближаясь къ Сѣверной части Мингреліи принимаетъ прямое направленіе на Востокъ, на сел. Рича; отъ него идетъ перпендикулярно къ Югу и вдавшись немного въ Ширванъ слѣдуетъ въ косвенномъ направленіи къ Апшеронскому полуострову, близъ котораго переходитъ въ равнины. Предгорія сего хребта достигаютъ рѣки Малки, Кубани, западно - восточнаго направленія р. Терека и тѣхъ огромныхъ степей, которыя простираются отъ предѣловъ Кавказской области къ Волгѣ и Дону; къ Югу же разрѣзывая иногда большими плоскостями, соединяются съ предгоріями Араратскаго хребта. Мы обратимся къ описанію странъ его и народа къ сторонѣ Чернаго Моря.

Съ рѣки Малки къ Владыкавказу, противъ центра Кавказа, живутъ Кабардинцы: они принадлежатъ къ семейству Адиге Восточнаго берега. Большая Кабарда раздѣляется на три поколѣнія: Атажукова, Миссоустова и Джембулатова, выводящихъ свой родъ отъ князя Кеса. Онъ, говорятъ, выѣхалъ изъ Аравіи и сдѣлавшись владѣтелемъ, оставилъ двумъ сыновьямъ свое имѣніе. Иналъ былъ старшій, онъ занялъ своимъ народомъ нынѣшнія равнины Кабарды. Нынѣ частныхъ владѣльцевъ размножилось, они лишились средства къ приличному содержанію, отъ того первое ихъ правило есть: либо отнять, либо украсть, если случай къ тому представится; такое правило вливается въ нихъ съ молокомъ матери. Какъ скоро родится младенецъ, его отдаютъ на воспитаніе челоуѣку равной знатности или бѣдности, который обязанъ содержать его на своемъ иждивеніи, воспитать и обучать до совершеннолѣтія. Обученіе состоитъ въ проворствѣ и кражѣ; отъ того возмужалой бо-

лѣе питомецъ, обязанъ всякой разъ, изъ своей добычи, удѣлить воспитателю $\frac{2}{10}$ частей, оставляя себѣ только послѣднюю, — что нѣсколько доказываетъ порочность нравовъ. Прежде воля князя, наследственнаго изъ дома Кеса, была закономъ, но съ умноженіемъ князей, она стала раздѣляться; чрезъ это, нечувствительно, образовались совѣты, на которые стали приглашать и узденей. Случающіяся неудовольствія, распри, заставляли собирать старшинъ къ народнымъ собраніямъ, которыя, имѣя своего рода законность, часто перемѣняются отъ обстоятельствъ. Главное обязательство по Шаріату; но такъ какъ законъ Магомета, введенъ между ними недавно, то Кабардинцы, по непостоянству своему, рѣдко сохраняютъ клятву далѣе одного года; вообще легкомысліе ведетъ къ преступленію. Отъ того нельзя вѣрить обѣщаніямъ, увѣреніямъ и клятвамъ, которыя этотъ народъ даетъ Русскимъ.

Общій Кабардинскій совѣтъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто важное, рыцарское; — но онъ стоитъ особеннаго вниманія. Предложеніе старшаго лѣтами владѣльца или двухъ, заставляеть совѣтъ собраться. Повѣщаютъ о томъ старшинамъ и узденямъ. Прибывъ въ назначенное мѣсто, они раздѣляются по степенямъ: прежде князья, потомъ уздени, старшины, каждый родъ особенно.

Князья условясь между собою предлагаютъ о томъ узденямъ; тѣ разбираютъ пользу или вредъ предложенія и состоятъ съ нихъ непосредственной зависимости, почти всегда соглашаются съ ними и представляютъ заключеніе на мнѣніе народа. Гласъ его рѣшаетъ законодательное положеніе. Впрочемъ народу предоставляется принять или отвергнуть предложеніе владѣльцевъ, хотя бы оно было утверждено узденями.

Словесное народное изрѣченіе — есть сила закона. Вообще, князья наблюдатели власти законовъ, уздени исполнители княжескихъ повелѣній; они же обязаны соглашать народъ съ мнѣніемъ владѣльцевъ.

Князь въ правѣ вызвать своихъ узденей и для менѣ важнаго дѣла чѣмъ совѣтъ; и они пріѣзжаютъ къ нему, если не случится особенно важныхъ препятствій; по условію этаго

отношенія съ одной стороны есть величайшая вѣжливость, а съ другой высокое уваженіе. Князь не можетъ безъ особенной важности удерживать при себѣ узденя, противъ его желанія.

Князь не имѣетъ собственности, нѣкоторые же уздени имѣютъ ее, все принадлежитъ народу. Званіе князя столь священно у Кабардинцевъ, что всякой изъ нихъ обязанъ, для защищенія его, жертвовать не только имуществомъ, но и жизнью. Князья, издревле, считаются покровителями народа; каждый изъ нихъ имѣетъ болѣе или менѣе зависящихъ отъ себя, которыхъ называетъ своими подданными, требуя отъ нихъ все достояніе. Князь можетъ взять его ясирей или плѣнниковъ, отнять дочь или жену, только въ жизни не властенъ. При такомъ самовластїи, есть нѣкоторые старшины, изъ древняго рода Кабардинцевъ, которыхъ мнѣніе въ общемъ совѣтѣ рѣшаетъ дѣла дѣйствительныя голоса владѣльцевъ.

Никто изъ князей, не имѣетъ права взять у своихъ подвластныхъ какую либо собственность, имъ принадлежащую; но бывають случаи, когда при отпускѣ гостей отдаленныхъ мѣстъ, при платѣ цѣны крови и калыма на срокъ, словомъ, при необходимыхъ, требуемыхъ обстоятельствами издержкахъ, превышающихъ средства владѣльца, онъ поставленъ въ крайность самовластно распорядиться имуществомъ зависящихъ отъ него, и они, безропотно переносятъ это беззаконіе, собственно изъ уваженія къ стѣснительнымъ обстоятельствамъ князя, признавая невольно, что это есть единственная мѣра къ поддержанію чести ихъ владѣльца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ собственной. Однакоже все взятое княземъ, при первой возможности возвращается хозяевамъ, по ихъ усмотрѣнію.

Корыстолюбіе Кабардинскихъ князей было прежде поводомъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ: они грабили не только простой, подвластный народъ, но и уважаемыхъ старшинъ; чрезъ что и навлекли на себя всеобщее негодованіе. Это заставило князей, въ отмщеніе за несправедливость, умножить грабительство, не только между ясырями, но и между подвластными и отнимать у нихъ скоть, пахати, женъ и дѣ-

тей. Нѣтъ сомнѣнія, что своевременно и они получили мзду. Теперь угнетенный народъ, оживился подъ покровительствомъ Россіи.

Нравы Кабардинцевъ, гдѣ онѣ не испортились, чисто рыцарскіе. Рыцарство составляетъ предметъ славы каждаго; роскошь не вкралась еще между народомъ. Золото и серебро ставятъ онѣ ни во-что; напротивъ того, всякіе доспѣхи и оружіе считаетъ драгоценностію. Пища его одинакова; каждое семейство живетъ пераздѣльно и ѣсть изъ одного котла. Отъ того въ народѣ не говорится: столько - то семействъ или дворовъ, а столько - то котловъ; словомъ, здѣсь найдете большое сходство съ нравами Спартанцевъ.

При рожденіи младенца, его не погружаютъ въ воду, по оставляютъ навоздухъ одни сутки, безъ всякаго призирынія. По прошествіи года, даютъ ему оружіе и что нибудь скудильное: если онѣ выберетъ первое, то отецъ и все семейство даютъ праздникъ. При воспитаніи дѣтей, приучаютъ ихъ быть смѣлыми, добрыми, живыми и проворными. По прошествіи семи лѣтъ учатъ владѣть конемъ, стрѣлять изъ лука и ружья. Для воспитанія отцы отдаютъ постороннимъ дѣтей своихъ, дабы не допустить юношу вкусить игу, могущую произойти отъ родительской любви.

Если у князя родится сынъ, онѣ отдаетъ его на воспитаніе своему лучшему узденю до совершенно - лѣтняго возраста. Когда этотъ воспитаникъ женится, онѣ обязанъ своего воспитателя или Атаыка достойно наградить. Никакой молодой князь съ отцемъ жить не можетъ, а всегда живетъ порознь. Объяснять пользу такого правила нечего — они видна и извѣстна. Худой тотъ Черкесскій князь, который долженъ искать кому-бы отдать сына на воспитаніе; напротивъ, желающихъ взять на себя эту почетную обязанность, бываетъ слишкомъ много и тѣмъ болѣе, чѣмъ знамените и уважасмѣ отецъ ребенка. Изъ числа ихъ онѣ выбираетъ достойнѣйшаго, по собственнымъ качествамъ и доброй славѣ его семейства, и всего чаще изъ ворковъ, принадлежащихъ князьямъ другихъ обществъ.

Во время воспитанія, родители младенца дѣлають частыя и значительныя вспомошествованія Аталыку, а сверхъ того, два раза, весьма цѣнные подарки, и именно: въ первый разъ, когда онъ привозитъ своего воспитанника, а въ другой, когда окончить воспитаніе и съ своихъ рукъ сдать питомца родителямъ.

Для полнаго-жъ вознагражденія Аталыка самимъ воспитанникомъ, не опредѣляется времени, но можно сказать, что тотъ начинаетъ пользоваться выгодами его воспитанія съ той самой минуты, въ которую воспитанникъ его, въ первый разъ, вложить ногу въ стремя. Потому, что при каждомъ пріѣздѣ его къ родственникамъ и пріятелямъ своего отца, получаемые подарки поступаютъ въ распоряженіе Аталыка.

Возмужалый воспитанникъ возвращается въ домъ отца своего. Здѣсь юноши обонхъ половъ могутъ видѣться свободно; въ праздничные дни бываютъ пляски, въ которыхъ они знакомятся между собою. Вступая въ брачный союзъ, женихъ долженъ за невесту внести калымъ: рыцарскими доспѣхами, панцырями, наручнями, ружьями и тому подобнымъ. Случается, что калымъ платится деньгами, рогатымъ скотомъ, по согласію съ отцемъ невесты. Вступившіе въ бракъ, должны весьма скрытно, и такъ сказать украдкою, имѣть супружеское сообщеніе, ибо судъ стариковъ ихъ, которыхъ они почитаютъ и боятся, бываетъ строгъ.

Нѣтъ обычая, обязывающаго молодого князя жить съ отцомъ врознь, а напротивъ, часто случается, что они живутъ вмѣстѣ до женитьбы сына, послѣ которой уже отдѣляются.

Имъ позволяется красть какъ въ Лакедемонѣ, но только съ тѣмъ, чтобы слѣдъ покражи былъ скрытъ: ибо Черкесъ лучше согласится умереть нежели быть обличеннымъ. Искусное воровство пріобрѣтаетъ особенное уваженіе. Наколецъ старость у Кабардинцевъ въ уваженіи: никакой молодой человѣкъ не дерзаетъ сдѣлать малѣйшей невѣжливости предъ старцемъ.

Непостоянство и вѣроломство вкрались въ Кабардинцевъ съ мусульманствомъ, однакожь, сильные изъ нихъ, сохранившіе

еще слѣды своего прежняго Христіанства, почитаютъ съ благоговѣніемъ наши праздники.

Съ древнѣйшихъ временъ, князья обращаются съ узденями и народомъ очень просто и одинаково. Старшій и богатѣйшій живетъ въ хижинѣ. Общая ихъ пища состоитъ изъ небольшого количества пшена, свареннаго въ водѣ и куска печеной или вареной баранины. Обыкновенное ихъ питье — есть буза, а у богатыхъ, весьма дурно сдѣланный медъ. Князья немѣя собственности пользуясь своимъ правомъ, получаютъ продовольствіе отъ подданныхъ; они безвозвратно, берутъ все нужное къ пропитанію, за то и князь не отказываетъ ни въ чемъ подданному. Ежели проходящій увидитъ владѣльца спящаго за обѣдомъ, то имѣетъ право войти въ домъ и дѣлать съ нимъ трапезу. Если уздень увидитъ у князя деньги, хорошее платье, шапку, или пожеласть имѣть вещь, которая нравится, то владѣлецъ не можетъ отказать; такое равновѣсіе, есть такъ сказать воздаяніе за тягость княжескаго вліянія и, какъ бы походить, на своего рода дружество и братство. Но щедрость не всякому свойственна; скупость слабыхъ и корыстолюбивыхъ сердцемъ, не имѣетъ и здѣсь предѣловъ. Посему многіе князья подъ предлогомъ, что бѣдны или предчувствуютъ разореніе, одѣты весьма скудно, такъ, что видя ихъ и узденей вмѣстѣ, можно однихъ принять за другихъ. Въ праздничные дни всѣ собираются для бесѣды, кругомъ ихъ юноши забавляются гимнастикой и пляской. Музыка состоитъ въ двухъ или трехъ длинныхъ дудкахъ съ тремя круглыми отверстіями, какъ у флейты, также, въ балабайкѣ съ металлическими струнами; къ нимъ прибавляется иногда бубень. Пляска ихъ носитъ на себѣ печать Азіатизма. Всякой разъ, когда бываетъ свадьба, собираются жители селенія въ то мѣсто, гдѣ она совершается. Тутъ выставляется все богатство въ нарядахъ: холостые украшаются пріобрѣтенными доспѣхами, дѣвушки лучшей одеждою. Молодой человѣкъ, отличившійся рыцарскими ухватками и проворствомъ, заслуживаетъ похвалу старшинъ, и получаетъ право плясать съ тою дѣвушкой, которая ему нра-

виться; неловкому это воспрещается. По окончаніи праздника расходятся по домамъ, невесту передаютъ на нѣсколькомѣсячное пребываніе въ сосѣдственномъ или родственномъ жениху домѣ.

Обычай, отдавать женъ тотчасъ послѣ свадьбы въ другой домъ, получилъ начало во времена отдаленныя, когда князья одного и того же племени были въ близкомъ между собою родствѣ и, поневолѣ находились въ необходимости искать женъ у сосѣднихъ, а часто и у отдаленныхъ народовъ. Въ странѣ, гдѣ семейство князя считалось блюстителемъ обычаевъ и законовъ, гдѣ должно оно было подавать собою примѣръ, молодая чужеземка, могла навлечь на себя укоръ народа, за несоблюденіе малѣйшихъ условій быта другаго племени. Для избѣжанія такого непріятнаго положенія, молодой супругъ избиралъ временное ей жительство домъ почетнѣйшаго ворка (узденя), гдѣ она ознакомливалась съ семейными и общественными обязанностями новаго своего состоянія и званія, — тѣмъ болѣе, что воспитаніе дѣвушки, даже теперь, ограничивается внушеніемъ имъ скромности, началъ религіи и рукодѣліями, свойственными женскому полу этой страны.

Выборъ семьи, гдѣ молодая должна находиться иногда съ годъ, и болѣе, составляетъ особенную важность и, въ этомъ случаѣ обращаютъ главное вниманіе на нравственныя качества всего семейства; хотя обязанность, принимаемая имъ на себя важна, хлопотлива и убыточна, потому, что воркъ, по обычаю, не только кормитъ молодую, богато одѣваетъ, задаетъ безпрестанные пиры, но и при возвращеніи ея къ мужу одариваетъ; — за всѣмъ тѣмъ охотниковъ на эту обязанность всегда множество, потому, что она считается величайшею честью и доставляетъ связи, уважаемыя на равнѣ съ кровнымъ родствомъ. По возвращеніи жены въ домъ мужа, послѣдній по произволу, смотря по щедрости, награждаетъ ворка за временное пребываніе жены своей въ его семействѣ и за хлопоты и издержки, съ тѣмъ неразлучныя.

Воспитаніе дѣвушки не имѣетъ ничего примѣчательнаго. Всякая мать, какого бы рода она ни была, отдаетъ по рож-

деи дочь свою въ чужія руки на воспитаніе. До семи лѣтъ, верхняя часть ея тѣла обшивается лайкою; отъ чего имѣетъ она стройный станъ. Дѣвушки возрастая учатся вышивать золотомъ, серебромъ, шелкомъ, плестъ тесемки, шить платья; по замужеству, шьютъ одежду мужьямъ и себѣ. Одежда дѣвушки одинакова съ одеждою замужнихъ; только головной уборъ, состоящій изъ шапки, носимый до перваго младенца, отличается ее; но съ поворожденнымъ, отецъ снимаетъ эту шапку, будучи обязанъ дарить приходящихъ съ поздравленіемъ, чѣмъ можетъ: скотомъ или оружіемъ.

У Черкесовъ гостепріимство въ силѣ и нѣтъ обыкновенія отводить гостямъ квартиры, они останавливаются въ Кунацкой того, у кого сами пожелаютъ. Если пріѣдетъ гость важнаго происхожденія съ большою свитою, то онъ обыкновенно останавливается у старшаго въ аулѣ узденя или у князя, если у него нѣтъ гостей; съ ними остаются путники старшіе лѣтами и два-три изъ младшихъ, прочая свита его отправляется къ другимъ узденямъ. Гость можетъ оставаться столько времени, сколько ему угодно, но приличіе не дозволяетъ заживаться слишкомъ долго. Во все пребыванія гостя, хозяинъ не перестаетъ заботиться о немъ и его свитѣ; день и ночь одна мысль у него: что скажутъ о немъ гости, по возвращеніи въ свою сторону? Онъ при нихъ безотлучно, и если исчезаетъ, то, вѣрно для того, чтобы сбѣгать посмотреть, хорошо ли содержатъ лошадей пріѣзжихъ. Кончивъ дѣла, гость благодаритъ за хлѣбъ - соль и уѣзжаетъ; хозяинъ, чистый въ совѣсти, очень доволенъ, что онъ исполнилъ завѣтъ отцевъ - священныи долгъ гостепріимства, и убираетъ кунацкую, чтобы новыя гости нашли ее въ приличномъ порядкѣ. Всякій Черкесъ навѣсчитъ на себя всеобщее презрѣніе, если возьметъ подарокъ за гостепріимство; честь требуетъ, чтобы онъ прибавилъ къ подаркамъ князя еще свои подарки; что часто случается.

Смерть отца, мужа, или ближняго родственника, заставляетъ всякую женщину царапать себѣ лицо, грудь до крови; мущины же бьютъ себя по головѣ плетью. Подробнѣе будетъ объяснено въ Осетинскихъ нравахъ, обычаяхъ, сходныхъ съ Кабардинскими.

Кабардинцы больше всѣхъ горцевъ склонны къ осѣдой жизни; родина для нихъ священна. Обычаи предковъ сохраняются съ точностію. Они благоговѣютъ предъ ихъ прахомъ и приносятъ въ жертву свои издѣлія, состоящія: въ оружіи, буркахъ, холстѣ, болѣе совершенныхъ, чѣмъ у другихъ народовъ.

Вообще языкъ, нравы и обычаи Черкесскихъ разныхъ обществъ, къ сторонѣ Чернаго моря, весьма мало отличаются другъ отъ друга. Законы у всѣхъ, основаны на древнихъ обычаяхъ и постановленіяхъ, опредѣленныхъ въ разное время на народныхъ сѣздахъ; только Кабарда имѣетъ свой временной судъ и руководствуется Шаріатомъ; у другихъ горцевъ, племена Адиге, правленіе народное и въ рукахъ высшаго сословія. Развитіе умственныхъ способностей, болѣе замѣчается въ послѣднихъ, они въ прежнія времена съ Кабардинцами, занимали первое мѣсто по воинственности, но теперь, уступаютъ тѣмъ обществамъ, гдѣ правленіе народное.

Кабардинцы, въ старину, между Черкесами были законодателями вкуса и общежитія; теперь обрусѣвши, болѣе преданы Россіи и могутъ получить въ воспитаніе дикихъ Горцевъ. Изучая этотъ народъ, мы найдемъ въ немъ много удивительнаго и достойнаго; тутъ прежде шла борьба демократизма и феодализма, были характеры истинно рыцарскіе, герои исполнены доблести, чести, ума и высокаго краспорѣчія; воспитаніе и презрѣніе всѣхъ слабостей тѣла и духа, къ которымъ сама природа расположила здѣшнихъ людей, выше Спартанской суровости, дали имъ условныя идеи, предразсудки, обычаи, законы, совершенно выходящіе изъ рамы обыкновенныхъ понятій Европейца. Корѣнные обычаи, принявшіе силу закона, связавшіе общества устройствомъ, уравнивали слабость съ силою. Но здѣсь также, иногда, неограниченный деспотизмъ безнаказанно попиравъ всѣ законы, и угнетенные, безропотно покорялись ему изъ одного только уваженія къ роду. - Рядомъ съ этою картиною стояла буйная вольность, не терпѣвшая никакой степени власти. Наконецъ, народъ, не имѣвшій писемъ, передавалъ изъ рода въ родъ, въ пѣсняхъ: свою исторію, законы, мысли и чувства. Изощреніе дара слова положено было у него въ

основаніе воспитаніе и, потому, краснорѣчіе гремѣло на народныхъ сѣздахъ, а пѣсня звучала надъ прахомъ каждаго замѣчательнаго челоуѣка, и отъ того ни малѣйшій случай, болѣе его облагородившій - не ускользалъ отъ стиха и съ нимъ отъ потомства. Каждый, умирая, уже слышалъ хвалебный гимнъ себѣ, или порицаніе соотечественниковъ заблаговременно, и мысль: что скажутъ обо мнѣ? сторожила всякаго въ его славныхъ и безславныхъ дѣланіяхъ.

Если кто нибудь будетъ уличенъ въ незаконномъ сближеніи съ служанкою князя, тотъ удовлетворять его по приговору народнаго суда. Эта вина, у Черкесовъ, есть главнѣйшее изъ уголовныхъ преступленій и, относится къ личному оскорбленію чести семейства князя; въ прежія времена, виновные въ такомъ преступленіи изъ низшаго сословія, наказывались нерѣдко смертною казнію или вѣчнымъ рабствомъ. Хотя нынѣ, народъ считаетъ его не менѣе важнымъ, но наказаніе за это преступленіе ослаблено.

Далѣе отъ Кабардинцевъ, къ Югу - Востоку, по Сѣверному склону, частію противъ центра, частію же во Владыкавказскомъ округѣ, живутъ общества Осетинскаго племени: Тагаурцы, Курташицы, Челистинцы, Алагирцы и Дигорцы: они болѣею частью носятъ названіе своихъ ущелій, въ которыхъ живутъ. Племена эти въ общности представляютъ другую картину.

Хотя Тагаурцы и Дигорцы управляются своими старшинами или дворянскимъ сословіемъ, а прочіе имѣютъ правленіе народное, но они не представляютъ собою тѣхъ благоустроенныхъ обществъ и самообытности, какими отличаются Черкескія общества. Находясь въ постоянной зависимости сосѣдственныхъ народовъ: то у Грузинъ, то у Кабардинцевъ и Ингушей, они попеременно принимали ихъ обычаи, законы, вѣрованія и предрасудки. Отъ этаго самаго у Осетинъ, мы видимъ удивительную смѣсь религіозныхъ понятій, заимствованныхъ ими отъ вѣръ трехъ сосѣдей, властвовавшихъ почти поочередно надъ ними: Христіанства, магометанства и идолопоклонства. Но въ этомъ удивительномъ смѣшеніи, болѣе

обозначаетъ свою силу Христіанство, а легкая воспріимчивость чужихъ идей, показываетъ въ народѣ склонность ко всѣмъ реформамъ. Между тѣмъ Осетины, занимая главный проходъ Кавказскаго хребта, воинственны, способны къ земледѣлію и промышленности, владѣютъ хорошими землями, лѣсами, рудниками, и могутъ быть весьма полезны, тѣмъ болѣе, что не имѣя ничего самостоятельнаго а все заимствованное, они легче другихъ готовы къ воспитанію и образованію.

Народъ, взрослый среди разнообразія мѣстами дикой, но прекрасной природы, носитъ въ душѣ отпечатокъ тѣхъ-же свойствъ и потому, изображеніе физическаго быта и проявленій духовнаго мы представимъ далѣе.

Г л а в а II

Жизнь горного человека подобна шумно-шумному Тереку.

Въ семи верстахъ отъ города Владыкавказъ построены на холмѣ редантъ, которой занимають казаки. Съ этого укрѣпленія, въ нѣсколькихъ саженьхъ, начинается царство громовъ, молній, возвышаются скалистые громады Кавказа, покрытыя алмазною гранью снѣговъ, какъ бы готовыхъ, отъ жаркаго луча солнца или отъ вѣтра, низринуться въ сжатое ими ущеліе; за ними какъ исполинскія волны застывшаго океана, встають горы надъ горами: онѣ угрюмы какъ минувшія столѣтія. Кто видѣлъ ихъ въ грозу и ясное время, тотъ не будетъ мечтать о прелестяхъ Швейцаріи. Съ реданта, входя въ ущеліе, поднимаетесь по узкой дорогѣ на отлогіе, гористые скаты, идущіе съ правой стороны Терека. Съ обѣихъ сторонъ ущелія, возвышаются отвѣсныя скалы первозданныхъ горъ, покрытыя, изрѣдка лѣсомъ, кустарникомъ и зеленью. Часто путь пересѣкается боковыми ущеліями или стокомъ водъ, несущихся въ видѣ бѣлой грохочущей ленты; въ такихъ мѣстахъ устроены прочно каменные мосты. Дорогу образуетъ насыпная плотина, удерживающая ярость пѣнистаго Терека, стремящагося впередъ чрезъ громады камней ревущимъ водопадомъ, который занимаетъ все ущеліе, отъ дороги до противоположной гряды горъ. Мы полагаемъ, что постоянная наклонность мѣста и дюрлѣи покрытое множествомъ кремнистыхъ массъ и камней, составляютъ главную причину бышаго ея стремленія къ реданту; такъ, что можно сказать здѣсь Терекъ не рѣка, а водопадъ заглушающій стономъ своимъ ржаніе лошадей, говоръ людей и почти звукъ выстрѣла; брызги пенстыхъ его струй, прыгающихъ чрезъ массы камней, разлетаются и наполняютъ воздухъ влажностію.

Дорога къ у. Ларсу расширяется, по передъ нимъ опять сжата скалами. На одной изъ здѣшнихъ покатостей видѣнъ не-

большой ауль Осетинъ, а на отвѣсной скалѣ, возвышающейся надъ рѣкою стоятъ древняя, четырехъугольная, съ каменною стѣною башня. Внизу за скалою, на песчаной площадкѣ, устроены дома для проѣзжающихъ, казармы военного прикрытія съ орудіемъ, и рядъ деревянныхъ домиковъ Русскихъ поселенъ.

Отъ Ларса къ Даріелу, въ разстояніи 6 верстъ, гигантскія горы висятъ надъ дорогой; у подошвы крутого ската, Терекъ несется стремглавъ, разрывая каменную лощину. Ущеліе стуживаясь постепенно горами, дѣлается наконецъ не шире шести сажень и называется Даріельскимъ, которое вполне соответствуетъ сказаніямъ древнихъ историковъ о Кавказскихъ воротахъ. Здѣсь на скалѣ находится Даріельскій замокъ, извѣстный съ первыхъ вѣковъ Христіанства; начало же его надобно отнести къ временамъ еще болѣе отдаленнымъ. По историческимъ фактамъ Даріельскій проходъ былъ постоянно занятъ стражею, по согласію двухъ древнихъ могущественныхъ державъ Персін и Византіи, для обезпеченія ихъ владѣній за Кавказомъ, отъ нашествія Скифовъ съ Сѣвера. Грузины называютъ это ущеліе Кхевизскари, (т. е. по верхней долины Терека,) Армяне—Аландскимъ; каковое названіе оно носитъ и у Арабовъ. Народное же преданіе увѣряетъ, что ущеліе это прозвалось Даріельскимъ, по имени царицы, обитавшей въ замкѣ и бывшей главою хищниковъ, наполнявшихъ окрестныя страны ужасомъ; кажется это справедливѣе, имѣя связь съ историческимъ описаніемъ о здѣшнихъ амазонкахъ. Этотъ замокъ, находящійся въ руинахъ, расположенный на отвѣсной скалѣ, имѣетъ подземный ходъ къ Тереку за водою, и наблюдалъ какъ бы за дорогой и проѣзжими, поставленъ на самомъ ужаснѣйшемъ мѣстѣ. Въ древности, здѣсь шла дорога, въ нѣсколько аршинъ шириною, въ родѣ тропинки, и теперь при постоянномъ попеченіи, искусствѣ и средствахъ, она еще очень узка: ее сжимаютъ отвѣсныя, гигантскія горы, не позволяющія думать объ объѣздѣ. Такое сжатое положеніе дорожки, при разливѣ рѣки могло способствовать гибели и разврату. Грузія

же слабая, не могла если и хотѣла препятствовать ему, и избирала для своихъ пословъ путь въ Россію — чрезвычайно кружной: на Шамаху, Баку, Дербентъ и моремъ въ Астрахань. Послы бывали въ дорогѣ годъ и два.

Въ Даріелѣ устроено укрѣпленіе, изъ котораго путь къ Казбеку усыпанъ хрящемъ и пескомъ, и проходитъ между скалистыхъ утесовъ и вблизи Терека. Тутъ надъ головою путника вьется часто орелъ, ястребъ, по скату рыщетъ волкъ, лиса, или прядаетъ съ утесъ на утесъ дикая серна. Въ сторонѣ горные потоки, усиленные дождями, ниспадаютъ съ быстротою стрѣлы въ видѣ бѣлой, извивистой ленты и наполняютъ страну необыкновеннымъ гуломъ. Многоразличныя растенія покрываютъ ребра Кавказа зеленью; дикій виноградъ, перевитый рядами плюща, рѣветъ по разсѣлинамъ, и тутъ, мальчишъ — пастухъ, вооруженный ружьемъ и кинжаломъ, неподвижный на утесистыхъ скалахъ наблюдаетъ за стадомъ. Вдали на вершинахъ обрывистыхъ горъ, какъ ястребинныя гнѣзда, чернѣютъ разрушенныя замки съ своими надзорными башнями. Здѣсь Кавказъ, убаюкиваемый ревомъ водопадовъ, грохотомъ грома и блескомъ молній, имѣетъ народъ сходственный своей страшной природы; она, какъ мать еще не воспитанная въ правилахъ нравственнаго образованія, даетъ младенцу своему, юноши, дикіе уроки жестокости; но когда природа унѣжываетъ и народъ сдѣлается мирнымъ ораваемъ, тогда смостся прежде-пролитая кровь, воды потекутъ тише, и Кавказъ не будетъ такъ страшенъ какъ нынѣ.

Укр. Казбекъ, стоитъ на расчищенной плоскости; въ низу его лугъ, пашни и свѣтлый Терекъ, за которымъ идутъ отлогія ребра Кавказа, занятыя аулами и лугомъ. Изъ за огромныхъ предгорій, выказываетъ свои три вѣчно — свѣжые пики гора Казбекъ. На одномъ изъ предгорій, на высотѣ 100 сажень, возвышается монастырь Св. Троицы, основанный Грузинскою царицею Тамарою въ XI вѣкѣ, по Р. Х. Монастырь этотъ пользуется у туземцевъ особеннымъ уваженіемъ; къ нему извивается крутая тропинка, по которой путешественники и богомольцы взбираются для посѣщеній; въ-

которые изъ смѣлыхъ ученыхъ — естествоиспытателей, взбирались, для метеорологическихъ наблюденій, даже къ снѣговымъ пикамъ, но едвали кто вступилъ пятою на самый Казбекъ; холодъ его заморозить и орла. Одна изъ горъ окружающихъ Казбекъ, называется бышеною балкой, по причинѣ частныхъ, нечаянныхъ, земляныхъ заваловъ, покрывающихъ дорогу.

Внизу у. Казбека, обнесеннаго издревле каменною стѣною и по возвышеннымъ его бокамъ, вы видите селеніе съ каменнымъ храмомъ, древней Иверійской архитектуры; селеніе это принадлежитъ князю Казбеку, который считаетъ снѣговій Казбекъ своимъ дѣдушкою. Въ ясный день на Казбекъ не любуешься. Часто на льдиныхъ раменахъ его отдыхаютъ облака и грозныя тучи. Кругомъ Исполнина сжимаютъ голые утесы, для услажденія которыхъ поетъ громкогласную пѣснь грозный Терекъ; онъ несется къ Владыкавказу, съ Крестовой горы подобно ангелу страха. Здѣсь часто, для гармоніи раздается пастушеская труба, она подобна трубѣ ангельской, собирающей стада на судъ Божій и вѣчное отдохновеніе, или, заунывная пѣснь, повторяющаяся трелями, въ различныхъ отголоскахъ по утесамъ. Вообще здѣшніе туземцы любятъ пастушескую, патріархальную жизнь: они ищутъ свободы, и въ первобытной дикости, подобны скатамъ своихъ горъ, на которыхъ вѣки не оставили слѣдовъ своего образованія: они, жители древняго міра борются съ новыми ихъ покоряющими.

Описывая горы Кавказа, неизлишнимъ считасмъ замѣтить, что первозданныя горы идутъ къ пикамъ своимъ водообразно; горизонтальные и отвѣсныя ихъ пласты спускаются въ ущеліе. Очевидно, что здѣшняя природа перемѣнилась какимъ нибудь важнымъ переворотомъ. Горы втягивая въ себя изъ атмосферы влагу, снѣгъ, даютъ ходъ съ крутизну своихъ звучнымъ потокамъ, возстановляющимъ равновѣсіе въ сокровенныхъ силахъ; кажется, не одно охлажденіе привлекаетъ сюда, къ горамъ, облака, тучи; но тутъ работаетъ магнитъ и электричество. Древность здѣшняго міра видна въ почернѣлыхъ, гористыхъ слояхъ, которыхъ перечесть невозможно.

Здѣшній народъ отличается гордою осанкой. Ступить ли, станетъ ли онъ: это модель Аякса и Ахиллеса; пронзительной взоръ, стройный станъ, обнаруживаютъ военную силу и свободу. Женщины не такъ красивы какъ за Кавказомъ, но и они славятся красотою на востокъ, и можетъ быть не одна изъ нихъ тысяча заключилась въ гаремы Турокъ и Персовъ; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что не задолго до сего времени, отцы продавали дочерей, братья сестеръ; но времена переменяются и съ ними нравы! Теперь туземцы, защищенные Русскими отъ вражескихъ набѣговъ, получили уже склонность къ семейной жизни, имѣютъ хлѣбъ и скотъ въ изобилии и покупаютъ себѣ женъ; значить, получили начало къ спокойствію и счастію, что будетъ дальше? о томъ знаетъ Богъ! Женщины исправляютъ съ усердіемъ всѣ домашнія и полевыя работы, мужья же курятъ трубку, стругаютъ по цѣлымъ днямъ палочку или бродятъ по горамъ, иногда для охоты съ собаками; впрочемъ, въ последнее время, нѣкоторые изъ нихъ получили склонность къ занятіямъ и оставили излишнее бродяжничество. Вообще Осеты - Христіане, есть потомки знаменитыхъ въ исторіи Аланъ, распространившихся отъ Чернаго Моря по всему Кавказскому хребту.

Изъ Казбека въ Коби 16½ верстъ; девять верстъ идутъ по каменистому берегу Терека, около подошвы землестыхъ отраслей, покрытыхъ кустарникомъ и худою травою, которыя прозябаютъ среди мховъ и камней. Тутъ на скалистыхъ вершинахъ замѣчаютъ дикихъ козъ и тура, столь рѣдкаго во всемъ мірѣ. По геологическимъ признакамъ природы здѣшнихъ горъ, можно навѣрное сказать, что въ ихъ недрахъ скрываются величайшія сокровища металловъ и минераловъ, изъ числа которыхъ: пирриты, горный хрусталь, сѣрный колчеданъ, желѣзо и друг. находятъ туземцы въ верхнихъ слояхъ и на берегахъ Терека.

Далье дорога расширяясь, слѣдуетъ по холмистой долины ущелія, которая болѣе и болѣе развѣтывается къ Осетинскому селенію Коби, гдѣ, для проезжихъ, находятся удобные каменные дома съ военнымъ прикрытіемъ. Съ Коби начи-

нается главѣйшій и труднѣйшій переѣздъ чрезъ гряды высочайшихъ отроговъ, называемыхъ: Крестовая и Гуть гора. Поднимаясь къ нимъ постепенно, видите, въ право дороги рѣку, стремящуюся внизъ водопадомъ; каменистое дно ее покрыто желѣзною окисью; тутъ игра природы, заставляетъ среди рѣки бить кислые фонтаны. Наливая въ стаканъ, во славу Бога и Кавказа, кушайте воду скорѣе, иначе живительный газъ улетитъ газомъ Донскаго и, вы будете пить на вкусъ попорченные кислые щи.

Поднявшись по глинистому склону 8мъ верстъ, видите каменный крестъ на такомъ же цоколѣ; надпись на немъ говорить: что подъ нимъ лежитъ прахъ одного генерала, управлявшаго горскими народами, во время пребыванія на Кавказѣ А. П. Другіе полагають, что онъ поставленъ Петромъ Великимъ; но Петръ былъ на берегу Каспія и не входилъ въ ущеліе Кавказа, особенно сюда. Крестъ, какъ намъ кажется, поставленъ въ укрѣпленіе бѣдствующихъ. Здѣсь одна изъ высочайшихъ точекъ военно - Грузинской дороги. —

Вправо за обрывомъ, стоитъ высокое, каменное зданіе, называемое Байдарою, которая, въ случаѣ заваловъ и непогоды въ горахъ - даетъ вамъ отдыхъ и успокоеніе, среди Осе-тинъ. Мы скажемъ о ней еще въ другомъ мѣстѣ. Съ Крестовой горы начинается спускъ и продолжается версты двѣ съ половиною, за тѣмъ поднимаетесь на Гуть - гору. По мѣрѣ движенія вверхъ, взоръ вашъ болѣе и болѣе ужасается, слѣдя вправо группы острокопечныхъ камней, и за ними внизъ чуть - чуть замѣтныя деревья, холмики, одѣтые пушистою зеленою и цвѣтами и какъ бы упавшіе въ бездну. Такая дощина, находится отъ дороги, внизу ста саженьей.

Глядя туда съ дороги, шириною въ двѣ съ половиною сажени, вы получаете головокруженіе и можете, при неосторожномъ любопытствѣ, особенно зимой, заплатить жизнью. По такой дорогѣ, сдѣланной въ песчанномъ скатѣ, ѣздить болѣе на выюкахъ, почтовыхъ телегахъ и, съ затрудненіемъ въ экипажахъ; потому, что при ломкѣ ихъ поправить нѣтъ средствъ до станціи: мѣстность кругомъ необитаема. Здѣшняя природа

отчасти имѣть сходство съ природою странъ Сѣверныхъ: растенія прозябаютъ скоро, и потому отлогости покрываются почти мгновенно, лилеями и всякими водяными цвѣтами; сочная и красивая зелень раскидывается быстро по крутому косоугору.

Съ Гуть - горы дорога идетъ по ухабистой, глинисто — каменной почвѣ, непрерывнымъ спускомъ къ сел. Кайшаурамъ. Взоръ вашъ невольно слѣдитъ за Осетинскими селеніями, башнями, тамъ и сямъ раскинутыми по отлогимъ возвышеніямъ; тутъ же, въ сторонѣ, пасется стадо овецъ и козъ съ маленькимъ пастухомъ, съ кѣмъ уподобить его не знаемъ? онъ бѣденъ, рѣдко имѣетъ въ котомкѣ кусокъ хлѣба, но между тѣмъ беззаботенъ, веселъ, поетъ свои пѣсни и не проситъ милостыни очень ласковъ съ проезжими.

Отдохнувъ въ заѣжемъ Кайшаурскомъ домѣ, слѣдуете къ Пассанауру по отлогому спуску, любясь очаровательностію зеленой долины, являющейся внизу 80и сажень. Съ боку ее протекаетъ Арагва. На берегу этой рѣки расположены жилища Осетинъ и духаны, далѣе, среди зеленой долины каменные зданія, въ которыхъ обитаетъ управляющій горцами. Съ Кайшаурской высоты видны разсыпавшіяся вдали полуразрушенныя башни и Осетинскія селенія, идущія по отлогости амфитеатромъ — домъ на домѣ, съ разнообразными видами пахатей и растеній. Сорокъ три версты, съ Кайшауръ до Пассанаура и г. Анапура, проходятъ ущеліемъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, кустарникомъ и пушистою зеленою; есть спуски и подъемы, но искусство и издержки большихъ суммъ сдѣлали ихъ непримѣтными. Быстрая Арагва, вырвавшись изъ Кайшаурскаго ущелія, катитъ свои шумливыя, пѣнныя волны скромнѣе Терека, и омываетъ бокъ насыпной дороги; за то во время ненастья, Арагва, дѣлаясь грозною, вырываетъ каменные и деревянные мосты и залиываетъ окрестность; тогда ѣхать опасно, накидная дорога бываетъ чрезвычайно испорчена. Для отклоненія такого зла, въ сторонѣ раскинуты шалаши, палатки и казармы солдатъ, занимающихся поправкою дороги. — Ущеліе, покрытое сумра-

комъ высокихъ, лѣсистыхъ отроговъ Кавказа, извивается непрестанно. Подвигаясь ближе къ Анапуру, болѣе и болѣе замѣчаете какъ свѣтъ проявляется, ущелье дѣлается шире и наконецъ, вотъ предъ вами является долина, роскошно убранная, около Арагвы, садами и виноградомъ, который спуская свои грозды глядится въ чистыя воды. Далѣе, за пушистою, зеленою долиною, слѣдуетъ г. Анапуръ. Надъ нимъ, на пригорьи, стоитъ древній, каменный храмъ, окруженный такою же стѣною: онъ величественно смотритъ на городъ, какъ Господь на человѣчество. Здѣсь видопись неподражаема! Въ Анапуръ найдете все, что пожелаете; городъ довольно изряденъ, на станціи въ каменномъ домѣ отдыхаете пріятно, подъ неумолкаемый шумъ Арагвы, протекающей въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Если бы насъ спросили гдѣ желаете жить? мы бы отвѣчали въ Анапуръ; въ немъ люди не шумятъ, спокойны, воздухъ чистъ, природа волшебна и солнце кажется величественнѣе. Такихъ мѣстъ на Кавказѣ безчисленно много, такъ, что постоянного жительства избрать невозможно; на каждомъ шагѣ дивное произведеніе рукъ Божіихъ, отличается своимъ особеннымъ, изумительнымъ вкусомъ; кромѣ того разнообразіе Кавказской природы даетъ каждому кое-о-чемъ подумать и помѣчтать.

Въ трехъ верстахъ за Анапуромъ, при дорогѣ, расположенъ штабъ Линейнаго Батальона. Жилница выбѣлены, какъ на смотрѣ, алебастрой, которой здѣсь много. Зданія, вообще красивой архитектуры, обнесены каменною стѣною. Издали видъ штаба прекрасенъ, такъ что, можете признать его за какой нибудь чудесный, рыцарскій замокъ, воздвигнутый въ горахъ, и такъ превосходно описанный Лафонтеномъ; недостаетъ только зубчатыхъ башенъ и готическихкихъ шпильцовъ. Переправившись черезъ каменный мостъ штаба на другую сторону горъ, поднимаетесь постепенно по глинистому склону на вершину, конечную главнаго Кавказскаго ущелья, съ которой видите г. Душетъ, расположенный внизу на равнинѣ, омываемой рѣчкою. Городъ представляетъ свои красивые домики, древнее укрѣ-

плеще и каменный рынокъ. За городомъ разбѣгаются кругомъ зеленыя, волнообразныя возвышенія, съ разсыпными по отлогостямъ красивыми селеніями и фруктовыми, виноградными садами. Спускъ къ Душту хотя крутой, но удобный для экипажей.

Выѣхавъ изъ Душета, вы тотчасъ начинаете подниматься на горную долину, и потомъ постепенно спускаться 12 верстъ къ рѣкѣ Арагвѣ. Кавказское ущелье оставаясь вправо, глядитъ на васъ бѣлоснѣжными пиками. Спустившись къ рѣкѣ, слѣдуете по низменной пространной ложбинѣ, окаймленной линією глинистыхъ, холмистыхъ возвышеній и разсѣченной р. Арагвою. Здѣсь яркій лучъ солнца и холодный сѣверный вѣтеръ, въ одно время, охватываетъ васъ, и вы достигаете прелестнымъ мелкимъ лѣскомъ до с. Гартискара, которое расположено на возвышеніи и ясно видно за 10 верстъ. Да хранитъ васъ Господь! отдыхайте спокойно, мы последуемъ съ вами не на Мцхетъ, Тифлисъ, находящійся отсюда въ 26 верстахъ, а въ Имеретію. Ущелье развернувшись на нѣсколько десятковъ верстъ, радушно приглашаетъ васъ въ древнюю, знаменитую Колхиду! Ыдемъ и идемъ туда! «И такъ мы изложили путь и чувства, которыя овладѣваютъ путешественникомъ въ то время, когда Кавказъ находясь почти полгода въ снѣжномъ покровѣ сбрасывать его; на иной путь, другія впечатленія бываютъ, когда пробираетесь зимою.

Обратимся опять къ горцамъ живущимъ въ главномъ Кавказскомъ хребтѣ и къ г. Владыкавказу, и представимъ, по возможности, зимній путь по ущелью.

Г л а в а ІІІ.

Нельзя хулить ни какой вѣры, всякая
имѣетъ свое начало въ божественно-
сти, надъ которою владыка есть нашъ
же Спаенитель, Иисусъ Христосъ!....

Вообще жители главнаго Кавказскаго хребта состоятъ изъ двухъ главныхъ племенъ: Осетинскаго и Чеченскаго (*). Первое по наружности исповѣдуетъ Православную вѣру, другое Магометанскую, и наконецъ, третья часть ихъ есть Язычники. Нигдѣ, по всему Кавказу, Христіанская религія не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ во Владыкавказскомъ округѣ. Господствующее населеніе его, преимущественно простой народъ — исповѣдуетъ Христіанство, имѣя свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы. Аллагирцы, Куртатинцы, Челистинцы, Дигорцы и Джерахи почти всѣ Христіане; Тагаурцы и Назрановцы почти всѣ исповѣдуютъ Христа, однакожъ религія ихъ основана не въ настоящій соеръ: мужнины слабы вѣрою, женщины еще слабѣе; обычай, нигде не выходитъ изъ дома и непоказываться мужчиннамъ, заставляетъ ихъ не бывать даже въ церквахъ. Старшины держатся магометанства, а съ ними многія и изъ простаго народа; но эта религія сохраняется строже, особенно старшинами, по-

(*). Народы Осетинскаго племени, обитающіе на Сѣверной покатости Кавказскаго хребта, отъ Казбека внизъ по лѣвому берегу Терека, до равнинъ Кабарды, суть: Тагаурцы, Аллагирцы, Куртатинцы, и Дигорцы; Чеченскаго племени, живущіе по той же покатости, вдоль лѣваго берега Терека до Большой Кабарды и равнинъ Малой, суть: Джерахи, Кистины, Галган, Цари и Назрановцы или Ингуши. Языкъ послѣднихъ не понятенъ для Осетинъ и обратно. Но въ обычаяхъ и обрядахъ ихъ много сходства.

тому, что они имѣютъ средства и дозволеніе пользоваться многоженствомъ, а во вторыхъ, отъ худаго толкованія словъ: Христіанинъ и крестьянинъ; старшины полагаютъ, что принявъ православную вѣру, они лишатся достоинства и сравняются съ своими холопами. Такая причина удерживаетъ ихъ отъ перемѣны магометанства на Христіанство.

Чернь, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, ничего не теряющая, охотно склоняется на сторону той религіи, которая болѣе оказываетъ покровительства и менѣе требованій.

Язычества болѣе придерживаются: Кистины, Галган, Цари, часть Ингушъ;—некрещенныхъ; всѣ же остальные Ингуши, Осетины Христіанскаго исповѣданія; преимущественно въ горахъ живущіе, исполняютъ до сихъ поръ, множество самыхъ грубыхъ обрядовъ идолопоклонства.

Причиною такого смѣшенія религій можно полагать вліяніе на нихъ разнорѣчныхъ народовъ. Находясь въ срединѣ Кавказскаго хребта, они имѣли сношенія съ Закавказьемъ, что даю ходъ къ нимъ Христіанству отъ Грузинъ; съ Сѣвера же, отъ Кабардинцевъ, проникъ къ нимъ Исламизмъ. Туземцы, склоняясь, то подъ иго Грузинъ, то подъ власть Кабардинцевъ, принимали попеременно ученіе тѣхъ и другихъ, и наконецъ, перемѣшавъ всѣ понятія, остались при своемъ грубомъ невѣжествѣ. — Политика ихъ — общая всѣхъ слабыхъ, побѣжденных народовъ, принимала до времени формы побѣдителей и держалась упорно правилъ своихъ. Теперь, при нашей вѣротерпимости, при нашихъ усиліяхъ, сколь можно болѣе кроткими средствами образовать этихъ дикарей, туземцы худо понимая настоящую цѣль Правительства, сдѣлались въ отношеніи религіи ни то, ни сѣ: Мулла свободно кричитъ при колокольномъ звонѣ, Кистинской кумиръ Гальердъ покойно стоитъ въ старой, оставленной церкви царицы Тамары.

Странно и прискорбно видѣть такое смѣшеніе религій, и такое полное небреженіе ко всему святому, такъ напр: Осетинъ считается Христіаниномъ, а между тѣмъ, подъ разными предлогами и названіями, имѣетъ нѣсколько женъ, брѣетъ волосы, дѣлаетъ омовенія, обряды же церковныя при свадь-

бахъ, похоронахъ исполняютъ языческіе, приносятъ жертвы кумиру, никогда не ходитъ въ церковь, не знаетъ, что такое Иисусъ, и въ тоже время, почитаетъ Михаила Архангела, Пророка Ілію; семейство его слѣдуетъ тому же примѣру. Но и мусульмане не лучше Христіанъ, исповѣдая секту Сунни; не многіе изъ нихъ знаютъ предписанные обряды, еще меньшее число исполняетъ ихъ; кромѣ того и муллы, народъ не совсѣмъ толковой, и только имѣютъ то преимущество въ народномъ мнѣніи, что выбираются изъ среды ихъ самихъ.

Между тѣмъ, остатки большаго числа церквей въ ущельяхъ Кистинскомъ и Куртинскомъ, находимыя тамъ книги, сосуды, вещи и деньги, почитаніе язычниками Христіанскихъ Святыхъ и названія ихъ ясно доказываютъ, что жители этого округа были прежде Христіане, отступившіе отъ вѣры, при непрерывно перемѣнявшемся владычествѣ надъ ними: то Кабардинцевъ, то Грузинъ, и наконецъ Русскихъ; пользуясь такими переходами горцы опять обратились къ своимъ кумирамъ. - Такъ Ингуши, выходцы Кистинцевъ, въ 1810 году, при вступленіи въ подданство Россіи, были опять язычники и клялись въ вѣрности, почитаемымъ ими за святыню-кумиромъ Гальердъ, и въ условіи заключенномъ съ Русскими, прибавили статью: что обрядъ идолопоклонства остается при нихъ неприкосновеннымъ; тогда какъ, преданія горцевъ и приведенныя памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣкогда они были Христіанами. Съ 1820хъ годовъ, Русскіе миссіонеры начали обращать Ингушъ въ Христіанство, и безъ большихъ усилій, привели въ православіе двѣ трети народонаселенія. - Ингуши соглашались быть Христіанами, но и теперь ихъ можно скорѣе назвать язычниками, ибо они ходятъ на поклоненіе кумиру Гальерду, и приносятъ ему жертвы.

Таково религіозное состояніе жителей Владыкавказскаго округа; всѣ племена его вѣрятъ въ Бога, въ будущую жизнь рай и ада, въ Святыхъ, которые у самыхъ язычниковъ носятъ Христіанскія названія, и кромѣ того почитаютъ нѣкоторыя мѣста Святыми. - Богъ по Осетински Хцау, по Ингушски Деамме, - всемогущъ; отъ него протекаетъ

все хорошее и худое. Рай по Осетински Дзенсть, по Ингушски Агареть. - Горцы вѣрують, что въ будущей жизни, просвѣщенные получаютъ достойное награжденіе за добрую жизнь въ этомъ свѣтѣ, что соединясь всѣ въ одно семейство, будутъ наслаждаться многоженствомъ, гуляньемъ въ хорошихъ садахъ и хорошею пищею; что убитый протнѣзъ не-пріятеля поступитъ прямо въ рай, а враги его будутъ ему прислуживать; что наконецъ убитый, пользуется завиднымъ правомъ, выбирать кого либо-изъ родственниковъ своихъ въ товарищи себѣ въ рай, и потому объ убитомъ, родственники не плачутъ, а напротивъ радуются.

Адъ, по Осетински Зенъ - Донъ, по Ингушски Джіоджагеть; горцы представляютъ себѣ его большимъ огненнымъ озеромъ, въ которомъ грѣшники будутъ мучиться. Самое слово Зенъ - донъ, въ буквальномъ смыслѣ значить: трудная вода. Но понятіе о мукахъ и наказаніяхъ не очень опредѣлительны; многіе смертныя грѣхи, какъ напримѣръ: крово-мщеніе, почитается у горца добродѣтелью, а убить человека не - врага почитается грѣхомъ. Украсть и быть обличеннымъ въ воровствѣ считается грѣхомъ, а украсть молодецки считается за славу.

Понятіе горцевъ о будущей жизни разнообразны, но болѣе, что они будутъ жить вѣчно въ раю, и каждое семейство непременно соединиться и тѣломъ и душою, въ томъ самомъ видѣ, какъ было на этомъ свѣтѣ; для сего на кладбищахъ, членовъ одного семейства хоронятъ вмѣстѣ; гдѣ бы кто ни умеръ его стараются привезти на свое кладбище и похоронить гдѣ слѣдуетъ, чтобъ не разразнивать на томъ свѣтѣ.

Нерѣдко жена послѣ смерти мужа, возвращается къ своимъ родителямъ; но когда она умретъ, родные мужа требуютъ ея тѣла, чтобъ похоронить около мужа; по ихъ мнѣнію, если разъ заплаченъ за жену калымъ, то она остается рабою мужа и на томъ свѣтѣ.

О сотвореніи міра, горцы рѣшительно не имѣють никакого понятія; сколько мы ни старались спрашивать ихъ объ этомъ, получали почти одинъ отвѣтъ: мы живемъ, отцы на-

ши жили, у насъ довольно хлѣба, всякаго скота, и у нихъ было тоже, и такъ у всѣхъ до насъ жившихъ. На слишкомъ сильную метафизику, они отвѣчали презрительнымъ «Хаць,» (не знаю) съ качаньемъ головы; впрочемъ у нихъ, есть названія первыхъ двухъ людей: Адама и Евы, Адамъ—Аме.

Горцы вѣрятъ въ существованіе ангеловъ—помощниковъ Божіихъ на землѣ, также, въ добрыхъ и злыхъ духовъ. По ихъ понятіямъ, въ каждомъ мѣстѣ существуетъ злой духъ, который старается напроказить людямъ; въ иныхъ мѣстахъ являются по почамъ тѣни, въ другихъ злой духъ забавляется зажиганіемъ сѣна или, переноскою его съ мѣста на мѣсто. Многіе не шутя увѣряютъ, что видѣли духа, и рассказываютъ объ этомъ подробныя исторіи. «Бѣхалъ я разъ Кубанскимъ лѣсомъ, говорилъ намъ одинъ старикъ, смотрю на верхъ а тамъ, на одномъ сучкѣ, сидитъ кто-то поджавъ ноги по Грузински, глядя на меня шипитъ и дразнить языкомъ. Я подумалъ про себя: вѣрно это нечистой духъ и проѣхалъ мимо; потомъ, ударивъ плѣтью лошадь, сказалъ: надо бѣжать, и духъ мнѣ отвѣтилъ: надо бѣжать; тогда я поскакалъ и началъ плевать, и онъ мнѣ тоже плевалъ въ слѣдъ.

Святые, почитаемые всѣми горцами, безъ исключенія, большею частию есть Христіанскіе; праздники тоже совпадаютъ съ ними; къ числу такихъ святыхъ принадлежитъ: Михаилъ Архангелъ, почитаемый даже вѣрными идолопоклонниками—Галгаями. Пророкъ Ілія въ уваженіи у всѣхъ; онъ считается покровителемъ скотоводства и земледѣлія: вездѣ ему воздаютъ особыя почести, празднуютъ день его и приносятъ жертвы. Въ честь Святаго Матѣя, у Кистинновъ, называется гора его именемъ. Святой Георгій Побѣдоносецъ почитается покровителемъ путешествующихъ по всѣмъ дорогамъ; ему молятся и приносятъ жертвы, особенно отправляясь на войну, въ набѣгъ или въ дорогу. — Святая Марія почитается у всѣхъ покровительницею супружескаго благополучія и плодородія: ей молятся и приносятъ жертвы послѣ всякаго разрѣшенія отъ бремени. - Въ честь Божіей Матери у Осетинъ,

есть мужеское имя Майрамъ (Марій) и названа пятница Майрамъ - бонъ (Марьянъ день). Кромъ того, у всѣхъ есть свои языческіе угодики и священныя мѣста: ихъ очень много; онѣ большіею частію находятся въ почитаніи только у одного племени, даже одного аула, другими же не уважаются; не многіе имѣютъ честь быть извѣстными на дальнее разстояніе.

Такіе святыя — у Осетинъ: Хцау-дзуаръ, Фридъ-дзуаръ: святое мѣсто Цомадикавзадъ, и у Ингушъ-Гунмале. — Всѣмъ вообще Святымъ назначены праздники и приношенія въ разное время года. (*)

Празднества, дѣлаемыя у всѣхъ горцевъ безъ исключенія, бывають: Новый годъ. Осетины празднуютъ его въ одинъ день съ нами; Ингуши, Кистины, Галган, тремя днями ранѣе нашего; у нихъ дѣлаются наканунѣ праздника гаданія. — С. Троицу большою частію празднуютъ одни Осетины. — День Пророка Иліи празднуютъ Осетины всѣхъ племенъ, также Ингуши съ соплеменными обществами; только у Осетинъ, передъ этимъ праздникомъ дѣлается гаданье, которое пользуется извѣстностью у Кабардинцевъ и Чеченцовъ.

Праздникъ святому дѣлается разъ въ годъ, и рѣдко болѣе одного дня; ему приносятъ жертвы, а простые люди, по обѣщанію, дѣлають при этомъ скачку, стрѣляютъ, пьютъ и ѣдятъ. — Для принесенія жертвъ и для молитвъ, выбираютъ одну изъ горъ окружающихъ аулъ, которая по большой части получаетъ названіе того святаго, которому жертвы на ней приносятъ. Вообще возвышеніе выбирается для того, чтобъ молитвы просящихъ скорѣе доходили къ кому относятся; на горѣ устроивается изъ камня жертвенникъ, иногда капнище, куда съ дарами, для молитвъ, собираются въ назначенный день. Каждое семейство приготовляетъ у себя въ домѣ, что ни есть лучшаго: варить пиво, ⁴раку (просная водка), лоби (фасоль), печеть чурекъ (просной, прѣсной хлѣбъ), жарить баранину, говядину и т. д. Въ день праздника, все пригото-

(*) За эти замѣчанія, мы очень благодарны академику Шегреню.

ленное возносить на гору, перемывивают и составляют общую трапезу. — Иные дѣлають жертвы по обычаю, и приносятъ ихъ въ день праздника на гору. Приношенія эти состоятъ изъ денегъ, сосудовъ мѣдныхъ или серебряныхъ, нарочно для святаго отлитыхъ, и другія вещи, — кто что обѣщаль; онѣ оставляются всегда при жертвенникѣ, а если въ скалѣ есть пещера, то въ ней, и считаются неприкосновенными. Множество повѣрій существуетъ въ народѣ на счетъ святости подобныхъ мѣстъ, куда ни кто не смѣетъ входить, развѣ въ день праздничный; въ противномъ случаѣ, рѣшившійся нарушить законъ — обычай, по мнѣнію народа, умереть или ослѣпнеть, или ротъ у него скривится. Такое невѣжественное понятіе и выгоды жрецовъ этихъ таинствъ укореняють предрасудки. Когда соберутся жители, каждый съ своимъ приношеніемъ, тогда старикъ, облеченный въ званіе жреца, подходитъ къ жертвеннику и начинаетъ читать молитвы, обыкновенный смыслъ ихъ бываетъ такого рода: сперва обращаются къ святому, котораго празднуютъ, прося его о защитѣ и покровительствѣ; потомъ просятъ Илію Пророка о покровительствѣ стадъ, святаго Георгія объ успѣхѣ предпринимаемой дороги, пабѣга или воровства, молятъ объ удачномъ исполненіи предпріятія, молятъ также, чтобы оно было вредно непріятелю, а если онѣ пріѣдетъ съ тою же цѣлью для просьбы, то, чтобы молитва его не имѣла успѣха, и чтобы его можно было поймать во-время. Въ заключеніе молитвы, обращаются къ Богу о ниспосланіи всѣхъ благъ на землю ихъ, и всѣхъ золъ на землю враговъ. По окончаніи молитвы, съ разрѣшенія жреца, начинаютъ ѣсть и пить принесенное, плясать, веселиться и непременно стрѣлять: стрѣльба есть необходимая принадлежность всякаго сборища. — Веселости эти продолжаются до глубокой ночи. — Таковъ, большѣю частию, общій видъ всѣхъ горскихъ праздниковъ; немногіе измѣняются въ разныхъ мѣлочахъ; измѣненія эти видны далѣе.

Праздникъ новаго года, по Осетински Нокъ — бонъ (новый день). Всѣ Осетины празднуютъ этотъ день съ одинаковымъ

торжествомъ. Наканунъ новаго года, мальчики раскладывают огонь и поддерживаютъ его до новаго года, взрослые стрѣляютъ цѣлую ночь и утро. Потомъ ходятъ другъ къ другу съ поздравленіемъ: всякій поздравляющій, приноситъ полную пригоршню соломы или щепокъ и бросая ихъ на огонь, желаетъ, чтобы у хозяина было такъ полно въ домъ цѣлый годъ, какъ у него были полны руки. Послѣ того начинаются взаимныя угощенія. Обычай требуетъ, чтобы всѣ перебивали другъ у друга съ поздравленіемъ и были бы угощены, что ни есть лучшимъ: для сего въ каждомъ домъ, недѣль за шесть, начинаютъ откармливать барана для праздника.

На другой день, мальчики ходятъ по домамъ и поютъ пѣсни, въ которыхъ поздравляя хозяина съ новымъ годомъ, желаютъ ему, чтобы онъ застрѣлилъ на охотѣ оленя, жена бы, его родила сына, чтобы въ домъ было во всемъ изобиліе, и потомъ: за труды свои просятъ награды, имъ обыкновенно даютъ пироги или бублики. Гдѣ хозяйка покусится и ничего не дастъ, тамъ мальчики зятягиваютъ новую пѣснь, отмѣняющую прежнія желанія и укоряющую хозяйку въ скупости. Наконецъ, въ день новаго года, у (Осетинъ и всѣхъ горцевъ, остался Израильскій обычай, дѣлать надверяхъ каждаго дома кресты кровью барана.

Ингуши, Кистинцы и Галган, для празднованія новаго года собираются въ горы, и тамъ приносятъ жертвы Гальерду, который не имѣетъ никакого олицетворенія, считается духомъ, но въ честь его посвящены церкви и часовни, оставшіяся отъ Христіанства, выстроены новыя капища, куда въ этотъ день они собираются, приносятъ всякія жертвы, преимущественно вновь отлитыя пули и зажигаютъ свѣчи. Приношенія остаются въ капищѣ, веселье же и пиръ идутъ обыкновеннымъ порядкомъ. Наканунъ новаго года, избранные Кистинцы и другіе люди, почитаемые за одаренныхъ даромъ предвѣденія, отправляются съ вечера въ одно изъ капищъ, и тамъ, лежа на брюхѣ, остаются цѣлую ночь въ такомъ положеніи, прислушиваясь къ землѣ. Утромъ, гадатель выхо-

дя изъ капища, объявляетъ народу то, что слышалъ: худое или хорошее для наступающаго года; въ это время многіе прїѣзжаютъ изъ горъ, чтобы слушать предсказанія.

Праздникъ Тройца, по Осетински Карда—хасапъ (сборъ травъ) празднуется только ими. Галгаевцы собираются въ капища Гальерда и празднуютъ обыкновеннымъ порядкомъ. Осетины безъ исключенія почитаютъ Тройцу; но съ особеннымъ великолѣпьемъ празднуется она въ аулахъ ущелія Салебанъ, между прозвищами князей Етеновыхъ и Кундуховыхъ. Гора, гдѣ приносятъ жертвы, называется Рекомъ. Жрецъ выбирается, по очереди, изъ почетныхъ стариковъ аула; обрядъ исполняется какъ уже сказано. Въ этотъ же день, во всѣхъ Осетинскихъ аулахъ, отдѣляютъ куски яствъ отъ приготовленныхъ жертвъ и кладутъ ихъ на дерево, посвященное Тройцы или Карда - хасапъ.

Праздникъ С. Иліи соблюдается всѣми горцами. Главное празднество его у Тагаурцевъ, въ аулѣ Какадуръ; тамъ посвящена его памяти гора, на которой живетъ жрецъ Дзуаръ - Лагъ или образъ - человекъ, въ перепосномъ: Святой человекъ — распорядитель Святаго Иліи и, выбирается изъ почетныхъ стариковъ одной фамиліи. Ему предоставлено право получать подарки въ день праздника, ходить въ бѣломъ одѣяніи, гадать, приносить жертвы и наконецъ, онъ только одинъ можетъ всходить на святую гору. Праздникъ С. Иліи, слѣдуетъ чрезъ двѣ недѣли послѣ С. Тройцы; жертвенникъ на горѣ устроенъ въ пещерѣ, тамъ хранятся всѣ жертвоприношеніе и священная чаша. За три дня предъ праздникомъ, Дзуаръ - Лагъ готовится къ совершенію таинствъ и гаданья и, чтобъ чище явиться передъ Святымъ, онъ три дня омывается молокомъ, потомъ одѣвается въ бѣлое платье, и взявъ съ собою пива, нарочно для праздника приготовленнаго, идетъ вечеромъ съ нимъ на гору. Придя къ жертвеннику, Дзуаръ - Лагъ наливаетъ пиво въ священную чашу и поставя на самой вершинѣ горы, ложится около чаши спать на цѣлую ночь.

По мнѣнію горцевъ, въ эту ночь, Ваццла или С. Илія, спу-

скается съ неба и опрокидываетъ чашу. По утру, Дзуарь-Лагъ, смотритъ въ которую сторону пролито пиво, и соображаясь съ нимъ, дѣлаетъ свои предсказанія объ урожаѣ и благополучіи текущаго года; если напримѣръ, пиво пролито къ горамъ, то урожай будетъ хорошій у Осетинъ, если къ Кабардѣ или Чечнѣ, то урожай будетъ тамъ. Гадатель спускается съ горы, и въ награду, за хорошее предсказаніе, получаетъ подарки мясомъ, хлѣбомъ и вещами; кто что можетъ, то и даетъ ему. Обрядъ праздника одинаковъ съ описаннымъ, но жертвы не вносятся на гору, и во время молитвы Дзуарь — Лага, народъ стоитъ въ почтительномъ отдаленіи у подошвы горы; потомъ всякій ѣстъ то, что приготовилъ, а не изъ общей трапезы; подъ конецъ веселятся сообразно хорошимъ или дурнымъ предсказаніямъ.

Дзуарь-Лагъ занимается гаданіемъ другаго рода. Если кто заболѣетъ, то приглашаютъ его погадать и открыть настоящую причину болѣзни. Гаданье производится посредствомъ четырехъ палочекъ, длиною около полуаршина, положенныхъ на столъ и покрытыхъ овчиною или кожею. Надъ ними Дзуарь — Лагъ читаетъ молитвы и заклинанія, чтобы открылась тайна, и при обращеніи къ вопросамъ къ С. Или, приподниманія палочекъ, истина развѣстается: больной признается, что въ праздникъ Или не принесъ лучшей жертвы, не исполнилъ обѣщанія или несварилъ пива. Слѣдуетъ новая молитва къ святому, съ обѣщаніемъ принести ему новыя жертвы? Согласіе слѣдуетъ за вопросомъ, и въ знакъ его, правая пара палочекъ начинаетъ приподниматься и ставъ на одной высотѣ съ лѣвою, соединяется съ нею. Тѣмъ гаданье кончается. Дзуарь — Лагъ получаетъ подарки, Вацла новыя жертвы, а больной, если выздоровѣетъ, то хорошо ему; если же умретъ, значить, что онъ вновь прогнѣвалъ святаго и самъ виноватъ.

Вотъ главные обряды и праздники у Осетинъ и Ингушей. Къ второстепеннымъ принадлежатъ мѣстные, которые имѣетъ каждый аулъ, самъ по себѣ. Нѣкоторые праздники соединяются съ поминками по усопшемъ; таковъ общій у всѣхъ

Гаусъ — гананъ, дѣлаемый на третьей недѣлѣ Великаго Поста. Наконецъ есть у горцевъ святыя мѣста, куда ходятъ на поклоненіе, и гдѣ, при большомъ стеченіи народа, дѣлаются праздники. Такова у Тагаурцевъ пещера Фарнегадагъ (благодатный оврагъ, благодатная пещера); въ ней собираются, вовремя засухи, въ ущелин Санебанскомъ бабы, дѣвки, для моленій и совершенія жертвъ, испрашивающихъ дождя. Тутъ, хранятся въ сундукѣ кости неизвѣстно кого: ихъ при засухѣ, мочать женщины въ рѣчкѣ около протекающей и, потомъ кладутъ на свое мѣсто; повѣрка утверждаетъ, что послѣ такого обряда, всегда выпадалъ желанный дождь.

Такія мѣста у Ингушъ, Кистинъ и Галгаевъ пользуются большимъ уваженіемъ, особенно около Назрана; тамъ принадлежа древнему народу Нарту, онѣ сохранялись, по преданію, 2000 лѣтъ, но съ приходомъ Русскихъ стали портиться. Надъ ними выстроена каменная будочка, Ингуши покрываютъ кости полотномъ, въ знакъ того, что они еще не разуверились въ ихъ святости.

Нѣкоторые лѣса и рощи посвящены святымъ. Замѣчательно, что такіе заповѣдныя рощи находятся въ мѣстахъ безлѣсныхъ, гдѣ дрова достаются съ трудомъ. Лѣса эти неприкосновенны, ихъ можно рубить только тогда, когда готовясь праздновать имя святаго, пужно варить пиво. Самый замѣчательный лѣсокъ находится въ Тагаурскомъ ущелин, въ долину Савадагъ (черный оврагъ), при рѣчкѣ. Этотъ орѣховой лѣсокъ дѣйствительно, какъ бы не - значай забѣжалъ на средину безлѣснаго пространства и называется Кастажи — кохъ (группа - кхета). Преданіе у туземцевъ есть, что онъ, для защиты всадника Кхета, перенесся изъ большаго орѣховаго лѣса; — отъ того лѣсокъ и названъ сто именемъ, сверхъ того получилъ священныя права: его не смѣютъ рубить, съ него не собираютъ плодовъ, а кто преступитъ законъ, тотъ говорятъ ослѣпнетъ. Если удастся горцу убить въ этомъ лѣсу звѣря, то онъ долженъ туда собрать тотчасъ всѣхъ жителей одного съ нимъ аула, и тамъ же, всѣмъ обществомъ, звѣря скушать — если онъ только съѣдобный; въ противномъ слу-

чаѣ, бросить его. Словомъ, выносить изъ лѣса ничего не-
позволяется, подѣ опасеніемъ смерти и слѣноты. Мѣра весь-
ма благоразумная, иначе нельзя было бы предохрапнть лѣ-
сокъ отъ своевольнаго истребленія.

Въ старину, подобные лѣса, пользовались правомъ давать
убѣжище и защиту; но теперь Русскіе законы извлекаютъ
оттуда виновнаго, не смотря на мнимую святость лѣса; впро-
чемъ и доселѣ лѣсъ для всякаго Черкеса есть надежнѣйшій
и любимый притонъ.

Обряды религіозные такъ перепутаны въ понятіяхъ Осе-
тинъ и сосѣдей ихъ, что Христіане и магометане одинаково
съ язычниками, вѣрятъ могуществу языческихъ кумировъ;
последніе же, не понимая чествуютъ Христіанскихъ свя-
тыхъ. Обряды свадебъ, похоронъ, поминковъ, еще болѣе обезо-
бражены. Тутъ независимо отъ обрядовъ настоящей Христіан-
ской и магометанской вѣры, народъ исполняетъ свой прежшій
обычай; безъ этаго свадьба не въ свадьбу, поминка не въ
поминку.

Обрядъ всѣхъ горцевъ, при рожденіи младенца, самой
простой; но только, чѣмъ богаче и сильнѣе человѣкъ, которому
жена даритъ сына, тѣмъ значительнѣе бываеъ у него сбо-
рище и пышнѣе готовится угощеніе. До разрѣше-
дія родильницы, въ домъ ея собираются всѣ родные и знако-
мые ея и мужа; мужчины, молодые парни и мальчики въ
одномъ отдѣленіи, женщины, только замужнія и старухи въ
другомъ; каждая изъ нихъ несетъ родильницѣ три масля-
ныхъ пирога: — обычай требуетъ, чтобы мальчики вы-
рывали изъ рукъ пироги, и женщины бы не гнѣвались
за такую вольность. Когда мать почувствуетъ прибли-
женіе родовъ, тогда ближайшія родственницы выводятъ ея
въ особую комнату. При разрѣшеніи отъ бремени, мужъ
и другіе родственники не присутствуютъ, не изъ приличія,
а потому, что родственныя чувства горцамъ неизвѣстны.
Если родится дочь, то собраніе, повѣся голову, поглядывая
на приготовленныя угощенія, можетъ удалиться, потому что
отецъ груститъ, и не хочетъ праздновать рожденія дочери:

дочь у горца ни во - что ставится. — Неблагодарные! кто же приносить имъ калымъ! кто же трудиться и работаетъ мужу во всю жизнь, какъ не женщина.

Когда же родится сынъ, особенно первенецъ, угощенію нѣтъ конца; тотчасъ, по полученіи объ этомъ извѣстія, всѣ бросаются поздравлять отца и родственниковъ его присутствующихъ и отсутствующихъ. Не думайте, чтобы такая радость была истинная. Нѣтъ, Черкесскій народъ ничего даромъ не дѣлаетъ. Въ поздравленіяхъ подарки играютъ важную роль; у Осетинъ, отецъ новорожденного долженъ подарить что нибудь тому, кто первый поздравить, да еще, кому онъ самъ вздумаетъ; тоже самос дѣлаютъ и его родственники. Обыкновенно дарятъ оружіемъ, платьемъ, баранами, и друг.

По окончаніи поздравленія, начинается угощеніе. Въ хорошую погоду, гости усаживаются на дворъ или на улицѣ, около стѣнокъ домовъ; въ дурную погоду въ сакль; тутъ начинаютъ пить раку, бузу — балъ (брага на медовой водѣ), пиво, ѣсть говядину, баранину, и опять снова. Женщины не сходятся съ мужчинами — обычай запрещаетъ. Всякой самъ себя угощаетъ безъ просьбы хозяина, черпаетъ изъ котла водку, беретъ руками съ доски наръзанную говядину. Устаршихъ и богатыхъ людей, бываютъ скачки, сопровождаемыя подарками побѣдителю.

Ни одинъ горецъ не знаетъ сколько ему лѣтъ и эпохи своего рожденія; развѣ мать припомнитъ какое нибудь обстоятельство, сопровождавшее его явленіе. Такъ напримѣръ, она говоритъ: Тассо родился, когда Русскіе ходили въ первый разъ въ Грузію. Горцы не празднуютъ дня своего рожденія, Христіане изъ нихъ дня Ангела; въ жизни горца есть только три праздника, собственно для него дѣлаемые: въ первое появленіе его на свѣтъ, при женитьбѣ и похоронахъ.

Въ день рожденія младенца, ему даютъ имя языческое, хотя бы онъ былъ Христіанинъ или магометанинъ, и какъ нарочно, даютъ имена болѣе звѣринныя или, принадлежащія всякой дряни, напр. Сау — Куць (черная собака), Гамушь (буйволъ) и др. Имя младенцу даетъ одинъ изъ почетныхъ родственниковъ -

стариковъ, кто первый подойдетъ къ люлькѣ. Русскія имена, названія, они передѣлываютъ на свой языкъ и понятіе, такъ что Петра называютъ по своему Таезорити, Думбай; Моисея - Мистулъ. и т. п.

Крестины дѣлаются на дому, если священникъ самъ придетъ къ нимъ, иначе ребенка спрячутъ или будутъ увѣрять, что онъ крещенъ. Обрѣзаніе дѣлается строже и добровольнѣе, ибо мушлы распустили слухъ, что необрѣзанные будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы. На третій день приходятъ опять съ поздравленіемъ и приносятъ пули въ подарокъ, которыя мать кладетъ въ люльку къ младенцу, какъ бы провозглашая будущіе его военные подвиги. Бабка, принявшая младенца, получаетъ незначительные подарки и считается въ семействѣ уже родною. У Ингушъ, она считается кормилицею, и пользуется одинаковымъ уваженіемъ младенца, какъ мать его.

Каждый Осетинъ, не смотря на Христіанство, слѣдуетъ многоженству, и если въ состояніи прокормить, имѣетъ двухъ, трехъ женъ. Основаніемъ всякаго супружества ссть калымъ или покупка у отца дочери; иногда калымъ платится исподволь, а иногда и тотчасъ. Вообще, при окончательной заплать его, дѣлается въ честь молодыхъ родителями блистательный праздникъ для родныхъ и друзей.

Калымъ существовалъ всегда — но разнo; бывалъ больше или меньше: прежде за дочь старшины платили 100 коровъ, пылъ 30тъ, или деньгами 300 р. сер; - за дочь форсалака или однодворца, платятъ 15тъ коровъ, Ингуши же 18тъ. Теперь больше платятъ деньгами, но немущіе ихъ: вещами, скотомъ и даже оружіемъ. Каждый Осетинъ имѣетъ одну законную жену, другія купленныя дешевле 70 до 120 руб. сер. или плѣнницы, взятыя у хозяина, считаются у мужа работницами, съ тѣмъ, что дѣти прижитыя съ ними, остаются въ полной власти отца и называясь кавдасардами, составляютъ часто особое племя. Отецъ можетъ ихъ продавать, дарить, закладывать; дочерей же выдавать за мужъ и брать калымъ. Такая мѣра ведется между Осетинскими старшинами - они соб-

ственнымъ иждивеніемъ увеличиваютъ число рабочихъ и семейство. - Многіе, будучи не въ состояніи имѣть двухъ, трехъ женъ, покупаютъ жену, такъ сказать подставную, дарящую мужа сыномъ и крестьяниномъ. Вообще Осетины увѣрены, что всякая женщина принятая въ домъ, даже паломницею, удостоивается большой чести: она поступаетъ въ работницы, а дѣти ея въ кавдасарды. Всякая жена, неравнаго происхожденія, поступаетъ въ жены на время; ее обусловливаютъ, что если окажется неспособною, то могутъ отослать назадъ, а дѣтей ея оставить въ услуженіи. Это величайшая жестокость.

Прежде, по обычаю, женили рано: сынъ 8 лѣтъ былъ женатъ. Наше Правительство выводитъ это между Христіанами, и теперь могутъ жениться богатые юноши, лѣтъ 14ти, но между бѣдными есть много взрослыхъ холостяковъ, имъ не чѣмъ заплатить большой калымъ за невѣсту. Равенство брака соблюдается строго: старшина не выдаетъ своей дочери за форсалака (дворянина), если же самъ женится на его дочери, то дѣти получаютъ названіе кавдасардовъ а жена считается незаконною. Получаемый калымъ за невѣсту сопровождается угощеніями.

Въ день свадьбы, гости собираются отдѣльно у жениха и невѣсты — ихъ угощаютъ. Христіане и магометане исполняютъ свои обряды: они заключаются въ томъ, что женихъ выбираетъ изъ гостей человѣкъ 10, 20 и 30 въ должность дружекъ и ѣдетъ ими къ дому невѣсты, показывая видъ будто намѣренъ украсть ее; въ это же время, у невѣсты собираются ея родственницы. Родители нарядивъ ее передаютъ посаженному отцу, а родственники берутъ у дружекъ, что имъ понравится изъ платья и изъ оружія, — эти вещи, служатъ прибавкой къ калыму жениха. Теперь такой грабежъ дѣлается только на знатныхъ свадьбахъ.

За тѣмъ невѣсту сажаютъ на арбу или верхомъ за посаженнымъ отцемъ и везутъ въ аулъ къ дому жениха, но вводятъ въ домъ къ его сосѣду, который поступаетъ въ распоряженіе молодого. Приличіе требуетъ, чтобы молодые не жили вмѣстѣ а розно, и видѣлись бы украдкою до 3хъ мѣ-

сѣцевъ, чтобы никто изъ старыхъ людей не зналъ о ихъ свиданіяхъ, ибо у горцевъ считается порокомъ, безчестіемъ видѣть вмѣстѣ молодыхъ. Спрашивать у него женатъ ли онъ, или про жену его — значить его обидѣть. Къ этому только привыкли, бывающіе въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими.

Но у всѣхъ существуетъ обычай, зашивать дѣвушекъ въ корсеты съ 8 лѣтъ; этому держутся болѣе старшины. Молодой мужъ, долженъ въ первую ночь, разрѣзать этотъ корсетъ кинжаломъ, а еще будетъ удалѣе, когда разошьетъ его руками, не порвавъ нитки. Но горскія женщины не носятъ корсетовъ, и отъ такой свободы, послѣ долгаго сжатія членовъ, или же отъ работы, онѣ скоро старѣются: въ 20 и 25 лѣтъ, женщина со всѣмъ обрюзгла, лице ее покрыто множествомъ морщинъ, груди отвисли къ поясу, животъ ниже опущенъ; но это считается у горцевъ красотою, нераздѣльною съ дородствомъ всякой дѣвушки или женщины.

Въ оба дня, т. е. въ день отдачи калыма и свадьбы, къ невѣстѣ собираются ея подруги, пѣть свадебную пѣсню воротай и веселиться. Веселье тѣмъ привлекательнѣе для дѣвицъ, что въ тоже время приходятъ и молодые парни, которые подъ конецъ праздника, какъ бы не-взначай, перемѣниваются съ нѣжнымъ поломъ. Тутъ рѣшаются всѣ любовныя дѣла между молодыми людьми, тутъ видятся будущіе супруги, и наконецъ, случаются даже любовныя шашни. Но плохое житіе горскимъ лавеласамъ: оскорбленный мужъ или отецъ, немедленно наказываютъ смертью обоихъ преступковъ. — Такая строгость распространяется однакоже только на замужнихъ, за порочную дѣвушку платятъ штрафъ, деньгами или вещами, по условію съ ея родителями.

Свадьба на кавдасардкахъ дѣлается безъ всякой церемоніи: жена переходитъ просто изъ одного дома въ другой. По коренному обычаю жениться можно во всякое время, по Христіане женятся въ положенное ими, а магометане не женятся только въ Февраль.

Приличіе требуетъ, чтобы новобрачные, провели не менѣе трехъ дней у сосѣдей; — богатые, или имѣющіе большія

семейства проводить у сосѣдей два, три мѣсяца; бѣдные же безъ большаго семейства проводятъ менѣе времени.

На третій день свадьбы, сосѣди, у которыхъ проживали молодые и ихъ родители, дѣлаютъ пиръ для ихъ всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и друзей; при этомъ случаѣ молодая отдариваетъ друзей мужа за ихъ услугу, разными вещами своего рукодѣлія. Послѣ пира, если молодые не хотятъ и не могутъ соблюдать приличія, переходятъ отъ сосѣдей подъ кровъ родительской.

Молодець можетъ украсть невѣсту, это считается похвалою и удальствомъ; тогда онъ уже не платитъ калыма или меньше положеннаго; но такая операція должна производиться съ крайнею осторожностію, искусствомъ, по согласію съ невѣстой; въ противномъ случаѣ, если поймутъ на мѣстѣ преступленія, то Парисъ жестоко платитъ своими боками, а иногда и жизнию.

У Ингушъ, Кистинъ, Галгаевъ, соблюдаются тѣже правила на счетъ калыма и его торжественной уплаты: у нихъ всѣ между собою равны, и потому неравенство брака не существуетъ, развѣ только кто женился на своей племянницѣ.

Свадебный обрядъ у Ингушей сходенъ съ Осетинскимъ; Галгаевцы и Кистинцы исполняютъ по идолопоклонству. Въ назначенный день, у нихъ собираются къ родителямъ невѣсты всѣ родные и знакомые обѣихъ сторонъ. Послѣ угощенія, одинъ изъ хорошихъ пріятелей жениха, требуетъ, чтобы къ нему вывели невѣсту. Ее выводятъ женщины, всю закрытую съ головы до ногъ платкомъ или покрываломъ. Уполномоченный шаферъ беретъ невѣсту за руку и выводитъ на средину комнаты, къ котлу, который по горскому обычаю виситъ на цѣпи, по срединѣ главной комнаты, подъ нимъ почти постоянно разложенъ огонь, какъ для приготовленія пищи такъ и для того, что предъ нимъ грѣются и гости и хозяйка. Подведя къ котлу, шаферъ беретъ рукою за цѣпь и начинаетъ говорить рѣчь, въ родѣ желанія благополучія молодымъ, потомъ обходить съ невѣстою три раза вокругъ огня, и ударивъ рукою по цѣпи, въ знакъ прощанія ее съ роди-

тельскимъ домоу, выводить изъ сакли и ведетъ въ сосѣдній домъ жениху. Во время этаго путешествія, для шафера настаетъ самая трудная обязанность: всѣ присутствующіе при обрядѣ поднимаются провожать его побоями и колотушками по головѣ и спинѣ, иногда до крози, вплоть до того мѣста, гдѣ молодая поступаетъ къ жениху. Въ награду за такое самопожертвованіе, шаферъ получаетъ право роднаго, и молодая не стыдится быть предъ нимъ, и даже вступать въ разговоры. Женихъ въ продолженіе всего обряда не присутствуетъ, а сидитъ у знакомыхъ въ сосѣдней саклѣ, невѣсту принимаютъ въ домъ безъ него. И здѣсь соблюдается тотъ же порядокъ, что молодой долженъ прожить нѣсколько дней съ своею половиною въ чужомъ домѣ, и потомъ навѣщать ее украдкою отъ стариковъ, которые, какъ и вездѣ бываютъ, самые неумолимые судьи.

Причинъ на супружескій разводъ много: лишь только не надобна жена мужу, онъ можетъ прогнать ее къ роднымъ, не спрашивая на то, ни чьего согласія, ни позволенія. Супруги у однихъ народовъ дѣлятъ свое имѣніе, у другихъ, жена уходитъ чуть не голая - обычай у горцевъ разнообразны. Если же мужъ прогоняетъ отъ себя жену, то онъ не получаетъ назадъ своего калыма, а обязанъ давать ей содержаніе, каждый годъ: одно платье, одни шальвары, двѣ пары чавекъ (башмаковъ) и два платка; дѣти остаются при отцѣ или при матери, это зависитъ отъ условія; но въ последнемъ случаѣ, отецъ обязанъ отпускать ежегодно сумму на содержаніе дѣтей, 12 р. сер. въ годъ, на каждого ребенка, не включая и груднаго.

Самое большое уваженіе оказываютъ горцы покойникамъ. Кромѣ пировъ и поминокъ, дѣлаемыхъ при похоронахъ въ честь покойныхъ учреждены праздники, ежегодныя и еженедѣльные поминки и скачки, сопровождаемыя раздачею вещей его, и наконецъ ему сочиняются похвальные пѣсни.

Такое уваженіе, особенно поминки, разоряютъ одинаково и богатаго и бѣднаго. Чѣмъ богаче семья покойнаго, тѣмъ приходится болѣе друзей и знакомыхъ, утѣшителей въ горѣ,

и тѣмъ больше должно быть великолѣпія въ угощеніи. Не рѣдко, послѣ смерти главы богатаго семейства, отъ безпрестанныхъ поминковъ въ домѣ не остается ни быка, ни барана — все выходитъ на угощеніе. Въ похоронахъ соединяются всѣ ихъ вѣрованія; замѣчательно, что вообще всѣ горы не хоронятъ въ гробахъ, а вырытыя ямы укладываютъ камнемъ и досками, и чтобы хищные звѣри не разрывали ихъ, обжигаютъ порохомъ. Покойника хоронятъ въ тотъ же или на другой день утромъ, отнюдь не позже.

Осетины Хрістіане, живущіе на плоскости, исполняютъ обрядъ погребенія по церковному уставу, съ примѣсью нѣкоторыхъ древнихъ обычаевъ. У Осетинъ, живущихъ въ горахъ, какъ у Чеченцовъ, похороны чисто языческія. Скажемъ объ нихъ. Когда покойникъ еще лежитъ въ саклѣ, къ нему приходятъ прощаться мужчины: ставъ въ дверяхъ по четыре человека въ рядъ, берутъ въ правыя руки плѣти, а лѣвою закрываютъ глаза; потомъ, затаивъ слово ада—дай, медленнымъ шагомъ приближаются къ покойнику, и въ тактъ ада — дай бьютъ себя плѣтью по обнаженной, бритой головѣ. Дойдя наконецъ до покойника, перестаютъ пѣть и бить себя, и дотронувшись до него обѣими руками, возвращаются назадъ; а плѣти передаютъ новымъ охотникамъ, заступившимъ ихъ мѣсто у порога.

Такъ прощаются мужчины, за ними слѣдуютъ бабы. Онѣ строятся по четыре въ рядъ у порога, и со словомъ ада—дай, бьютъ себя обѣими руками въ лобъ, подвигаются медленно, и дойдя до покойника, дотрогиваются до него и выходятъ. По окончаніи прощальнаго обряда, покойника обертываютъ въ кусокъ полотна или чернаго сукна, взваливаютъ на арбу и везутъ на кладбище. За арбою слѣдуютъ бабы всего аула, медленно поютъ ада—дай и бьютъ руками въ голову, въ грудь, царапая себѣ лицо; но ближайшія къ арбѣ колютъ себя усерднѣе и изцарапываются до крови; прочія же, соблюдая поодаль, повторяютъ гимнастическія упражненія свои по головѣ плѣтью. Чѣмъ знатнѣе и любимѣе покойникъ, тѣмъ кортежъ

подвигается медленнѣе, уважающіе его быють себя сильнѣе, и присудствующихъ бываетъ гораздо больше.

Покойника кладутъ въ яму лицомъ къ Востоку, засыпають одни родственники, бросая лопатки на могилѣ, изъ опасенія, чтобы лопатки принесенныя въ домъ, не принесли какого-либо несчастія. Дальнѣйшій плачь на могилахъ, мужчины предоставляютъ женщинамъ, сами же торопятся на поминки.

Христіане надъ могилами усопшихъ ставятъ кресты, но болѣе, въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту; магометане ставятъ такія же бруски, у которыхъ, на верхнихъ концахъ набивается деревянный шаръ. Богатые дѣлають кругомъ могилы деревянный или каменный заборъ или каменную пирамиду, также ставятъ плиты при дорогѣ, чтобы прохожія вспоминали о душѣ покойника. Иные на могилахъ насыпають курганы. Прежде, во время частыхъ воинъ, и теперь, у народовъ враждующихъ съ Русскими, надъ могилою убитаго ставятъ длинный шестъ, съ флюгеремъ на верху, въ знакъ отличія, что онъ умеръ со славою. Кладбищу оказываютъ большое уваженіе, на немъ нельзя постороннему чловѣку ни сидѣть, ни ходить. Семейства стараются хоронить рядомъ, чтобы на томъ свѣтѣ умершимъ было легче сойтись; умершихъ на чужой сторонѣ, въ плѣну или захваченныя тѣла ихъ убитыхъ, стараются выкупать или вымѣнивають на живыхъ, съ тѣмъ, чтобы только похоронить на своихъ кладбищахъ; очень часто видишь, что слѣдовъ аула почти не видно, онъ давно перенесенъ далеко отъ прежняго, а на древнемъ кладбищѣ его, все таки прибавляются свѣжія могилы. Таковъ общій обычай горцевъ.

Три дня сряду послѣ похоронъ, родственники покойнаго собираются плакать на могилѣ его и молиться, и потомъ въ каждую пятницу; ближайшія родственники носятъ трауръ цѣлый годъ, — трауръ состоитъ изъ чернаго платка повязаннаго на головѣ. Ингушки же собираются на могилу не на три дня а на цѣлую педѣлю, и не только родныя, но всѣмъ ауломъ. У нихъ ада — дай не поють, а просто, сидя въ кружкѣ мать или жена плачетъ громче всѣхъ, прочія тоже вопять

и бьютъ себя въ лице. Осетинки, при этихъ сборахъ, сперва садятся въ кружокъ, плачутъ и колотятъ себя подобно Ингушкамъ, послѣ того встаютъ, выстраиваются въ нѣсколько шеренгъ: ближайшія родственницы впереди, обратясь лицомъ къ могилѣ, начинаютъ пѣть ада — дай и колотить себя руками въ голову; когда ударятъ себя разъ до 50, тогда молитва кончается, каждая подходитъ къ могилѣ, дотрогивается до нее обѣими руками, показывая тѣмъ покойнику, что обѣ имъ помнить; потомъ всѣ женщины обходятъ всѣхъ своихъ усопшихъ родныхъ, передъ каждою могилою раза четьре ударятъ себя въ лобъ и скажутъ столько же разъ ада — дай, и потомъ дотронувшись рукою и сказавъ: *sit vobis terra levis*, расходятся по домамъ. Мужчины не участвуютъ въ этихъ плачевныхъ поминкахъ, предоставляя ихъ бабамъ.

У Галгаевъ, чистыхъ язычниковъ, у Кистинъ и Джарыховъ и у всѣхъ Осетинъ въ горахъ живущихъ, какъ то: Аллагирцевъ, Куртатицевъ, Челстишцевъ, Дигорцевъ, придерживаются языческимъ обрядамъ. Галгаевъ, одѣваютъ покойника во все новое платье, и въ полное вооруженіе, надѣваютъ ему на голову шапку и покрываютъ буркою, возлѣ же кладутъ въ ямъ три чурека (просяной, сухой хлѣбъ) и штофъ раки для того, чтобы покойникъ дорогою въ небо, ни въ чемъ не нуждался, и могъ бы дѣлать подарки кому слѣдуетъ. Потомъ, къ могилѣ подводятъ его коня въ полномъ убранствѣ, и конецъ узды даютъ въ руки покойному. Если онъ не имѣлъ своей лошади, то его ссужаютъ чужею на время обряда, одни лишь искренніе друзья его. Полагая, что на томъ свѣтѣ каждый будетъ жить полнымъ своимъ хозяйствомъ, какъ и на этомъ, они въ такомъ случаѣ уже не считаютъ лошадю своею а принадлежащею тому, къ чьей подвели могилѣ, думаютъ, что подарили ее умершему другу и онъ будетъ ѣздить на ней, и что хозяинъ долженъ искать другой. По этой причинѣ, лошадь употребляется въ обрядѣ одинъ только разъ, чтобы на нее, не явилось на томъ свѣтѣ двухъ претендентовъ.

Такимъ образомъ устроивъ покойника, выходитъ на среднюю одинъ изъ стариковъ: онъ выбирается преимущественно

изъ бѣдныхъ и родственники умершаго, даютъ ему подарки за похвальное слово покойнику. Рѣчь эта представляетъ жалкое понятіе горцевъ о религіи, и лучшая начинается почти такъ:

«Господь Богъ! сегодня померъ хорошій человѣкъ; онъ былъ очень хорошій человѣкъ, такой, какому подобный есть только одинъ на небѣсахъ, присутствующіе объ немъ плачутъ, онъ былъ очень хорошій человѣкъ, хлѣбосолецъ, его всѣ любили и онъ всѣхъ примирялъ; съ нимъ Св. Георгій сдѣлалъ присягу на братскую дружбу. Теперь Св. Георгій на небесахъ, кто же ему дастъ знать о томъ, что пріятель его скончался? никто такъ скоро не известить въ небѣ Св. Георгія, какъ Нартъ - Зерватекъ (ласточка). И вотъ, только что ему объ этомъ сказали, онъ тотчасъ поскакалъ и извѣстилъ Св. Георгія. Въ это время всѣ святые и ангелы были на угощеніи у одного святаго Кудраль — агоня (згѣдника), который, сваривъ большой котелъ пива, пригласилъ ихъ къ себѣ и прислуживая имъ, подавалъ пиво Св. Георгію; — вдругъ прилетаетъ Зерватекъ и сѣвъ на правое плечо Св. Георгію, говоритъ: твой другъ померъ и ему надо теперь лошадь, ружье, шашку и пистолетъ. И вотъ Св. Илія далъ тотчасъ ружье, которое никогда не даетъ промаха; Кудраль — Агонъ подарилъ такую шашку, что ее можно согнуть какъ обручъ; сынъ солнца — Магометъ, подарилъ сѣдло со всѣмъ приборомъ. Сынъ луны, Хашатканъ подарилъ потникъ и серебрянную уздечку; Св. Георгій собралъ всѣ венцы и послалъ въ Турцію Зерватекъ выбрать хорошаго коня и послать къ пріятелю. Мы выписываемъ, хотя и съ горемъ, эту нелѣпость, чтобы выказать какъ религія горцевъ перемѣшана съ магометанствомъ и язычествомъ. За тѣмъ разсуждаютъ, какъ награждается праведный и наказывается виновный за преступленіе заповѣдей, особенно, не щадить несправедливыхъ судей и эгонистовъ; такая рѣчь, общая для всѣхъ добрыхъ и злыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, сопровождается обводомъ коня три раза кругомъ могилы. За тѣмъ, обрѣзываютъ коню правое ухо и бросаютъ въ могилу; въ старину, лѣтъ за 80, дѣлали тоже самое и съ же-

нами, чтобы на томъ свѣтѣ, всякій могъ узнать свою жену; обычай этотъ замѣненъ добровольнымъ обрѣзываніемъ косы вдовою. Потомъ засыпаютъ могилу и начинается плачь и молитвы.

Въ дѣлахъ кровомѣстничества, сохранился обычай отрѣзывать и класть уши на могилу убіеннаго; общее понятіе ихъ, будто его прахъ тѣмъ утѣшенъ и на что томъ свѣтѣ, онъ получаетъ рабомъ того, кто за него убитъ. Поминки дѣлаются три раза въ годъ, богатые дѣлаютъ и десять. Какое угощеніе, сопровождается скачками и раздачею вещей покойнаго въ даръ побѣдителямъ на скачкахъ. Это обыкновеніе водится у всѣхъ Кавказскихъ горцевъ; часто поминки и скачки сопровождаются убійствомъ, въ слѣдствіе ссоры и нетрезвости, и потому слѣдуютъ новыя похороны и новыя поминки.

Скачки дѣлаются предъ одною изъ трехъ главныхъ поминокъ; всѣ вещи, лошади, оружіе покойника, назначаются по рядамъ, въ порядкѣ. Первымъ считается лошадь, далѣе оружіе. Когда все приготовлено, назначаются судьи изъ стариковъ и распределяются игры; послѣ чего, удалцы скачутъ въ запуски, обгоняютъ другъ друга, стрѣляютъ въ цѣль, поднимаютъ на всемъ скаку съ земли вещи, словомъ идетъ джигитовка, и по приговору судей, окончивъ ее, получаютъ сообразно съ отличіемъ награды, а въ заключеніе гуляютъ. Такія разорительныя поминки остались у богатыхъ, а если дѣлаются скачки, то уже не даютъ подарковъ; изрѣдка, предъ простыми поминками въ пятницу, можно видѣть нѣсколько человѣкъ, скачущихъ по улицѣ аула и стрѣляющихъ на воздухъ. Они берутъ иногда на палкахъ повышенный лукъ, грецкія орѣхи или рожки, и потомъ раздаютъ ихъ ребятишкамъ, за упокой души усопшаго.

Осетины, въ горахъ живущіе, исполняютъ поминки Бадень — те (бѣніе) въ день праздника Богоявленія Господня. Наканунъ этого дня дѣлаютъ человѣческую фигуру, одѣваютъ ее въ платье, и вооружая, сажаютъ вечеромъ въ сакль, куда сходятся на всю ночь родственники и знакомые умершаго. Передъ фигурою ставятъ свѣчи, сперва плачутъ, молятся, проклинаютъ ада — дай, и потомъ цѣлую ночь развлекаются

сказкою Осетинскаго барда о Нартахъ, которую сопровождаетъ онъ музыкаю на двухъструнной скрипкѣ; въ промежуткахъ, слушатели поютъ и ходятъ. Такъ проходитъ Бадень - те. Осетины живущіе на плоскости этаго не дѣлаютъ.

Клятвъ и присягъ много. Осетины, Ингуши и прочіе горцы клянутся и присягаютъ именемъ тѣхъ святыхъ, которыхъ они почитаютъ. Идолопоклонники клянутся Гальбердомъ. Присяги бываютъ различны. Послѣ удачнаго набѣга, чтобы узнать сколько каждой приобрѣлъ добычи, заставляютъ двухъ чловѣкъ обнажить шапки, стать другъ противъ друга и воткнуть концы шашекъ въ землю передъ собою, образуя межъ ими родъ прохода, чрезъ который долженъ пройти всякій милиціонеръ и объявить начальнику, что взято у непріятеля; рѣдко случается, увѣряютъ Осетины, чтобы послѣ такого испытанія, кто нибудь утаилъ свою добычу.

Ингуши клянутся и присягаютъ на берегу сухаго оврага, или подъ дубомъ разбитымъ молніею. Общанія и клятвы, данныя около ихъ, считаются ненарушимыми. Прежде вмѣсто присяги на покорность, народъ или старшина приходилъ къ завоевателямъ съ повѣшенными на шеяхъ шапками; еще графъ Гудовичъ принималъ такую присягу отъ Лазовъ, она была въ употребленіи у горцевъ, но теперь вывелась.

Самыя тяжелыя клятвы, въ очищеніе себя отъ по подозрѣнія въ воровствѣ, убійствѣ, и въ сомнительныхъ, нерышечныхъ дѣлахъ, откладываются до Лаунсъ - ганана (поминокъ), дѣлаемые на третьей недѣли Великаго Поста, въ Субботу. Нѣтъ примѣра, чтобы дѣйствительно - виновный не признался; такая присяга въ невинности освобождаетъ отъ всякаго подозрѣнія. Уличенный въ убійствѣ, подводится къ могилѣ убіеннаго для клятвы, представляя себя съ семействомъ въ рабство къ нему на томъ свѣтѣ, если только солжетъ, и т. п.

Слѣдующая клятва считается весьма опасною; рѣдко случается, чтобы кто-нибудь ея произнесъ, но присягнувъ разъ, никто и ни за что не рѣшится нарушить ее «Я, ниженаименованный, клянусь Всемогущимъ Богомъ, Святымъ Михаиломъ Архангеломъ и почитаемымъ нами святымъ мѣстомъ

Цомади — Ковзадь въ томъ, что, и т. д. Если я нарушу мое клятвенное обѣщаніе нынѣ изреченное, то да не увижу гробовъ предковъ моихъ, да истлѣютъ кости мои въ чужой землѣ; да откажетъ мнѣ земля, питающая меня въ плодахъ своихъ; вода утоляющая жажду мою, да присъчетъ теченіе свое; воздухъ, которымъ я дышу, да пансестъ на меня и народъ мой тяжкіе недуги, и наконецъ, небо во гнѣвъ своемъ, да испошлетъ на клятвопреступника всѣ бѣдствія во власти его находящіяся, да изольется на могиллахъ предковъ моихъ и на мой собственный родъ, если нарушу клятву, кровь нечистыхъ животныхъ: собакъ, конскъ и звѣрей.

Талисманы, употребляемые горцами, не имѣютъ особенной занимательности. Вообще зашиваютъ въ кожану небольшую треугольникъ листового желѣза, въ срединѣ котораго вырѣзанъ крестъ; въ эту же ладонку насыпаютъ толченаго угля и сѣры, иногда зашиваютъ сплюснутыя пули, бывшія на жертвенникахъ, землю, листы и травы; все это считается предохраненіемъ отъ нечистой силы и смерти, отъ пуль и шашекъ: такіа ладонки носятъ на шеѣ, дѣтямъ надрѣваютъ ихъ въ первой разѣ, въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли Великаго Поста. Эти два дня, по Осетински называются Туторъ (Фараонъ). Преданіе говоритъ, что въ эти дни, войско Фараона преслѣдовавшее Израильтянъ изъ Египта, утонуло въ Черномъ Морѣ. Эти преданія извѣстны всѣмъ Осетинамъ и Ингушамъ, и потому дни считаются торжественными. Всѣ живущіе на плоскости и въ горахъ, доселѣ почитаютъ ихъ одинаково. Не менѣе страненъ обычай, сохранившійся у Осетинъ: въ дни Фараона (Туторъ), нашиваютъ у всѣхъ дѣтей, на правомъ плечѣ сорочки, едва примѣтный крестикъ.

Многіе носятъ магометанскія молитвы, онѣ также довольно занимательны, ихъ пишутъ на полосѣ бумаги, шириною въ вершокъ, длиною въ ростъ человека, по Арабски, за подписью и печатью муллы. Если мѣрка придется по росту, то увѣряютъ, что онѣ могутъ считать себя вѣкъ всякой опасности отъ пуль, шашекъ и дьявольскаго навожденія.

При такомъ грубомъ состояніи народа, при такихъ по-

дуязыческихъ понятіяхъ о таинствахъ религій, нельзя и думать, чтобы люди, стоящіе на послѣдней ступени гражданского образованія, не имѣли самыхъ недѣльныхъ повѣрій и предразсудковъ, укоренившихся временемъ. Дзарю — Гаста, Дзуаръ — лагъ и Лаунсъ — гананъ, служатъ лучшими образцами; легковѣріе же горцевъ довершаетъ заблужденіе, и ничего нѣтъ легче прослыть у нихъ за святаго челоуѣка или пророка. Всякій униженный, почитается ими за что-то сверхъ-естественное. Горскіе возмутители, начиная отъ Шихъ — Мансура, объявившаго себя за пророка, до Шамшля, пользовались легковѣріемъ народа, такъ напр: въ 30 ти годахъ, въ одномъ изъ Ингушскихъ аулахъ явился пророкъ, который увѣрялъ народъ, будто онъ разъ ночью умеръ и слеталъ на небо, тамъ святой далъ ему кувшинъ такого молока, что кто напьется, тотъ можетъ бить, рѣзать, не слушаться никого, будеть цѣль и невредимъ стоя противъ пушекъ и еще получить награду на томъ свѣтѣ. Въ другой разъ, между Ингушами разнесся слухъ, что какой — то Джанхотъ улетѣлъ на небо. Всѣ собрались къ нему въ аулъ, ожидая скорого его возвращенія, новостей и чудесъ: какъ не убѣждали, что это обманъ, они не хотѣли вѣрить, наконецъ, старики сѣздившіе во Владикавказъ, видѣвшіе Джанхота сидящаго на гаубвахтѣ, объяснили Ингушамъ чудесное путешествіе сего на небо, и тогда только тѣ успокоились.

Таковы религіозные обряды, нравы и обычаи горцевъ, населяющихъ Владикавказскій округъ, нѣкоторые были имъ очевидными свидѣтелями, другіе сообщены туземцами, заслуживающими довѣріе. Теперь скажемъ о языкѣ Осетинъ и Ингушъ.

Годъ, Осетины называютъ Азъ, Ингуши Шо; въ немъ считается 365 дней. Первый день сообразуется и празднуется съ Русскимъ новымъ годомъ. Раздѣленіе мѣсяцевъ незнаютъ. Планеты называютъ Буть (луна). У Осетинъ называются только два мѣсяца: первый послѣ новаго года Тенджи-май (Генварь), а потомъ Марти — май (мартъ), для другихъ нѣтъ названія, да и самый Мартъ вѣроятно перешелъ недавно отъ Русскихъ.

У Осетинъ Май (мѣсяцъ); не есть названіе части года а планеты.

Мѣсяцы свои они считаютъ отъ новолунія, по четыре недѣли.

Недѣли по Осетински кури, по Ингушски кера; день по Осетински бонъ, по Ингушски де. Счетъ дней недѣли у тѣхъ и другихъ начинается съ понедѣльника. Но не многіе занимаются такими пустяками: ихъ мало беспокоитъ годъ мѣсяцъ и число; имѣющіе сношенія съ Русскими, употребляютъ Русскія названія и счетъ Эгиры, прочіе ничего не знаютъ.

Понедѣльникъ по Осетински: Кури — серъ, по Ингушски Оршуть

Вторникъ — — — — Дуеть — цегъ или Каръ... Шинира

Среда — — — — Ертеть — цегъ . . . (Ерте)... Каръ

Четвергъ — Цыпъ - парамъ (Цыпъ - паръ) — — Ера

Пятница — Майрамъ - бонъ (Марыинъ-день) — — Периска

Суббота — — Саббатъ (конецъ) — — Шать.

Воскресенье — Хцау - бонъ (Божій день). — Киринда (Воскресенье).

Ингуши называютъ себя Ламуръ или горный житель, а сосѣдственные народы называютъ ихъ Ингушами и Галгаевцами. Они обитаютъ въ небольшихъ аулахъ, расположенныхъ на предгоріяхъ, перерѣзанныхъ возвышенными равнинами, по обѣимъ берегамъ рѣки Сунджи, отъ самаго ея истока до редута Назрани, по лѣвому берегу Оксая или Шадгира, отъ развалинъ древней церкви до Карабулакскаго аула; также по берегамъ р. Кумбелея, отъ самаго ея истока въ Джерахскомъ ущеліи до Елизаветинскаго редута, и по обѣимъ сторонамъ Терека отъ Владыкавказъ до впаденія въ Терекъ рѣки Погъ. Ингуши имѣютъ довольное количество скота и радѣютъ о земледѣліи, посему могутъ считаться за полезныхъ подданныхъ, если бы не увлекались иногда примѣрами хищныхъ Чеченцевъ. Дома строятъ каменные и деревянные, съ земляными крышами. Каждая деревня имѣетъ среди себя четырехъугольную башню, въ которую скрываются дѣти и женщины, при набѣгѣ сосѣдственныхъ народовъ. Во всю длину

Ингушской земли, изображающей почти правильный треугольникъ, съ Юга на Сѣверо-Западъ, простирается одинъ изъ главнѣйшихъ отроговъ Кавказа, состоящій изъ шиферныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Восточныя предгорія орошаются р. Кумбулеемъ, а Западныя Терекомъ. Пространство земли, занимаемое Ингушами, полагается въ 1000 квадр. верстъ. Они сопредѣльны съ Кистинцами, живущими по Восточному склону Тагаурскаго ущелія, съ народомъ крайне - звѣроправнымъ, изыскивающимъ даже и нынѣ случая къ разбоємъ и убійствамъ, по дорогѣ или въ Осетинскихъ аулахъ; что производитъ въ ночное время, но 10ть лѣтъ назадъ, они нападали большими партіями, въ соединеніи съ другими толпами горцевъ, на слѣдующіе обозы по военной — Грузинской дорогѣ, въ Кабардѣ и въ горахъ до с. Казбека.

ГЛАВА IV.

Главнѣйшая премудрость чловѣка: любить и страшиться Создателя, или исполнять законы, скрѣпленные кровью и славою сына его Иисуса Христа, показавшаго намъ примѣръ любви къ Богу и чловѣчеству!

Городъ Владыкавказъ, расположенный на возвышеніи, вблизи Кавказскаго хребта, похожъ болѣе на городъ Сѣверный, нежели Южный; отъ него по глубоко - снѣжной равнинѣ, идетъ къ реданту санная дорога. Здѣсь въ 8 верстахъ, начинается такой рѣзкій и мгновенный переходъ отъ плоскаго къ высокому, отъ равнинъ къ неприступнымъ скаламъ, что невольно изумляешься дивному перевороту міра, соединившему въ одной точкѣ такія крайности. Оглушаемые текущимъ Терекъ, разбивающимъ ледяныя свои оковы во время строгой зимы, вы катитесь быстро по хорошей снѣжной дорогѣ, не замѣчая спусковъ и подъемовъ ее до самаго Даріела.

Терекъ вытекаетъ изъ высочайшаго хребта Кавказскихъ горъ, въ Осетинской волости Тирсау. Чрезвычайная наклонность его отъ истока до конца предгорій Кавказскаго хребта и Владыкавказа, простирающаяся до 70 верстъ, есть главная причина необыкновенной быстроты, увлекающей большія каменныя массы. Вначалѣ, Терекъ стремится на Востокъ, но принявъ рѣчку Арадонъ, склоняется къ Сѣверо - Западу, нмѣя съ боковъ своихъ, восходящія на великую высоту каменные обрывистые утесы, въ иныхъ мѣстахъ они сближаются между собою до шести сажень. Переменяя часто направленіе, Терекъ идетъ большими извилинами. Съ Владыкавказа быстрота его уменьшается, и онъ протекая къ Екатеринограду по равнинѣ дугою, принимаетъ въ себя Малку, обращается на Востокъ и около Моздока, поворачивъ къ Юго - востоку, принявъ въ себя р. Суцджу, усиливаетъ быстроту; потомъ, раздѣляясь при городѣ Кизлярѣ на три рукава, впадаетъ въ Каспій. Рукава Терека раздѣляются на протоки и образуютъ

въ себѣ острова. Длина Терека съ небольшимъ 350 верстъ; самая большая ширина противъ Моздока 67 саж. Въ Терекъ впадаютъ съ лѣвой стороны, рѣки: Арадонъ, Пшухъ, Дурдуръ, Урухъ, Лескенъ, Малка, Сунджа и др. Терекъ замерзаетъ очень рѣдко и то въ низменныхъ мѣстахъ, съ конца Декабря до начала Февраля. При истокѣ, уподобляясь водопаду, разламывается съ трескомъ льдины, образуемая сильною зимою Кавказа. Во время таянiя нагорныхъ снѣговъ, возвышаясь до 12 фут., выходитъ изъ береговъ около Кизляра. Чрезъ быстроту, вода его всегда почти пловата, мутна, но здорова, рыбы много, особенно въ Кавказскомъ хребтѣ ловится ласфорель и форель, но около Кизляра лососы и шамая.

Кстати сказать заблаговременно, что военно-Грузинская дорога имѣетъ важные недостатки: безпрестанно снѣговые и каменные завалы, бывающіе съ Казбека и съ другихъ горъ періодически, съ Казбека черезъ 7мъ лѣтъ или раньше. Снѣгъ на конусообразномъ Казбекѣ не сходитъ круглый годъ, лѣтомъ протаская обращается въ ледъ, покрывающійся зимою снова свѣжимъ снѣгомъ. Когда масса льда и снѣгу накопится и сдѣлается столь тяжелою, что потеряетъ равновѣсіе, тогда съ громоподобнымъ шумомъ, перекатываясь съ отрога на отрогъ, обрушивается въ ущеліе, на дорогу между Даріелемъ и Казбекомъ, и закрываетъ значительное пространство. Такой заваль, особенно рѣдкій, былъ въ Августѣ 1852 года: лавина болѣе двухъ милліоновъ кубическихъ футовъ упала въ ущеліе, и заваливъ двѣ версты, вышиною на 100 сажень, прекратила теченіе Терека на 12 часовъ. Тогда буйный Терекъ поднимаясь, сражаясь съ преградой, разлился по ущелію и пронизавъ быстротою воли массы льда, снѣга, камня и песку, прорвался къ Даріелу, образовавъ надъ собою родъ арки. Разработка была чрезвычайно трудна и опасна и продолжалась шесть недѣль сряду. Вскорѣ арка *надъ Терекомъ*, постепенно обрушиваясь, упала въ стремительныя воды и унесена изъ ущелія; тогда съ обѣихъ сторонъ рѣки образовались два различныхъ завала: на лѣвой сторонѣ лежала масса плотнаго льда и снѣгу, по которой подниматься и спускаться было очень трудно:

дорога шла косогоромъ, протоки на каждомъ шагу; кромѣ того заваль постепенно стаяла, образовалъ спускъ въ пять сажень, почти отвѣснаго льду; тутъ, при помощи Осетинъ, была устроена для прохода пѣшеходовъ лѣстница въ бѣ сажень. Но не смотря на способы къ слѣдованію, на каждомъ шагу предстояла опасность и гибель; не было путешественника, у котораго бы отъ одного взгляда на бездну духъ не стеснился. Повозки и вьюки переносили солдаты и Осетины, получая за труды большія деньги. Въ то самое время, при очевидной смерти; атеистъ смирялся, молилъ Бога о прощеніи и помощи и переходя бездну съ трепетомъ, благодарилъ Его за счастливый переходъ; къ довершенію грозившей опасности, часто растаявшая грязь, камешья и ледъ, катились въ отверстіе сдѣланныхъ проваловъ въ Терекъ и сбивали лошадь путника. Слѣдовательно страхъ смерти здѣсь длился долго.

Писали и сказываютъ очевидцы, что тогда нѣкоторые вояжеры объѣзжали заваль, слѣдуя по вершинамъ высочайшихъ горъ, и одинъ изъ нихъ, убѣжденный въ безопасности слѣдованія ласковыми словами Осетинъ, давъ за труды и провожатыхъ 40 руб. ассиг. рѣшился на этотъ подвигъ. (*) «Мы сначала переправлялись по дрожащему мосту надъ Терекомъ, сплоченному изъ древесныхъ ветвей и покрытому землею: онъ былъ перекинутъ съ одного берега на другой. Слѣдуя чрезъ такую узкую, зыбкую безъ перилъ переправу, сдѣланную для пѣшеходовъ, мы съ трепетомъ сердца смотрѣли на бездну волиъ Терека. Однако первую гибель перешли счастливо. Пройдя полверсты видимъ другую: у подошвы высочайшей горы, съ крутизны льется рѣка, Терекъ N 2го. Черезъ этотъ водопадъ, должно было переправиться въ бродъ. При видѣ, съ какимъ бѣшенствомъ и силою она ворочала громадные камни, я долго не рѣшался, но наконецъ убѣжденный Осетинами пустился. Двое изъ нихъ, вооруженные большими дубинами, вели мою лошадь, двое поддерживали съ боковъ, пятый уцѣпился за хвостъ

(*) Извѣстный писатель о Кавказѣ, Левъ Зубовъ.

лошади; такая тяжесть необходима, ибо вода, при быстротѣ своей, можетъ увлечь въ бездну, откуда никто и ничто не можетъ спасти: тамъ водоворотъ, Мы двигались съ торжественностію, шагъ за шагомъ, обсыпаемые до головы брызгами пѣны; однакожъ переправа длилась не долго, мы почти не замѣчая ее, очутились на другомъ берегѣ, съ котораго глядѣть въ гибельной водопадъ было страшнѣе: онъ стремился въ бездну съ быстротою стрѣлы. За тѣмъ поднявшись на высочайшую точку горы, должны были спускаться съ отвѣсной скалы, покрытой мелкимъ хрящемъ и пескомъ, такъ, что отъ легкаго ступа, онъ сыпался внизъ и, какъ бы готовы были, каждой минутой, унести съ собою; но не теряя душевной силы, мы слѣдовали далѣе по узкой тропинки, выходящей по косогору, въ 100 саженьяхъ надъ Тереконъ, и въ заключеніе опасности обходили страшный, по утесу, Даріельскій замокъ.

Теперь продолжаемъ рассказъ о дальнѣйшемъ пути по ущелію.

Дорога на Крестовую, Гудъ и Кайшаурскую гору, идетъ по краямъ обрывовъ, имѣющихъ утесистыя покатости, сажень на 100 и болѣе, гдѣ по бокамъ нѣтъ никакого забора, ни каменнаго устоя, который бы могъ предохранить отъ неосторожнаго скачка или шага лошади, могущей чрезъ то упасть въ бездну; что особенно можетъ случиться во время ненастья, тумановъ и выюги, преимущественно бывающихъ здѣсь, по вечернемъ закатъ солнца и въ ночное время.

Желая избѣжать заваловъ предполагали устроить дорогу съ Владыкавказъ на Пассауурскій постъ, по направленію пространнаго ущелія Черной рѣчки, гдѣ крутыхъ подъёмовъ, обрывовъ, снѣжныхъ и земляныхъ заваловъ нѣтъ; но эта дорога имѣетъ свои неудобства: должно устроить, по крайнѣй мѣрѣ, восемьдесятъ мостовъ, которые, не смотря на бдительное смотрѣніе при разливѣ Черной рѣчкѣ, затопляющей все ущеліе, смываются и уносятся; слѣдовательно, дорога кромѣ не-меньшей опасности, можетъ обойтись въ трое дороже.

Съ Казбека до Коби снѣжная дорога прекрасна, но частыя вѣтры, дующіе съ снѣжныхъ пиковъ Кавказа и Сѣвер-

ный вѣтеръ по ущелію, замѣтають дорогу снѣгомъ, и вы иногда сбиваясь съ пути, доѣзжаете до Коби окоченѣлые отъ стужи.

Недавно, другой путешественникъ пробирался изъ Душета въ Коби — въ самое опасное, зимнее время, когда каждая гора спускаетъ свой снѣжный заваль. Онъ говоритъ: «За Душетомъ видъ перемѣняется, природа покрыта бѣлымъ саваномъ, снѣгъ чѣмъ дальше въ ущеліе тѣмъ глубже, и вы сяди въ санихъ, уносимые быстрою тройкой лошадей, не разъ вспомните матушку Россію.

Въ Пассапаурѣ извѣщается о дальнѣйшей опасности, но возбуждаемые духомъ дѣятельности здѣшней природы, не чувствуя страха, двигаетесь впередъ на лошади по узкой дорогѣ.

Тутъ, съ двухъ сторонъ ущелія, тянутся утесы покрытые сумрачнымъ навѣсомъ лѣсовъ на бѣлоснѣжномъ покрывалѣ; увѣчанные алмазными вершинами, онѣ, то выдаваясь впередъ, то углубляясь, выставляютъ одну изъ величественнѣйшихъ картинъ, въ которой не послѣднее мѣсто занимаютъ Осетинскія селенія съ зубчатыми башнями и сквозными верхами, покрытыми почти всегда сизымъ дымомъ, выходящимъ изъ сакель; въ сторонѣ бродить осторожно, въ снѣжныхъ сугробахъ, стадо овецъ и козъ, питающихся сухими листьями деревьевъ и корнями растений.

Часто, въ теплую погоду, съ надѣсныхъ высотъ, катится клубомъ снѣгъ: такая лавина, вырывая съ корнемъ вѣковой лѣсъ, унося его въ стремленіи, низвергается на дорогу и застигаетъ ее сѣрватою лавою, камнями и снѣгомъ; одинъ взглядъ на такое препятствіе устрашаетъ странника. Но Боже сохрани проѣзжать или идти во время паденія лавины, спасенія нѣтъ: вы замѣтены снѣгомъ. Такіе примѣры часто случаются: въ 44 году, засыпаны были три тройки почтовыхъ съ пѣшеходами, они не успѣли прорваться.

Миновавъ счастливо эти опасности, поднимаетесь на возвышенный въ нѣсколько тысячъ футовъ Кайшаурской постъ, гдѣ охватываетъ васъ разрѣженный воздухъ, сильный вѣтеръ и большое количество снѣга, замѣтающее зданія. Здѣсь нисволь-

но чувствуете, что далѣе къ Гуть - горѣ, должно быть еще грознѣе, доказательствомъ тому служить: большое число проѣзжихъ, и лежащія на станціи подъ карауламъ почты. Унылыя лица проѣзжихъ выражаютъ ясно душевное безпокойство, отъ недостаточнаго состоянія ихъ убѣжища и безнадежности на скорое слѣдованіе. Здѣсь рассказы объ опасности всегда увеличены, но я, не слушая ихъ, слѣдую къ малому Гуту, по дорогѣ съ провалами, замѣтеной глубокимъ снѣгомъ, въ которомъ вязнешь на каждомъ шагѣ. Однакожъ первая попытка моя, на постраниствѣ 5 верстъ, была безуспѣшна: я долженъ былъ вернуться въ Кайшауры совершенно измученнымъ.

Впрочемъ, мнѣ казалось, что при болѣе дѣятельномъ распоряженіи о расчисткѣ сообщенія — оно можетъ существовать во всякое время, исключая времени сильнаго завала и идущей выюги. Съ новымъ днемъ - новыя силы, и я двинулся опять къ Гуту. Здѣсь кстати раскажу свое дивное спасеніе: желая прорваться къ Коби, я трое сутокъ боролся съ препятствіями, при постоянной выюгѣ, въ неизмѣримой глубинѣ снѣговъ, къ которымъ до меня еще не прикасалась даже нога звѣря, особенно по дорогѣ съ Гуть - горы къ Крестовой, тутъ страшно смотрѣть въ оврагъ, застилающійся сумракомъ: тамъ бунтуетъ, вихрится непогода. Ступайте тихонько, безъ малѣйшаго шума, даже глубокаго вздоха, часто онъ одинъ, подобно могучей искры, трогаешь снѣжную струну электричества; часто, отъ обыкновенной поддержки руки о снѣговую покатость и на васъ летятъ глыбы снѣга. Здѣсь, безъ преувеличиванія можно сказать, для васъ гробъ на каждомъ шагѣ, и потому, въ невыразимой борьбѣ съ окружающими со всѣхъ сторонъ преградами, путешественникъ - Христіанинъ, сознавая свое ничтожество передъ непостижимымъ создашемъ и волею промысла, становясь на - время рабомъ природы, льетъ искреннія молитвы къ Спасителю, и при горней его помощи, терпѣніемъ своимъ побѣждаетъ препятствія, окружающую гибель, и наконецъ измученный, полугодный, достигаетъ до Крестовой горы, гдѣ каменный крестъ, невредимый никакою бурей, приглашаетъ его гостепріимно отдохнуть на своемъ каменномъ

подножьи. Здѣсь склонивъ голову на руки, съ какою-то неизъяснимою сладостію, онъ отдыхая, вспоминаетъ Іисуса Христа, его страданіе и смерть для счастья міра.

Такое положеніе вдохнетъ невольно мысль свѣтлую, что въ бурѣ житейской, въ тревоженіяхъ міра, одинъ только лишь крестъ — есть вѣрное пристанище, помощникъ и покровитель угнѣтенному и несчастному, и въ вашемъ сердцѣ, оживленномъ святою вѣрою, въ ту же минуту отзовутся святыя отголоски великихъ Божіихъ словъ: » Аще кто хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ, возьметъ крестъ, и по мнѣ грядетъ. Но доступъ къ такому несокрушимоу пристанищу очень тернистъ, хотя избранному онъ всегда помогаетъ. Да, часто страданія наши, непонятно для насъ, омываются слезами Отца нашего и вливаютъ въ душѣ тотъ святыи восторгъ, который выразить невозможно. Слушайте дѣти, говорить святое писаніе: страхъ Господень — главнѣйшая премудрость; любите Господа всѣмъ существомъ своимъ и ближняго какъ самаго себя; въ житейской, тернистой стезѣ, призывайте Христа на помощь; въ случаѣ бѣдствій, гибели, падая предъ Создателемъ, повторяйте святую молитву Спасителя: » Не яко же азъ хочу, но яко же Ты Господи, » и Господь услышитъ призывающихъ его. » Да проститъ любезный читатель моей восторженности, проникнутой Христіанскою вѣрою и любовію. Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ мѣстѣ, въ вашемъ положеніи, вашъ вздохъ сливается съ вздохомъ ангеловъ, съ небомъ вы проникаете тьму, и потому, минуты проведенныя около креста, неизобразимо — пріятны: душа сбрасывая тѣлесную оболочку летитъ къ Творцу и упавъ въ прахъ предъ его свѣтомъ — славить его; въ тоже время, какъ бы въ помощь страдалцу, раздается вблизи какъ нарочно, благовѣсть Евангельскаго спасенія, связывающійся незамѣтною струною съ человѣкомъ: по снѣжнымъ сугробамъ долетаетъ до слуха его громкій звонъ колокола на Осетишской Байдарѣ, устроенной въ верстѣ для спасенія погибающихъ. Такая Байдара, сложенная изъ дикаго камня, есть лучше сказать холодная сакля, съ разложеннымъ огнемъ на землѣ. Жела-

тельно, чтобы на такомъ единственномъ убѣжищѣ, освященномъ великою цѣлію спасенія, былъ построенъ монастырь истиннаго братства, во имя Спасителя Погибающихъ. Такая обитель, можетъ только состоять изъ братій, ознаменовавшихъ себя великими подвигами, добродѣтелями, истинною любовію къ ближнему и къ славѣ Господа Іисуса Христа: по нашему мнѣнію, только такія лица могутъ спасти и быть воинами Св. Креста, побѣждающими гибель.

Г л а в а V.

Недавно, въ дорогѣ, встрѣтился съ нами почтенный старецъ, онъ говорилъ мало, но выражалъ много, и потому, рѣчь его всегда памятна, вотъ частица ее: Много лѣтъ я жилъ въ горахъ, много странствовалъ по Кавказу; безпрестанно тревожимый страхомъ, гибелію, я лилъ свои слезы и кровь безъ ропота, взросъ духомъ въры и рапо постѣдѣлъ какъ старичекъ Кавказъ. Теперь, на старости моихъ лѣтъ, хочу любоваться природою; она вѣдь женщина, много у ней милыхъ дѣтокъ. Недавно, она красавица меня увѣряла, что всегда была такова какъ есть, а что будетъ впередъ того не знаетъ; а я, сказалъ печально сѣдой старичекъ, усталъ уже жизнью, отжилъ свое, пора хоть и на покой, да не могу разстаться съ родною, она дивно - прекрасна: взгляните въ воду, разберите сущность всякаго растенія, составъ человека, сущность всего міра, обдумайте небесныя явленія, волю Міроздателя, и вы сдѣлаетесь добрыѣ, чувствительныѣ ко всему изящному и великому. Такая дума, сокъ дерева - жизни, сдѣлала сердце мое добрымъ, совершила путь къ рано - временной старости и покою души, и я величая, созерцая величіе божіе и почтительныхъ дѣтокъ, предъ престоломъ свѣта, истинны, далъ завѣтъ: любите и жить для славы Создателя. » « Скажите люди добрые, можетъ ли быть стезя и цѣль лучше? Есть лучше, скажу словами Св. Писанія: Положи душу за ближнія твоя, какъ заповѣдалъ и показалъ намъ Спаситель! . .

Переѣхавъ Кавказскія горы, изъ области грома и льда, вступаете въ страну тихую, гдѣ снѣжный покровъ на поляхъ замѣняется зелено - пушистымъ ковромъ, на которомъ цвѣтутъ разнаго рода фіалки, лыча, черешня, персики, поютъ жаворонки, дрозды; однакожь, не думайте, что вы ѣдете лѣтомъ, нѣтъ еще февраль мѣсяць.

Такая рѣзкая противоположность, унѣживаешь чувства, сжатые переѣздомъ въ снѣжныхъ громадахъ Кавказа, почти мгновенно, вздохъ дѣлается свободнѣе, душа летитъ къ небесамъ,

умъ гуляетъ по необозримому, чистому полю. Пріятно путешествовать по Закавказью въ сухое, ясное время; но Боже избави въ пенасть, тогда глинистая почва на каждомъ шагу будетъ наноситьъ непріятность. Такая дорога до Ксанской станціи, вы только отдыхаете временно въ хорошихъ заѣзжихъ домахъ; на половинѣ этой станціи спускаетесь къ селенію Сантависси, расположенному въ прелестномъ уголкѣ Карталини, между двумя возвышеніями. Если судить по населенію и устройству, то Сантависси, въ сравненіи съ другими Карталинскими деревнями, особенно при Грузинскихъ царяхъ, имѣло значеніе города. Здѣсь на холмѣ, возвышается вѣтхая каменная церковь, названіе которой носитъ селеніе: она достойна вниманія по древности и изяществу рѣзьбы въ наружной отдѣлкѣ храма. Въ Сантависсѣ мѣстоположеніе красиво и климатъ здоровый, что замѣчательно потому, что отъ Гартискаръ до Сурама вообще воздухъ не совсѣмъ благопріятный. Кромѣ того, это селеніе можетъ служить образчикомъ мѣстностей, какія Грузины избирали въ старое время для устройства своихъ жилищъ; дѣйствительно, большая часть городовъ и деревень, начиная съ Персидскихъ границъ и отъ самаго Тифлиса, расположены въ тущобахъ между горъ, или на мѣстахъ высокихъ и неприступныхъ. Такое военное положеніе, произошло по причинѣ нашествій Персовъ, Турокъ, горскихъ хищниковъ и болѣе Лезгинъ ихъ сосѣдей.

Проѣзжая по отдаленнымъ мѣстамъ Закавказья, смотря на вершины горъ покрытыя лѣсомъ, думаете, что этихъ мѣстъ еще не касалась нога человѣка; но вдругъ неожиданно, удивленному взору вашему, представляется на этихъ высотахъ, или развалины каменныхъ башенъ и крѣпостей, гдѣ скрывались окрестные жители въ дни бѣдствій, или храмъ изъ тесаннаго камня, величественно вознесшій главу свою надъ лѣсистую пустыню. Таковые храмы истинно великолѣпны: ибо составляли единственное достояніе народа, цари и князья, жертвовали на украшеніе ихъ всѣ пріобрѣтаемыя ими богатства и отстаивали до послѣдней капли крови. По

этимъ церквамъ можно судить о Христіанской любви, славѣ, гордости, жизни и роскоши Закавказскихъ народовъ. Съ Сантависа спускаетесь къ г. Гори, и по мѣрѣ приближенія къ нему, мѣстность съ лѣвой стороны возвышается болѣе и болѣе и образуетъ холмистую цѣпь, съ которой во время дождя стремятся на дорогу протоки. За холмистою цѣпью представляется вдали на разравненной плоскости г. Гори съ храмами и высокою цитаделью; кругомъ его слѣдуютъ обширныя пашни и сѣнокосы. Г. Гори расположенъ при слияніи р. Куры съ Мяхвой, омывающихъ его съ двухъ сторонъ; въ немъ построены прочно изъ камня, довольно - красивыя присутственныя зданія и казармы. Обширные храмы съ величественными куполами, особенно Католическій, могутъ служить украшеніемъ даже и столицѣ. Частныя дома сложены изъ дикаго камня и кирпича и, носятъ на себѣ печать древности и Азіатскаго вкуса; изъ нихъ много есть съ окнами на дворъ, съ плоскими землянными крышами, а нѣкоторыя, имѣютъ Греческія окна съ желѣзными решетками, изъ за которыхъ можете различить орлиный носъ и продолговатый лобъ Армянки — красавицы, закутанной въ бѣлое покрывало или чадру. Однакожь не подумайте, чтобъ Армянки были дикіи, и также по прежнему держали себя строго, напротивъ, отцы и мужья ихъ люди полусвѣтскіе, Европейскіе, прежнюю строгость обычая скрыли въ почерпѣлыхъ старинныхъ домахъ, отъ того жены и дочери ихъ, и даже самыя старухи любятъ одѣться прелестно въ Грузинскую катибе, которая много охватывая талию, граціозно развѣвается развѣзными своими рукавами; головной уборъ ихъ, въ родѣ нашего кокошника, не такъ кажется страннымъ отъ бѣлой — въ родѣ вуали — лачаки; старушки же и бѣдныя молодыя дѣвушки закрываются чадрами. Глядѣть на нихъ довольно забавно, когда во время ненастья пробираются по узкимъ улицамъ въ своихъ Азіатскихъ башмакахъ, сдѣланныхъ съ высокими каблуканіи: башмаки спадывая открываютъ голыя ноги красавицы и покрываются липкою грязью. Такіе башмаки Азіатскаго вкуса во всеобщемъ употребленіи на Востокъ, но здѣсь можете найти и легкіе горскіе чавеки, ко-

торые продаются въ деревянномъ закрытомъ базарѣ, прилегающемъ въ центрѣ города къ полуразвалившимся камешнымъ лавкамъ и жилищамъ, что довольно опасно при пожарѣ. Въ Гори квартируетъ Грузинскій полкъ и поддерживаетъ купеческій его бытъ. Замѣчательность города, есть древняя цитадель обнесенная каменною стѣною, съ зубцами и бойницами. Она расположена на холмѣ, имѣющимъ перпендикулярной высоты отъ рѣки 20 и 25 сажень.

Теперь пойдѣмъ далѣе изъ г. Гори. Сначала должны перейти въ бродъ свѣтлыя струи Лиахвы, удерживаемыя плотинами: волны ея стремятся быстро и, во время ненастья возвышаясь, опрокидываютъ большія Карталиискія арбы съ пискливыми колесами, везомыя буйволами, подъ управленіемъ грубыхъ, кликливыхъ перевозчиковъ. Опасный разливъ Лиахвы затопляющій окрестность, заставилъ приступить къ постройкѣ длиннаго деревяннаго моста. Перѣхавъ рѣку, вы поднимаетесь три версты и потомъ, по глинистому склону, открывающему предъ вами обширную, чистую долину Карталиніи съ земледѣіемъ, останавливаетесь на время около древнѣйшаго селенія Нино - Цмнды, бывшаго мѣстомъ жительства владѣтеля Карталиніи и Епископа. Въ немъ нѣсколько каменныхъ церквей древняго готическаго вкуса; дома частныхъ лицъ сложены изъ глины. Далѣе за селеніемъ, слѣдуютъ виноградные и фруктовые сады, потомъ пахатная степь длиною на 20 верстъ и болѣе, безъ всякаго жительства до Гаргарепъ; откуда простирается чистая долина покрытая луговою травою и лѣскомъ, по ней кое-гдѣ разбросаны селенія съ церквями, также хутора Карталинецъ и Грузинскаго полка. Прѣзжая эти мѣста, при великолѣпномъ восходѣ солнца, вы за пять верстъ видите Сурамскій постъ большимъ бѣлымъ пятномъ; въ двухъ верстахъ отъ него къ горамъ, возвышается древняя каменная крѣпость Сурамъ съ форштатомъ: она считалась издревле рубежомъ Имеретіи отъ Карталиніи.

Отъ Сурама до Кутаиса такое дивное мѣстоположеніе, что всѣ путешественники отъ него въ восторгѣ; и дѣйствительно, трудно выразить всю очаровательность здѣшней при-

роды. Проезжая даже пять, шесть разъ, вы съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе плѣняетесь, чувствуете новыя впечатлѣнія. Это мѣсто одно изъ красивѣйшихъ въ Имеретин: на пространствѣ двадцати верстъ къ Малнтамъ и далѣе, рисуется живописно по горамъ рядъ сосенъ, между ими мѣстами прозябають ель съ плющемъ и множество фруктовыхъ деревьевъ. Посреди этой роскоши природы, одно для васъ непріятно — эта несносная, ухабистая дорога; но для улучшенія ея принимаются мѣры: по всему пространству отъ Сурама къ Редуту заготовлены матеріалы. Достоинно замѣчанія, что туземцы, прежде чуждавшіеся наемныхъ работъ, принялись за нихъ съ усердіемъ, съ желаніемъ изучить ихъ основательно; за труды свои, они получаютъ хорошую плату.

Улучшеніе сообщеній Тифлиса съ Редутомъ, должно имѣть важныя послѣдствія для развитія Закавказской торговли, особенно для украшенія Имеретин. — Бѣдность нисшаго класса превосходитъ всякое въроятіе, и трудно себя представить, чтобы житель такихъ плодородныхъ странъ, терпѣлъ крайнюю нужду въ самыхъ необходимыхъ предметахъ домашняго быта. Впрочемъ жизнь Имеретинъ чисто пастушеская, и мало измѣнилась въ основахъ прежней патріархальности.

Отъ Малнта къ Бѣлогорамъ пролегаетъ дорога по живописному ущелію, стороны котораго раздѣляетъ Шура и шумная, извивающаяся Чкеримела. Она ниспадая съ Западнаго склона Сурамскихъ горъ, имѣетъ множество мостовъ до р. Квирилы, и вамъ придется переѣзжать ихъ безпрестанно, потому что взда въ гористой тѣснинѣ, чрезъ стремительные потоки, сопряжена съ гибелью; вотъ почему въ отдаленное время, образованные побѣдители строили здѣсь мосты. Надобно замѣтить, что Имеретинцы живутъ не деревнями и разбросанными саклями, что отнести должно къ мѣстности, привычкѣ къ разсѣянной жизни и болѣе къ той необходимости, которую ставили они непріятельскимъ набѣгамъ въ разсыпномъ видѣ; такія сакли разбросаны въ ущелии и предъ Бѣлогорами, гдѣ мѣстность расширяется: тутъ расположены онѣ по меловымъ или луговымъ склонамъ горъ, за ними живописно ри-

суются гранитные или дикаго камня отвѣсныя скалы, гдѣ по разсѣлинамъ вьется плющъ разнаго рода, мохъ, кустарникъ и болѣе рододендръ безъ цвѣта; постоянная ихъ зелень, даже въ зимнее время, обворожительна и рѣзка для взгляда. Съ Бѣлогоръ, по направленію теченія Чкеримелы, тянется по обѣимъ сторонамъ цѣпъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, пахатыми, а по скатамъ саклями. Тутъ можно вдоволь насмотрѣться на Имеретинскихъ лазарони, безыѣчно удящихъ въ рѣкъ рыбу, и поглядывающихъ на проѣзжихъ съ самодовольною улыбкою: при этомъ постоянномъ занятіи, или лучше сказать забавѣ, они вообще носятъ на себѣ отпечатокъ патріархальности: даже въ зимнее время почти всегда полуголы.

Рѣка Чкеримела, съ истока своего примѣтно расширяется, и если бы она не имѣла большихъ камней, свалившихся съ вершинъ горъ и дорогъ, то могла быть судоходною, что очень жалко, хотя нынѣ для поэтовъ она болѣе восхитительна. Пробѣгая съ быстротою по широкому, кремнистому ложу, она въ постоянной битвѣ съ подводными камнями; часто струи ея расшибаются съ гуломъ, въ алмазныхъ радугахъ; и производятъ влажность въ воздухъ. Чкеримела соединяется сзади Сарапаны съ р. Квирилою. Здѣсь на возвышеніи расположенъ былъ въ древности г. Сарапана, процвѣтавшій некогда всемірною торговлею; нынѣ нѣтъ и слѣдовъ прежняго богатства и величія, кругомъ развалины царствуетъ могильная пустота, видны только груды разсыпанныхъ камней, и мѣстами уцѣлевшія отъ времени стѣны крѣпости — какъ вѣнецъ минувшей славы.

Рѣка Квирила имѣетъ истокъ на Осетинской границѣ, съ еланцовыхъ горъ Кавказа. Протекая на Западъ около разрушеннаго г. Сарапана и Квирилскаго поста, перерѣзываетъ дорогу изъ Грузіи въ Имеретію. Протекая отъ сюда шесть-нанадцать верстъ, впадаетъ въ р. Ріонъ, около Вардиха. Вода Квирилы нездорова, содержитъ въ себѣ много частицъ металлическихъ. Въ р. Квирилу впадаютъ тринадцать небольшихъ ручьевъ.

Бросимъ краткій историческій взглядъ на этотъ городъ.

Сарапана будучи основана съ времяъ Аргонавтовъ или не много позже, сдѣлалась въ Закавказьѣ единственнымъ мѣстомъ для торговли. Историкъ Вахтангъ относитъ построение ея Грузинскому царю, жившему за три вѣка до Р. Х., тому самому, который по смерти Александра Македонскаго, воюя съ Колхидою, старался въ ней укрѣпиться; но этотъ фактъ не совсѣмъ достовѣренъ, скорѣе можно приписать постройку Сарапаны народу болѣе расчетливому, отважному и купеческому - именно Грекамъ, сдѣлавшимся обладателями Колхиды и Закавказья, за 1000 лѣтъ до Р. Х.

Поселъ Сарапана была неоднократно занимаема Римлянами, упала и снова воздвигалась; такъ, во времена Юстиніана и Хозроя Персидскаго, устроившихъ ея цвѣтущее состояніе, она сдѣлалась складочнымъ пунктомъ товаровъ, привозимыхъ съ Чернаго моря по Фазису и Квириль, и съ Каспійскаго моря по Куръ къ Сураму, и оттуда сухимъ путемъ. Словомъ, Китайскія, Индѣйскія, Персидскія, Греческія и Римскія произведенія, соединялись въ Сарапанѣ для мѣнцовой торговли и, доставляли здѣшнимъ купцамъ не смѣтныя богатства: прибыль ихъ, по увѣренію Плинія, была сто на сто. Въ послѣдствіи Сарапана, служила центромъ непрестанныхъ войнъ Карталинн съ Имеретинами. Лучше сказать, завоеватели отдѣленные отъ своихъ странъ и помощи Сурамскимъ хребтомъ, не оставались долго въ бѣдномъ краѣ, покрытомъ дремучими лѣсами, безъ городовъ, селеній, съ вреднымъ для вѣнъ климатомъ и, удалялись оныя въ свое отечество. - Имеретія соединенная въ одно государство съ Иверією Абхазскими Багратидами, въ концѣ X столѣтія, пользовалась временною благоденствіемъ, которое отразилось и на Сарапану, она процвѣтала; но подъ конецъ царствованія Русудани, нашествіе Монголовъ, раздробленія этой страны на удѣлы: на Кахетію, Карталинцію, Ахальцыхъ, Имеретію, Мингрелію, Гурію, Абхазію и Сванетію, городъ Сарапана сдѣлался слабымъ въ торговлѣ, и наконецъ совершенно палъ. Не смотря на водвореніе власти Имеретинскаго царя, и на все желаніе Турокъ тутъ поселившихся, поднять его торговлю, она уже не возставала.

Въ двухъ верстахъ отъ Сарапаны, катить свои тихія воды рѣка Квирила; перѣхавъ въ паромъ на другую очаровательную сторону, останавливаетесь въ деревянномъ Квирильскомъ посту гдѣ для путника находятся всѣ удобства. Замѣтимъ, что дома для проезжающихъ, отъ Владыкавказъ до селенія Хони, хорошей постройки, имѣютъ прислугу, и путешественникъ можетъ найти для себя все необходимое, а главное: покой и тишину.

Солнце скрывалось за горизонтъ и живительная прохлада заступила мѣсто зноя, когда мы оставили Квирильскій постъ, расположенный на равнинѣ осѣненной изрѣдка лѣсомъ.

Отсюда по широкой дорогѣ лежащей между пашнями, лугами, на которыхъ представляются глазамъ безпрепятствныя фіалки, цвѣтушіе персики съ обвитымъ плющомъ, и большія стада дикихъ утокъ, гусей перелетающихъ съ лѣсныхъ низменныхъ береговъ р. Квирилы идущей въ 200 шагахъ отъ дороги, вы слѣдуете къ Симонетскому посту, построенному на крутомъ возвышеніи за рѣчкою. Здѣсь мѣсто роскошно, усѣянно пирамидами древъ съ виноградными лозами, и даетъ одну изъ лучшихъ картинъ; здѣсь странникъ дѣлается какъ-то добрѣе, природа умягчаетъ его чувства и даетъ свободу воображенію.

За Симонетами къ Кутансу, тянутся вправо и по дорогѣ межъ лѣсомъ известковые пласты. Въ старину здѣшній лѣсъ былъ непроходимъ, нынѣ, нѣсколько вырубленный мѣстами, до рѣчки Красной или Цхальтицели, раздѣляется пахатями. Отсюда начинается спускъ по глинистой горѣ, переездъ черезъ эту рѣку и крутой подъемъ къ Кутансу, гдѣ на возвышеніи, первую вамъ встрѣчу дѣлаетъ каменный храмъ съ кладбищемъ; за нимъ тянутся въ городъ двѣ линіи деревянныхъ домовъ въ родѣ дачъ.

ГЛАВА VI.

Помните ли дѣти горь и равнинъ Имеретіи того, кто часто отдаваясь сердцемъ бралъ въ руки арфу, и воспѣвая подобно барду Оссіану вашу природу, вѣру, добрыя нравы, красавицъ и дружбу, сливалъ съ доброю Шотландіею, съ ея Фингалами и Кленморами. Блаженное молодое время прошло, я могу только вспоминать и желать вамъ счастья!

Кутансъ, древнѣйшій городъ въ Европейскомъ мірѣ, расположенъ въ глубокой долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ крутыми и скалистыми возвышеніями; имѣетъ три храма: Русскій, Имеретинскій и Армяно - Католическій, обширную зеленую площадь съ полсадомъ, въ параллель которой идутъ красивые домики и прямыя широкія улицы. Въ городѣ находятся казармы Линейнаго баталіона, деревянный длинный базаръ, куда въ среду приходятъ и пріѣзжаютъ Имеретинцы даже изъ дальнихъ мѣстъ; тутъ можете вполне налюбоваться этимъ совершенно — рыцарскимъ народомъ: съ перваго взгляда, онъ бросается вамъ въ глаза своею мужественною военною красотою, отважностію, добротою и веселостію. Почти всѣ товады и азнауры высоки ростомъ и сложены прекрасно.

Р. Ріонъ омываетъ Кутансъ змѣистою, шумною лентою: черезъ эту рѣку сдѣланы два моста, древніе же жители дѣлали мостъ гдѣ нынѣ артиллерійскія бани и лошадиный бродъ. Пѣшеходу перейти рѣку невозможно, потому что она, по крайней быстротѣ своей и глубины, очень камениста; страшно глядѣть съ моста на стремленіе Ріона, особенно около каменнаго Дадіанова замка, гдѣ магазинъ; тутъ ярость волнъ катящихся одна за другою и ударяющихся стремглавъ о камни, производитъ шумъ и страшный грохотъ потрясающій даже нервы; за тѣмъ воды идутъ, то быстро, скромно, то съ новымъ оглушительнымъ ревомъ, грохотомъ, сражаются съ препятствіемъ.

Рѣка Ріонъ или Фазисъ, извѣстна въ описаніяхъ Похода

Арго въ Колхиду. Много древнихъ писателей говорили о ея золотыхъ розсыпяхъ, подтверждавъ въ новѣйшее время графъ Мусниъ - Пушкинъ, но теперь нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ. Ріонъ начинается у селенія Цегъ. Идетъ сначала на Востокъ до с. Они, въ очень узкомъ ущеліи, образуемымъ Южными шифернымъ и слѣзнымъ хребтомъ Кавказа, но далѣе, поворачивая постепенно на Западъ, распространяетъ русло свое и наклоняется къ Ю. Ю. З, пробѣгаетъ шумно Рачинскій округъ и г. Кутансъ, отъ котораго поворачивая на Западъ, течетъ между известковымъ хребтомъ и предгоріями Кавказа. Принявъ рѣку Квирилу у Вардциха, Ріонъ расширяясь до 50 сажень дѣлается судоходнымъ, и проходитъ извиристо по равнинѣ къ к. Поти, гдѣ вливается въ Черное Море. Теченіе сей рѣки, по прямой линіи, составляетъ 220 верстъ, изъ которыхъ 160 верстъ происходитъ въ Имеретин; но если считать всѣ извилины теченія, то оно будетъ гораздо больше. Въ Ріонѣ втекаютъ семнадцать небольшихъ рѣчекъ.

За Ріономъ тотчасъ, возвышается на 100 сажень почти отвѣсная гора, на вершинѣ которой встарину былъ основанъ городъ Кутансъ, перенесенный уже послѣ въ дощину; чему доказательствомъ служатъ кругомъ идущія каменные стѣны вросшія въ землю, также остатки храмовъ и зданій; вправо ихъ находится цитадель, отнятая Русскими у Турокъ: она теперь исправлена и вооружена. Около ея возвышаются руины величественнѣйшаго на Кавказѣ храма, во имя Св. Троицы, построеннаго Багратомъ Імъ, въ концѣ X столѣтія; храмъ этотъ покрытъ плитнякомъ, и какъ замѣтно, имѣлъ прежде внутри очень толстыя колонны, высокій куполъ и Греческую живопись, — что частію сохранилось теперь, и изумляетъ всякаго ученаго путешественника древнимъ величіемъ. Храмъ разрушенъ Турками при Багратахъ Слѣпомъ, когда они взяли цитадель, слѣдовательно, уже два столѣтія стоитъ въ запустѣніи.

Вблизи этого храма, на зеленой покатости, устроена маленькая церковь, гдѣ сохраняется старинный, прежняго храма образъ Св. Дѣвы Маріи. Къ церкви примыкаетъ Архіе-

ипсколскій домъ, семинарія и сагли прочаго духовенства. Отсюда видъ на Кутансъ и на окрестность неподобенъ. Въ цитадели есть тайные длинные проходы къ Ріону и въ пещеры, въ которыхъ, по увѣренію туземцевъ, хранится разное древнее ихъ оружіе и вещи; но эти пещеры еще не исследованы. По лѣвую сторону длинной горной покатости, развертывается за Ріономъ плоская равнина съ густою травою, она заключена между высокимъ и частымъ лѣсомъ, была же расчищена для ученья артиллерійстами, здѣсь ихъ паркъ и каменные казармы. Тутъ около Ріона, расположены въ одну линію лавки съ седьскими и мѣлочными товарами, сагли Имеретинъ, заѣзжіе деревянные дома, и въ сторонѣ за лѣсомъ штабъ Донскаго казачьяго полка. Въ 9ти верстахъ по Ріону, видны на долинь развалины Тамарина замка, около нѣмня товаровъ Агіа-Швили. Ріонъ имѣетъ здѣсь песчаные и лѣсистые острова, въ которыхъ обитаетъ безчисленное множество дроздовъ, горлицъ и зайцевъ. Вода въ Ріонѣ превосходна, но только во время ненастья, будучи усилена глинистыми потоками, имѣетъ цвѣтъ бурый. Мы часто купались по зарямъ въ этой рѣкѣ и испытали на опытъ, что это чрезвычайно здорово, укрѣпляетъ тѣло и не позволяетъ произить его. Восточно - горячему и Сѣверному вѣтру и произвести здѣшнюю господствующую лихорадку. Занимаютъ городъ: Русскіе, Имеретины, Армяне, Католики и Евреи, послѣднихъ здѣсь цѣлая неоприятная улица. Батарей и Линейный батальонъ, имѣютъ свое хозяйство въ 18ти верстахъ отъ Кутанса къ Редуту, на уроч. Нарін, при рѣкѣ Губецхалѣ, которая окружена заглохшимъ гнилымъ лѣсомъ, мелкимъ дико-растущимъ орѣшникомъ, пашиями туземцовъ, сыпкосомъ и болотомъ, окруженностію верстъ на 10ть, однакожь, продѣланные изъ него спуски въ р. Губецхалѣ спасаютъ туземцевъ отъ вредныхъ дѣйствій испареній, скошенная же осока употребляется на покрывку хозяйственныхъ заведеній, и по нуждѣ, въ кормъ скота. Около лѣсистыхъ, тѣпистыхъ береговъ Губецхалы, развертывается чистая поляна назначенная для артиллерійскаго ученья. Быстрая вода Губецхалы, хотя по видимому и чиста,

но прѣходя околѣ засореннаго лѣса, болотныхъ мѣстъ, людьми не употребляется, они пользуются холодными, кристалльными родниками опоясывающими строеніе, поэтическій лѣсокъ и садъ разведенный съ 1833 года. Въ верстѣ отъ артиллерійской Наринъ пролегаетъ въ бродѣ черезъ Губецхаль старая Кутанская дорога къ Редуту, на семеніе Хони и Марань, съ боку которой, путешественникъ замѣтитъ остатки казачьяго поста, духанъ и въ водяныхъ грязныхъ выбоинахъ, валяющихся буйволовъ, свиней, и болѣе ничего. Вблизи Кутанса, въ 7 верстахъ на Сѣверо - Востокъ, есть значительный Гелатскій монастырь

Дорога къ Гелати слѣдуетъ по каменистому берегу Ріона или Фазиса, на которомъ видны красныя пятна. Имеретины, согласно преданію, увѣряютъ, что эта вшившаяся кровь ихъ предковъ, мучениковъ за святую вѣру, спасавшихся отъ Персіанъ въ Гелатскій монастырь. Дѣйствительно, мягковатые камни заключая поры или скважность могутъ впустить кровавую краску, отъ чего въ древнія времена на Кавказѣ, высѣчены были безъ большаго труда и малымъ числомъ народа, внутри скалистыхъ горъ, обширные, удивительные храмы, которыхъ остатки мы видимъ теперь; но преданіе, мнѣніе Имеретинъ подлежатъ сомнѣнію, ибо вода идущая съ горъ водопадомъ или каскадомъ, спускающаяся по этимъ камнямъ въ Ріонъ, всегдашняя туманная влажность здѣшняго воздуха, могли временемъ смыть кровь, но она осталась; что заставляетъ отцести пятна вѣрнѣе къ игрѣ природы; но впрочемъ ручатся за это положеніе нельзя, ибо Господь для чуда, могъ совершить невозможное даже мыслятъ; въ этихъ же мѣстахъ, производились чудесныя явленія Его Всемогуущества въ VI вѣкѣ и помѣщены въ описаніи мучениковъ Давида и Константина, которыхъ святыя останки покоятся въ Гелатахъ. Этотъ монастырь находится близъ рѣчки Цхальтицели или Красной, прозванной потому, что во время паводка и таянья снѣговъ, ручьи пробѣгалъ быстро и шумливо по красно - глинистымъ склонамъ, дѣлають воду рѣчную бурого цвѣта. На лѣвомъ берегу рѣки на разравненномъ косо-

горѣ, имѣющемъ отъ нее перпендикулярной высоты около 80 сажень, находится монастырь обнесенный каменною высокою стѣною, имѣющею двое воротъ съ каменными сводами, при которыхъ зданія: одни съ Восточной стороны, другіе съ Южной; надъ послѣдними тянется каменная кладовая. Въ монастырѣ находится одна половина желѣзныхъ воротъ съ Арабскою надписью, изъ которой узнаемъ: что она привезена изъ Карабаха царемъ Давидомъ Созидателемъ (Агмашенеблемъ), и работы мусульманина. Монастырь построенъ въ XII столѣтіи для погребенія Давида и его потомковъ. Близъ ограды, съ Востока и Юга, проходитъ хребетъ крутыхъ и высокихъ отроговъ Кавказа. Мѣстоположеніе изумительное. Передъ монастыремъ раскинуты зелено-шелковые луга, орошаемые непрерывно проводными ручьями; вдали разбрасываются лѣсистые, скалисто-гранитныя отрасли, и за ними къ Востоку маститый старецъ Кавказъ. Гелати господствуетъ надъ странюю плѣнительностію мѣста и прочностію постройки. Богомольцевъ изъ окрестныхъ и дальнихъ мѣстъ бываетъ всегда очень много; даже для такихъ внутри монастыря устроены пріютъ и трапезная.

Послѣ разоренія Турками города Кутанса въ 1571 г., монастырь Гелати, главное основаніе вѣры Имеретинъ, былъ два раза разрушаемъ; но преданность ихъ, какъ рыцарей Св. Креста, снова воздвигала его еще въ величественнѣйшемъ видѣ. Словомъ сказать, нельзя было выразиться вѣры сильнѣе, могущественнѣе, какъ она выразилась здѣсь въ жесточайшихъ мученіяхъ. Имеретинны, разоренные до нельзя, осыпавъ пепломъ кудрявую главу свою, шли на всевозможныя страданія и погибали съ чувствомъ величайшаго смиренія за владыкъ своихъ; великое чувство: быть участниками славы Христа, столь воодушевляло ихъ, что они забывали удовольствіе среди семейства, среди роскошнѣйшихъ женщинъ и благодатной природы и отдавались на жертву мусульманъ и властителей; послѣ нихъ оставался жить духъ въ ихъ потомкахъ — они создавали велелѣпіе храмовъ и научали дѣтей славословію. Такое положеніе слѣдовало обыкновеннымъ порядкомъ: за-

конъ природы разнѣ и славилъ себя своевременно, и памѣ оставилъ на память среди каменной ограды, великолѣпную, большихъ формъ церковь, изъ блѣдно - желтаго плитняка, крытую листовымъ желѣзомъ. Внутренность ея писана Греческимъ, иконнымъ письмомъ: въ олтарь, на горнемъ мѣстѣ образъ Божіей Матери съ Превѣчнымъ Младенцемъ и два Ангела изъ мозаики. Иконостасъ писанъ на холстѣ и кромѣ Царскихъ, Сѣверныхъ и Южныхъ вратъ, имѣетъ сорокъ семь образовъ; изъ нихъ многіе въ золотыхъ, серебряныхъ ризахъ, украшены драгоценными камнями, жемчугомъ и святыми частицами мощей, вѣданными въ образа. Церковною утварью и ризницею монастырь, чрезъ пожертвованія, богатъ. При соборѣ находится пять придѣльныхъ церквей. Образъ Св. Божіей Матери, по преданію Грузинскихъ лѣтописцевъ и туземцовъ, писанъ будто - бы Св. Евангелистомъ Лукою, и описанъ въ 1й книги, въ путешествіи Патріарха Досифея. Около Гелати находятся сѣрные и нефтяные ключи и отыскивается черный янтарь.

Приступая къ дальнѣйшему слѣдованію изъ г. Кутанса къ Черному Морю, замѣтимъ необходимое для всякаго читателя.

Теперь, когда вся Европа покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ и въ нѣсколько десятковъ дней можно обозрѣть ее, любопытному страннику, жаждущему видѣть новыя предметы, чувствовать новыя впечатлѣнія, пѣтъ уже въ ней пищи; страны ея могутъ быть новы для того, кто не читалъ сотни описаній и не видѣлъ гравюръ вѣввозможныхъ видѣвъ, взятыхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, что кажется очень легко всякому человѣку не выходя изъ комнаты, лишь бы только имѣлъ онъ въ томъ желаніе и надобность; отъ того теперь, чтобы сдѣлать заслугу въ ученомъ свѣтѣ, надобно отправиться къ полюсамъ или въ знойныя степи Африки и рассказывать міру новости, болѣе или менѣе занимательныя.

Между тѣмъ, на граничной чертѣ Европы и Азии, есть край, извѣстный не болѣе самыхъ полюсовъ, край неподобный въ мірѣ, гдѣ древній бытъ сохранился не хуже древностей Помпей, сбереженной землею, въ продолженіе восемнад-

цати вѣковъ. Но настанетъ время, когда кочующіе иностранцы, искатели сильныхъ ощущеній, провѣдавъ, что вблизи ихъ родины, сохранился первоначальный бытъ чловѣка съ обществомъ среднихъ вѣковъ феодализма — поспѣвать на Кавказъ съ болѣею любовью и жадностію, чѣмъ въ Швейцарію, гдѣ уже упрочилось Европейское образованіе, удалившее первоначальные права жизни.

Нѣтъ въ мірѣ уголка какъ Кавказъ, гдѣ бы въ такой степени, на маломъ пространствѣ, была расточена вся прелесть и роскошь природы. Взойдите на любую его гору, и въ одно мгновеніе вы соединитесь съ вѣчно - снѣжными вершинами гдѣ жизнь цѣпенѣтъ, и съ морскимъ лономъ на границѣ котораго цвѣтутъ миртъ и лавръ. Слѣдуя по ступенямъ роскошной, трепещущей сладостію природы, къ холодной, безмолвной и печальной ея безжизненности, вѣчному - льду, замѣтите, какъ развиваетъ она свое творчество между двумя крайними предѣлами своего царства; но вы не укажете, гдѣ она слабѣе, гдѣ могущественнѣе: тамъ ли, гдѣ связанный гранью смерти лежитъ вѣчный ледъ или, гдѣ тихо зыблющееся море играетъ съ огненными лучами южнаго солнца. Одинъ лишь народъ, населяющій эту землю, не знаетъ степеней благосостоянія, и равно подъ пальмой и лавромъ, или подъ елью засыпанною снѣгомъ, равно бѣденъ и дикъ, можетъ быть бѣднѣе праотца Ноя, когда онъ вышелъ изъ ковчега на землю.

Почва земли всего пространства бассейна Ріона удивительно — плодородна, особенно, отъ впаденія р. Квиризы въ Ріонъ до самаго моря. По свидѣтельству образованныхъ иностранцевъ и образованныхъ Русскихъ, живущихъ въ Имеретіи, которые обозрѣли всѣ страны міра, трудно найти землю болѣе благодарную и болѣе способную для земледѣлія и плантацій, при такомъ благоприятномъ климатѣ, какъ около Вардиха и Багдата.

Вообще равнины Имеретіи, Мингреліи, и Гуріи при берегахъ Ріона, Квиризы, Цхеницхалы, Хопи и другихъ рѣкъ, покрыты лавромъ, бухшпаномъ (родъ пальмы), масличными и гранатовыми кустами и лѣсами колосальныхъ рододен-

дровъ; наконецъ, во многихъ мѣстахъ видны или лимонныхъ, померанцовыхъ деревь. Далье, идутъ непроходимые лѣса сладкихъ каштановъ и всѣхъ сортовъ орѣшниковъ, переплетенныхъ вѣчно - неувладемою зеленою сѣтью плюща и другихъ выющихся растений, и чѣмъ выше къ горамъ, фруктовые лѣса обращаются въ безконечные виноградники, въ которыхъ каждое дерево служить опорой чрезвычайно - длинной вѣтвой лозѣ. Съ каждою саженью вверхъ, природа и климатъ измѣняются, и горы составляющія предѣлы равнины, несутъ на себѣ печать Сѣвера до царства вѣчныхъ снѣговъ. Подножіе горъ составляютъ равнины, покрытыя гигантскими кустами, или лучше сказать, деревьями благоухающихъ рододендровъ, за ними вверхъ: кизилъ, шептала, самшитъ, каштанъ, крылатый орѣшникъ, липа, тополь, дубъ, ольха, букъ, сосна, ель, береза, горныя растенія и наконецъ опять рододендръ вѣнчаетъ растительность, составляя первую и послѣднюю ея ступень. То, что на поверхности земли изумляетъ своимъ величіемъ и растительностію, то соединяется здѣсь на маломъ пространствѣ.

Но отъ чего при богатствѣ и роскоши природы, невиднo нигдѣ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, не видно трудовъ его? Провѣзжая чрезъ равнину, вы только идѣте между деревьями, встрѣчаете малые лоскутки земли засѣянные кукурузой и томіею и убѣждаетесь, что туземцы еще не совсѣмъ предоставили попеченіе о своемъ пропитаніи, единственно заботамъ о нихъ первобытной матери природы. Взгляните на бѣдный народъ, какая нищенская бѣдность: ноги безъ обуви, изодранныя рубахи подпоясанныя коженнымъ ремнемъ или веревкой, прикрывая наготу до колѣна, показываютъ крѣпкія античныя формы тѣла; на головѣ круглой лоскутокъ сукна или тафты съ подкладкой подвязанъ подъ подбородкомъ: изъ подъ этой легкой шапочки, разсыпаются густыми прядями и кудрями длинныя черныя волосы; едва на десятомъ увидите лохмотья чохы или вытертую бурку. Единственный экипажъ — арбу, тащатъ два малые вола; арба съ двумя изъ досокъ колесами, которые обившись дѣ-

даются изъ круглыхъ четырехъугольными; двѣ оглобли, соединясь угломъ въ ярмѣ, составляютъ подпорки передку и бороздятъ землю. При устройствѣ такихъ повозокъ, могутъ ли существовать въ исправности дороги? колеса временемъ проборождать и желѣзо. Перенеситесь только за Сурамскій хребетъ въ Карталинію или въ Ахалцыхъ, верстъ за 30ть, тамъ изумитесь противоположности въ дѣятельности народа и размѣрахъ арбъ, тамъ увидите длиною въ двѣ сажени, на двухъ огромныхъ колесахъ имѣющихъ сажень въ ходу; такую арбу съ горою сѣна, тащить семь, восемь паръ крупныхъ воловъ; скрытъ ся слышенъ издалека; но было время, что и здѣшніе туземцы не понимали цѣну работы, и скотъ свой пасли лѣтомъ и зимою на подножномъ кормѣ, нынѣ, познавъ свою неосновательность заготавливаютъ сѣно на зиму.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что военное состояніе, смуты, отсутствіе всякой промышленности, климатъ и богатство даровъ природы, довели здѣшній народъ до такого безпѣчнаго состоянія и лѣности, и обитателей богатѣйшей полосы въ свѣтѣ сдѣлали бѣднѣйшими: уединенные отъ остальнаго міра горами и моремъ, они не знаютъ, не воображаютъ, что жизнь ихъ можетъ быть лучше настоящей, а представленные вмѣстѣ причины удерживаютъ народъ цѣлые вѣки въ первобытномъ дикомъ состояніи, и такой еще народъ, который обладаетъ въ высшей степени счастливыми умственными способностями и удивительными физическими силами. Но не всегда были они въ такомъ безсознательномъ состояніи собственныхъ силъ и силъ природы, было время ихъ просвѣщенной, дѣятельной жизни, слѣды ея, въ эпоху владычества здѣсь Греціи, Рима и Византіи, еще остались. Съ уничтоженіемъ силъ двухъ главныхъ владыкъ древняго міра, поддерживавшихъ этотъ край, изнѣженный народъ оставленъ былъ своей защиты среди горныхъ, суровыхъ племенъ, которыя отнявъ отъ него плоды просвѣщенія, дали въ замѣнъ богатства, счастья свою бѣдность, феодальныхъ владѣльцевъ и законы сильнаго - уничтожившіе права всякой собственности. При такомъ состояніи, могли ли существовать трудъ

и дѣятельность въ народѣ или стремленіе къ какому либо приобрѣтенію? Всякій добывалъ только насущный хлѣбъ себѣ и своему господину! Господинъ же, не только считалъ торговлю недостойнымъ ремесломъ, но даже продать излишекъ своихъ продуктовъ въ глазахъ его казался низко, и потому отъ крестьянъ требовалъ себѣ пропитаніе; за то для угощенія гостя, онъ не щадилъ имущество подвластныхъ, и часто отнималъ у нихъ послѣдняго рабочаго вола, и тѣ, безропотно повиновались его волѣ.

Имеретія огражденная отъ сѣверныхъ вѣтровъ высочайшимъ кряжемъ Кавказа, не смотря на возвышенное положеніе равнины въ центрѣ своемъ, образованной покатостями горъ, подвержена сильнымъ и продолжительнымъ вѣтрамъ, которые не такъ чувствительны по причинѣ частыхъ проливныхъ дождей. Вѣтры дующіе съ моря приносятъ всегда дождевыя облака, которыя бывъ удержаны горами и лѣсами сосредоточиваются надъ Имеретіей и производя сильную грозу и дожди, продолжающіеся нѣсколько дней сряду, освѣжаютъ воздухъ; отъ того зной бываетъ рѣдко и только въ тѣ годы, когда наименѣе дуютъ Западные вѣтры; но съ другой стороны, дожди поддерживаютъ и распространяютъ болота въ густыхъ лѣсахъ, непронускающихъ для осушенія лучей солнечныхъ: тутъ грунтъ топкой и состоитъ по большей части изъ глины, сгнившихъ листьевъ и растений; но за то въ тѣхъ мѣстахъ, куда проникаютъ морскіе вѣтры, деревья два раза въ годъ одѣваются зеленью и даютъ плоды; часто въ Ноябрь видна на всѣхъ деревьяхъ новая зелень. Но не здоровый климатъ и вредныя испаренія, производимыя сгнивающими на корнѣ высокими болотными растеніями - есть главная причина свирѣпствующихъ здѣсь болѣзней, дѣйствующихъ болѣе на пріѣзжихъ, несогласяющихся съ принятою одеждою туземцовъ, ихъ пищи и распредѣленію занятій по временамъ года. Полагать надобно, что болѣе число жителей, истребленіе дурныхъ лѣсовъ, осушеніе болотъ, обработка незанятыхъ нынѣ мѣстъ, сдѣлаетъ страну счастливою. Теперь стѣсненное положеніе страны лѣсами, обилующихъ всякаго рода звѣрями,

мѣшаютъ фруктовымъ деревьямъ достигать должной степени совершенства, а строевому лѣсу надлежащей крѣпости, толщины и высоты; отъ того жители Колхиды, не имѣя для пропитанія себя другихъ припасовъ кромѣ лѣсныхъ плодовъ, крайне бѣдны, это заставляетъ ихъ покидать родину, разсѣиваться по разнымъ областямъ Закавказья, и занимать тягостныя ремесла посыльщиковъ, угольщиковъ и бичей (слугъ). Выработываемыя деньги посылаютъ они къ своимъ семействамъ, чтобы доставить способы къ уплатѣ повинностей, а потомъ, не имѣя силъ работать дѣлаются часто нищими, и въ этомъ такъ сказать пропитаніи, препятствуютъ имъ владыцы, и они принуждены бываютъ уходить отъ своихъ семействъ, но малая молва объ истинномъ ихъ жителѣствѣ, занятіи, даетъ право роднымъ ихъ помѣщика объявлять на ихъ притязаніе, и они, для избавленія отъ тюрьмы, наказанія за бѣгство свое, должны откупаться всѣмъ нажитымъ втайнѣ состояніемъ.

Вообще Имеретины раздѣляются на сословія: товадовъ (князей), азнауровъ (дворянъ), церковныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ, считающихся съ малыми измѣненіями въ тѣхъ же правахъ, въ какихъ находятся эти сословія въ Россіи. Исповѣдуя Христіанскую вѣру, они имѣютъ своего Архіепископа, зависящаго отъ Экзарха Грузинъ, но Армяне, живущіе между ними, зависятъ отъ Эчмеадзинскаго Патріарха, Католикъ, отъ духовнаго управленія присылаемаго изъ Рима. Прежде Капуцины, находящіеся съ 1623 г. въ Кутансѣ, исправляли при царяхъ Имеретинъ обязанность медиковъ и безвозмездія лечили простой народъ; теперь ихъ нѣтъ, народъ пользуют Русскіе врачи и туземные знахари. Здѣшніе Евреи, поселившіеся въ незапамятныхъ временахъ и состоящіе въ большемъ количествѣ, имѣютъ свою синагогу.

Имеретины происходя отъ одного Кавказскаго корня съ Грузинами, имѣютъ съ ними большое сходство, но древнее сближеніе ихъ съ другими народами, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, оставило много чертъ своихъ не только въ обликѣ, но и въ нравственномъ проявленіи и обычаяхъ. Во-

обще Имеретины, повидимому слабѣе тѣломъ и не имѣютъ той свѣжести, которая отличаетъ жителей гористой части, особенно Рачинскаго уѣзда Имеретин.

Если испорченность нравовъ считать въ роскоши, въ питьѣ вина, то она и здѣсь нашла пріютъ и усиливается часами, но замѣчательно, что роскошь не имѣетъ еще губительныхъ слѣдствій потому, что она проявляется въ украшеніи оружія, одежды, питье же слабого вина — есть питье обыкновенное съ младенческихъ лѣтъ и замѣняетъ имъ родъ кваса, такъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ прожитыхъ нами между Имеретинцами, мы видѣли мало нетрезвыхъ, и тѣ вѣроятно выходили изъ предѣловъ своей скромной жизни, какими нибудь особенными случаями: на свадьбахъ, поминкахъ, похоронахъ или при рѣдкихъ праздникахъ. Кромѣ того и роскошь, болѣе замѣчаемая въ женщинахъ, находится въ довольно-странномъ положеніи, напримѣръ: онѣ одѣваются непременно въ шелковыя, богатѣйшія парчевыя платья, а не считаютъ за стыдъ ходить босикомъ; скамейки въ сакляхъ устилаются богатѣйшими коврами, а стѣны не смазаны даже известью.

Вообще Имеретинны сходны съ Грузинками, но только вмѣсто шапки, покрываютъ свою кудрявую голову пятиугольнымъ кускомъ сукна или тафты, привязаннымъ къ подбородку ремнемъ и тесемкой. Богатые щеголяютъ платьемъ обшитымъ множествомъ серебряннаго и золотого галуна, и вводятъ за собою толпу слугъ или бичей, которые слѣдуя бѣгомъ передъ всадникомъ, какъ бы указываютъ дорогу, — что иногда въ гористыхъ мѣстахъ даже необходимо, также при охотѣ, которую они очень любятъ.

Пища бѣдна и подобна Грузинской, но замѣчательно, что Имеретинны, современни своего подданства Россіи, пристрастились къ чаю, и употребляя его, особенно женщины, кладутъ въ стаканъ на половину сахара, и прибавляютъ немного краснаго вина. Такой чудеснѣйшій приторный нектаръ употребляется ими однакожь изрѣдка. Вообще угощеніе ихъ крайне привлекательно своимъ приличіемъ и нелицемѣрнымъ искрен-

ностию, и бываетъ въ особенно - назначенные дни. Въ такой праздникъ съѣзжаются много разныхъ лицъ, которые садятся за длинный столъ по званію и старшинству. Хозяинъ не садится а угощаетъ гостей. Угощеніе начинается виномъ. Замѣчательно, что только рѣдкіе праздники, заставляютъ хозяевъ открывать чапы съ виномъ, пахнущимся въ закрытой землѣ иногда 25 лѣтъ. Разумѣется, это вино заключаетъ въ себя необыкновенную силу и букетъ, такъ, что непривыкнутому достаточно одной азарпени или рога въ два стакана, чтобы предъ нимъ кружилось все. Но на Имеретинѣ, вино непроизводитъ такого сильнаго вліянія, бываютъ примѣры, что рогъ идетъ по порядку гостей почти постоянно три дня, а они трезвы, разсудительны; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и между ими есть слабые, но тѣ удаляются во свояси съоевременно, тотчасъ послѣ перваго обѣда, остальные же продолжаютъ пѣть и пить до нельзя, и уставши, охрипши ложатся около скамеекъ на полу; но почти всегда, часъ, два отдыха, и они готовы за прежнее дѣло.

Издревле есть обычай, когда товадь даетъ праздникъ, то приглашаетъ всѣхъ крестьянъ своей деревни, гдѣ находится. Если товадь посѣтитъ кого - либо изъ своихъ крестьянъ, то онъ обязанъ въ продолженіе его пребыванія угощать всю его свиту, которая часто бываетъ многочисленна. Этотъ обычай еще остался въ народѣ. Встарину цари ихъ съ большою свитою, разъѣзжали сряду нѣсколько мѣсяцевъ по владѣнію и пировали съ дворянами своими на счетъ подданныхъ; это приносило важную выгоду царству и поставлялось въ счетъ его доходовъ. Но такое высокое посѣщеніе, лишало крестьянъ послѣдняго пропитанія, ибо послѣ отъѣзда не оставалось у нихъ: ни быка, ни овцы, ни хорошаго оружія, все съѣдалось или забиралось владѣльцемъ. Легкая часть подобнаго обычая феодализма еще осталось до нынѣ.

Вообще жилища Имеретинъ разбросаны по лѣсу и возвышеніямъ, въ родѣ деревянныхъ шалашей, съ разложеннымъ на полу огнемъ, надъ которымъ готовятъ пищу и грѣются во время осенняго и зимняго холода. Эти сакли безъ

печей и каминовъ; болѣе же знатные и богатые товады, строятъ сакли въ родѣ Русскихъ домовъ и украшаютъ мебелью. Селенія болѣею частію расположены вблизи рѣчекъ, и въ каждомъ непременно, есть одна или нѣсколько каменныхъ башенъ, которыя нынѣ оставлены и часто представляются въ руинахъ. Искусство строить сакли не важно, полъ ея вымазывается глиною и известью, стѣны убиваются гвоздями, на которые вѣсятъ оружіе; скамейки внутри сакли покрываются ковромъ или цыновкой.

Жители селеній, расположенныхъ по возвышенному краю Сѣверной части горъ, живутъ весьма бѣдно; кромѣ ячменя, пшеницы и малаго количества овса, ничего не сѣютъ. Жители равнинъ имѣя плодородную почву, которой растительность усиливаютъ дожди, рѣки и ручьи, занимаются сѣвомъ огородныхъ произрастеній, и природа, малую заботу о посѣвѣ, вознаграждаетъ щедро: почти ежегодно покрываетъ фруктовыя деревья плодами и даетъ въ избытокъ зерновой хлѣбъ и просо, но недостатокъ земли для посѣвовъ, лѣность туземцевъ и болѣе недостатокъ въ сбытѣ - причиною бѣднаго ихъ состоянія. О посѣянномъ они мало заботятся, вспахиваютъ землю на нѣсколько вершковъ, а хлѣбъ всходитъ высоко такъ, что малый вѣтеръ ломитъ стебель. Работаютъ на полѣ деревяннымъ плугомъ и сохою посредствомъ быковъ; плугъ входитъ въ землю глубоко, ибо земля постоянно сыровата и пѣжна.

Во время работы, Имеретинцы поютъ печальныя пѣсни: таковъ всеобщій обычай на Востокѣ, заниматься за работою пѣньемъ, этотъ обычай сохраняется и на Югѣ, такъ, что верблюдовъ и быковъ въ дорогѣ, ведутъ не иначе какъ съ пѣньемъ, безъ пѣсней и они не такъ-то двигаются, всему причиною привычка.

Вообще хлѣбъ у горцевъ замѣняетъ гомія - родъ проса, но болѣе твердая. Сѣютъ какъ сарачинское пшено, вкладываютъ зерна въ ямки сдѣланныя пальцами, стебель бываетъ неравномеренъ, дасть до 500 зеренъ на одно. Собираютъ въ Октябрѣ и тотчасъ кладутъ на чистыя возвышенія, сушатъ двадцать дней на солнцѣ, отъ того зерна дѣлаются крайне - твердыми.

Дома готовятъ разныя издѣлія: ткуть сукна изъ овечьей и козьей шерсти, бумажныя холсты, канаусъ, дѣлаютъ галуны для кафтановъ, поясы, кокошники, вышиваютъ банімаки золотомъ и серебромъ; выдѣлываютъ кожи и сафьянъ, плетутъ изъ камыша рогожки для пола и паръ; женщины распоряжаются по домашнему хозяйству, вяжутъ бумажныя чулки, шьютъ для мужчинъ одежду, бантыки, посятъ воду, рубятъ дрова и часто даже чистятъ лошадей. Мужчины занимаются земледѣліемъ, садами, торговлею и ремеслами, изъ нихъ есть кузнецы, слесари, сѣдельники, мастера золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ, которые довольно искусно отдѣлываютъ серебро чернью. Необходимые для жизни издѣлія доставляютъ Армяне изъ Макарьева, но разныя мануфактурныя вещи привозятъ они изъ Трапезонды и Константинополя, за которыхъ прежде отдавали Имеретины своихъ дочерей, сестеръ, сыновъ въ гаремы Султана и вельможъ Турецкихъ, чѣмъ много улучшили ихъ поколѣнія. Такая торговля производилась болѣе чрезъ Армянъ, Евреевъ и Турецкихъ купцовъ. Чрезъ это самое, цари и феодалыя владѣльцы, доводили народъ до отчаянія, заставляли собираться толпами платить за притесненіе убійствомъ, за тѣмъ разсѣваться въ лѣсахъ, горахъ и жить подобно отшельникамъ, подсмѣивался надъ жестокою властію своего правительства, - въ чемъ поддерживали его болѣе сильныя товады, укрыпшіеся въ своихъ замкахъ: они считались часто независимыми или полузависимыми на условіи, держа при себѣ постоянно шайки удалцовъ, имѣющихъ извѣстное свое вліяніе на другихъ лицъ изъ азнауровъ и простаго народа; отъ чего первые, нося пышнѣ званіе дворянъ, пахотятся въ услуженіи при товадахъ, которые часто, составляя при себѣ дворъ услужниковъ, производили съ свои азнауры, давая имъ въ вѣчное владѣніе нѣсколько сакель подвластныхъ.

Часто для содержанія ихъ и необходимыхъ издержекъ и роскоши, требуемой гордостью, тщеславіемъ товадовъ, они занимали деньги подъ большіе проценты у Евреевъ, тутъ прежде во множествѣ живущихъ, и потомъ, будучи не въ состояніи платить, лишали ихъ послѣдняго имущества и жиз-

ни; въ чемъ помогали имъ Турки, почитая это единственнымъ средствомъ вывести ихъ родъ и себя отъ разоренія. Такія притесненія заставили Евреевъ разсѣяться по другимъ горнымъ странамъ или соединиться съ народамъ кроввыми узами; малые же, бѣдные остатки ихъ, упрочили свой бытъ подъ властію прежнихъ царей въ 'Кутансъ.

Гостепріимство и храбрость, Имеретины ставятъ въ ряду высокнхъ добродѣтелей, и предпочитаютъ смерть плѣну, въ ихъ мнѣніи постыдному. Имеретина можно взять въ плѣнъ только тяжело—раненнаго или убитаго, что иногда представляетъ битва, но и то рѣдко, ибо такія тѣла, товарищи стараются освобождать изъ рукъ непріятеля и увозить или относить въ безопасное мѣсто. Теперь во время мира, рѣдко имѣющій оружіе отлучится безъ него изъ дома: горькое, старое время, сдѣлало ихъ осторожными прожизвѣ всякой случайности.

Уваженіе къ старикамъ имѣетъ свое приличіе: никакой сынъ при отцѣ, и даже посторонній молодой человекъ, въ присутствіи старшаго или уважаемыхъ лицъ по званію и достоинствамъ, не имѣетъ права сѣсть безъ особеннаго приглашенія, и вступить въ разговоръ, пока не обратятся къ нему съ вопросомъ. Безъ всякаго сомнѣнія въ грубомъ классѣ народа, это правило не-совсѣмъ исполняется; съ приходомъ Русскихъ сдѣлался оцъ свободнѣе, но еще исполняетъ старые обычаи предковъ.

Женщины вообще очень красивы; отличаются приличіемъ и хозяйствомъ, большая часть изъ нихъ высоки ростомъ, цѣломудренны и крайне привѣтливы къ гостямъ, но женское кокетство и здѣсь не имѣетъ предѣловъ, любить завлечь неопытность, но и оцѣняетъ ее душевно. Семейства товадовъ, торговцевъ Армянъ и Имеретинъ — Католиковъ, есть такъ сказать главное основаніе ихъ правилъ и условій въ жизни.

Языкъ Имеретинъ одного корня съ Грузинскимъ, но болѣе грубъ, имѣетъ названіе многихъ вещей совсѣмъ другое а граммата таже. Вообще женщины умѣютъ читать и писать, мужчины менѣе, но теперь и они стали образовы-

ваются и дѣтей своихъ, если возможно, отдають въ Кутаисское училище.

Простой народъ, кромѣ домашнихъ обязанностей, занимается поправкою дорогъ за плату, многіе изъ него употребляютъ въ Закавказскомъ краѣ для перенесенія большихъ тяжестей и угольщиками. Часто съ изумленіемъ видишь на спинѣ ихъ ношу, которую едва въ пору положить на спину лошади, но такая тяжесть не утомляетъ Имеретинина, онъ привыкъ къ ней съ младенчества и, по силѣ одной, взваливаетъ на спину другую, и такъ разъ двадцать въ сутки.

Имеретія раздѣляется на уѣзды: Кутаисскій, Шарапанскій Вакинский и Рачинскій, послѣдній болѣе гористъ и имѣетъ въ себѣ народъ болѣе крѣпкаго сложенія, отличающагося отъ другихъ своими правами. Жители Вакинскаго округа дѣлаютъ сукна, довольно - хорошія шелковыя матеріи блестящихъ красокъ и узоровъ неуступающихъ Персидскимъ, умѣютъ извлекать краску изъ дикой марены и укрѣплять се въ издѣліяхъ. Каменный медъ составляетъ важную вѣтвь торговли въ рукахъ Армянъ, продающихъ его въ Ахальцыхъ и Константинополь. Вообще отпускные предметы состоятъ: изъ меда, воска, вина, кукурузы, воложскихъ и простыхъ орѣховъ, мѣховъ, кожи, простаго табака, орѣховаго дерева и шелка. Привозные товары, болѣе для Русскихъ здѣсь живущихъ: чай, сахаръ, кофе, соль, желѣзо, мѣдъ, сукна, парчи, разныя шелковыя и бумажныя издѣлія, также Европейскія вина. Такая торговля въ рукахъ Армянъ; Русскихъ же купцовъ Закавказомъ нѣтъ. Евреи производятъ торговлю болѣе въ горахъ съ разными племенами горцевъ, не исключая и независимыхъ, и привозятъ отъ нихъ: войлочные эпанчи, суконныя черкески сѣраго и чернаго цвѣта; необходимая домашняя посуда привозится изъ Россіи и изъ Тифлиса.

Имеретины менѣе занимаются скотоводствомъ чѣмъ Мингрельцы; скотъ пасется круглый годъ на подножномъ кормѣ, лѣтомъ во время зноя, по причинѣ множества оводовъ, онъ угоняется на вершины горъ, куда часто слѣдуютъ съ нимъ на лѣтнее жителство многіе изъ народа, особенно изъ простаго.

Шелководствомъ, не смотря на способность почвы при нѣжномъ климатѣ, производить всякаго рода шелковичныя деревья — совсѣмъ не занимаются. Эта богатая, хозяйственная отрасль, образовывается нынѣ у Мингрельцевъ за р. Цхеницхале. Имеретины съютъ въ маломъ количествѣ хлопчатую бумагу, пшеницу, конопль, ленъ, простой табакъ и хмель.

Винодѣліе и разведеніе винограда въ жалкомъ состояніи. Имеретины каждый годъ, съ дико - растущаго винограда дающаго съ одной лозы иногда двѣ, три арбы, получаютъ болѣе полумилліона ведеръ вина водянистаго свойства, имѣющаго мѣстами свой особенный букетъ, особенно отъ прозябающаго на меловомъ грунтѣ въ Шарананскомъ уѣздѣ. Вообще снятый виноградъ, Имеретины кладутъ въ выдолбленныя корыта, жмутъ его ногами и руками и сокъ вливаютъ въ большія - чаны питары или въ глиняныя обширныя вазы, заключающія въ себѣ около сорока ведеръ, которыя заблаговременно закапываютъ въ землю, вблизи своихъ саекъ, болѣе въ садахъ. Когда чана наполнится, дѣлаютъ надъ нею деревянную или каменную покрывку и покрываютъ сверху землею и дерномъ, словомъ, точно такъ, какъ на Востокѣ жители сохраняютъ свой хлѣбъ. Вино иногда выбираемое доливается молодымъ винограднымъ сокомъ, но большею частию продаютъ или выпиваютъ вдругъ, чтобы оно не испортилось, что случается когда чаша не полна. Вино для продажи наливаютъ въ кожаные бурдюки, вымазанные внутри нефтью, отъ того оно портитъ настоящий вкусъ и отзывается всегда смолистымъ свойствомъ. Здѣсь не ввошли въ употребленіе бочки и боченки и, продаютъ на тунги или манерки. «Въ моемъ бурдюкѣ, говорятъ вообще продавцы, находится тридцать тунокъ или шестьдесятъ манерокъ.» Последняя мѣра произошла отъ Русскихъ солдатъ.

Часто чапа хранится въ землѣ лѣтъ 20 и 25тъ, до особеннаго важнаго семейнаго праздника, которые бывають у нихъ въ день свадьбы, похоронъ, поминокъ или наѣзда знатныхъ гостей; тогда чапа открывается, гости не могутъ отказываться отъ поднесеннаго хозяиномъ рога или азарпени, и разу-

мается, при ихъ: алаверды и якшіолъ, величайшей азіатской учтивости, — довольно - смѣшной для посторонняго, — и безпрерывномъ потчиваньи, долготѣнее необыкновенно — крепкое вино переливается на здоровье въ желудокъ гостей: чапа опараживается въ день, много въ два, но гости почти трезвы, и приходятъ въ свои дома, рассказываютъ о такомъ випѣ съ удивленіемъ и чмоканьемъ, какъ о восьмомъ чудѣ міра. Часто такое угощеніе у крестьянина, дѣлаетъ его извѣстнымъ по всей странѣ точно такъ, какъ рѣдкую добродѣтель, подвигъ, и дворянинъ, простолюдинъ, прежде незнавшіе его, снимаютъ съ себя головныя покрывки при встрѣчѣ съ нимъ, кланяются въ поясъ съ Азіатскимъ почтеніемъ и вѣжутъ къ нему уваженіе и другихъ. Таковъ обычай міра, онъ и здѣсь чтитъ значительность, богатство и зло, если только оно имѣетъ силу.

Здѣсь плоды болѣе дикаго свойства, но есть и садовыя, которые лѣтомъ, особенно вкусныя дыни, очень вредны для здоровья, о чемъ основательнѣе мы поговоримъ дальше.

Но повѣренный въ дѣлахъ Россіи съ Закавказьемъ с. с. Литвиновъ, бывшій тамъ въ 1804 г. какъ очевидецъ, представляетъ владѣніе его въ худшемъ видѣ: Народы населяющіе Имеретію, Мингрелію и Гурію, расположены вѣрять всему чрезвычайному и сверхъ - естественному, хитры, мстительны до звѣрства, не стыдятся измѣны; всякій живетъ для себя, нѣтъ дружбы и родства, по наружности набожны, но существованію закона не слѣдуютъ. Владѣтели этихъ земель деспоты, безгранично изливаютъ месть надъ тѣми князьями, которые попадаютъ имъ въ руки, но безсильны противъ тѣхъ, которые заперлись въ своихъ замкахъ, грозятъ сообщничествомъ своимъ съ другими недовольными.

Плѣнопроодаство не только побуждаетъ похищать людей въ пограничныхъ владѣніяхъ, но брать у брата захватываетъ поселянъ, и кто болѣе ихъ похищаетъ и продаетъ Туркамъ, тотъ болѣе можетъ содержать вооруженныхъ людей и обогащаться своимъ промысломъ. Доходы владѣтелей ничтожны, главнѣйшій состоитъ въ томъ, что владѣтели ведя

жизнь кочующую, мѣняютъ свое пребываніе сообразно временамъ года: лѣтомъ въ горахъ, зимою на долинахъ, живутъ на счетъ тѣхъ селеній которыя посѣщаютъ, и до тѣхъ поръ, пока находятъ въ нихъ пищу; голодъ и жалобы на грабежи и насильство, понуждаютъ владѣтелей и князей переходить въ слѣдующую деревню. Часто, сѣнь дерева, шалашъ - замѣняютъ имъ царскіе чертоги, и простота этой жизни соединяетъ самовластіе съ рабствомъ. Царь безъ суда лишаящій жизни всякаго изъ подвластныхъ, дѣлитъ трапезу со всѣми безъ разбора, и послѣдній нищій, калѣка, отверженный уродъ, имѣетъ право дѣлить съ нимъ хлѣбъ и соль царавитъ съ придворными.

Разница только въ томъ, что мужикъ прислуживаетъ дворянину, дворянинъ князю, а князь царю. Всѣ оруженосцы и слѣдующіе съ князьями кормятся на счетъ хлѣбопашца, а князья своевременно дѣлятся съ нимъ добычею какъ съ братьями, и потому, при первомъ кликѣ, объявленіи войны, всякій спѣшитъ соединиться съ своими владѣльцами, чтобы не упустить случая грабить непріятеля. Судъ надъ виновнымъ, каждый владѣлецъ производитъ словесно предъ собраніемъ народа и, по своему благоусмотрѣнію, руководствуясь волею, рѣшаетъ его. Если обвиненный имѣетъ силу, то противится рѣшенію, въ противномъ случаѣ отдается въ покровительство другаго владѣльца или Турковъ, не - то подвергается всѣмъ ужасамъ казни, изобрѣтенной кровожаднымъ Востокомъ: отскакаютъ члены, выкалываютъ глаза, выжигаютъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ, закапываютъ живыхъ въ землю, зарываютъ въ извѣстъ которую поливаютъ, чтобы преступникъ истлѣлъ по немногу, сжигаютъ на кострѣ и пр.

Въ такомъ-то видѣ, засталъ Литвиновъ Закавказскій край въ 1804 г. Съ того времени протекло сорокъ три года Русской власти и представленное описаніе кажется сказкою. Всѣ грубыя, варварскія черты, болѣе или менѣе изгладились, но слѣдствія ихъ остались въ народной нравственности, выказываясь въ ея разслабленіи и въ бездѣйствіи душевныхъ силъ. Но переломъ совершился къ лучшему, и могучая природа

дивнаго края скоро возьметъ верхъ надъ слабостію, тогда кипучая жизнь благодати разольется по равнинамъ и горамъ Колхиды. Теперь же не худо бы было, изобразить вѣрно всѣ душевныя и физическія силы здѣшняго туземца въ бурную эпоху, когда феодализмъ товаровъ боролся съ деспотизмомъ владѣтелей, Христіанство съ магометанствомъ, нравственность Рима и Греціи съ обычаями горцевъ, проблески геройства и добродѣтели съ гнусными пороками, порожденными корыстолюбіемъ, подсыщаемымъ плѣннопродавствомъ - ядомъ различнымъ здѣсь сладострастною Турціею; но краткій нашъ взглядъ, обращенный на описаніе нынѣшняго быта, не дозволяетъ сдѣлать того до времени, теперь же только замѣтимъ, что феодализмъ Карталинніи и Кахетин или древней Иверинъ былъ совершенно различенъ отъ феодализма Имеретин, Мингрелин и Гуринъ, въ той степени, какъ различается характеръ правленія, нравы Персіанъ отъ Турокъ, имѣвшихъ здѣсь по сосѣдству долгое вліяніе.

ГЛАВА VII.

За 1250 до Р. Х., говорить исторія, направлень былъ походъ Арго за золотымъ руномъ въ Колхиду, поѣдемъ и мы по слѣдамъ его, не отыщемъ ли и мы новое золотое руно!

На пространствѣ ста съ небольшимъ верстъ, изъ г. Кутаиса къ Черному Морю, есть три дороги: одна идетъ черезъ селеніе Хопи, Марань, р. Цхеницхале, Абашу, Хопійскій постъ въ Редуть Кае; другая на Марань къ Ріону, водою въ р. Ціо и Редуть или Потн; третья, черезъ с. Хопи, р. Цхеницхале на Абашу, Зугдиди, къ р. Ингуру, въ Анаклию, или черезъ Ингуръ въ у. Шорн.

Обратимся къ первой. До селенія Хопи 25 верстъ. Широкая почтовая дорога идетъ межъ лѣсомъ, справа ея разбѣгаются холмы и горы, покрытыя не-совсѣмъ хорошими растеніями, между которыми открываются чистые скаты, съ разнообразіемъ земледѣлія и довольно значительнаго Имеретинскаго скотоводства. Дорогу пересѣкаютъ мелкіе ручьи съ мостами и р. Губецхале, черезъ которую моста еще не сдѣлано и, вы перѣхавъ въ глубокомъ бродѣ, черезъ 7^{мъ} верстъ вступаете въ сады селенія Хопи, разбросаннаго кругомъ на нѣсколько верстъ. Среди его находится зеленый лугъ, украшенный тѣнистыми липами, окранны котораго занимаютъ древнія каменная церковь съ обыкновенною кровлею и вѣтхою каменною оградой обвитою плетнемъ. Эта церковь построена въ первые вѣки Христіанства и была нѣсколько столѣтій Епископскимъ храмомъ, нынѣ она замѣчательна живописью, особенно Царскихъ вратъ, гдѣ лики Св. Евангелистовъ представлены въ лицахъ Еврейскихъ, такъ и должно быть, ибо они были всѣ изъ Евреевъ, - чего мы не нашли ни въ одномъ храмѣ, какіе видѣли. Къ церкви примыкаетъ домъ священника съ причетомъ, уѣзднаго начальника, станціи, за ними линіею слѣдуютъ сакли значительныхъ лицъ селенія и наконецъ, деревянный въ три липы базаръ съ кузницами.

Тутъ замѣчательнѣ базаръ въ пятницу, тогда не смотря на дурную ненастную погоду, приходятъ и наѣзжаютъ жители Имеретин, часто изъ Гурин и Мишгрелин, отъ 500 до 1000 человекъ и болѣе.

Соединяя на зеленой равнинѣ, они разлагаютъ свои произведенія: зѣлень, соль, яйца, сыръ, кукурузу, пшеницу, домашнихъ животныхъ и птицъ, кожи, мѣха, вино, ситцы, бумажное полотно, канаусъ, мови и разныя бездѣлушки мѣлочной торговли. Неподалеку въ сторонѣ, продается скотъ, лошади и большіе глиняные кувшины для вина, которые столь обширны, что въ нихъ могутъ помѣститься нѣсколько человекъ. Нѣкоторые изъ посѣтителей покупаютъ нужное, но большая часть состоитъ изъ зѣвакъ: они, отъ нечего дѣлать, бродятъ изъ угла въ уголъ или наблюдаютъ за скачкой, оцѣниваютъ лошадей, искусство и одѣяніе всадниковъ; послѣдніе, утѣшаясь вздорною похвалою, мечутся какъ угорѣлые, пуская на вѣтеръ дымъ пистолетнаго выстрѣла. Скачка и крикъ приманиваютъ любопытныхъ и бѣдныхъ. Въ хорошее время, жители селенія Хони, вызванные праздностію и любопытствомъ, покидаютъ свои сакли — дачи и собираются толпами на луѣ. Если же прибываютъ къ нимъ заѣзжіе гости, что почти всегда случается, то они рады веселиться на свой счетъ — остаются дома, и вы, изъ ближайшихъ и дальнихъ сакель, съ разныхъ сторонъ, услышите задравные тосты, звукъ выстрѣловъ и подъ тактальный стукъ бубенъ а иногда и зурны, Имеретинскую заунывную пѣснь, кончающуюся гнусливымъ дискантомъ на *о-го*: въ чемъ часто переспориваютъ старики съ мальчиками, и если не въ состояніи кончить исправно, то сворачиваютъ на хриплый басъ; — такая рѣзкая, смѣшная противоположность столь оригинальна и трогательна, что вы умираете искреннимъ смѣхомъ, особенно при изумительныхъ тонахъ конца пѣсни; вѣроятно она была сочинена весельчакомъ, въ критическія минуты Имеретин для смѣха. Тутъ на долину хлопчуть, кричатъ старухи въ закрытыхъ чадрахъ и прохаживаются молодыя, красивыя Колхидки, шарманшечныя до нельзя природой и искусствомъ: одѣты въ

ситцовыя или шелковыя кабы, онѣ открыты, безъ чадръ, ищутъ себѣ жениховъ и пробираются съ улыбкою между народомъ. Тамъ и сямъ вереницы дѣтей бѣгаютъ, рѣзвятся или танцуютъ лезгинку; зрѣлые мужчины собравшись въ кружокъ, сидя или стоя, толкуютъ о дѣлахъ своихъ, новостяхъ; старики съ небритою, съ просѣдою бородою, или покупатели вина, пріютиваются въ духанахъ, гдѣ покуривая изъ тоненькихъ чубунковъ свой табакъ, не нахвалятся попиваемымъ виномъ. Часто къ базарному обществу присоединяются Русскіе солдаты и казаки для покупокъ, и разумѣется общее вниманіе обращено къ нимъ и къ хорошо одѣтымъ Имеретинскимъ товадамъ и азнаурамъ, которые равномерно ищутъ предметовъ для своего развлечения или изумленія. Такой еженедѣльный базаръ даетъ окружающимъ мѣстамъ, а послѣ и повсемѣстно, разныя новости, также поводъ къ безконечнымъ сплетнямъ; чрезъ что часто, невинные, бѣдные осрамлены а виновные возвышены: таковъ удѣлъ грѣшнаго міра, и счастливая здѣшняя патріархальность не ушла изъ законовъ обыкновенныхъ условій и пересудовъ. Словомъ, если желаете знать, что такое Закавказскій базаръ, поѣзжайте только въ Хони и наблюдайте его; въ другомъ мѣстѣ онъ сжать и не имѣетъ той игры природы. Въ Хони выражена здѣшняя жизнь со всею прихотью Армиды, но природа и здѣсь даетъ время и мѣсто для развитія духовного чувства, не обольщающагося наружною.

Изъ с. Хони ѣдите на с. Марапъ, откуда черезъ рѣку Цхеницхаль переѣзжаете въ паромъ на другой ея берегъ. Цхеницхаль вытекаетъ къ Югу тремя истоками изъ Сванетскихъ горъ, и вблизи Мараискаго поста впадаетъ въ Ріонъ. Вершина ея имѣетъ крутые, утесистые берега, а нижнія части множество бродовъ, - что при быстромъ теченіи, дѣлаетъ ее неспособною для судоходства, хотя часто воды Цхеницхале глубиною на три фута. За этою рѣкою, раздѣляющею Имеретію отъ Мингреліи, начинается глинистая, ухабистая и болотистая дорога къ Абаші, Захарбету и къ Хонійскому посту, запасайтесь на два, три дня пищей, ибо въ лежащихъ на пути селеніяхъ—романическаго вида, можете достать: лѣща, сыръ, молоко и курицъ,

разумѣется, неприхотливый путникъ будетъ тѣмъ доволенъ, а имѣя хорошій кормъ для лошади, въѣдетъ на ней въ Редутъ спокойно.

Но лучшая дорога изъ Кутанса есть на Хони, Маранъ. Проезжая изъ Марани къ Моцамедю на почтовыхъ лошадяхъ, чрезъ густой лѣсъ и въблизи крутыхъ песчаныхъ береговъ р. Цхеницхале, замѣтите межъ лѣсомъ разбросанныя сакли Имеретинъ-какъ отшельниковъ; черезъ 10ть верстъ вамъ представляется Русскій постъ, состоящій въ ротѣ скопцевъ, перевозящихъ провіантъ изъ Редута. Надъ нею начальникомъ Майоръ Г — дзе, изъ Имеретинъ, человѣкъ гостепріимный; и основательный, онъ живетъ тутъ съ семействомъ и, рѣдкій изъ путешественниковъ не былъ гостемъ его и не пожелалъ ему за радушіе, гостепріимство, всего въ мірѣ лучшаго.

Рота скопцевъ поселена прекрасно на берегу Ріона, у cadaго свой чистенькій домикъ и порядочное хозяйство; но при всеобщемъ довольствѣ, нельзя безъ ужаса смотрѣть на здѣшнихъ туземцевъ: лица у всѣхъ болѣзненные, голосъ пискливый, руки и ноги слабыя, сморщенное тѣло трясется, словомъ, предъ скопцемъ всякій каѣпка кажется молодцомъ: таковы слѣдствія отвратительной секты, въ которой находятся и 14ти лѣтніе юноши.

Предъ этою слободою идетъ спокойно широкій Ріонъ, но въ шести верстахъ выше — онъ крайне шумливъ, сражается съ подводными камнями; здѣсь же грунтъ его иловато-известковъ, низменные берега осѣнены какъ и вся окрестность великолѣпными высокими деревьями, обвитыми густою сѣтью винограда и плющемъ, болѣе изъ породы *à la scimus*, держи—деревомъ. Кругомъ распространяется лѣсъ какъ чистый садъ, гдѣ мѣстами, подъ вѣтвисто — наклоненнымъ орѣхомъ, расположены сакли Имеритинъ, представляющихъ собою какъ бы хутора лѣсничихъ. Если вы устанете здѣсь въ прогулкѣ, то можете сѣсть на берегъ Ріона подъ тѣнистою роскошью деревьевъ, они скроютъ отъ дождя; свѣжій вѣтерокъ, съ надгорныхъ Аджара-Гурійскихъ высотъ, понесется къ вамъ, и соединясь на пути съ свѣжимъ рѣки Ріона и лѣснымъ ороматнымъ воздухомъ,

убаюкаетъ встревоженные чувства, пробудить жизнь успевшую въ тревоженіяхъ и болѣзняхъ. Часто предъ вами Аджарскій хребетъ закрывшись сизою пеленою, соединяется съ мракомъ тучъ, изъ закоторыхъ вырывается игриво - лѣтящая молнія и разражается громъ, котораго срашный грохотъ перекатывается по горамъ и слышится страхомъ; если только вы настроены къ прекрасному, правдивному, то сочтете его грознымъ гласомъ правосуднаго Бога, карающаго за преступленіе, но чаще, хребетъ освѣщенный живительнымъ солнцемъ, теряя бѣлыя главы въ облакахъ, выказываетъ всѣ разнообразныя свои отѣнки, ущелія, горный лѣсъ пасущіяся стада и мѣстами огненные рѣки, озера, пущенныя по высокимъ скатамъ для очистки сорныхъ и ядовитыхъ травъ.

Словомъ сказать, здѣсь въ Моцамеди, путешественникамъ есть добрый пріютъ. На берегъ встасканы длинно - узкіе каюки, на которыхъ, за плату 8мъ и 9ть руб. серебромъ, отправляетесь верстъ 90сто водою къ Редуту, но только для спокойствія своего, дѣлайте въ каюкѣ дугообразный навѣсъ изъ вѣтвей и покрывайте его рогожей, полотномъ или ковромъ, онъ скроютъ васъ отъ дождя и зноя. Хотя плата за перевозку и небольшая, но она можетъ быть меньше положенной. Теперь владѣтель Мингрелін Дадіанъ, получаетъ съ каючниковъ пошлину три рубля серебромъ и столько же, если возвращаются въ Марапи не пустыми, не смотря на то, что возвращеніе къ Марапи, противъ теченія Ріона, сопряжено съ высочайшимъ трудомъ: каюкѣ почти во все время тянуть веревками два гребца.

Нынѣшнее плаваніе по Ріону начинается отъ Марапи или Моцамеди, но преданіе и историческіе факты назначаютъ путь по всему протяженію до Сарапаны. Упремся на Страбонъ. Онъ смѣниваетъ истокъ Ріона съ началомъ рѣки Цхеницхале, идущей къ Ріону за Хопи, изъ Москійскихъ горъ. Страбонъ смѣшалъ ее, по величинѣ и стремительности, съ главнымъ русломъ Фазиса: отъ того онъ, по мнѣнію его, течетъ съ Юга изъ Арменіи а не съ Сѣвера изъ Рачи, — какъ есть въ

дѣйствительности. Страбонъ говоритъ, что Ріонъ судоходенъ до г. Сарапаны, лежащаго на возвышеніяхъ р. Квирилы и Черимелы, изъ которыхъ первая вытекаетъ съ Ріономъ изъ Сванетіи, отъ чего и смѣшана съ нимъ въ одну рѣку; во всякомъ случаѣ, путь до Сарапаны былъ судоходенъ и подтверждается теперешними опытами, падъ сплавкою лѣса съ устья Квирилы, отъ Вардциха, богатаго по неустроеннаго помѣстья госпожи Гамбы, находящагося въ 15^{ть} верст. отъ Кутанса: опыты производились въ полноводіе. Кромѣ р. Квирилы, въ Ріонъ втекаетъ широкая рѣка Цхеницхале, которой песчанное глубокое русло, изрѣдка покрытое карчами, вызываетъ способность для хода большихъ барокъ и рѣчныхъ пароходовъ, которые такъ прекрасно и удобно устроены, для распространенія промышленности и улучшенія края въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ.

Противъ слободы, на другой сторонѣ Ріона, разбросанъ рядъ Гурійскихъ хижинъ, откуда переносится визгливый сигналъ туземцовъ къ лодочникамъ. Передъ хижинами бродятъ домашнія птицы, между ними красуются разноцвѣтные, высокіе каплуны съ курпыми, гусиными и утиными цыплятами, — что крайне разительно. Онѣ ухаживаютъ за ними съ вѣжностію заботливаго отца, спасающаго отъ хищныхъ ластрбовъ и шакаловъ, не полагая объ своемъ отцовскомъ самозванствѣ. Утромъ сакли обвиваются выходящимъ дымомъ; въ то время, по домашнимъ дѣламъ пробираются между лѣсомъ, въ изорванныхъ костюмахъ, съ сажею на лицѣ, старухи Гурійки: онѣ какъ тѣни усопшихъ Макбета волшебны, и не смотря на даль, притягиваютъ взоръ и воображеніе странника.

Если желаете ѣхать быстрее и пріятнѣе, то садитесь на каюкъ какъ можно раньше; при помощи двухъ весельщиковъ, говорящихъ коверканнымъ Русскимъ языкомъ, вы можете быть въ Редутъ на другой день къ вечеру или раньше. Теченіе Ріона извивается то къ Сѣверу, то къ Юго - западу. Отдалимся отъ цѣли своей и последуемъ за путешественникомъ.

«Въ полдень мы остановились около устья р. Цхеницхале. Лодочникъ пригласилъ насъ изъ лѣса дикаго, по очень

вкуснаго винограда и крупных каштановъ; мы достали дорожный запасъ пищи, и хотя объѣдъ нашъ былъ недолгого, но подѣ яснымъ безоблачнымъ небамъ, среди роскошной природы, казался отличнымъ.»

«Вечеръ былъ тихъ, мы незамѣтно подвигались по широкому разливу Ріона, иногда онъ расширялся на полверсты. Вообще, въ Имеретин, Ріонъ стремится по огромнымъ камнямъ быстро и шумно пѣнистыми клубами, лучше сказать, какъ бы недовольный своимъ жесткимъ ложемъ, онъ торопится отдохнуть на мягкомъ пескѣ нѣкогда золотой Колхиды; здѣсь распространяясь онъ уже струится тихо, заманиваетъ взоръ путника. Иловатые берега его, покрытые чудною зеленью и красными рощами обитыми виноградомъ, имѣютъ разбросанныя скали. Здѣсь Ріонъ, не связанный крутыми берегами и обломками скалъ, имѣетъ на днѣ и по верху волнъ множество карчой деревьевъ, которыя упираясь ему въ грудь, мѣшаютъ свободному стремленію и могутъ вредить судамъ, когда онъ бываютъ.

«Вскорѣ по заходѣніи солнца, легкій паръ отдѣлился изъ воды, сдѣлалось сыро и мы вышли на берегъ около красной скали; хозяинъ ея, встрѣтивъ съ добрымъ привѣтомъ, желая гостепріимство свое высказать по Русски: связанный имъ наборъ словъ Русскихъ — былъ смѣшенъ, мы ответили подобнымъ образомъ по Грузински, и разумеется остались довольны другъ другомъ; но постороннему зрителю разговоръ нашъ доставилъ бы много смѣха.»

«Въ большой скалѣ, построенной подѣ фруктовыми деревьями, на чистомъ лугу съ частоколомъ, мы нашли всю его семью. Чай, сахаръ, бѣлый хлѣбъ, данные миленькимъ дѣтямъ, познакомили насъ съ ними коротко. Мы были довольны, что не нарушили радость бѣднаго скромнаго семейства и увидѣли обыкновенный образъ жизни Мингрельцовъ. Здѣшній обычай не позволяетъ имѣть пѣчекъ и каминовъ, а разводитъ огонь на земляномъ полу скали, что не совсѣмъ пріятно: ибо дымъ отъ обгорѣлыхъ вѣтвей и дровъ, врѣзывается въ глаза и нестерпимъ для дыханія болѣе, чѣмъ въ курной избѣ. Теплота находится вблизи огня, дайте же, въ

«сакль холодѣе чѣмъ на дворѣ, — особенно при здышной холодной почѣ.»

«Величественный восходъ солнца, освѣщая отправленіе наше на каюкъ далѣе, мы слѣдовали подобно Аргопавтамъ за 1250 лѣтъ до Р. Х. Отсюда Ріонъ приближаясь къ устью, расширяется все болѣе и болѣе къ Потѣ и образуетъ среди себя много наносныхъ острововъ. Послѣ двухъ часовъ плаванія, мы остановились передъ узкимъ каналомъ, который продолжается къ рѣкѣ Цин, соединяющейся у Редута съ р. Хопи. При вступленіи въ каналъ, шириною въ три сажени, видна на крутомъ его углу хижина надзирателя. Каналъ до того заваленъ деревьями и оторвавшеюся съ боковъ его землею, что даже для медленнаго движенія каюка необходимы высокіе багры. По недостатку воды, онъ не всегда проѣзжаемъ. Часто случается, что плывущіе въ Редутъ, при всемъ ихъ желаніи быть въ Редутъ вечеромъ, должны слѣдовать по Ріону къ Потѣ, откуда совершить сухопутный путь по песчанному взморью на казачьихъ лошадахъ, верстѣ 15-ти къ Редуту, или на каюкъ около морскаго берега.

Каналъ по мѣрѣ сближенія съ р. Ціею, болѣе и болѣе расширяется, дѣлается глубиною до 2хъ сажени; съ боковъ его, старыя, сучковатыя деревья сплетаясь между собою, образуютъ тѣнь и глядятся въ тоскливыя, тишныя воды, куда льются болота омывая обширныя корни дерсъ и тундръ; съ лѣвой стороны къ Гурин, растилается обширная степь съ осокою.

Владѣтель Мингрелін, получая издавна большую пощину съ каюковъ, могъ бы уже давно, при продажѣ Туркамъ непужнаго лѣса, обратить капиталъ на улучшение канала, но опять выпустилъ изъ вида пользу свою и народа. Передай онъ каналъ въ непосредственное управленіе Россіи, тогда, послѣ его исправленія, торговля пойдетъ быстрѣе, оба берега заселятся, обработаются, большія суда понесутся по вѣтру съ распущенными парусами по Ріону, болота уничтожатся и лѣсъ, воздухъ преобразуются. Вотъ послѣдствія хорошаго водянаго сообщенія Марани съ Редутомъ.

Все пространство съ Редута до границъ Турціи, состоитъ въ большихъ болотахъ, имѣетъ воздухъ сыроватый и постоянно - росистые туманы; навсегда жить здѣсь невозможно, хотя смертности особенной и не оказывается.

Путь изъ Редута въ Поті, кромѣ сухопутья по песчанному взморью, есть на военныхъ и купеческихъ судахъ моремъ. Слѣдуя на нихъ, видите неизменность приморскаго берега покрытую самшитомъ. Вблизи Поті, виднѣется при устьѣ Ріона малая древняя крѣпостца, около которой лежалъ древній городъ Фазисъ. Страбонъ ограничивалъ его къ Сѣверу рѣкою, къ Востоку большимъ озеромъ и къ Западу моремъ. Отсюда производился дѣятельный торгъ Азійскими товарами, ибо по Страбону, да Амиза и г. Сипопа, можно было достигнуть въ три дня. Онъ очень хвалитъ здѣшніе плоды и медъ съ горечью. Здѣшній край, въ то время, былъ богатъ корабельнымъ лѣсомъ, разумѣется для тогдашнихъ купеческихъ судовъ. Кромѣ того Страбонъ похваляетъ Колхиду въ торговлѣ льномъ, коноплею, воскомъ и смолою или нефтью. Приготавливаемый здѣсь холстъ перевозился во всѣ страны и славился добротою. Послѣ Страбона, хвалятъ эти богатые мѣста Арріанъ, въ 114 году. Историческіе факты увѣряютъ, что во многихъ рѣкахъ были золотыя россыпи, для которыхъ предпринято было комерческое предпріятіе Аргонавтовъ — извѣстное всякому отроку. Теперь колоссальность и изобиліе въ растеніяхъ тѣже, золото скрылось, но нѣтъ сомнѣнія, что и оно откроется при ученомъ изслѣдованіи; нынѣ открытъ недавно, вблизи этихъ мѣстъ, каменный уголь въ необыкновенномъ обиліи: цѣлыя горы сто стоятъ на поверхности земли, толщина слоя подъ прямымъ угломъ до 8ми сажень, а ширина и длина еще не изслѣдованы. Гора, которую теперь разрабатываютъ, имѣетъ болѣе полторы версты длины, за нею въ 6ти, 14 верстахъ и по другую сторону потока Твибузи, видны пласты того же угля сквозь щели гранитной одежды горъ. Теперь при началѣ доставки въ Редутъ, пудъ угля обходится въ 12 к. сер. Въ тысячу лѣтъ неисчерпать такого огромнаго запаса на всѣ пароходы Чернаго Моря. Открытіе такой богатѣйшей копи

въ свѣтъ, освободить наше пароходство отъ чужеземной зависимости. Быть можетъ, дальнѣйшіе розыски откроютъ подобныя же сокровища и по другимъ частямъ минералогіи, отъ почвы Имеретіи, Мингреліи и Гуріи всего можно надѣяться. Теперь извѣстно множество разнообразнѣйшихъ, цѣлительныхъ, минеральныхъ источниковъ и газовъ, разсыанныхъ по многимъ ущельямъ горъ.

Отсюда горы къ Самурзухаши идутъ полукругомъ и образуютъ къ морю обширную равнину, имѣющую въ широкомъ мѣстѣ, между Кутансомъ и Потн, до 90 верстъ протяженія. Площадь же ея простирается до 7,882 квад. верстъ. Только два отрога Аджарскаго жребта: Ненисцхаро и Бехвисцхали - почти гладкая равнина, покатая къ морю и орошаемая безчисленнымъ множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя судоходны, по большаѣйшей части препятствуютъ сухопутному сообщенію и показываютъ, что главный путь есть морской, внутренній же по Фазису. Далѣе, обогнувъ Потійскій мысъ, видите р. Торокъ или Чолокъ, вблизи которой стоитъ фортъ Св. Николая. Построенный на возвышеніи, онъ съ одной стороны имѣетъ гнилое озеро, кругомъ болота, а внизу на пограничной рѣчкѣ карантинъ. Вотъ послѣдній рубежъ великой Россіи къ Турціи. Отсюда виднѣется г. Батумъ и Трапезондскія горы, за ними по берегу къ Босвору и Константинополю, слѣдуютъ гряды береговыхъ возвышеній. Мысль и взоръ слѣдять за ними и теряются вдали безпредѣльнаго моря.

ГЛАВА VIII.

Любопытной странникъ, найдетъ въ дорогѣ тысячу удовольствій, и особенно въ древней Колхидѣ. Разскажемъ, что насъ въ ней болѣе занимало.

.

Раскрывъ дневникъ нашей жизни, читаемъ, что вытерпѣвъ мучительную пытку переѣзда по горнымъ дорогамъ, пролегающимъ къ городу Кутансу изъ Тифлиса, мы наконецъ достигли мѣстечка Хони, въ Имеретин, которое служить преддверіемъ странъ Восточнаго берега Чернаго моря. Здѣсь сдѣлали отдыхъ. Едва первые утренніе лучи солнца, медленно согрѣвая холодный ночной воздухъ, стали освѣщать громадныя, снѣжныя, мѣстами лѣсистыя вершины Кавказа, тонущія въ сѣроватомъ туманѣ, мы уже были на коняхъ и тронулись въ путь.

Величественно пробужденіе дикой, дремлющей природы горъ, какъ бы вдругъ получившей жизнь маніемъ всемогущей десницы Міроздателя. Каждый отзвукъ, пѣпіе птицъ, разносится эхомъ и улаживаетъ чудною мелодіею, попятною и доступною душамъ воинственныхъ сыновъ горъ; очаровательные аккорды ея приводятъ чувства въ восторгъ, въ умиленіе: вы прислушиваетесь и сердце ваше чаще, сильнѣе бьется сладостнымъ трепетомъ.

Непріятныя ощущенія, послѣ только-лишь сдѣланнаго переѣзда, еще тяготили насъ и какъ бы сдавливали голову: мы приблизились къ холодному ключу, и чтобы освѣжить себя, пригоршнями черпали студеную влагу, обливая ею голову.

Вообще странствіе въ первобытныхъ, жаркихъ странахъ, не тронутыхъ еще рукою человѣка, не зараженныхъ его дыханіемъ, отравою понятій ложнаго свѣта, возвышаетъ душу, какъ бы вырвавшуюся на волю изъ тѣсныхъ стѣнъ Европейскихъ городовъ. Здѣсь человѣкъ впервые, ближе зна-

комится съ природою, изумляется колоссальному созданію Всемогущества Творца, научается любить Его, и съ умиле-ніемъ падаетъ долу при величественной картинѣ восхода солнца, который такъ возвышенно умѣютъ чтить Восточные народы, оживотворяя въ немъ царствіе Господа Саваода или Адоная (*). Въ такія минуты забываете тысячи опасностей горнаго пути, и избитые дорогой, вновь получаете силы къ перенесенію новыхъ трудовъ. Здѣсь, вдали отъ людей, проявляется вѣчное движеніе - игра природы; здѣсь надежда на вѣчность и правосудіе Строителя міра, сознается челоувкомъ ослзательнѣе, сильнѣе, вливая вѣру въ безвѣрнаго, силу въ слабого, даже самую безотрадную грусть, нѣжное отчаяніе, смѣшаетъ невѣдомое успокоеніе, веселье. Да, здѣсь душа ваша, мысль ея носятся въ безпредѣльномъ просторѣ. Здѣсь она могуча какъ природа. Тутъ, на горныхъ высяхъ, умиленный всемогуществомъ, величіемъ благодати Божіей, челоувкъ оцѣняетъ безсмертное свое назначеніе и ничтожество жалкихъ отношеній городской жизни.

Оставляя дормезы въ г. Кутансѣ, путники слѣдуютъ по гористымъ, глинистымъ дорогамъ верьхами. Такое неудобство, въ свою очередь, замѣняется важными выгодами: не заботиться о лошадяхъ, экипажахъ и не знать препятствій, у всадника ихъ нѣтъ. Казаки, занимая ведеты, безостановочно даютъ желающимъ лошадей, сколько нужно, съ вѣрнымъ вооруженнымъ проводникомъ, и вы ѣдете такъ быстро, какъ стелется ваша мысль, ваше желаніе.

Изъ торговаго, населеннаго мѣстечка Хоши, находящагося въ 25ти верстахъ отъ Кутанса, слѣдуете по прелестнымъ, обработаннымъ оазисамъ въ лѣсу, гдѣ не смотря на шумъ листвьевъ, явственно доносится до васъ отдаленный грохотъ паденіе волнъ по утесамъ рѣки Цхенщхалс; тутъ на пути, встрѣчаете веселыя, поющія группы ѣдущихъ и идущихъ

(*) Что видишь въ возвышенныхъ поэзіею Псалмахъ Св. Давида и у Пророковъ, и особенно, въ предсказаніяхъ С. Іереміи и С. Ісаіа.

Имеретинъ и Имеретинокъ, любуетесь ими вспоминая быть воображаемый древней Аркадіи. Наконецъ подъѣзжая къ скалистымъ, утесистымъ горамъ, кос-гдѣ покрытыхъ лѣсомъ, рододендромъ и вѣчно зеленымъ плющемъ, вступаете въ ущеліе. Тутъ дорога пролегаетъ по отвѣснымъ скатамъ рѣки Цхеницхале: вы съ содраганіемъ видите, какъ эта рѣка, принявъ въ себя въ истокъ воды многихъ ручьевъ и водопадовъ, игриво извиваясь несетъ по своему узкому, каменному ложу, и вдругъ, въ этомъ мѣстѣ, сжатая исполнскими утесами, отчаянно борется съ ними, и покрытая тонкою водяною пылью и пѣною, побѣдоносно прорывается изъ тѣсныхъ, каменныхъ оковъ своихъ. Яростно стремясь съ вершины истока, она отторгаетъ камни отъ скалистаго русла и уноситъ ихъ на дальнее разстояніе. Въ этомъ колѣнѣ рѣки, надъ самымъ ужаснымъ ея водоворотомъ, въ семи верстахъ отъ Хони, прежде былъ перекинутъ зыбкій, деревянный мостъ, названный Чортовымъ, по которому проѣзжая свободной рысью или галопомъ, въ душѣ смѣстесь надъ бездной, хлопочущею подъ вашими ногами.

Перелетѣвъ, такъ сказать, мостъ, вамъ опять представляется крутая извилистая дорога, пробитая въ самомъ скатѣ окружающихъ васъ каменныхъ устоевъ. Огромныя гранитныя массы, висятъ надъ вашей головой, и вамъ кажется, что они, отъ одного прикосновенія, даже отъ вашего звука голоса, готовы ринуться всюю своею громадою, но вы взлѣтѣльные здѣсь свѣжимъ горнымъ воздухомъ, радостные какъ пробужденіе дикой природы, пренебрегаете ужасами. Облокотясь на каменные упоры дороги, взгляните внизъ на бышенство рѣки, она представитъ вамъ цѣлую поэму жизни, со всѣми ея треволненіями: рѣка то скрывалась, то снова показываясь вдали, уже тихо катитъ свои воды межъ лѣсистыхъ береговъ, отражая въ себѣ ихъ очаровательные очерки. Минувавъ ущеліе, вамъ остановится легче на сердцѣ, вы съ наслажденіемъ упиваясь ароматическимъ запахомъ цвѣтовъ и травъ покрывающихъ роскошные луга, тамъ и самъ видѣте группы нищенствующихъ земледѣльцевъ - вы уже въ Мишгреліи.

Народъ ея съ тою же наружностію и геройскою осанкою какъ въ Имеретіи, но не въ томъ шелковомъ одѣяніи, котораго рукава развѣваетъ вѣтеръ на Имеретивахъ. Вотъ что значить управленіе Россіи, разливающее тамъ правосудіемъ и попеченіемъ благодать и для контраста граничить съ ней бѣдствіе Мингрельцевъ, подъ тягостнымъ правленіемъ собственныхъ правителей Дадіановъ.

Вправо тянутся гранитныя горы различныхъ оттѣнковъ, лѣса, и рисуется вдали на крутомъ конусо-образномъ возвышеніи монастырь Мартвили, древнее Епископство, съ двумя высокими колокольнями. Возвышеніе это далеко отделилось отъ цѣпи Кавказа, синѣющей вдали грядями съ блѣднѣющими вершинами.

Мартвили, до сего времени, пишутся нѣкоторыми туземцами Чкоиди (чкони - дубъ, диди - большой), потому, что во времена язычества, предъ храмомъ находился большой дубъ, подъ которымъ главный жрецъ, именовавшійся Чкоши - диди, приносилъ жертвы.

Въ Олтарѣ Мартвильскаго храма, у Южныхъ дверей, есть на стѣнѣ Греческая надпись, которая говоритъ: что церковь построена Константиномъ Великимъ; отъ того, сказаніе въ запискахъ Анны Компенъ, что будто храмъ построенъ въ мѣсто языческаго Іустиніаномъ, мы оставляемъ безъ вниманія. Слѣдовательно, Мартвильскій храмъ есть древнѣйшій, древнѣе даже Пицундскаго; вѣроятно, болѣе удаленный отъ театра военныхъ дѣйствій, непрерывно продолжавшихся въ Мингреліи; поддерживаемый владѣтелями и народомъ, храмъ уцѣлѣлъ въ первобытномъ видѣ и прочности, только внутреннія украшенія и живопись, уничтожаемая въ разное время, были нѣсколько разъ возобновляемы.

Кругомъ Мартвили роскошно волнуется зелень виноградныхъ лѣсовъ по холмамъ и скатамъ. Далѣе гранитныя уступы хребтовъ, одинъ за другимъ, все выше, красѣе и блѣднѣе язгромождаются къ снѣговой серебрянной цѣпи, ярко освѣщенной живительнымъ солнцемъ; за ними идетъ Сванетія и Лечгумъ. Съ Юго-Западной стороны растидаются обшир-

ныя равнины Имеретин и Мингрели, на лѣво окаймляютъ видъ Аджарскія горы, на право Абхазскія, а за горами Черное море. По обширной равнинѣ выются сплани лентами р. Цхеницхаль и Абаша. Тутъ лѣсъ подобенъ заповѣдному, каждое древо поднимаетъ на рамена свои легкую, зыбкую лозу винограда, поддерживаетъ, защищаетъ нѣжное созданіе, и оно прижимаясь къ его могучему стану, обвиняетъ своими вѣтками, увѣшивая каждую вѣтвь янтарными гроздами, и солнце смотритъ отрадно на эту чету, исполняющую заповѣдь Божию: любите другъ друга какъ самаго себя, трудитесь взаимно для счастья дней вашихъ.

Очаровательный видъ живописной мѣстности, невольно привлекаетъ васъ, и вы взоромъ, мысленно, охватывая видимый горизонтъ, съ восхищеніемъ говорите: чудесно, восхитительно! здѣсь земной рай!

Послѣ ночного и утренняяго холода, наступаетъ теплый, упоительный воздухъ; порывистый вѣтерокъ пробѣгая изъ ущелій освященнаго солнцемъ, по полямъ и лѣсамъ, обдаетъ ароматомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, волнуется колосья нивъ и вѣтви придорожныхъ кустарниковъ и деревьевъ. Природа здѣсь очень нѣжна и вообще нѣжнѣе другихъ странъ Кавказа. Смягченная пышною, сильною растительностью, легкою обработанностію, она представляетъ собою, особенно весною, самъ Армиды. Воображеніе сбрасываетъ свою ледяную кору, развертываетъ обворожительныя картины, даетъ всему жизнь новую, живыя впечатлѣнія, васъ проникаетъ божественный восторгъ, вы уже не прозябаете какъ на Сѣверѣ, а живете. Таковы ощущенія жителя Сѣвера, на границѣ раздѣляющей Имеретию отъ Мингрели.

Далѣе, стелются поля, высятся лѣса, вы видите разбросанныя деревни верстъ на 50ть до селенія Абашин. Здѣсь видопись сумрака, страха—нѣсколько тягостна, дѣйствуетъ на воображеніе челоуѣка и сжимая сердце располагаетъ невольно къ какой-то непонятной грусти. Отсюда начинаются подъемы, спуски по глинистымъ, разбросаннымъ горамъ. Такъ въѣзжая и спускаясь съ горной волны на другую,

вы, по хорошимъ мостамъ черезъ горныя рѣки, достигаете до Зугдиди, древнее Дадъ, мѣстопребываніе владѣтелей Мингрели — Дадіановъ, потомъ черезъ 7мъ верстѣ до знаменитой рѣки Ингура (Singamis Argianus), отъ которой тянется дорога къ берегу Чернаго Моря въ Анаклию, также въ Атангелы, бывшее Русское мѣстечко.

Чтобы сохранить географическій порядокъ слѣдованія, мы обратимся къ Югу, къ границѣ Турціи, и тронемся съ пограничнаго форта Св. Николая или съ Гуріи. Чтобы не утомить читателя учеными наблюденіями и воспоминаніями, упоминаемыми въ повѣствованіяхъ, ограничимся перенесеніемъ читателя на мѣсто картины и, дадимъ приблизительное понятіе о красотахъ Кавказа и нравахъ его обитателей.

Обращая внимательный взоръ съ неорганическихъ произведеній до человѣка, здѣсь все удивительно! Разнообразіе здѣшнихъ изумительныхъ видовъ, невольно увлекаетъ зрителя. Здѣсь не смотря на скоротечность жизни, умираютъ спокойно, героически, безъ думы о вѣчной смерти и о второй жизни. Здѣсь жизнь и смерть во всей силѣ соединились общимъ закономъ. Впрочемъ эти страны, проникнуты зломъ, дурными наклонностями древнихъ властителей: Грековъ, Римлянъ, Персовъ и Турокъ, подобны морскимъ волнамъ съ гадами. Море перемѣняя границы свои, по прежнему играть, бушуетъ, и горецъ подобно ему, перемѣняя жилища, не смотря на многіе благодѣтельные періоды перемѣнъ, цивилизацію и Христіанство, остался тѣмъ же дикаремъ, какимъ былъ за тысячу лѣтъ: закоренѣлымъ въ расприхъ, злодѣйствахъ и нечестіяхъ.

ГЛАВА IX

На всякомъ мѣстѣ владычество Божіе! Благослови душа моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!
Пс. Дав. 102.

Гурія, прекрасная съ начала міра, осталась въ первобытномъ состояніи: по прежнему, вздымаются къ небу, покрытыя облаками утесистыя, снѣжныя и какъ бы алмазныя глывы Кавказа, выражал собою могущество добра надъ зломъ. Онѣ, какъ властители земли и воды, почти всегда въ громѣ, молніяхъ, ураганахъ. Небесныя искры воли Божіей, льются часто на нихъ темя каскадомъ, сливая небо съ землею. Здѣшніе туземцы, привыкшіе равнодушно смотрѣть на все окружающее, не чувствуютъ величія природы, не понимаютъ и не сознаютъ страха смерти, стремятся горною рѣчкою въ бездну гибели. Здѣсь все запечатлѣно славою, Всемогуществомъ Создателя: бѣлые орлы, грифы, величественно раскинувъ крылья, не удивляя никого, безпрепятственно парятъ къ своимъ гнѣздамъ на вершины Кавказа, по отраслямъ котораго, горецъ въ буркѣ, вооруженный горною палкою, винтовкою, пистолетомъ и книжаломъ и пистолетами, быстро, легко какъ сѣрна отважно прыдаетъ съ одной скалы на другую, минуя бездны, рыщетъ въ лѣсахъ, бьетъ звѣря, кстати и безъ причины иногда губитъ своего земляка; визгливый крикъ его радости или зова на смерть, переносится эхомъ черезъ большое пространство горъ, лѣсовъ, рѣкъ и поражаетъ вашъ слухъ какъ крикъ разбойника, какъ вой звѣря.

Горца можно сравнить съ хищнымъ ястребомъ или ворономъ; онъ также быстръ, отваженъ, всегда и вездѣ, кипитъ юною жизнію, и въ страстяхъ не такъ дряхлѣ какъ мы Европейцы съ опытностію, образованіемъ и требованіемъ на жизнь высокую, идеальную. Горецъ въ каждомъ своемъ взглядѣ, шагѣ, мысляхъ и дѣйствіяхъ проявляетъ первоначальные элементы, и отъ того способностями своими быстрѣ жителей долины; но онъ еще не испыталъ добра.

Не принимая смѣлости, даже мысленно, подорвать и сравнять гранитныя горы Кавказа, какъ думаютъ многіе, мы однакожь проходимъ къ его верхамъ прорывая въ скалахъ дороги: такъ точно и горца уничтожить нѣтъ возможности, однимъ только воспитаніемъ сѣрдца, образованіемъ ума, великими примѣрами добродѣтели; можно перемѣнить его характеръ и сдѣлать кроткимъ, безвреднымъ; но для того нужны сотни лѣтъ и сотни тысячъ жертвовацій. Теперь обратимся къ самой Гуріи и пунктамъ занимательнымъ въ ней Русскими. - Направляясь въ Турецкой границы, вы видите фортъ Св. Николая, вторично занятый Русскими въ 1829 году и оставшійся за ними по Адрианопольскому трактату. Мѣстоположеніе болотное, покрытое лѣсомъ, далеко выдвинутое въ море образуетъ собою полуостровъ. Въ немъ учреждена таможня, карантинъ, защищаемая ротою солдатъ. Отсюда черезъ лѣсъ, болота съ гатами, пролегаетъ дорога въ Озургеты, главный городъ Гуріи, также водою въ кр. Поті.

Озургеты есть укрѣпленіе и главное селеніе Гуріи, занято девятью стами людей; кругомъ его тянутся возвышенныя отлогости. Здѣсь природа, еще не тронутая Европейскою цивилизаціею, при всей своей дикости, представляетъ однакожь много условій, удобствъ для жизни. Гурійцы вообще народъ добрый, нравственный; несчастія постоянно тяготѣвшія надъ Гуріею, непрестанныя смуты и неурядицы между владѣтелями, смѣжность страны ихъ съ Турціею, ея трехвѣковое жестокое вліяніе, ни что не могло поколебать вѣры Гурійцевъ въ истиннаго Бога, они сохраняя во всей точности всѣ обряды Богослуженія, до сихъ поръ исполняютъ ихъ съ величайшею набожностію и благодать Божія неоставляетъ ихъ. Ни одна страна не испытала столько страданій отъ изуверства слѣдователей Ислама, и ни въ какой странѣ нѣтъ народа болѣе преданнаго Спасителю, даже до изступленія, какъ въ Гуріи - При фантастическомъ вѣрованіи въ святость обрядовъ и религій, весьма страннымъ покажется варварскій обычай, приводимый нѣкоторыми иностранцами и подтвержденный Русскимъ посольствомъ въ XVII вѣкѣ, что будто

Гурієвъ, владѣтель Гуріи, ежегодно продавалъ въ Турцію 12 тысячъ дѣтей обоюго пола. Тоже самое, но только въ меньшей степени, случилось въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго просвѣщенія: Одинъ изъ Гурійцевъ убивъ братьевъ, отвѣдъ сестеръ на границу Джаринъ и продалъ ихъ купцу — Турку для гарема. Обрадованный челоѡкопродавецъ сдѣлавъ обѣдъ, пригласилъ къ нему между прочими и Гурійца. Расположившись на ковръ вмѣстѣ съ Турками, Гуріецъ не трогалъ пищи, которая состояла изъ шашлыковъ разнаго рода, приготовленныхъ въ плавѣ. Турокъ оскорбленный пренебреженіемъ гостепріимства, вскричалъ: «Глуръ, собака, почему не ѣшь? Для чего жъ я тратился!» Гуріецъ блѣднѣя и трепеща отвѣчалъ: «Сегодня Великая Пятница, сегодня у насъ Великій Постъ!» И Турокъ еще болѣе раздраженный, чуть не убилъ его. «Такъ развѣ убивать родныхъ, продавать сестеръ въ неволю, ничего не значить! вскричалъ мусульманинъ: лишь бы не ѣсть мяса! Развѣ твой Богъ проститъ тебя за прежнее преступленіе. Иди съ Аллахомъ пока живъ, мнѣ гнусно глядѣть на тебя!» Гуріецъ бѣжалъ опять въ родину, но здѣсь преступленіе его было извѣстно, и опъ привезенный на слѣдствіе и судъ въ Кутансъ, былъ достойно наказанъ по законамъ Русскимъ. Считаая преступленіемъ не исполнить обычая предковъ, Гуріецъ считалъ ни во-что убить родныхъ, продать сестеръ въ неволю, какъ животныхъ!

Болѣе воспитанія въ духѣ истиннаго Христіанства и Гурія пойдетъ къ славѣ Господней. Постройка городовъ, промышленность, образованіе, вниманіе къ нуждамъ Гурійцевъ, можетъ сдѣлать изъ нихъ перемѣнчивыхъ, съ добрымъ сердцемъ, едва ли не самымъ предантѣйшимъ и полезтѣйшимъ народомъ изъ всѣхъ Закавказцевъ для Россіи. Теперь хитрый отъ природы Гуріецъ, благородно городъ, отваженъ и великодушенъ, имѣетъ нравы сходныя съ Имеретиннами.

Русское Правительство, почти не собирая подати съ Гурійцевъ, заботится о ихъ спокойствіи, нравственности, направляеть къ хозяйству, и за то они обязаны, по Христіански, хранить границы свои оружіемъ отъ набѣговъ мусульманства,

контрбанды и представлять фанатиковъ. Для уеиленія Гуріи устроены укрьищеніе Озургеты, въ которомъ развертывается благодѣтельная цивилизація. Въ ныѣшнее время, многіе изъ Гурійцевъ возведены въ дворяне, получили новыя права, знамя и имѣютъ своего Епископа. Гурійцы уже не разъ съ честью проливали кровь сражаясь въ Русскихъ рядахъ противъ горцевъ. Храбрость и мужество ихъ изумительны; намъ помнится одинъ случай, какъ четверо изъ Гурійскихъ и Имеретинскихъ товадовъ, одѣтые въ праздничные костюмы, въ день праздника Св. Георгія или Св. Духа, ввойдя въ густой лѣсъ Сочи, были окружены 60 Убыхами — самыми грозными изъ Черкесовъ, не побоялись вступить въ неравную битву и, разумется, славя Бога, легли всѣ на мѣсть; но за то и Черкесъ, по увѣренію шпіоновъ, недосчиталось 30 человекъ. Гурійцы свято хранятъ слово данное однажды.

Цевдалекъ отъ форта Св. Николая, паходится у. Потн, построенная при устьѣ Ріона, древняго Фазиса, вблизи развалинъ древняго города Фаша. Иныя относятъ постройку ея къ 1678 г. Сераскиру Мустафы; но историческими фактами можно доказать противное: это мѣсто извѣстно съ похода Аргонавтовъ, которые слѣдовали отсюда по Фазису или Ріону къ городу Мараши (вишній), что на устьѣ р. Цхешцхале.

Крѣпость Потн имѣетъ четыре каменные бастіона, исправленные въ повѣйшее время довольно прочно. Надъ нею господствуетъ мечеть Ахмета, къ временамъ котораго относятъ ся постройку. Луна мечети сбита Русскою артиллеріею въ 1828 году. Около Потн тянутся болота, которыхъ вредныя испаренія при чрезмѣрной жарѣ, губятъ гарнизонъ и жителей; высокія стѣны крѣпости и лѣса ея окружающіе препятствуютъ свободному движенію воздуха очищать зловредную мѣзму; отъ того приказомъ Военнаго Министра, Князя Александра Ивановича Чернышева, она упразднена; но для сохраненія въ цѣлости, какъ прибрежнаго пункта для торговли, оставлена въ ней рота солдатъ, остальные три переведены въ Озургеты — мѣсто гористое и здоровое.

Теперь перейдемъ къ историческимъ воспоминаніемъ.

Сюда, въ древности, стремилась вся торговля Греціи и Рима и разносилась во внутреннія Кавказскія страны. Съ возстановленіемъ Абхазо - Грузинскаго царства, она кажется перешла къ Сарапаны, гдѣ и основалось купечество.

Съ господствомъ Турокъ на Черномъ морѣ, съ начала XV вѣка, въ Потн образовался главный притонъ безчеловѣчной торговли невольниками и невольницами для гаремовъ. Отсюда развивалась могущественная, кровожадная политика Порты. Гурія страдала: жены, дѣти ея, съ согласія изверговъ правителей, были вырываемы изъ родительскихъ объятій и отправляемы въ Потн, потомъ на судахъ въ Трапезондъ и Константинополь. Такое несчастіе страны имѣло вредное вліяніе на духовенство: оно уклонилось отъ святыхъ законовъ православія, и по увѣренію тогдашнихъ писателей, что мы однакожъ не подтверждаемъ, участвовало въ безчеловѣчной торговлѣ, сбывая выгодно своихъ Христіанъ - вассаловъ въ руки невѣрныхъ. Наконецъ Гурія, изнеможенная бѣдствіями и неустройствомъ, съ половины XVI столѣтія, по примѣру царей Имеретинскихъ и правителей Мингреліи, стала искать покровительства Россіи. Но географическое положеніе этой страны, ея отдаленность отъ рубежа Русской Державы, не позволили тотчасъ подать руку помощи, до начала нынѣшняго столѣтія. Турецкая война 1828 г. съ благотѣльными послѣдствіями, отразилась счастіемъ на Гурію, и навсегда уничтожила въ ней гибельныя дѣйствія политики Турокъ.

О политическомъ состояніи Гуріи, извѣстно будетъ въ историческомъ отдѣлѣ, но мы обратимся теперь къ Потн. Въ 1809 году, Главнокомандующій Кавказа, назначилъ для взятія Потн, Генерала князя Орбеліана съ отрядомъ изъ 9^{ти} ротъ Бѣлевскаго пѣхотнаго полка, двухъ ротъ Кабардинскаго и одной 9го Егерскаго, съ значительнымъ числомъ артиллеріи. Рѣшась взять ея приступомъ, князь Орбеліанъ въ половинѣ Августа приблизился лагеремъ. Движеніе Русскихъ войскъ было обезпечено партіями возмунтвшихся Имеретинъ, прогоняемыхъ съ урономъ. Потн прикрываемая 39 орудіями, имѣла гарнизонъ состоявшій изъ 300 Турковъ, кромѣ жителей, страшныхъ

своею свирѣпостію, мужествомъ и отчаянною обороною. Начальникъ гарнизона Кучукъ - Бей, пользуясь прочностію стѣнъ крѣпости, почти неприступнымъ мѣстоположеніемъ, надѣясь на скорую помощь изъ Трапезонда, не сдавался, и съ Азіатскою рѣшимостію, упорно отвергалъ всякое предложеніе о сдачѣ.

Князь Орбеліанъ, не имѣя осадной Артиллеріи, тщетно старался о взятіи: продолжительная правильная осада, на выгодной для осажденныхъ мѣстности, производилась медленно и бесполезно. Октябрь уже былъ на исходѣ, когда Генераль Тормасовъ, нашелъ возможность подкрѣпить отрядъ двумя баталіонами Кавказскаго Гренадерскаго полка, которые и выступили изъ Тифлиса къ Поті - 30 Октября; въ тоже время, князь Орбеліанъ получилъ извѣстіе, что Трапезондскій Сераскіръ, Трехбунчужный - паша Шерифъ, блокируемый Русскимъ флотомъ, двинулся на помощь Поті, съ 9ю тысячами войска, и расположившись станомъ въ 20 верстахъ на берегу моря, между рѣками Молтавкою и Григолеті, укрѣпился застѣками, редутами, будучи обезпеченъ съ тыла густымъ лѣсомъ и болотами, покрывающими почти весь берегъ отъ Батума къ Поті.

Правительница Мингреліи, княгиня Нина Георгіевна, по усердію, преданности къ Россіи и ненависти къ Туркамъ, снабжала первыхъ необходимымъ продовольствіемъ; недовольствуясь такою заботою, она явилась и сама къ осадѣ, приоудствовала при работахъ и дѣйствіи батарей. Слыша о приближеніи Шерифъ - пашы, собрала тотчасъ милицію въ Мингреліи, и подъ начальствомъ своего сына Левана отправила ее къ Орбеліану, къ которому въ тоже время присоединились отряды изъ Гурійцевъ и Абхазовъ. Не желая ждать Турокъ, князь пошелъ къ нимъ на встрѣчу, задумавъ по - Суворовски: однимъ ударомъ разбить врага и кончить дѣло съ Поті. Расчетъ былъ вѣренъ. Оставивъ при Поті достаточное число блокадныхъ войскъ, съ остальными двинулся быстро на встрѣчу Шерифа - пашы, къ рѣкѣ Молтаквѣ, приказавъ Маіору

Орбеліану, бывшему отъ него въ 6ти верстахъ на отдѣленномъ важномъ посту, съ двумя Кабардинскими ротами, слѣдовать туда же впредь до новаго приказанія. - Приближаясь къ Молтакъ, казачьи партіи допесли князю, что отдаленные выстрѣлы встревожившіе его, производились Гурійцами, напавшими на передовыя Турецкія толпы, въ отмщеніе за ужасы ими производимые, и потому, князь приказалъ для дѣйствія по непріятельскимъ окопамъ, выставить на правомъ берегу два орудія, и подъ прикрытіемъ ихъ огня, перейти черезъ рѣку Маіору Орбеліану съ двумя ротами, Мингрельцами, Абхазами и Гурійцами, бывшими подъ командою Николая Дадіана, Манучара Шерванидзе и Давида Гуріеля, переправляя вслѣдъ за ними и остальныхъ свои войска: пѣхоту и артиллерію въ каюкахъ, а кавалерію въ бродѣ. Авангардъ подвигаясь быстро атаковалъ Турокъ, и тѣ устрешенные, отступили въ безпорядкѣ, оставивъ во власти Русскихъ правое флаговое укрѣпленіе съ однимъ орудіемъ, двумя знаменами, потерявъ 9 челов. убитыми. Запавъ передовое укрѣпленіе, милиціонеры и солдаты бросились впередъ. Это неожиданное движеніе влило паническій страхъ въ непріятеля и заставило его бѣжать. Мингрелы, Абхазы и Гурійцы, предводимые Давидомъ Гуріелемъ, оказавшимъ рѣдкую неустрашимость и храбрость не давали опомниться, и Турки, атакованные также съ лѣваго фланга мстителями Гурійцами, поставленные между двухъ огней, кинулись къ лодкамъ, думая спастись въ открытомъ морѣ; въ числѣ ихъ находился и Сераскиръ Шерифъ - паша. Но это произвело еще больше смятенія и крайній безпорядокъ: каждый думалъ только о своемъ спасеніи и силою оружія пробиваясь къ лодкамъ, нстрелялъ на пути своихъ товарищей. Милиція, въ свою очередь, не давала имъ пощады, и земля вскорѣ покрылась обезглавленными тѣлами Турковъ. Наконецъ одна лодка пробитая ядромъ, погибла съ наредомъ, и заставила непріятеля для спасенія засѣсть опять въ укрѣпленіе, откуда, съ потерей 200 убитыхъ, онъ былъ выбитъ штыками. Остатки Турецкаго отряда разбрелись по лѣсу и болотамъ. Множество плѣнныхъ и знаменъ, было тро-

феемъ отважнаго подвига - соединенныхъ усилій Русскихъ и Гурійцевъ.

Ночь прекратила кровопролитіе; на другой день, часть Турокъ засѣвшихъ въ лѣсу была взята въ плѣнъ милиціею. Вообще непріятель потерялъ 1500 ч. убитыхъ и потонувшихъ въ морѣ, плѣнныхъ 283 чел. и 20 знаменъ; изъ нихъ 13ть отбиты милиціею и были разорваны въ куски. Потеря побѣдителей состояла въ 8 убитыхъ и 17 раненыхъ, также 43 Гурійцевъ, 15ть Мингрельцевъ и 4 Абхазовъ, ранено: 176 Гурійцевъ, 62 Мингрельца, 38 Абхазовъ и 15 казаковъ.

Такое пораженіе Турковъ, какъ бы въ наказаніе за прежнее страданіе Гурійцевъ, повело за собою немедленную сдачу Потн. Комендантъ ея, Кучукъ - Бей, лишенный надежды на подкрѣпленіе, узнавъ о прибытіи еще свѣжихъ двухъ батальоновъ Кавказскаго Гренадерскаго полка, подъ командою Полковника Симоновича, перемѣнилъ тонъ переговоровъ на обыкновенный, покорный: 14 Ноября прислалъ къ Генералу Орбеліану парламентера съ предложеніемъ сдачи крѣпости, и на другой день, 15 Ноября 1809 года, поднесъ ему ключи.

Турецкій гарнизонъ, на основаніи капитуляціи, въ числѣ 272 человекъ отправленъ моремъ въ Трапезондъ. Въ Потн найдено 39 орудій, изъ нихъ 20ть мѣдныхъ, прочіи чугунныя, также множество бомбъ, ядеръ, пороха и другихъ боевыхъ припасовъ. Въ послѣдствіи, въ 1812 г., по Бухарестскому договору, Потн отдана во власть Турціи. Потерявъ вліяніе на Гурію, Турція старалась тайно взволновать народъ ея и возставить противъ Россіи; въ чемъ имѣла нѣкоторой успѣхъ: въ 1819 г. Гурійцы взбунтовались, но благоразумными мѣрами Генерала Вельяминова, обращены къ покорности. Недовольная этою неудачею, Турція снова старалась въ 1827 году поколебать умы Гурійцевъ, но и тогда напрасно, ибо Гурійцы, соединились съ Русскими, и помогали усердно въ 1828 г., когда они подъ предводительствомъ Генерала Гессе двинулись къ Потн.

Опять пошла новая осада Потн: 8го Іюля дѣйствіемъ

полевой артиллеріи открыта въ ней брешь. Комендантъ Асланъ-Бекъ, тщетно ожидая подкрѣпленій, рѣшился просить пощады, съ условіемъ: позволить гарнизону, составленному изъ жителей пограничныхъ провинцій, разойтись по домамъ. Желаніе прекратить убійственную осаду, по болотистому, болѣзненному свойству земли, разпространившей въ нѣсколь-ко дней значительныя болѣзни въ войскѣ, заставило Русскихъ согласиться на предложеніе Аслана. Въ Потіи и въ прибрежномъ укрѣпленіи найдено: 45 орудій, одна мортира, 13 знаменъ, два пороховыхъ погреба съ патронами и разными боевыми зарядами. Сверхъ того найдено три магазина съ съестными припасами на два мѣсяца, для 600 человекъ гарнизона. Русскихъ при осадѣ находилось: 6ть ротъ Мингрельскаго полка и 5ть ротъ 44 Егерскаго, съ 15ю полевыми и осадными орудіями, всего около 2000 человекъ; кромѣ того, владѣтель Мингреліи князь Леванъ Дадіанъ далъ подкрѣпленіе, состоявшее изъ 3000 своей милиціи. - Потеря съ нашей стороны была въ 7 убитыхъ и 14 раненныхъ.

Въ 17ти верстахъ отъ Потіи, на берегу моря, находится укрѣпленіе Редуть Кале. Къ нему идетъ довольно широкая дорога между лѣсомъ и болотами, имѣя двѣ переправы черезъ рѣки. Редуть—Кале поставленъ на косѣ далеко выдавшейся въ море. Мѣсто неудобное и опасное: часто приливъ воды и морскіе штормы наводняютъ Редуть - калесскія окрестности на большое пространство, и уносятъ въ море деревянныя избы и будки. Редуть омывается съ Сѣвера рѣкою Хопи, съ Востока Цивою, съ Запада охваченъ моремъ; съ одной только Южной стороны, къ крѣпости Потіи, на 6 верстъ до р. Квадавы, стелется безводное, но за то крайне лѣсистое, покрытое болотами пространство.

Это мѣсто у Мингрельцевъ называлось Кулеви. До 1804 года, берега Мингреліи не были географически извѣстны.— Въ этотъ годъ было отправлено войско изъ Крыма и дипломатъ Литвиновъ, присланный изъ Грузіи къ Дадіану, тщетно ожидалъ десанта. Начальнику эскадры, на которую онъ былъ посаженъ, было приказано, если пойдетъ Кулеви и Турки не

воспрепятствуютъ, высадить войско, потому, что Порта считала этотъ берегъ своимъ а Мингрелію данницею. По этому эскадра куда ни заходила, заставляла: или дикихъ горцевъ или Турковъ, и наконецъ не отыскавъ Кулеви - возвратилась въ свои. Послали для новаго розыска шкупу, но и она попавъ на высоту Кулеви, замѣтивъ на лѣсистомъ берегу только нѣсколько хижинъ, не полагая что это мѣсто назначено для высадки, пошла далѣе; по трѣ казака сопровождавшіе Литвинова, узнавъ Руское судно, рѣшились въ ничтожной лодкѣ догнать его: такъ открылась Мингрелія. Шкуна означивъ мѣсто на картѣ, послала чрезъ Грузію въ Севастополь нужныя свѣденія, сама же служила какъ бы указательнымъ маякомъ десанту, который вскорѣ и прибылъ.

На глубокой, красноватой водою Хопи, развѣваются паруса и флаги купеческихъ судовъ и Турецкихъ качерпъ (плоскодошное малое судно); даже въ двухъ мѣстахъ на берегу, строятся тѣ и другія. — Хопія вытекая съ хребта Кавказа, за 30^{ти} верстъ предъ впаденіемъ въ море несетъ тихо свои струи и можетъ быть судоходна для малыхъ барокъ. — У Редута она довольно глубока и можетъ поднять значительный грузъ; но пустынные воды, не оживлены судоходствомъ, кромѣ нѣсколькихъ каюковъ, служащихъ сообщеніемъ между красиво - разбросанными по обѣимъ сторонамъ жилищами Мингрельцевъ и Русскихъ. — Между форштатомъ и укрѣпленіемъ, впадаетъ въ р. Хопи рѣка Ція или Цива, вытекающая изъ болотъ, находящихся въ 30^{ти} вер. къ сторонѣ Ріона; она при малой широтѣ въ 6^{ть} сажень, необыкновенно глубока въ устьѣ, и такъ, что потонувшая качерна съ тремя мачтами не оставила слѣда своего близъ поверхности воды.

Посему, казалось бы, что купеческіе суда могли имѣть удобную пристань въ Хопи, но напротивъ, фарватеръ въ самомъ впаденіи рѣки, совершенно открытъ и запосѣтъ черезъ вѣтеръ пескомъ, камнями, оставляя только проходъ для малыхъ лодокъ. — Бываетъ, что года черезъ два и болѣе, береговой вѣтеръ очищаетъ устье для прохода судамъ, но вообще купеческія суда становятся отъ берега въ открытомъ мо-

ръ въ 3хъ верстахъ, военные же въ 5ти; но во время частыхъ бурь, иногда выбрасываются на берегъ, — что и заставляетъ здѣшній рейдъ считать однимъ изъ опаснѣйшихъ; ибо низкіе берега тянущіеся прямою линіею, не доставляютъ ни какой преграды отъ вѣтровъ, дующихъ съ яростію на низменную ложбину Мингрелію.

Тутъ въ 1821 году было открыто 10ти лѣтнее Порто-Франто для Закавказья, тогда Редутъ сдѣлался единственнымъ мѣстомъ для складки товаровъ. — Въ этотъ періодъ времени кипѣла здѣсь дѣятельная промышленность. — Сюда временно привлекались мѣлочныя спекулянты: Греки и Анатолицы съ разныхъ сторонъ, безъ основательной осѣдлости; отъ того, Редутъ остался незначительнымъ, а переводомъ купеческой конторы могъ бы совершенно уничтожиться. — Въ 1835 г. думали уже перевести ее въ Поті, около которой могутъ входить малыя суда въ Ріонъ, и перегрузивъ товары на каюки отправлять ихъ далѣе верстъ 90сто до Марани, откуда хорошимъ сухопутьемъ везти 45 верстъ до Кутанса. Но Поті упразднена и предположеніе рушилось, — что и спасло Редутъ отъ совершеннаго упадка.

Форитатъ его довольно хорошій, длиною въ 300 сажень, находится въ верстѣ отъ укрѣпленія; въ немъ казенныя зданія и лавки построены въ двѣ линіи, образующія прекрасную широкую улицу. — Сзади лавокъ жилища вольнопромышленниковъ; вблизи деревянная церковь. Здѣсь прежде, по большой части, были Турецкіе промышленники съ береговъ Анатолиі, теперь къ нимъ прибавились необходимые спекулянты Азіатской промышленности — Армяне изъ Тифліса и Кутанса, которые устроили магазины для складки товаровъ на берегу р. Хопи, къ морю; въ старомъ же укрѣпленіи расположень карантинъ. Нынѣ для возобновленія торговли съ Востокомъ, дозволенъ въ Редутъ безпошлинный транзитъ Европейскихъ товаровъ, для отправленія ихъ въ Баку и въ Персію, равно какъ оттуда въ Редутъ и Сухумъ, — что можетъ въ самое короткое время поднять Закавказское купечество и сдѣлать Редутъ богатымъ и прекраснымъ, тѣмъ болѣе, что пошлины съ Европейскихъ товаровъ убавлены на половину.

Близъ форштата въ 4хъ верстахъ заведенъ садъ. Графъ Воронцовъ осматривая Восточный берегъ, пѣхнулся здѣшнимъ мѣстомъ и въ память своего посѣщенія въ 1836 г, для испытанія почвы, подарилъ Редуту 200 лозъ своего лучшаго винограда, который въ первый годъ посада далъ плодъ: земля чрезвычайно растительна и сочна; тутъ на будущее время будетъ нашъ лучший садъ. Воздухъ во весь годъ хорошъ, исключая Августа мѣсяца; но будетъ лучше, если исполнится предположеніе осушить здѣшнія болота,—что весьма удобно. Словомъ сказать, Редутъ, по климату и удобствамъ для торговли, есть одно изъ лучшихъ мѣстъ на всемъ берегу моря.

Г л а в а X.

Я мнилъ, что грозная, въ порывахъ вдохновенья,
Природа изречетъ пророческій глаголъ!
Богъ блага, могъ ли быть Богъ бѣдствія и злая?
Вся промыслы Его судьбъ непостижимы:
Здѣсь въ міръ и добро и зло необходимы!

Лалартинъ.

7 *Апрѣля* 1835 года.

Въ походѣ воинъ имѣетъ свои пріятности: есть ему время исполнить обязанность, отдохнуть и налюбоваться видами чудесной природы Мингрелін. — Часто колѣнчатые горы, обставленные по скату прямыми, высокимъ лѣсомъ, поднимаются величественно къ своимъ верхамъ, гдѣ межъ гуляющихъ тумановъ, подъ столѣтними деревьями, видѣется жилище Турецкой постройки какого нибудь товада - рыцаря (*). Вы поднимаетесь къ нему по узкой, извивистой, крутой тропинки, какъ къ волшебному замку, и благодатный ключъ живой, студеной воды, стремится на васъ водопадомъ, осыпаетъ алмазными брызгами, какъ бы приглашая: бѣдный, изнуренный странникъ, присядь подъ тѣнію моего древа, на мнѣ зелено — шелковые долы, послушай пѣснь мою, — она благовѣститель. Ты не чистъ, жаждешь, пей мою воду, смывай нечистоту своего пути, будь чистъ душою какъ я, и тогда жизнь твоя потечетъ въ сладкой гармоніи съ природой, ты тогда узнаешь тайну жизни растений, цвѣтка, пѣніе птицъ -

(*) Вообще товады и азнауры въ Грузіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, нѣсутъ на полусапожкахъ серебряные или желѣзные шпоры, иногда одну, что кажется перешло къ нимъ съ временъ рыцарства или древняго пѣздничества. Вообще нарядъ послѣднихъ народовъ чрезвычайно фантастическій; волосы спускаются къ спинамъ локомами.

ангеловъ Божіихъ. Здѣсь звукъ, аккордъ высокой жизни Создателя, льется въ моихъ струяхъ, кругомъ славить его невинность; въ тебѣ же живетъ грѣхъ, который сладокъ временно, но тяжки, горьки его плоды - постоянная грусть и смерть! Вѣрь въ эту истину, она дождитъ свѣтомъ и незабывай, что въ тебѣ дыханіе жизни осуществляется умомъ и словомъ, а во мнѣ таинственнымъ звукомъ и стремленіемъ, — жизни разныя, но общія въ волн Божіей. Я всегда прежде всѣхъ радуюсь явленію свѣта и пробужденію природы! Первый гимнъ Богу, есть звукъ моихъ струй, а ты спишь! за то первый лучъ солнца, первая живительная сила небесной его любви вливается въ меня и даетъ ту отраду, чистоту, которую разливаю я въ жаждущихъ. Часто рѣзвый ключъ расширяясь постепенно, летитъ стремглавъ наутесы, отшибаетъ ихъ крал, равняетъ, и бѣлою, извивистою, грохочущею лентою падалъ въ бездну камней, разбивается въ алмазныя блестки, потомъ опять соединяется, и какъ бы побѣдитель вырываясь оттуда, стремится гармонически на зеленую долину, обсаженную плодовыми деревьями: персиками, абрикосами, виноградомъ и другими. Слѣдуйте за его краснымъ стремленіемъ и за чуднымъ аккордомъ.

Тутъ въ длинной, разнообразно - роскошной, разрываемой непрестанными ручьями лощинѣ, вы видите Мингрельца, идущаго на работу или стрѣляющаго рыбу; видите группу мужчинъ и женщинъ, танцующихъ подъ звукъ бубенъ какъ воздушной феи—Колхидянки: локоны, косички ее и зачаку развѣиваетъ вѣтеръ, она держа въ одной рукѣ бубенъ, бьетъ въ него другою тактально и съ чувствомъ, рѣзвится, поетъ, пляшетъ, и какъ изумительно быстра она въ своей Лезгинкѣ, (танецъ), вы не повѣрите даже своимъ глазамъ: поднявъ руки съ платкомъ къверху, возвышая свое сердце къ небу, она почти не касаясь земли летаетъ передъ вами баяетъ дѣвы природы, и тутъ же съ боку, стоитъ суровый Мингрелецъ съ чохою: онъ только что вычистилъ поле кукурузы, манса, гомин или пше-на отъ нечистой травы, стираетъ трудовой потъ и расправляя рукою свои кудри, обмываетъ голову холодною водою; потомъ

надѣвъ необыкновенную покрывку (*), затягиваетъ пѣснь свою ђ - го, и она съ дикими, трогательными тонами, выкалываетъ въ немъ душу твердую. Слѣдуя за пѣсней его, вы вслушиваетесь въ послѣднія звуки и просите продолженія, ибо отголоски въ горахъ очаровательны.

Но звукъ бубенъ - родной музыки, доходитъ къ сердцу Мингрельца. Не покидая чохы, онъ стремглавъ бросается къ пляшущей группѣ. Вотъ добѣжалъ. Не смотрите на его изношенную въ лоскутьяхъ одежду, не смотрите на его испачканныя глиною ноги, но смотрите на его движеніе, взглядъ, который онъ бросаетъ кругомъ. Вотъ онъ вскинулъ на голову башлыкъ (головное закрытіе), и подъ звукъ бубенъ, щелканье ладоней труппою бросился въ плясъ, несется какъ степной конь вырвавшійся изъ табуна, въ немъ играютъ всѣ жилки, онъ облетаетъ толпу зрителей легко, правильно и своей мимикой, осанкой не мужикъ, плебей, а герой. Вотъ вдали группа идущихъ вооруженныхъ Колхидцевъ, оружіе ихъ блеститъ серебромъ, золотомъ, съ ними борзые и гончія собаки: они завили - охотники раздѣлились... бѣгутъ, поднимаются на вершины, прячутся въ деревьяхъ, въ кустарникахъ; въ долинѣ раздается лай, визгъ собакъ. Вдругъ все притихло какъ предъ битвой, и точно, вскорѣ предъ вами бѣгутъ стремглавъ зайцы, лисицы, шакалы и волки, за ними собаки, слышатся визги звѣря, многіе выстрѣлы, и вы можете быть жалѣя даже о звѣрѣ, видите надъ собою тучу гусей, утокъ, пеликановъ испуганныхъ въ долинѣ, тлущихся вереницей вдалѣ къ шумящимъ рѣкамъ и лѣсистымъ горамъ, покрытыхъ сизымъ туманомъ. Вы изумляетесь правильности птичьяго движенія, въ немъ цѣлая тактика; птицы на лету даютъ сигналы, которые издали подобны звуку трубы съ прощальною пѣсней Неба. Все это видите въ нѣсколько минутъ и говорите: здѣсь очаровательно! Здѣсь природа на ладонѣ, но въ живыхъ ку-

(*) Она сдѣлана пятиугольникомъ изъ тафты, закрывалъ верхъ головы, привязывается двумя завязками подъ подбородкомъ. Чоха, есть родъ топора, на длинномъ 2хъ аршинномъ заступѣ.

кляхъ и голосахъ. Передъ вами разбросаны ряды лѣсистыхъ и глинистыхъ горъ, лощины, гдѣ пасутся въ вашихъ глазахъ козы, овцы, бараны, буйволы, коровы, подъ присмотромъ вооруженныхъ мальчиковъ - пастуховъ, которыхъ свирѣль и пѣснь съ странными переливами утѣшаетъ скоть; тутъ чистая патріархальность. Не вдалекѣ отъ этихъ стадъ показываются табуны лошадей и бачей (*) Прекрасный жеребецъ, схожій на Арабскаго, поднявъ гордо голову, встрепенувъ гривною, обходитъ свое племя, или несется передъ нимъ черезъ лѣсъ, ручьи; за табуномъ стелется лѣсъ. Здѣсь шумъ бичей, ржаніе лошадей, крикъ людей, выстрѣлы. Перейдемъ еще дальше къ сизымъ горамъ. Тамъ шумливо пробѣгаютъ рѣки, ручьи; тутъ жизнь своего рода, именно птичья: бакланы, гуси, большія утки, неліканы, цапли полощатся и перелетая по верху волнъ, покрываютъ стонъ ихъ своимъ крикомъ; надъ ними носятся бѣлые орлы, коршуны, ястребы, стремятся на вершины горъ къ своимъ гнѣздамъ, куда также безболзненно летятъ на погибель дикіе голуби, разумѣется, перышки ихъ летятъ и можетъ быть какое нибудь прилетитъ по вѣтру и къ вамъ. Здѣсь звукъ и игра свой. Словомъ, передъ вами живая картина быта Мингрелін какъ у ногъ, сжатая въ малой лоскутокъ земли; чего нельзя видѣть за милліоны, вы видите даромъ, наслаждаясь гармонією ключа и прохладою душистаго лѣса. Передъ вами концертъ вѣчности: природа въ звукахъ; вы не слышите стонровъ, здѣсь нищихъ мало и то сѣдые или слѣпые старцы, сгорбленные несчастіемъ прежнихъ лѣтъ. Здѣсь не льютъ слезы безхарактерной чувствительности, всякій чувствуетъ мощно, передавая свои страданія себѣ одному. Передъ концертомъ природы Колхиды всѣ концерты ничто - онъ доходитъ до вашего сердца умиротвѣляющею мелодіею, а не неистовыми тонами поражающими вашу душу. Около васъ не говорятъ, не хлопаютъ въ ладоши, вы не стѣснены и можете слышать

(*) Эта порода малыхъ лошадей съ щетинистою гривною, находится только въ Мингрелін и Имеретін, также въ Шотландіи; въ другихъ странахъ, она даже неизвѣстна.

когда угодно: вы одни съ Міроздателемъ, счастливы его за-
вѣтомъ, своимъ воспитаніемъ и бѣседуя съ нимъ, молитесь толь-
ко сказать: гдѣ живутъ ангелы, гдѣ и чѣмъ будете на томъ свѣтѣ?
Это самое крайне пастроиваетъ и возвышаетъ ваши мы-
сли. Здѣсь, лучше сказать, природа и музыка смиренна
какъ молитва къ Престолу Создателя, громогласна какъ его
гласъ и сливается съ святою горнею областію. Нѣтъ ника-
кого сомнѣнія, что вы воспитанные на Сѣверѣ, въ прихот-
ливой нѣгѣ, для удовольствія утонченнаго слуха, пожелаете
поставить предъ собою на долині нѣсколько хоровъ музыки и
пѣвчихъ, но повѣрьте, вы и безъ нихъ будете счастливыми.
Здѣсь все живо чувствуетъ, живетъ и скоро умираетъ. Серьез-
ный умъ, оцѣнить развитіе духовнаго начала и отвергнуть
ощущенія, производимыя насильно, искусствомъ и наукою. Пре-
длести всегда болѣе въ естественной граціи. Вотъ еще по-
слѣдняя картина. Въ тѣни лавра, орѣха, инжира и персика,
сидятъ десять Колхидянокъ, они разсуждаютъ съ чувствомъ.
Вотъ привстали . . . идутъ . . . лачаки ихъ развѣвают-
ся (*). Они ростомъ высоки, имѣютъ брови черныя, подчер-
ненныя хинною, глаза огненные, каріе, близна лица слита съ
самымъ нѣжнымъ розаномъ. Схватаясь дружно идутъ къ
рѣчкѣ: длинныя ихъ платья или кабы какъ бы съ шлейфами,
катяще или Грузинская маантия съ разрѣзными рукавами,
около тонкой какъ стебель таліи, стянута вышитыми куша-
ками, которыхъ два длинныя конца касаются земли. Если-
бы насъ назначили для выбора трехъ грацій, то по со-
вѣсти выбрали бы изъ нихъ. Наконецъ онѣ подошли къ
ропци и ручей зашумѣлъ всплесками: у васъ предъ глазами
новыя наряды гораздо красивѣе древнихъ, мнѣологическихъ:
каштановые ихъ волосы спускались локонами до пояса

(*) Лачака есть узкая, длинная вуаль, которая прищипливается
булавками сзади Грузинскаго кокошника и спускается по
спинѣ до пояса. Лачака закрываетъ шесть дѣвическихъ коси-
чекъ, взрослые имѣютъ ихъ еще больше: это зависитъ отъ вку-
са каждой, но шесть въ большой модѣ.

и возвышали поэтическую любовь со всеми вымыслами близны и свѣжести. Да проститъ читатель нашей натуральности; впрочемъ, мы не отказались еще превозносить Премудрѣйшаго Творца въ его твореніяхъ и любимъ выставить то, что прекрасно, изящно и что славить Его въ испорочной, игривой чистотѣ своей. Такая картина повседневной, патриархальной жизни, характеризуетъ гармонію силъѣе. Здѣсь изступленіе страсти прохладжено трудомъ, заботой и приличіемъ; кромѣ того, въ удивленіи, вамъ открывается скрытая прелесть природы и, вашему иногда разсерженному духу, нашептывается улада въ ручьяхъ и цвѣткахъ.

Кстати замѣтимъ, что Мингрелы имѣютъ главу въ Дадіанѣ, который судитъ народъ по древнимъ законамъ страны своей, но не имѣетъ право на жизнь его.

Дворянство занимается охотою по птицамъ съ приученными соколами (дербничокъ), балабаками, которые тутъ водятся въ высокихъ скалахъ Кавказа; изъ нихъ болѣе малые видомъ имѣютъ хохолокъ на головѣ и водятся въ лѣсу, покрывающемъ подошвы горъ; онѣ очень привычны къ людямъ. Собакъ для охоты не трессируютъ, считается достоинствомъ если берутъ звѣря силою.

Кромѣ птицъ извѣстныхъ, есть рѣдкіе формою и перьями; водятся орлы, въ рѣкахъ пеликаны, на вершинахъ въ горахъ обитаютъ волки, медвѣди, шакалы, послѣдніе въ родѣ лисицъ, съ щетинистою шерстью; древніе считали ихъ гіенами, онѣ ищутъ мертвыхъ, питаются всякою нечистотою, скрываются въ камняхъ, лѣсахъ, гдѣ открыть ихъ трудно, вечеромъ же подходятъ къ жилищамъ и затягиваютъ такую пѣснь, что у пріѣзжаго, въ первой разъ пробѣгаетъ по жиламъ страхъ; онѣ нападаютъ на малыхъ дѣтей и живутъ толпами. Въ Азіи и Африки и вообще по Кавказу ихъ много: въ Африки называютъ Дабюль или Крокюль - *Crocuta*, по Гречески *Cycissa*, другіе называютъ дикими собаками — онѣ воюютъ между собою. Прежде волки дѣлали разореніе у туземцевъ, нынѣ числомъ уменьшились. Здѣсь дичь хороша и состоитъ въ оленяхъ, кабакахъ, жиранахъ и зайцахъ, есть также куропатки, фазаны, перепел-

ки, рѣчныя птицы, дикіе голуби и такіе же курицы; голубей ловятъ осенью сътью, зимою онѣ удаляются въ Кавказскія горы.

Рыбы въ рѣкахъ мало и ту бьютъ пулею, дробью или ставятъ въ тихихъ мѣстахъ вершини изъ вѣтвей. Хлѣбъ замѣняетъ имъ гомія, ее варятъ густо, и вынимая лопаточками употребляютъ въ пищу руками. Качество гоміи прохлаждаетъ желудокъ и слабитъ, ее употребляютъ вообще на Востокъ и Кавказъ; къ гоміи можно скоро привыкнуть, она вкусомъ пріятнѣе пшеницы.

Обратимся къ прежнему описанію. Но пора всему, пора настала и сумракъ: солнце спустилось за горы и долина стемнѣла; изрѣдка только лучъ солнечный отражался въ облакахъ и на вершинахъ сизыхъ горъ; въ тоже время, Колхидскій черный дроздъ, съ краснымъ носикомъ и ножками, разнѣлъ свою прощальную пѣснь, усладилъ трогательно конецъ дня и все потонуло домой. Вскорѣ все стихло, но звукъ разнѣтый днемъ еще животворилъ воздухъ, съ нимъ сливался шумъ волнъ, падающихъ ручьевъ въ бездну и грустные напѣвы шакаловъ бѣгущихъ вблизи, что неоднократно тревожило нашъ сонъ, но наконецъ подъ шелестомъ листьевъ лѣса, я заснулъ сладко такъ, какъ никогда не засыпалъ.

Свѣтло и радостно было утро, но для меня ово было пріятнѣе всѣхъ утровъ, было началомъ для Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ самую полночь раздался въ ушахъ моихъ грозной звукъ трубы, разбудившій цѣлый отрядъ. Раздвигая воздухъ онъ пронзительно раздавался эхомъ страха въ горахъ. Намъ казалось, что сонмы Ангеловъ летаютъ надъ нами, призывая на судъ Міроздателя и Его сына, мученика для нашей правственности и счастія. Да, велика была жертва Его принести для насъ на закланіе своего едиnorodнаго сына, за то и требованіе отъ мірянъ будетъ больше! Но я ошибся, то были Мингрельцы, призывающіе въ длинныя трубы къ святой заутрени, потому что здѣсь еще не ввошли въ обыкновеніе колокола, и каждый храмъ имѣетъ трубы, малые колокольчики и священныя доски, въ которыя призываютъ Христіанъ къ молитвѣ. Что подробности представимъ.

въ описаніи Абхазскихъ Каталиковъ. По нашему мнѣнію, ангельская труба болѣе соответствуетъ святому благовѣсту. Мы проснулись, и только что по-христосывались другъ съ другомъ, какъ потянулись предъ нами изъ деревянной церкви Мингрелки рядами: откинувъ чадру съ лица и лачаки, онѣ безъ застѣнчивости, съ кокетливой улыбочкой пробирались межъ палатокъ и были для насъ крайне милы и привѣтливы. Я вспомнилъ ихъ прабабушку Медею, но изъ насъ не нашлось ни одного, кто бы рѣшился подойти къ нимъ и по-христосываться, мы стыдились; но съ удаленіемъ ихъ намъ сдѣлалось скучно: не мудрено, прекрасное, утѣшающее отъ насъ скрылось. Разсматривая природу замѣчаемъ, что въ міръ безъ женщины, не можетъ быть удовольствія и счастья. Вообще Закавказскія женщины одѣваются опрятно въ шелковыя, ситцевыя платья, часто изъ ла-ламы Турецкой матеріи, и лучше будутъ безъкуска хлѣба, чѣмъ безъ хорошаго платья. Мужчины же заботятся объ отдѣлкѣ оружія. Добродушные Мингрельцы смотрѣли на насъ рыцарями, орлами и были привѣтливы.

Въ 7мъ часовъ утра, мы двинулись къ Редуту по дикочаровательнымъ мѣстамъ, и около лѣсистыхъ береговъ Хопіи, у Хопинскаго поста сдѣлали роздыхъ, а въ 5мъ часовъ вечера вступили въ форштатъ Редута. Греки шумною толпою встрѣтили насъ, глазѣли на ряды наши проходящіе стройно. Радость ихъ была неличемерная; мы прохорашиваясь пронесли съ артиллеріею чрезъ форштатъ рысью и бивуакомъ стали на берегу рѣки Хопіи.

Когда тутъ поселились Греки, неизвѣстно; вѣроятно въ дальней древности; знаемъ только, что во время Арріана, въ 114 году по Р. Х. тутъ была колонія Римлянъ, назначенная на его картѣ. Арріанъ рассказываетъ о золотыхъ рудникахъ Хопіи. Второе поселеніе можно отнести къ началу Абхазо-Грузинскаго царства или къ Давиду Созидателю.

Лавки, кофейны форштата были открыты и наполнены Армянами, Греками, Турками и Солдатами. Пиръ шелъ праздничный. вездѣ раздавались голоса пѣсенниковъ стукъ бубенъ звонъ ложекъ и тарелокъ, но я усталый заснулъ скоро. Про-

снувшись съ разсвѣтомъ, увидѣлъ въ первый разъ образъ неизмѣримости и безконечности водъ - море шумное, сизое. Заря только - что занималась, наконецъ солнце вспыхнувъ, освѣтило пурпуромъ облака, тучи и волны золотомъ. Раздался гимнъ дроздовъ, жаворонковъ и другихъ птицъ. Чудесна, непонятна природа, но утро въ ней волшебнѣе всего: все свѣжо, все игриво, все цвѣтеть вновь и поетъ благодарный гимнъ Богу; всякому кажется, что съ новымъ днемъ, начинается жить снова міръ Божій, и точно, человѣкъ получаетъ свѣжія силы.

Море ровными тактами ударило о берегъ, я подошелъ къ нему и облокотясь на разрушенную стѣну бруствера, облеталъ необозримую даль своимъ взоромъ. Суда, властители водъ, переваливались съ боку на бокъ, вблизи касатки или морскія свиньи кувыркались, валы съдые перепрыгивая другъ друга, грозою неслися ко мнѣ, ударялись о берегъ и разсыпавшися песчанымъ оплотомъ, покрытыя черною пѣною, съ ропотомъ удалялись въ свой гробъ, отечество - море. Вотъ эмблема жизни съ ея желаніемъ и прихотями. Вотъ куда уйдетъ вся наша слава. Въ міръ волна рѣчная выражаетъ человѣка, море - землю: въ немъ есть своя жизнь, своя вѣчность, къ нему дойдетъ всякая волна, точно такъ какъ всякій человѣкъ рано или поздно ляжетъ въ землю! Время всему конецъ.

Люблю я слушать рассказы старичковъ - вонювъ, гдѣ бывалъ онъ, каковы были предки. Хотя часто въ такихъ рассказахъ есть прибавки, украшенія, но основаніе ихъ правда. Много есть умныхъ старичковъ, которыхъ свѣжій разумъ, память и воображеніе можетъ изумить и наставить 30ти лѣтняго мужа. Но дѣла старцевъ всегда покрыты какою - то чудесностію, они помнятъ Бога, но имѣютъ свой юморъ и правильный взглядъ на вещи. Повѣрьте, старички въ десятеро насъ умнѣе: цѣлу благости Господней познали времемъ и горькими опытами, мы же молодые часто бредимъ, откидывая въ сторону то, что можетъ сдѣлать счастливымъ здѣсь и въ будущемъ міръ.

Изъ рассказовъ старичковъ мнѣ извѣстно, что предки

наши, по большой части были высоки ростомъ, рѣшительны въ сраженіяхъ, приступахъ, думали о славѣ Отечества, и часто: *«Ура! наша взяла, хоть лицо и въ крови.»* Начальниковъ любили, хотя тѣ душили ихъ эскадронами, молились Богу усердно, и за то Господь не оставлялъ помощію и прощалъ ихъ. Много такихъ случаевъ извѣстно, по случаю который вамъ расскажу, есть истинное чудо Христіанства первыхъ вѣковъ. Молодые обсуживайте строго!

Въ 1804 году, Русскіе заняли первое мѣсто Кулеви на Восточномъ берегу и назвали Редуть - Кале. Давно Мингрелія и Гурія умоляли слезно о покровительствѣ Россіи, умоляли прекратить насиліе и жестокость Турецкаго ига. Россія приняла просьбу какъ дѣтей своихъ: вѣра была одна, вѣки и господства невѣрныхъ ее не сокрушили, кромѣ того и жалко было оставить такой народъ рыцарскій. Корабль стопушечный Тольская Богородица и фрегатъ съ Бѣлевскимъ полкомъ, прибыли къ берегамъ Мингреліи и высадивъ войско на мѣсто Редута, погибли въ морскихъ волнахъ съ провіантомъ и вещами, отъ бури и разныхъ причинъ, и какъ бы показали, что путь на родину прегражденъ Русскимъ, что у нихъ есть новое отечество, которое обязаны образовать своими средствами и силами. Десантъ долженъ былъ терпѣть недостатокъ и всякаго рода лишенія, питаться кукурузнымъ и просыннымъ хлѣбомъ - единственными произведеніями тѣхъ странъ; долженъ былъ въ сырости и нездоровьѣ провести осень, зиму, почти подъ открытымъ небомъ: что распространило болѣзни и половина отряда, въ теченіи полугода, погибла. Въ то время еще не думали о прочности укрѣпленія, оно было сдѣлано на скорую руку и обнесено плетнемъ; небрежность удивительная. Турки негодовали на поселеніе непрошеныхъ гостей и рѣшились стубить коварствомъ: распространяли вражду въ Мингрельцахъ, но они, по единовѣрію съ Русскими, не слушали мусульманъ. Это обстоятельство заставило Турокъ предпринять другія злобныя мѣры. Комендантъ Поті, называясь другомъ Рускимъ, сталъ ѣздить въ гости въ Редуть. Визиты его и начальника полка становились чаще и чаще, но съ разпой цѣ-

лю. Паша замѣчалъ, высматривалъ укрѣпленіе, его вооруженіе; Русскіе же хвалились гостепріимствомъ, силою и славою. Смысливый Турокъ замѣтилъ безпорядокъ: ружья лежали вмѣстѣ и въ пыли, въ куркѣ на мѣсто кремня было дерево; ружья брали рѣдко и то для забавы, ученія. Русскіе забыли, что они въ землѣ непріязненной, никто не замѣчалъ грозы, которая собиралась въ Поті. «Мы сдѣлали все, - говорили они, - заняли мѣсто, покорили страну, Турки кланяются, подличаютъ какъ рабы, теперь можно отдохнуть и веселиться!»

Наступило Рождество Спасителя въ 1808 году; съ горя и съ радости полкъ подвеселился; наконецъ ночь наступила, буря зашумѣла, пули засвистали, и неожиданные Турки вломились въ Редутъ. Разумѣется, часовые погибли, полкъ нашелъ защиту въ жилищахъ, взмолился къ Богу, и Онъ милосердной, произнесъ судъ невѣрнымъ.

Есть много понятнаго въ природѣ, но безъ вѣры, надежды и любви въ Провидѣніе - оно не понимается. Отъ того часто и положительное мнѣніе образованныхъ выходитъ неосновательнымъ.

Глубже взоръ въ себя, въ природу, искренняя преданность къ Господу, и тогда откроется міръ новый; не вѣчно же стремится по одной рѣкѣ и въ одной ладѣ, надобно больше довѣренности, уваженія къ сокровеннымъ силамъ и тогда небо соединится съ нами. Человѣкъ подобенъ цѣлому міру, который онъ можетъ возвысить въ себя; словомъ, вѣра въ провидѣніе, образуя въ головѣ его благодатное древо жизни, основываетъ въ сердцѣ пребываніе Господа. Заблужденіе же, несознаніе Божественныхъ силъ человѣкомъ, дѣлаетъ его подобнымъ мотыльку безъ крыльевъ. Но про-должаемъ.

Въ то же время, распѣвая пѣсни шелъ по лѣсу отрядъ отъ Ріона. Дивныя, унылыя, звонкія пѣсни святой Руси развивались, забивались вмѣстѣ съ унылымъ стрепетомъ въ густоту непроходимаго лѣса! То не мгла шла а свѣтъ для Редута! Русскій пытокъ блисталъ между лѣсомъ. Луна обливала блѣднымъ свѣтомъ его долины.

Отрядъ состоялъ изъ Унтеръ Офицера и 12-ть рядовыхъ. Заготовляя лѣсъ для зданій Редута, на берегахъ шумнаго Ріона, онъ былъ остановленъ работою въ первый день праздника; теперь же шелъ провести праздникъ съ товарищами! Буйные крики, выстрѣлы мусульманъ, еще болѣе усилили ходъ его къ товарищамъ. Вотъ кончился лѣсъ, и Редутъ, освѣщенный кострами Турокъ, предсталъ въ ужасной картинѣ. Охолодѣли сердца отряда отъ страха; взоры и мысли всѣхъ невольно обратились къ начальнику: «Что будемъ теперь дѣлать Сидорычъ? ты лучше знаешь! Что дѣлать, сказалъ старикъ, закручивая съдой усъ и отпрая съ лица потъ, на Бога надѣяться, самимъ не плонать и приготовиться къ дѣлу. Ну, охъ Господи! теперь слушай ребята, идемъ впередъ дружно, чуръ не выдавать братцы, бить штыкомъ сильно, пулю не пускать даромъ, пригодится. Теперь уже ясно, что полкъ въ опасности, либо не существуетъ, надобно прорваться сквозь Турскія толпы и выручить товарищей или погибнуть».

— Не будемъ думать о жизни, обратимся къ Богу. Ну, крестись ребята! Господи, Спаситель! помоги уповающимъ, спаси заблудившихъ. Ура, впередъ! вскричалъ Сидорычъ и бросился стремглавъ въ толпы Турокъ, разбилъ ихъ и пришелъ въ Редутъ на плечахъ отряда, одного только раненаго.

Межъ тѣмъ сыны Магомета, проклиная Русскихъ, рубили уже двери. Гарнизонъ былъ на волосокъ отъ смерти. Сидорычъ бросился къ орудіямъ: всѣ заклѣпаны, исключая броннаго единорога: раздался громъ его, и Турки осыпавшыя картечью, бѣжали стремглавъ изъ Редута.

— «Ступайте скорѣй изъ гнѣзда! сказалъ насмѣшливо храбрый солдатъ, отворяя двери товарищамъ. Берите ружья, очистите грѣхи свои, на пулю надѣжа мала, штыкъ долженъ закончить все дѣло. «Отвѣтъ былъ: грозное Ура, за славу за Царя! «Теперь уже роты двинулись стройно, держа ружья на руку (команда). Орудіе везли на плечахъ. Ударъ въ штыки былъ столь рышительнъ и ужасенъ, что Турки защищаясь отважно, были разбиты на голову, паническій страхъ слѣдовалъ съ ними, полкъ провожалъ по латамъ, и при свѣ-

тѣ луны, усыялѣ тѣлами ихъ вплоть до самой рѣки Квагады, верстѣ на 6тѣ къ Ріону. Гарнизонъ потерялъ только часовыхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Сидорыча наградили по старинному, а дѣло скрылось въ вѣчности. И такъ 12тѣ избранныхъ съ У. Офицеромъ спасли Редутъ. Сынца трогательный разсказъ старичка умнаго, я плакалъ. Не оставимъ его безъ вниманія, потому что справедливъ и подтвержденъ лицами дѣйствующими въ томъ же происшествіи, обратимъ вниманіе болѣе потому, что это случилось въ день Рождества Спасителя. Впрочемъ всякой можетъ судить о немъ въ страхъ Господнемъ.

Переправившись изъ Редута на широкомъ паромѣ по р. Хопи, вы сначала слѣдуете по песчаному берегу, четыре версты, потомъ сворачиваете въ лѣсъ и чрезъ проложенную дорогу достигаете ук. Анаклія, находящагося отъ Редута въ 16 верстахъ. Здѣсь берегъ удаляется къ Западу, идя въ параллель Южному берегу верстѣ 8мъ; отъ того нѣкоторые ученые, полагаютъ отсюда начало Северо-Восточнаго берега къ Керчи, а Восточный на Югъ къ Гуріи до Трапезонда. Чему совершенно противурѣчить географія. Вправо около приморской дороги, выказываются долины обставленныя съ боковъ деревьями, за которыми вдали идутъ дремучіе лѣса и горы. Прежде съ Анакліи начиналась Абхазія, владѣтель которой князь Мурзаханъ, имѣя здѣсь резиденцію, покорился совершенно Портѣ въ XVII столѣтіи.

Анаклія есть древнѣйшее укрѣпленіе, извѣстное съ Геркулеса, отъ котораго и получила названіе. Нынѣ это укрѣпленіе поправлено, находится при устьѣ рѣки Ингура, въ полуверстѣ отъ моря, имѣя стѣны толщиной въ 3 фута и вышиною въ 3 сажени, съ зубцами; что показываетъ ихъ древность или постройку до изобрѣтенія пороха. Занимая малое пространство, Анаклія со стороны рѣки имѣетъ незакрытый ходъ, но тутъ природа взгромоздивъ ужасные камни, заперла движеніе даже серпы; есть только узко-проложенная тропинка за водою. Анаклія по твердости стѣнъ простоятъ еще нѣсколько столѣтій. Турки овладѣвъ берегомъ, сдѣлали Анаклію главнымъ мѣстомъ своей торговой конторы съ Мингрелією;

широкій Ингуръ способенъ для купчества: суда подходятъ къ самой крѣвности и выгружаются, и если къ здѣшнимъ удобствамъ приложится искусство, то она будетъ одною изъ лучшихъ приморскихъ пристаней. Теперь съ дозволенія правительства, разѣзжаютъ здѣсь Турецкія суда и качерны, нагружаясь кукурузой и пшеницей, особенно первою, до которой Азіатцы большіе охотники. Выгодами этой торговли пользуется владѣтель Мингреліи Дадіанъ.

Въ Анакліи съ Самурзуханцами и Мингрелами проживаютъ Турки: они по большой части бѣглецы и бродяги изъ Анатолиі, прежде же промышляли съ туземцами разбоємъ и контрабандой. Такія лица поддерживали связи съ Турками, укореняя въ сосѣдственныхъ народахъ чувства непріязни къ Россіи; отъ того и теперь, Анаклія болѣе Турецкое мѣстечко, имѣющее рядъ деревянныхъ Азіатскихъ лавокъ и нѣсколько сакель или домовъ (1). Вблизи этого прекраснаго мѣста находятся малыя болота. Теперь Анаклію занимаютъ казаки.

Передъ Анакліею р. Ингуръ широка какъ Нева, черезъ которую переправляются на паромехъ. Искусство паромщиковъ побѣждаетъ непогоду и быстрое стремленіе волнъ: часто ужасныя карчи деревь несутся, ныряютъ около парома, но васъ утѣшаютъ они: это ничего, не бойтесь, вы привыкнете и будете смѣяться вашему страху, - и точно, переправившись раза два, вы уже съ удовольствіемъ прогуливаетесь по волнамъ въ третій разъ, и такъ далѣе.

Съ р. Ингура слѣдуете къ р. Гегидъ по песчанному берегу взморья, изрѣдка вступаете на приморскую террасу въ густой лѣсъ, гдѣ извивисто слѣдуетъ узкая дорога межъ лавромъ, барбарисомъ, ипжиремъ, тростникомъ, иногда мѣстами болотистыми; другой дороги нѣтъ; пѣшеходъ проходить съ трудомъ въ чащѣ лѣса, перевитой иглистою колючкою; часто дорогу пересѣкаютъ рѣчки, которыхъ устье заносится морскимъ пескомъ и переходимо въ бродъ; такихъ рѣчекъ на 40 верстахъ 7мъ или 8мъ: одна изъ нихъ, весною 1835 года, была столь изобильна маленькой рыбкой всякаго рода, болѣе сардиніями, что солдаты ловили шапками; нныя начальники маршировали ее и пользовались цѣлый походъ.

Около р. Гегиды мѣста прелестныя, среди двухъ рукавовъ ся образованъ островокъ, на которомъ построены фантастическій домикъ одного Сумурзуханскаго товада, который лѣтъ 10тъ назадъ проказилъ, и былъ за то сосланъ на Уралъ за золотою нравственностію. Съ Ингура начинается Самурзухань, теперь область Русская, имѣющая жителей совершенно различныхъ правами отъ Мингрельцевъ. Эта страна до нынѣ спорная межъ Абхазіею и Мингреліею: по положенію, языку и поколѣнію жителей неотъемлемая частица Абхазіи, по праву силы принадлежала Мингрелии. - Въ Самурзуханіи протекають, исключая Нерети - рукава Ингура, р. Гегиды, Гудагва, имѣющія въ началѣ обыкновенный характеръ гористыхъ рѣкъ: быстроту, каменистое русло, предъ устьемъ тихое теченіе, довольноую глубину, иловатое дно и устье засыпанное пескомъ.

Абхазіи въ древнія времена владѣла Самурзуханью, но несчастные перевороты ея, гибельное вліяніе Турокъ, безначаліе, дали возможность Мингрелии, при Христіанствѣ Самурзуханіи, овладѣть ею. Но съ конца послѣдняго столѣтія и съ Келишъ - Бей, Самурзухань хотя по наружности, но опять принадлежала Абхазіи; впрочемъ дикій народъ ея съ вольнымъ духомъ, не хотѣлъ знать ни ту, ни другую, управлялся властію собственнаго князя изъ дому Шерванидзе. Но Мингрелія помнила еще свое прежнее вліяніе и зпала любовь къ себѣ Россіи, хлопотала объ утвержденіи этой страны за собою. Поводъ къ тому открылся, и Главнокомандующій Генералъ Розень, въ 1832 г. присоединилъ Самурзухань къ Мингрелии, на томъ основаніи, что владѣтель Мингрелии, князь Леванъ Дадіанъ донесъ, что въ древнія времена Самурзухань несомнѣнно принадлежала его предкамъ, но неблагопріятныя обстоятельства дали ей возможность отторгнуться и присоединиться къ сосѣдкѣ Абхазіи. Самурзухань служила какъ бы наградой за преданность Дадіана. Но Самурзуханцы не слушались и ненавидя вновь поставленную власть, били, прогоняли чиновниковъ присылаемыхъ Дадіаномъ. «Мы Абхазы а не Мингрельцы, за чѣмъ ставить надъ нами власть которой не знали и не

хотимъ знать; пусть законы Дадіана, дѣлають несчастными его подданныхъ, довольно, ему и тѣхъ, Русскіе вѣрно не пойдутъ въ наши горы; впрочемъ овраги, лѣса насъ скроютъ.» Увѣряя такъ другъ друга, они спѣшили чрезъ Ингуръ въ Мингрелію, къ Зугдиди, отгоняли стада Дадіана и захватывали людей въ неволю. Словомъ, они самовольно объявили войну Дадіану. Такимъ шалостямъ не было конца; Турки, находящіеся межъ ними, участвовали въ этихъ продѣлкахъ; торговля съ ними, позволяла не нуждаться въ произведеніяхъ Россіи; да и много ли полудикарю нужно? его все богатство состоитъ въ оружіи и скотѣ. Дадіанъ только грозилъ, но наказать Самурзуханцевъ былъ не въ силахъ; они же смѣялись надъ его слабостію и говорили: «пусть придетъ пробовать наши шашки и пули, первыя остры, вторыя вѣрны.» Буйство, разбой усиливались, и потому Русскіе, въ 1834 году, вступивъ подъ начальствомъ Генерала Ахлестышева въ предѣлы ихъ, привели тотчасъ въ повиновеніе, и для спокойствія страны, въ селеніе Илори сдѣлали земляное укрѣпленіе на 300 человекъ. Самурзуханцы смирившись предъ Русскою силою, однакожъ не хотѣли платить подати Дадіану. Упрямые изъ нихъ говорили; «хоть рѣжьте, мы не знаемъ другаго владѣтеля, кромѣ своей свободы, мы Абхазы, а не Мингрелы.» Такая рѣшительность, не смотря на увѣщанія, силу, заставила вступить за нихъ въ 1840 г. владѣтеля Абхазіи Миханла и доказывать свои права на это владѣніе. Наконецъ распри, доказательства владѣтелей довели до того, что Самурзуханъ до отысканія настоящаго владѣтеля, сдѣлана Русскою областію, подъ управленіемъ пристава живущаго въ Бедін, и въ тотъ же годъ, оказала величайшую преданность Россіи дѣйствуя противъ Дамъцевъ: потеряла въ жестокихъ битвахъ много своихъ знатнѣйшихъ товадовъ, и Царь Русскій, полюбивъ ея какъ родную, назвалъ областію, давъ въ награду вѣрности и преданности, кромѣ многихъ наградъ народу, еще знамя. Теперь Самурзуханцы живя въ законахъ Русскихъ не тревожатъ Мингреловъ, живутъ спокойно занимаясь своимъ обиходомъ. Веселые въ пищеть, они шныряютъ по своимъ дремучимъ

лѣсамъ, въ которыхъ путешественникъ безопасенъ какъ дома, въ странѣ образованной. Такое положеніе было въ 1841 году, во время управленія Генерала Муравьева, который отъизался объ нихъ съ большою похвалою и какъ о самыхъ добрыхъ, неустрашимыхъ друзьяхъ и дѣтяхъ Россіи, готовыхъ на всѣвозможныя пожервованія. Слѣдовательно, прежніе разбои ихъ происходили отъ безначалія, обезпечивъ ихъ собственностью законами и смягчивъ сердце правилами добродѣтели, мы можемъ сдѣлать этотъ народъ счастливымъ и требовать все. Здѣсь земля и лѣса изумительны растительностію и богатствомъ. Тутъ можно помѣститься Русскимъ поселеніямъ, для чего необходимо прежде улучшить дикія склонности, нравы Самурзуханцевъ.

ГЛАВА ХІ.

И на последнемъ рубежѣ земли къ небу, въ снѣговыхъ вершинахъ, люди при отсутствіи гражданственности, чтутъ Христа и угодниковъ его, и связаны между собою взаимною любовью къ родству и дружеству.

Кавказскій хребетъ, перерѣзывая пространство между Чернымъ и Кавказскимъ морями, въ направленіи отъ Сѣвера - запада къ Юго - Востоку, образуетъ при горѣ Эльбурсъ (по Сванетски Ингистау) уголъ, вдающійся къ сторонѣ рѣки Кубани. Одинъ бокъ его, идущій къ Востоку, составляющій Кавказскій снѣговой хребетъ, прилегаетъ къ высокой горѣ Пазимета и разграничиваетъ съ Сѣвера и Востока землю Сванетовъ отъ Алановъ или Карачаевцевъ, Кабардинцевъ и Осетинъ. Отъ горы Пазимета идетъ высокій отрогъ къ Западу, который образуетъ Южную границу Сванетіи, отдѣляющуюся отъ Мингреліи; Западную же составляетъ отрасль Кавказа Данедслова, граничившую съ Абхазіею. Такимъ образомъ, Сванетія представляетъ глубокое ущелье, обставленное со всѣхъ сторонъ горами, имѣющее въ длину до 110, а въ ширину до 50 верстъ, а все пространство до 270 квадр. верстъ.

Въ глубинѣ самаго ущелья, по всему протяженію, протекаетъ Ингуръ, принимающій въ себя 16 большихъ потоковъ, вырывающихся изъ ущелій прорѣзывающихъ Сванетскія горы.

Это одно изъ возвышеннѣйшихъ мѣстъ, обитаемыхъ въ горахъ Кавказа, и проникнуть туда со стороны Мингреліи, хотя и можно двумя дорогами, но весьма трудно; съ Октября же и по Май совсѣмъ невозможно; въ это время сообщеніе съ Сванетіею не прекращается только съ Кавказской линіи чрезъ Кабарду, и двумя путями отъ Карачаевцевъ и Чеченцовъ.

Въ лучшее время года, въ самую благопріятнѣйшую по-

году, дороги едва проходимы для однихъ пѣшеходовъ, и то съ большою опасностію.

Отъ деревни Худанъ, крайней въ Мингреліи до Лахмиды въ Сванетіи, на разстояніе болѣе ста верстъ, за исключеніемъ двухъ пасекъ, не только нѣтъ никакого жилья, но даже исчезаетъ тропинка: то въ быстрыхъ водахъ Ингура, то передъ скалами, то въ пропастяхъ. - Часто только одинъ корень дерева служить сообщеніемъ чрезъ бездонную разсѣлину, и одна только ловкость, сила и опытность проводниковъ, могутъ поднять путника на отвѣсный утесъ, а тамъ на вершинѣ его выюга, мятель могутъ погубить и схоронить въ глубокихъ снѣгахъ, вдругъ наносимыхъ вѣтромъ. Пѣшеходецъ захваченный бурей, не смѣетъ двигаться по тропинкѣ и долженъ оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока порывъ вѣтра не разгонитъ облака и не откроетъ извивистый и опасный путь.

Сванеты, живущіе въ этомъ уголкѣ отдаленномъ отъ остальнаго міра горами, къ которому доступъ только для нихъ возможенъ, есть древнѣйшіе обитатели той земли; нѣтъ сомнѣнія, что скудость ея и совершенная неприступность, не могли доселѣ прельстить ни одинъ народъ къ ихъ вытѣсненію, и они, неприкосновенно уцѣлѣли въ продолженіе многихъ вѣковъ, отъ переворотовъ общественныхъ и нравственныхъ. Суровая природа и условія жизни, развили въ нихъ наклонности, пороки и обычаи, свойственныя мѣстности и политическому положенію, и картина быта этого народа, представленнаго самому себѣ, безъ всякаго посторонняго вліянія, любопытна въ высшей степени, какъ остатокъ древняго человечества. Почти изгладилась нѣкогда усвоенныя понятія и вѣрованія Христіанской религіи и Сванеты въ отношеніи нравовъ, представляются теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ бы явились путешественнику обитатели ново-открытаго острова полюсовъ.

Если вѣрить сказаніямъ Грузинскихъ лѣтописцевъ, то Сванетія обязана своимъ заселеніемъ Сурмаху, сыну Парнабаса, задолго до Р. Х. бѣжавшему съ приверженцами изъ Грузіи:

прежде въ Осетію селеніе Зурзухета, а потомъ далѣе въ горы, къ верховью рѣки Ингура. Мѣсто, гдѣ человѣкъ полагаетъ себя въ безопасности, по Грузински называется Саване, которое до нашихъ временъ могло измѣниться въ Сване, какъ вообще они себя называютъ, а Русскіе передѣляли въ Сванетовъ, назвавъ страну Сванетією. Греки же называли Суанами.

Шестнадцать горныхъ потоковъ или рѣкъ, не считая малыхъ ручьевъ, сливаютъ воды свои въ Ингуръ; каждый идетъ по особенному ущелію и по его протяженію; при устьѣ ихъ, въ мѣстахъ болѣе отлогихъ, сколько нибудь удобныхъ для жилья и хлѣбопашества, расположены селенія Сванетовъ. Они раздѣляются на три части: на Сванетію вольную, лежащую у верховья Ингура, называемую Лежавкеви (верхнюю), и на владѣнія князя Татархана Дадишкеліана, во всѣмъ крещеніи Николая, лежащихъ на Западъ отъ вольныхъ, и, на владѣнія сыновей Ціоха Дадишкеліана, во Св. Крещеніи Михаила, еще Западнѣе у подножія Ельбруса.

Вольная Сванетія состоитъ изъ 8 ущелій, заключаая въ себѣ до 3000 дворовъ. Владѣнія князей Дадишкеліановыхъ состоятъ въ 200хъ дворовъ.

Различіе сословій произошло естественнымъ порядкомъ въ обществѣ человѣческомъ, гдѣ сила беретъ верхъ и преимущество. Многія побужденія, которыя объяснимъ ниже, заставляютъ Сванетовъ жить вмѣстѣ большими семействами нераздѣльно, и даже въ одномъ домѣ. То семейство, которое было многочисленнѣе, слѣдственно сильнѣе, временемъ пріобрѣтало вліяніе надъ слабѣйшими, и если поддерживала эту власть, то она обращалась въ законность. На этомъ основаніи образовалось право власти въ земляхъ Дадишкеліановыхъ, но удержалось за ними потому единственно, что достигая высшаго развитія, она раздѣляла членовъ другой фамиліи и тѣмъ не дала образоваться равносильной власти. Впрочемъ и тутъ сила а не право имѣетъ преимущество, и многочисленное семейство, часто не платитъ князьямъ положеннаго или освященнаго обычаямъ.

У вольныхъ Сванетовъ, сила и оружіе часто замѣняютъ всякій судъ; но иногда они судятся выборными старшинами, съ каждой стороны по шести: судьи эти собираются около церквей, и приговоры ихъ по дѣлу, если только оно не было предупреждено самоуправствомъ, считаются овѣщенными. Случается, что вольные Сванеты идутъ на разбирательство къ Дадншкнліановымъ или къ Мингрельскому владѣтелю. Во владѣніи первыхъ, разбирательство дѣлъ и споръ зависитъ отъ князей, которые за каждую вину налагаютъ штрафъ въ свою пользу, и это дѣлаютъ по принужденію выборныхъ людей съ той и другой стороны. Эти штрафы, плата за раздѣлъ братьевъ, за позволеніе на женитьбу и наконецъ за право продавать въ горы очереднаго мужчину и женщину, составляютъ единственные доходы владѣтельныхъ князей. За мужчину полагаютъ до 300 руб. а за женщину до 200 р. серебромъ.

Сванетія, не смотря на то, что занимаетъ одно изъ самыхъ возвышенныхъ, обитаемыхъ мѣстъ на Кавказѣ, прилегаетъ къ горѣ Эльбрусь, верхней точкѣ всего пространства между Чернымъ и Каспійскими морями, также, что окружена съ одной стороны вѣчными, а съ другихъ рѣдкостоящими сѣвнами и имѣетъ климатъ суровый, болѣе населенна и лучше обработана, чѣмъ другое какое-либо горское владѣніе. Причиною тому здоровый климатъ и ничтожность промышленности, такъ, что всѣ почти источники пропитанія заключаются только въ хлѣбопашествѣ. Въ концѣ Сентября уже становится зима и продолжается до Мая. Въ пять остальныхъ мѣсяцевъ, Сванеты успѣваютъ два раза косить небольшую но сочную траву, въ Августѣ убираютъ хлѣбъ, а въ Сентябрѣ зашиваютъ озимую пшеницу.

Хлѣбъ почти не имѣетъ сбыта, и потому добываютъ его столько, сколько нужно для пропитанія семейства, да и трудно увеличить количество посѣвовъ; рѣдко кто имѣетъ счастье владѣть такимъ участкомъ земли, на которой могли-бы проходить волы съ небольшимъ плугомъ; болѣею частью, пашни доступны только пѣшеходамъ, и почти вся земля обрабатывается кирками, а сѣнокосныя мѣста орошаются во-

депроводами. Перевозка дровъ, сѣна и хлѣба, лѣтомъ и зимою производится на полозьяхъ. Продолжительная и холодная зима не позволяетъ имѣть большое скотоводство, которымъ снабжаетъ ихъ частію Мингрелія, частію же Кавказскіе народы, живущіе по Сѣверному скату главнаго хребта.— Изъ собственныхъ произведсній земли, одна только самородная селитра даетъ Сванетамъ доходъ, а рожденіе ея какъ феноменъ весьма замѣчательно. Если защитить пространство земли отъ вліянія сырости и снѣга, то съ наступленіемъ морозовъ, земля эта покрывается самою чистою селитрою въ видѣ бѣлаго пуха; кромѣ того, Сванеты, выламывая сѣру у подошвы Эльбруса, дѣлаютъ порохъ въ большомъ количествѣ, которымъ снабжаютъ другихъ горцевъ. Каждое семейство выдѣлываетъ порохъ.

Кромѣ того, нѣкоторую выгоду доставляетъ имъ мѣновая транзитная торговля: Сванеты въ Лечгумъ набираютъ ситцевъ, бумажныхъ матерій и проч. несутъ товаръ въ Карачай, Урусскій, Челемъ и Хуламъ, гдѣ вымѣниваютъ на войлоки, бурки и черкески, которыя опять относятъ въ Лечгумъ, а на барыши покупаютъ себѣ въ Мингрелии: соль, желѣзо и одежду.

Другой легчайшій способъ пропитанія: разбой и утонъ барановъ у сосѣдей — отчасти уже прекратился.

Характеръ Свановъ непостояненъ: то онъ является трудолюбивымъ и мирнымъ землепашцемъ, то все вниманіе обращаетъ на мѣновую торговлю, то бросаетъ все и ищетъ прокормленія въ одномъ грабежѣ.

Воздѣлавъ землю съ чрезвычайнымъ трудомъ, часто предоставляетъ женѣ убрать жатву, а самъ ничего не дѣлая вспоминаетъ о былыхъ своихъ подвигахъ, обдумываетъ какое нибудь предпріятіе или исполняетъ сго. Но не отвага, не молодечество, сопряженное съ пренебреженіемъ опасности, руководствуетъ его въ этихъ поступкахъ, одна только корысть, и потому Свалъ не нападаетъ явно, но выжидаетъ врага изъ засады, за камнемъ на дорогѣ, или захватываетъ добычу тайкомъ, и только неприступныя горы и удивительное

искуство ходить по скатамъ ихъ и безднамъ съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ въ перенесеніи трудовъ въ дорогѣ, спасаютъ ихъ отъ преслѣдованія и наказанія.

Сванеты безъ усталости ходятъ 70 верстъ въ сутки, по непроходимымъ для другихъ мѣстамъ, и несутъ на себѣ огромныя выюки; глубокіе спѣга Кавказа, страшныя пропасти дересѣкающія ему путь, переходить съ такимъ же хладнокровіемъ и легкостію, какъ бы свой дворъ; можетъ остаться безъ хлѣба два, три дня, можетъ съѣсть за обѣдомъ трехдневную порцію пищи. Зимой занимается только охотою плясками и пьянствомъ. При удивительной смѣси добрыхъ и дурныхъ качествъ, Сванеты одарены телесною силою, высокимъ ростомъ, счастливыми умственными способностями, разсуждаютъ здраво, обладаютъ даромъ слова, гостепріимны, честны, горды, цѣломудренны, вѣрны въ словѣ и клятвѣ, мстительны, скрытны, суевѣрны въ высшей степени.

Сила и оружіе рѣшаютъ всѣ споры, обиды и малѣйшія неудовольствія: они берутъ съ боя наслѣдство и даже жену; за нее обыкновенно платятъ по 60 коровъ; цѣна обыкновенно - великая въ землѣ, гдѣ при сильномъ трудѣ, такое скудное скотоводство; отъ того чаще предпочитаютъ взять ее даромъ силою, что ведетъ разумѣется къ кровопролитію.

Не только деревни враждуютъ между собою и дѣлая нападенія захватываютъ дѣтей и перепродаютъ ихъ въ горы, но даже семейства одного и того же селенія, или фамиліи, ведутъ кровавыя междуусобія, и потому для внѣшняго отпора обитаютъ большими деревнями, а для внутренней обороны, чтобы защищаться отъ сильнаго сосѣда, фамиліи не раздѣляясь, живутъ по 30, 40 и болѣе людей въ одномъ каменномъ, двухъэтажномъ домѣ съ высокою башнею, а часто и о пяти и шести ярусовъ. Башни эти имѣютъ единственное сообщеніе изъ домовъ; первые два этажа сплошныя изъ камня, въ остальныхъ ищутъ убѣжища въ случаѣ нападенія. Когда случится вражда между сосѣдями, тогда стрѣляютъ ружьями изъ дома въ домъ, и часто по нѣскольку дней и недѣль проводятъ въ подобный засадѣ, только посторонніе могутъ хо-

дять и выходить для снабженія тѣхъ и другихъ пищею и водою. — Когда успѣють примирить враждующихъ, то при смертоубійствѣ, выборные и довѣренныя люди съ обѣихъ сторонъ, присуждаютъ цѣну крови; но это не мѣшаетъ получившимъ плату, при удобномъ случаѣ убить виновнаго убійцу, а плату бросить ему на дворъ. Такія враждебныя отношенія довели Сванъ до того, что иной не смѣетъ перейти черту своего поля, и когда воздѣлываетъ землю, то братъ его или другой родственникъ, оберегаетъ его съ взведеннымъ куркомъ у ружья. — За то ни одинъ Сванетъ не растается съ оружіемъ, и малѣйшая обида или ссора кончается выстрѣломъ. — Къ несчастію, женщины вмѣшиваются во всѣ семейныя и общественныя дѣла, и еще болѣе умножаютъ поводы къ неудовольствіямъ.

Великолѣпныя храмы, до сихъ поръ у нихъ сохранившіеся, свидѣлствуютъ, что Сванеты нѣкогда были Христіанами, а богатство церквей: серебряныя и золотыя сосуды, церковныя утвари и кровли крытыя листовою мѣдью, заставляютъ думать, что этотъ народъ не-всегда косился въ такомъ грубомъ, какъ теперя невѣжествѣ.

Преданіе повѣствуетъ, что сіи церкви воздвигнуты Грузинскою царицею Тамарою, и вольные Сваны утверждаютъ, будто у нихъ и до сихъ поръ хранится локонь волосъ и пося этой благочестивой царицы. Въ церквахъ сохраняется неприкосновенно множество старинныхъ книгъ, писанныхъ на пергаментѣ. Надобно знать на какомъ писаны языкѣ? тогда разрѣшится истина, кто посѣялъ тутъ Христіанство въ древности. Хотя земля и оставила много предметовъ его, но при знаковъ въ народѣ осталось мало.

Уважають удѣльшіе въ церквахъ образа, и каждому изъ нихъ приписываютъ какое-нибудь особенное свойство; почитаютъ Спасителя, Богородицу, Св. Георгія и Архангела Гавріила. Въ церкви входятъ одни лишь старики и то при поминкахъ. Деканозы и смотрящіе за церквами паслѣдственны въ своемъ родѣ, пользуются уваженіемъ, неприкосновенностію даже въ случаяхъ кровомщенія. Деканозы, при

службѣ, вмѣсто ризъ, которыхъ не имѣютъ, надѣваютъ бѣлый войлокъ или полотно, а вмѣсто эпитрахили употребляютъ веревку, составленную изъ многихъ вмѣстѣ сшитыхъ, и не только не знаютъ церковной службы, но даже ни одной молитвы. При свадьбахъ ограничиваются слѣдующимъ обрядомъ. Въ домъ жениха сажаютъ молодыхъ, Декапозъ связываетъ узломъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невесты, и произнеся надъ ними: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,» потомъ: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,» поздравляетъ повобрачныхъ; тѣмъ въѣчаніе и кончается. Болѣе одной жены имѣть не дозволяется, и если, кто желаетъ жениться на другой, то долженъ прежнюю отпустить. Если мужъ умретъ, то на женѣ его женится братъ умершаго, а послѣ его, если онъ былъ холостъ, другой, и такъ далѣе; въ противномъ случаѣ, она свободна. Сидѣть съ женою считается стыдомъ. Свадеть о женщинѣ говорить неохотно.

При погребеніи поютъ только: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.» Богатыхъ кладутъ въ гробы и хоронятъ въ особыхъ склепахъ, бѣдныхъ же зарываютъ просто въ землю. При рожденіи младенцевъ, весь обрядъ крещенія ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія. Говорятъ положительно, и они сами утверждаютъ, что при рожденіи въ семействѣ четвертой дочери, если прежнія живы и въ бѣдности, то первой поворожденной кладутъ въ ротъ соли, чтобы она умерла. Женщинъ истребляютъ какъ неспособныхъ къ войнѣ и грабежамъ. Но это сѣдѣніе кажется ложно. Въ землѣ гдѣ пропитаніе дорого, не могущіе добывать его собственными руками, служатъ чистымъ обремененіемъ. Клятву Сваны совершаютъ обыкновенно предъ образомъ, бросаютъ къ нему пулю произнося: «если измѣню, да поразитъ меня эта пуля.» Денакозъ подымаетъ пулю и бросаетъ въ кляпущагося, и какъ народъ суевѣренъ въ высшей степени, то подобная клятва почти никогда не нарушается.

Вѣрятъ въ сновидѣнія, охотники толковать ихъ и обращать вниманіе на различныя предзнаменованія. Если двое или трое собрались на разбой, то каждый изъ нихъ прежде

попробуетъ счастье свое выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ее, то возвращается домой въ полной увѣренности, что въ замышляемомъ предпріятіи успѣха не будетъ. Сваны удивительные стрѣлки.

Въ походахъ, чтобы не пакливать дождя, грома или снѣга, не говорятъ между собою, а идя въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, поютъ про себя духовныя пѣсни, но такъ, чтобы передній не могъ слышать задняго и на оборотъ.

Вѣрятъ въ переселеніе душъ. Не давно заболѣвъ въ Кутаисѣ одинъ Сванъ и бывъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать тѣло покойника, но какъ оно было похоронено, то въ этой просьбѣ имъ было отказано. Тогда Сванеты пришли къ кровати, на которой скончался ихъ одноземецъ; стоя на коѣнпяхъ, оплакивая умершаго и шептали какія - то слова, потомъ пошли на кладбище къ его могилѣ, и на мѣстѣ, противъ котораго въ землѣ лежала его голова, вынули бутылку водки, выкопали небольшую яму, посадили въ нее пѣтуха, (для женщинъ сажаютъ курицу), взяли горсть выкопаной земли, завязали узелокъ, и послѣ долгаго шептанья, понесли пѣтуха домой наигрывая на чунгуръ и паяввая погребальную пѣсню и не отвѣчая ни кому на разспросы. По ихъ мнѣнію, душа покойника переселилась въ пѣтуха, и такимъ образомъ, они спѣшили отнести ее къ матери умершаго и; тамъ уже совершали по немъ оплакиваніе и поминки.

Сванеты лицомъ сходны съ Русскими, большою частью бѣлокуры, носятъ волосы обстриженные въ скобку, не много подбривая кругомъ; вообще стройны, ловки и сильны; одежда состоитъ изъ полукафтаны въ родѣ Русскаго, но только спереди противъ груди, вшиты 12ть патроновъ; подъ такимъ нарядомъ, богатые изъ нихъ носятъ архалухи.

Языкъ Сванъ не сходенъ съ другими горскими нарѣчіями; выговоръ хотя довольно - трудный, но мягкій; письменъ не имѣютъ а употребляютъ Грузинскія, особенно для сношеній съ Мингрелією.

Для образчика языка, представляемъ молитву Отче Нашъ, выраженную Сванетскими словами. Грузинскія буквы ближе могутъ дать объ ней понятіе.

МОЛИТВА ОТЧЕ НАШЪ.

Му гвилеге, хедахари децени, цикліяпъ лесесъ онале леку, анкесъ липуетъ иску, лесесъ набъ леку хеманасъ децени амени шимони; діаръ нинже купемъ муцре, лано на ладн и лансарвинъ на пинке гапартъ, хема на и иска лохарвини седъ нини могданаъ; нома анпужде на ладенителиска и лашешдъ но ка ларгасъ холапхенкамъ. Амони ли иску липустъ и камше и дидабъ мусъ гезалъ и цикліяпъ квнпсъ амниъ.

Такое описаніе составлено изъ свѣдѣній князя Шаховскаго, Немировича - Данченки и Кутаискаго Протоіерея Николая Купиталадзе, бывшихъ въ Сванетіи, и довольно подробно выказываетъ характеръ, нравы вольныхъ Сванетъ. Дадишкнліановскіе уже много отстали отъ грубости, закоренѣлыхъ предразсудковъ и нечѣжества. Древнюю исторію ихъ, представимъ въ своемъ мѣстѣ.

Но мы заговоримъ объ Сванетіи забыли Мингрелію, имѣющую на нее вліяніе.

Въ Зугдиди живетъ князь Дадіанъ. Зугдиди слово Грузинское, означающее большой дубъ; это названіе произошло отъ того, что селеніе - окружено красивымъ дремучимъ боромъ разнаго лѣса. Оно находится въ верстѣ отъ большой дороги. Въ немъ устроены каменный и деревянный дворецъ владѣтеля, церковь, ботаническій садъ, разныя пристройки для служителей, отъ которыхъ идутъ кругомъ жилища подвластныхъ отдѣльными саклями или домами, при которыхъ устроиваются собственные сады и шелководство. Къ этому роскошно-прихотливому мѣсту недостаетъ хорошей воды. Изъ Зугдиди идетъ прекрасная дорога къ р. Пигуру, шириною на 60 шаговъ, межъ долинами и хорошимъ строевымъ лѣсомъ; по этой дороги вы какъ будто скатываетесь верстѣ 6ть, потомъ вамъ представляется древній замокъ съ

бойницами, зубцами и угловыми башнями, устроенный на рѣчкѣ, съ хорошимъ мостомъ. Это укрѣпленіе построено древними образованными обитателями, но отнюдь не Генуезцами, которымъ незнаше приписываетъ постройку многихъ древнихъ храмовъ и Закавказскихъ замковъ; за дорогой пробѣгаетъ рукавъ Ингура, который разливается на много рукавовъ и весною, осенью, заливаєтъ окрестности. Отъ замка къ большому Ингуриному мосту, идетъ прекрасное шоссе на полверсты, обсаженное съ боковъ тополями и вербой; слѣдуя по немъ, видите въ сторонѣ разнообразныя, очаровательныя виды, слышите издали ужасное сраженіе волнъ Ингура. Наконецъ предъ вамъ страшный Ингурскій мостъ, строенный Русскими въ 1836, 37 и 41^{мъ} годахъ; длиною и твердостью арокъ, онъ очень рѣдкій, даже въ Россіи. Не смотря на прочную, умную постройку, два быка его были сбиты быстрымъ стремленіемъ волнъ, наносомъ камней и большихъ карчей и были унесены въ море; такъ, что въ 1841 году, чрезъ это пустое пространство въ 150 шаговъ, сдѣланъ былъ узкій ходъ въ родѣ галлерей на канатахъ; подъ нимъ кипѣла страшная бездна. Этотъ канатный мостъ качался отъ дуновенія вѣтра, не только отъ прохожихъ, у которыхъ при переходѣ сжималось сердце, спирался духъ, и дѣлалось такъ дурно, что нѣкоторые по причинѣ головокруженія, ползли на четверенькахъ, по звѣринному. Глядѣть внизъ, съ ужасной высоты, было не возможно - тусклѣлъ взоръ. Хотя мы переходили этотъ мостъ нѣсколько разъ, но желали испытать душевную силу среди бѣшеныхъ волнъ; что по необходимости испытывали верхомъ, при частыхъ переправахъ чрезъ другія горныя рѣки. «Пущусь, думаю я, испытаю то, чего боятся другія.» Тогда былъ Мартъ мѣсяцъ, снѣга таяли, дождь лился ливнемъ, словомъ, было большое водостеченіе. Перекрестясь, по Русскому обычаю, я бросился въ волны Ингура. Лошадей выючныхъ тянулъ за собою опытный ѣздокъ Мингрелецъ, онъ указывалъ бродъ. Мы сначала спу- скались діагонально къ низу, шагъ за шагомъ, по большимъ камнямъ виднымъ черезъ прозрачную воду: ибо при оступкѣ

лошади, вы либо разбиты, либо унесены въ море, откуда спасеніе почти невозможно.

Такъ продолжая слѣдованіе, мы ввошли наконецъ въ самую быстрину, или лучше сказать въ водоворотъ: намъ казалось, будто мы вертимся, ѣдемъ къ морю; быстрыя, шумныя волны одурѣвали, сбивали насъ, являя кругомъ смерть. Удары циклоповъ, битва, менѣе страшны. Слѣдуя подъ звукъ ужаснаго аккорда, мы прибавляли для бодрости лошадей: крикъ, визгъ надъ ухомъ ихъ и нагайку. Наконецъ волны стали стихать. «Мы переѣхали,» - сказали блѣдный Мингрелецъ. «Такъ слава Богу!» отвѣчалъ я. Мы забыли, что только прошли главный водоворотъ, но впереди было также очень опасно; однакожь при помощи Божіей, добрались благополучно другаго крутаго берега. Признаюсь, переѣзжая рѣку изъ удалства, я былъ всели въ кругу смерти, но пройдя опасность, сдѣлался еще отважнѣе, и испытывать одно и тоже, не имѣю надобности. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, лучше переѣзжать черезъ настоящую опасность, чѣмъ переходить по шаткому мосту, имѣя внизу 10ти сажень, бездну. Ширина здѣсь Ингура 300 сажень; мостъ на 7ми быкахъ съ угловыми каменными устоями; строилъ его Генералъ Эспехо. Волны Ингура въ половодіе сшибаютъ большіа камни и разливаются на нѣсколько верстъ. Переѣхавъ мостъ, тотчасъ вступаете въ лѣсисто-гористую Самурзухань: тутъ видописны нѣтъ, только виднѣется впереди широкая дорога и съ боку ея груды пней, поваленныя деревья, которыхъ выворотнившіеся корни столь обширны, что въ сдѣланныхъ ими ямахъ, отдыхаютъ по нѣскольку Самурзуханцевъ въ буркахъ, какъ бы подъ закрытіемъ; они часто разлагаютъ и огонекъ. За тѣмъ идутъ гати, плотины и съ боку прямые, широкіе рвы нѣсколько-верстною, темною лентою. Часто лѣсъ просвѣчиваясь выказываетъ вдаль и вблизи глубокіе овраги и горы. Такую дорогу пересѣкаютъ быстрыя, горныя рѣки, въ которыхъ видите ясно, съ мостовъ, играющую маленькую рыбку: она серебрясь выскакиваетъ изъ воды и опять скрывается. Тутъ уже не встрѣтите сакли туземца; толь-

ко изрѣдка стоитъ при мостахъ будка часового, которую сравните невольно съ утѣшительною, сладостною мыслию въ горестной жизни. Здѣсь глушь, страхъ и дикіе звѣри; рѣдко во время слѣдованія выглядываютъ изъ за-лѣса воинственныя, смуглыя лица Самурзуханцевъ, въ которыхъ выражается дикое любопытство и презрѣніе къ вамъ, какъ къ слабому: вы невольно вздумаете, что это разбойники. И точно, слѣдующіе болѣе страстямъ, чѣмъ разсудку, они и теперь не всѣ постоянно вѣрны на дружескій привѣтъ и миръ, иногда легко могутъ, по глупости или прихоти, лишить васъ жизни какъ ничтожную птичку, и для чего, по какой причинѣ? такъ по внушенію дикости или корысти, болѣе изъ желанія имѣть ваше оружіе; имущества вашего имъ не нужно. — Въ такомъ неожиданномъ случаѣ, можетъ ли васъ спасти умъ, храбрость, сила и наконецъ деньги? полудикарь какъ звѣрь, ждетъ за кустомъ свою жертву, и нападая быстро, не даетъ времени приготовиться къ оборонѣ, или, не вытерпѣвъ, посылаетъ издали въ лобъ, въ сердце вѣрную пулю, потомъ обираетъ и отправляется быстро въ свое убѣжище, не чувствуя гласа совѣсти, считая ужасное свое дѣло за дѣло обыкновенное, иногда производимое отъ бѣдности и праздности. Скрывался въ лѣсу, зная его всѣ тропинки, онъ мигомъ бываетъ тамъ, куда разсудокъ не поведетъ и тысячи. Таковы были прежніе Самурзуханцы, нынѣшніе не много лучше. Время и образованіе можетъ передѣлать ихъ горный, безумный характеръ, чему начало уже положено. Самурзуханцы какъ горцы, коварны, измѣнчивы, гибки въ словахъ, однако помнятъ добро и Конакъ или Достъ (другъ), у нихъ много значить.

Присоединеніе Самурзухани къ Россіи, поощреніе ея въ добромъ, награды товадамъ и азнаурамъ, справедливое управленіе по законамъ ихъ страны, также смѣлость, самоотверженіе Русскихъ, имѣло уже своевременное вліяніе на ихъ спокойствіе и нравственность. Часто, въ этой глуши, встрѣчаешь нашихъ храбрецовъ - охотниковъ, пробирающихся по ужаснымъ, лѣснымъ тропинкамъ и какъ бы вызывающихъ на бой: неожиданность, хищниковъ и звѣрей.

Отъ Ингура, въ 25 верстахъ, Гегидскій деревянный постъ, онъ подобенъ жилищу отшельника. Вблизи его открываются малыя долины, съ которыхъ заготовляютъ сѣно, складывая его въ стоги и скирды, гдѣ на зарѣ и при закатѣ солнца, пасется дикая серна или жирафъ, также кричатъ фазаны, или перелетая съ куста на кустъ дрозды, поютъ меланхолическіе гимны. Казаки бродить въ лѣсу, по берегу рѣки, быють птицъ, ловятъ рыбу; отъ того прїѣзжіе на постъ всегда найдутъ пищу. Съ этого поста, мѣстность просвѣчивается на большое пространство: видно уже голубое небо, открываются взорамъ длинныя болота и рѣчки, гдѣ останавливаясь съ грустью, отдыхаете. Такая дорога продолжается 56 верстъ; наконецъ вы сворачиваете въ лѣво къ морю, за лѣсомъ выставляется на холмѣ, въ исполнскомъ видѣ Илорскій храмъ; за нимъ вдали, въ трехъ верстахъ блеститъ необозримое, спзое море, вы слышите неумолкаемый грохотъ его волнъ. Прїостановясь на зеленой долинь говорите невольно: Слава Богу, я еще живу не во тьмѣ а въ свѣтѣ, мнѣ улыбается міръ Божій, я не одинъ, есть еще люди съ которыми могу свободно раздѣлить свое горе и радость, есть еще чистое мѣсто, гдѣ можетъ свободно разлѣтѣться мой вздохъ. Тутъ западаетъ въ голову мысль, что эта страна не - совсѣмъ дика, что она прежде была вѣроятно страпою болѣе или менѣе образованною, чему служатъ доказательствомъ, кругомъ обработанная мѣстность и сады.

И точно, здѣсь во время оно, процвѣтали Греческія и Римскія колоніи, торговля и Христіанство. Съ этого мѣста начинаете встрѣчать много изумительныхъ ландшафтовъ, памятниковъ, душа возвышается небеснымъ умилеіемъ, исторія рассказываетъ бытъ страны, народа, и сердце горько стонетъ и плачетъ.

Разсмотримъ что погубило страну и народъ. Греки и Римляне кровавыми трудами, въ нѣсколько-столѣтій, улучшили страну или лучше сказать: очистили болота, дремучіе лѣса, подылали каналы, трубы, основали города и великолѣпные храмы, и пересоздавъ тогдашнихъ горцевъ соединили ихъ въ большое, сильное царство, и что же послѣ него осталось? печальная

дичь! Тщеславіе, корысть безумныхъ правителей, посягающихъ на чужое владѣніе, неумѣющихъ поддержать свое, низвели прекрасное до нынѣшняго ничтожества и дикости, и оно теперь, подобно гнилому растенію, лежитъ въ руинахъ и въ свѣтящей пыли; корень добра подѣлн черви — страсти чловѣка, конечное же паденіе, какъ зараженнаго зломъ, совершилось чрезъ Магомета и его слѣдователей: лава невѣжественныхъ ихъ понятій и правилъ, переходя съ мѣста на мѣсто, уничтожала остатки добра, нравственности, которые еще оставались отъ Христіанства.

Сел. Илори, занято въ 1834 г. Не смотря на самую ненастную погоду, сдѣлано въ срединѣ его на возвышеніи, укрѣпленіе въ нѣсколько полубастіоновъ. Жители не оказавъ сопротивленія разбѣжались по горамъ, ибо въ то же время, развилась у нихъ къ несчастію или счастью оспа. Въ Илори сакли жителей окружають долину, и подъ тѣнію плодовыхъ деревьевъ и винограда, занимають пространство на нѣсколько верстъ. Жители по большей части Христіане, но между ними есть съ давнихъ поръ поселившіеся Турки, — чрезъ что, они, такъ сказать полухристіане и характеромъ сходны съ другими горцами; съ ними обходятся крайне осторожно, свое временно употребляя: то кротость, то строгость, при помощи которыхъ, кажется можно развить правила нравственности и обратитъ къ настоящему Христіанству. Теперь же они придерживаются съ искренностію друизма и магіи. Священникъ этаго аула съ природнымъ, хорошимъ умомъ; по взростаясь въ странѣ коварства, воровства, измѣны и кровомщенія, исполняетъ свою обязанность съ крайнею осторожностію. Монастырь Илори построенъ во время Абхазскаго царства въ VIII или IX столѣтіи, во имя Св. Георгія. Сюда, съ незапамятныхъ временъ, стекаются горцы на праздникъ Пасху, въ числѣ которыхъ есть много не — Христіанъ. Такое уваженіе къ святости мѣста поддерживается. Прежде Илори было Епископіею. Всличіе Епископскаго служенія, гармоническое пѣніе, дѣйствительно смягчали прсжде грубый характеръ и душу полудикарей. Теперь изъ дальнихъ мѣстъ

собираются сюда на праздникъ Св. Георгія, 23 Мая, въ память его дивнаго спасенія и явленнаго быка; въ это время происходитъ тамаша или скачка. Въ этотъ день, издревле за какую-то побѣду или за основаніе храма, Мингрельскіе князья присылали желѣзную стрѣлу; каковыхъ стрѣлъ находится цѣлая груда въ углу колокольной. Храмъ богатъ древними серебрянными образами и крестами. Въ этомъ храмѣ замѣчательны двери, сдѣланныя изъ парочнаго серебра. Теперь Илори обстроиваются, общежитіе развивается, сады жителей наполняются Европейскими побрякушками и строятся прочіе, видіе и опрятнѣе прежнихъ. Въ праздничные дни, искренняя веселость происходитъ отъ избытка жизни, соединяетъ многія семейства въ одно; онѣ, по Восточному обычаю, располагаются на шелковомъ, зеленомъ лугу, между укрѣпленіемъ и храмомъ, подѣвѣю въковыхъ вѣтвистыхъ орѣховъ и нижиря, обвитыхъ виноградомъ. Здѣсь старцы, закрывъ голую голову башлыкомъ, разсуждаютъ съ важностію о семейныхъ дѣлахъ, законахъ, вспоминая съ удовольствіемъ, по стариковски, время прошедшее жизни и оуждал настоящее; въ то же время, ребятишки ихъ, поднявъ гордо смуглыя, малыя личики, подбочась, или распустивъ руки по вѣтру, пляшутъ бѣгло, ловко и правильно лезгинку подѣ стукъ бубенъ. Бабушки и матушки съ удовольствіемъ, чмоконемъ смотрятъ на дѣтокъ (*). Здѣшнія женщины, бросивъ прежній обычай дикости: укрываться отъ глазъ любопытныхъ чадрами, спустивъ лачаки за спину, схватясь дружно руками, съ веселіемъ прохаживаются по лугу и дорогѣ, словоохотно разсказывая домашнія сплетни, ибо и здѣсь такихъ кумушекъ довольно, что происходитъ безъ сомнѣнія отъ праздности. Часто да-

(*) Что можно видѣть въ Сѣверномъ Дагестанѣ и вблизи Каспія. Намъ поразила тамъ дѣтская веселость. Только что перѣехали мы чрезъ рѣку Самуръ; насъ атаковали почти голые, загорѣлые ребятишки: они плясали предъ нами съ разными гримасами лезгинку, какъ обезьяны, прося въ награду дать денегъ *на водку*. Что необходимо замѣтить какъ рѣдкость.

же они кокетничаютъ съ Русскими - не разбирая чиновъ и средствъ. Здѣшнія женщины не даромъ славилась на Восто-
къ красотою, и если граждане Европейскаго міра содра-
гается слыша, что еще не задолго передъ симъ, отцы прода-
вали дочерей и братья сестеръ въ Турцію, то философъ
утѣшается мыслію, что это улучшило кровь Арабскихъ и
Турецкихъ поколѣній. Участъ женщинъ здѣсь жалкая, они ис-
правляютъ всѣ домашнія и полевые работы и особенно смо-
трятъ за садами, которые находятся у каждаго Илорца.

Илорцы съ вольнымъ духомъ, готовы на всѣ жертвы за
свободу, но склонность къ воровству развита до крайности.
Съ Илори начинается граница Абхазіи; откуда, въ 1834 году,
продѣлана дорога черезъ густой лѣсъ въ Катаулы и въ Драп-
ды, впрочемъ она стоило не дорого. Кругомъ Илори мѣста
очаровательны и плодородны, весною здѣсь Арминдія садъ
дышущій прелестію, въ концѣ же лѣта не - совсѣмъ здорово,
что происходитъ отъ болотныхъ испареній, гниющихъ ра-
стений и стоячей воды, въ которой зараждается зеленая тина,
производящая при жарѣ заронъ гнилыхъ болѣзней въ народѣ. (*)

Прибытіе въ Илори иностранца пробуждаетъ жизнь жи-
телей, вышедшихъ изъ сакель и любопытствующихъ о гостѣ,
отличаются болѣе старухи: онѣ какъ сивиллы, съ мор-
щиноватымъ лицемъ, съ клокомъ сѣдыхъ волосъ, длинны-
ми косами, отвѣсными грудями похожи на волшебницъ
совершающихъ заклинанія, если такіа водятся. Дѣти, почти
голыя, едва прикрытыя клочками рубашки, черкесски или
бурки, кривляясь предъ нимъ пляшутъ, другіе же изъ
нихъ отворачиваются или смотрятъ съ ненавистію. Стран-
но, что тутъ безчеловѣчный или жестокий поступокъ произ-
водитъ на душу горцевъ впечатлѣніе живое и тягостное, а
между тѣмъ они сами къ тому очень способны.

Намъ всегда казалась удивительно, почему с. Илори не
основалось на берегу Галазги, въ 6 верстахъ, тогда бы
жизнь обитателей была положительнѣе, польза была бы съ

(*) Что видѣе будетъ въ Медицинскомъ отдѣленіи.

ними; но кажется, что настоящая причина нынѣшняго положенія есть безпокойство, смуты края, также аулъ Ошенчуры, расположенный въ бѣхъ верстахъ, при устьѣ Галазги на взморьѣ, теперь наполненный Турецкими купцами изъ Батуша и Трапезонда, въ числѣ которыхъ были есть поселившіеся фанатики, служащіе агентами Турецкаго правительства, имѣющаго теперь, при обновленіи туземцовъ, вліяніе на умы ихъ и распространеніе Исламизма.

Турки никогда не забудутъ прежняго своего господства на Восточномъ берегу, Чернаго Моря, съ котораго они безъ важныхъ потерь и издержекъ, набирали за дешевую цѣну прекрасныхъ, храбрыхъ воиновъ и мамелюковъ для Египта, наполняя кромѣ того свои гаремы хорошинькими, дешевенькими одалыками, называя ихъ для возвышенія достоинства Черкешенками. Мусульманнѣ всегда живописуесть въ своемъ воображеніи пльнительный рай Магометовъ, здѣсь для него онъ былъ въ дѣйствительности и потерянъ. Можно отложить всѣ порочныя склошности и удовольствія, но можно ли забыть ему главную утѣху, скрѣпленную столѣтними обычаями и господствомъ? Никогда. Вѣроятно, теперь Турки крайне горюють о потерянномъ, употребляя всѣ средства на возвращеніе; однакожь Русскіе укрѣпивъ свое завоеваніе силою трактата, не дозволяютъ трогать собственности, и за то изъ Ошенчуры, противъ Россіи, въ горцахъ разливается лѣдъ ненависти. Не надобно пускаться имъ въ открытое море для достиженія Черкесскихъ странъ: Джигетовъ, Убыховъ и Шапсуговъ; получа въ Ошенчурахъ билетъ для торговли въ Абхазіи, они могутъ перейти съ нимъ черезъ горы, передать волю своего правительства, наставить въ дѣйствіяхъ, укрѣпить мусульманство и возвратившись обратно, извѣстить подробно о своихъ дѣйствіяхъ Трапезондскаго пашу. Ловимые же часто качерны, служатъ только отклоненіемъ отъ настоящихъ распоряженій и посылаются такъ сказать на жертву, или по необходимости скорыхъ сношеній и поставленій. Ошенчуры имѣють постоянное сношеніе съ Плори, котораго жители закупають товары и развозятъ по Абхазіи.

Мы необходимы были нанять въ Ошенчурахъ фелюгу качерны, для проѣзда въ Сухумъ, на которой отправились моремъ въ 12 часовъ дня. Вотъ выписка изъ нашего дневника.

« Сначала былъ на морѣ штиль, къ вечеру разыгралась зыбь. Фелюга шла тихо; кругомъ ея радостно кувыркались касатки или морскія свиньи, я стрѣлялъ, но кажется ни одна пуля моего мушкетона не попала въ цѣль: они скрывались по выстрѣлу, оставляя за собою волнистый кружокъ, и потомъ снова являлись въ другомъ мѣстѣ. Наступалъ вечеръ. Солнце спускалось къ низымъ волнамъ восхитительно и обливая красноватымъ золотомъ, прощалось съ ними. Тогда наступила пріятная прохлада; но мнѣ казалось, что съ удаленіемъ живительныхъ лучей солнца, добродѣтель скрывалась, умирала для свѣта, и порокъ начиналъ дѣйствовать: холодить сердце и убивать доброе. Многіе закатъ солнечный сравниваютъ съ прощальнымъ взоромъ умирающей старости, но мы сравнимъ съ прощальнымъ взоромъ Господа Саваова, удаляющагося на время, чтобы освятить и связать своею живительною силою любви, другіе видимые и незнакомые намъ міры. Такое мнѣніе довольно вѣрно, и заставило меня, соединить полный вздохъ и прощальную слезу съ послѣднимъ лучемъ солнца, и просить умиленно, перенести ихъ къ Господу. Пока идетъ тихо фелюга въ морѣ, скажемъ кое-что объ Ошенчурахъ.

Около Ошенчуръ находятся встасканныя Турецкія качерны съ фелюгами или лодками, за ними идетъ въ два ряда довольно красивый, деревянный рынокъ, имѣющій по бокамъ сакли Абжигцевъ и домъ начальника селенія товада Хинкуроза. Здѣшніе жители говорятъ по Турецки и по Арабски. Нѣкоторые изъ Абжигцевъ, надѣвая костюмъ Турка, а часто въ національномъ Черкесскомъ, занимаютъ мѣста весельщиковъ на Турецкихъ качерпахъ. Ошенчуры богаты товарами, находятся во власти Абхазскаго владѣтеля, на добросовѣстность, котораго и благоразумныя мѣры, была прежде отдана вся торговля, но нынѣ назначили сюда таможеннаго пристава ибо замѣтили контрабандность. Хинкурозъ есть Далець и род-

ственниковъ владѣтеля. Когда назначалась горькая доля его одиоземцамъ Цибильтинскаго племени, за разбой, сопряженная съ истребленіемъ и переселеніемъ ихъ въ долины, Хикурозъ бѣжалъ изъ отечества въ Абхазію и дѣйствовалъ противъ родины; онъ былъ опредѣленъ главнымъ начальникомъ въ Ошенчуры. Исторія подтверждаетъ, что измѣнникъ всегда дѣйствуетъ двулично по обстоятельствамъ, думая болѣе о своей пользѣ: словомъ, когда торговля идетъ втайнѣ, онъ молчитъ; открыта контрабанда, онъ увѣряетъ что не знаетъ или только что узналъ истинна скрывается, подозрѣнія много а дѣлю остается перышеннымъ до другаго, болѣе вѣрнаго случая.» Но слѣдуемъ далѣе.

Вначалѣ была ночь мѣсячная, и потому мы видѣли ясно, теченіе многихъ рѣкъ въ море и обходили ихъ. Вообще здѣшнія рѣки врывались съ быстротою далеко въ море, имѣють цвѣтъ сизой, волнистой ленты, отличающейся много отъ волнъ морскихъ, таковы: Меркула, Галазга, Гудавта и особенно Кадоръ, прорѣзывались болѣе чѣмъ на версту.

Лоцманъ фелюги былъ Турокъ - мулла, съ пламеннымъ, надменнымъ взглядомъ; сѣдая борода его спускалась на грудь, росту онъ былъ средняго, но крѣпкаго. Гребцы были изъ Турокъ. Раскинувъ паруса по вѣтру, они тянули по Турецки пѣснь унылую, однообразную, на подобіе пѣсни: «Мальбругъ въ походѣ поѣхалъ.» Грустные тоны, неизвѣстные слова, Турецкое. одѣяніе гребцовъ, недружелюбный ко мнѣ Христіанину взглядъ, контрабандный, перебѣжный разговоръ ихъ съ прохожими Абхазскаго берега, сигналы съ шипи, темнота дремучаго лѣса на взморьѣ, стоящія въ сумракѣ исполнискія горы, разложенныя на ихъ вершинахъ и по лѣсу огни, крикъ дикой, несущейся морской птицы: все это страшно, крайне страшно и увлекаетъ въ міръ фантазій. Давая волно своему воображенію, я отдался любимцу моему Тассу. Судьба его, несправедливый судъ людей, писанный имъ освобожденный Іерусалимъ, Армида, Ринальдо, садъ, битва Крестonosцевъ, Танкредъ, Готфридъ занимали меня до крайности. Отъ Тасса я перенесся въ вѣкъ рыцарства, и душа

моя, какъ бы вспоминая бывшее, увѣряла меня, будто я жилъ въ то время, будто и во мнѣ лилась кровь рыцарей Св. Креста. Такъ мечтая, переносясь отъ происшествія къ происшествію исторій, я слѣдилъ духъ ея, слѣдилъ дивное, гибель и славу человѣчества, и былъ такъ сказать въ восторгѣ. Да, исторія утѣшаетъ насъ, рисуя рядъ за рядомъ быть древнихъ временъ въ возвышенныхъ и утѣшительныхъ картинахъ. Но Фелюга везла меня съ моимъ счастіемъ и оружіемъ, не привезетъ ли она меня, думая я, какъ другаго Ринальдо въ садъ Армиды; удивляйтесь же человѣческой слабости и небрѣжности: почти на краю гроба, человѣкъ еще думаетъ о земномъ счастьи, тогда какъ одна волна можетъ бросить его на пищу морскимъ свиньямъ. Но душа моя, согрѣтая вѣрою отвергала страхъ, я не боялся волнъ. Могли и Турки убить Христіанина, противъ нихъ выставилъ я обнаженную пашку и ручные пистолеты; словомъ, пылкая моя молодость одушевлялась огнемъ неизобразимой смѣлости, и въ такомъ состояніи мы летимъ впередъ, пѣснь качерищниковъ сливается съ шумомъ волнъ морскихъ.

Наступила полночь, сдѣлалось влажно; на чистомъ небѣ сіяли звѣзды ярче обыкновеннаго и проливали свѣтъ, любовь свою таинственно въ мои чувства; я созерцалъ и во тьмѣ Господа, сильнаго на всякомъ мѣстѣ и восклицалъ съ душею псаломъ Св. Давида: «Каму пойду отъ духа и отъ лица твоего, аще възду на небо, ты тамо еси; аще спиду во адъ, ты тамо еси; аще возьму крыль мои рано, и вселюся въ послѣдніи моря, и тамо бо рука твоя удержитъ мя и десница твоя наставитъ мя.» На всякомъ мѣстѣ владычество твое Боже!» Я видѣлъ ясно, какъ рѣчныя воды прорывались въ море, и сражался, скрывались въ своемъ гробѣ; видѣлъ еще какъ море вдали искрилось, шло огненными бороздами, на поверхности которыхъ плавали тыщи звѣздъ и играли. Часто эти свѣтлыя точки умножаясь соединялись и представляли обпірное поле свѣта, часть котораго поднимался, катилась впередъ и расширялась въ видъ блестящей, сердитой пѣны. Видѣлъ также, какъ большія свѣтлыя тѣла, представляющія

ся вдали на рыбъ, преслѣдовали другъ друга, исчезали и снова появляясь скучивались разнымъ образомъ. Такой свѣтъ, увѣряетъ Физика, происходитъ отъ малыхъ инфузорій или морскихъ свѣтящихся червячковъ, которыхъ тѣло мало, нѣжно и тонко, одарено удивительною подвижностію и издаетъ яркій свѣтъ. Впрочемъ фосфорическія явленія не рѣдки въ моряхъ, болотахъ, онѣ происходятъ отъ соединенія разнородныхъ солей, и выказываются сильнѣе чрезъ треніе морскихъ теченій и сотрясеній.

Такъ разсуждалъ я самъ въ себѣ. Вдругъ близь полярной звѣзды показалась черная точка, и отъ повѣленія мощной воли, расширляясь быстро въ разныя стороны, подернула почти мгновенно, звѣздный, ясный сводъ неба мрачнымъ сумракомъ. Вотъ вдали прорѣзалась игриво молнія и освѣтила картину ужаса, въ воздухѣ просвисталъ летучій, неизвѣстный вѣтеръ, въ то же время глубина, бездна моря, отвѣтила ему грознымъ гуломъ, какъ бы дѣлала ему привѣтствіе, Да, великъ Господь въ молніи, въ громахъ, въ игрѣ своей, и когда иной страшится, скрывается, несчастный поднимая слезныя очи къ небу, душею благословляетъ природу въ сраженіи, получаетъ утѣшеніе въ своихъ скорбѣхъ и неудачахъ. Вздумавъ о всемогуществѣ Божіемъ, невольно замѣтимъ, что Господь - Міроздатель, играетъ міромъ какъ арфой, тропетъ одну струну - льетъ свѣжесть, любовь, отраду; другую - громъ; молнію, дождь; третью - ураганы, градъ, четвертую - . . . и струны арфы его пѣтъ числа, и пѣтъ числа переменамъ: онѣ гармонируютъ съ безпредѣльностію и тронутыя Всесильною; Премудрѣйшею десницею, соединяются въ игру общую—бурю.

Вѣтеръ переменялся и переменялось теченіе волнъ, наконецъ онѣ подплыли на сажень и заставили фелюгу взойти на Кадорскій мысъ, откуда я видѣлъ, какъ они катились туда и сюда, разбиваясь одна объ другую пѣнящимися клубами.

Почти за минуту, богиня тишины, блаженства, играла на хребтахъ ихъ, но тронута струпа міра и онѣ сражаются одушевленные гнѣвомъ и ненавистію другъ къ другу. Подобное случается и въ мірѣ, если забываютъ Творца. Вздыха-

ясь грозно какъ морскія чудовища, волны кипѣли; наконецъ вѣтеръ сталъ ровнѣе и онъ полетѣли ровною бахрамою къ берегу: вотъ снѣжать, грохочуть, бьются о песокъ, камни, и разбитые, съ унылымъ ропотомъ удаляются въ свое отечество; часто, удержанныя порывомъ вѣтра, образывали житкую стѣну, которая всплывая выше и выше качалась медленно, но налеталъ вѣтеръ и она разсыпалась, упала съ пѣною въ свою бездну. Такіе валы мореходецъ бѣжитъ, и мы хорошо сдѣлали что вышли на берегъ, ибо буря сдѣлалась столь грозною, что страшно и вздумать: она представляла мнѣ послѣднее сраженіе небо съ землею, когда положено Творцемъ излить гнѣвъ злу и милость праведному его почитающему; тутъ невольно повторилъ я самъ про себя стихи одного поэта:

Такъ пылъ мечты въ грозѣ красу намъ кажетъ,
Быстрѣе путь въ часъ бури по волнамъ,
И сколько тайнъ прекрасныхъ горе скажетъ:
Тому, чей духъ стремится къ небесамъ!

Наконецъ буря стала стихать; по море покрытое мракомъ, еще не стихло отъ бывшаго сраженія; не смотря на высокія волны, мы однакожъ съѣли въ фелюгу и съ Кадорскаго мыса помчались прямо къ Сухуму. Турки по прежнему заплѣли свою унылую, однообразную пѣснь.

Наконецъ пробѣжалъ свѣтъ на Востокъ, небо сдѣлалось чисто, изрѣдка только ходили облака, но на берегу былъ росистый туманъ. Скрываясь въ бурныхъ волнахъ, пдущихъ саженною стѣною, фелюга какъ дельфинъ, то выплывала быстро на хребты ихъ, то упала въ ихъ бездну; я холодѣлъ тѣломъ, томился нетерпѣніемъ быть въ Сухумѣ и наконецъ вступивъ въ бухту, былъ выброшенъ почти мокрый къ карантину, гдѣ ставъ твердою ногою на морской песокъ, сказалъ отъ души, благодарной за спасеніе: « Слава тебѣ Господи! »

Исполнивъ здѣсь порученіе, мы возвратились въ Илори на Черноморской лодкѣ управляемой казаками. Черноморскія лодки находятся при каждомъ укрѣпленіи и составляютъ не

престанное межъ ими сообщеніе; кромѣ того наблюдаютъ, чтобы Турецкія катерны не проходили къ Черкесскому берегу.

Изъ Илоріи мы сухопутно отправились на Сѣверъ Абхазіи. Дорога Драндамъ и Пицундамъ продѣлана здѣсь Генераломъ Ахлестышевымъ, въ 1854 и 55 годахъ. Она удобна къ проѣзду экипажей, проходить по мѣстамъ пѣклиннымъ, но тонкимъ, по причинѣ стекающихъ ручьевъ съ возвышеній, неимѣющихъ стока въ рѣки и море. Для такой дороги расчищали густой лѣсъ и срывали горы. Въ 7ми верстахъ отъ Илоріи, начинается рѣка Галазга - граница Абхазіи; вправо выдаются горы и овраги съ лѣсомъ, гдѣ ведутъ осыдлую жизнь Самурзуханцы, выбирая для жительства мѣста неприступныя.

Рѣка Галазга выходитъ быстрымъ каскадомъ изъ Сванетскихъ горъ, и расширяется до десяти и болѣе сажень. По каменистому дну ея, почти вездѣ пробираются безопасно пѣшеходы; глубина бываетъ въ полчеловѣка; но во время осенняго непастья и таянья снѣговъ, она увеличивается: тогда даже конные пробираются съ опасностію. Передъ моремъ Галазга имѣетъ два рукава, заключающіе межъ ними песчано-каменистые острова, или лучше сказать наносы. Вообще всѣ Абхазскія рѣки узки и мелководны, и пробѣгая малое пространство переходимы въ устьѣ, не исключая изъ этого положенія рѣки: Кадоръ и Бзыбу. Каждая рѣка идетъ отдѣльно, сжимаясь въ теченіи отраслями Кавказа, которыя не даютъ соединиться имъ. Спускаясь шумно водопадомъ съ большой высоты, онѣ постепенно склоняются къ морю и почти всѣ изумительно быстры. Кромѣ большихъ рѣкъ есть множество малыхъ: онѣ перерѣзываютъ песчано-голышный берегъ, высыхая или мѣля въ жаркое время, отъ чего нами не означаются; въ непасть же и таянь снѣговъ, разливаются и затопляютъ низменные берега своего русла, а часто и близлежащія окрестности.

Многія изъ нихъ текутъ каскадомъ: перепрыжка волнъ, удары въ камни, производятъ сильный грохотъ, который

слышанъ за версту и далѣе; въ устьѣ онѣ довольно широки и скромны въ теченіи, лучше сказать поютъ скромную, благодарную, прощальную пѣснь своей рѣдины.

Въ Абживскомъ округѣ протекають рѣки: Марквили или Меркула, Либра и Тамышь. Вся равнина отъ Пигура до Кадора, наполнена болотами, топкими мѣстами осѣненными дремучимъ лѣсомъ, годнымъ на кораблестроеніе и прочныхъ деревянныхъ построекъ.

Тутъ кстати скажемъ наше мнѣніе о сухопутныхъ сообщеніяхъ. Все взморье покрыто пескомъ и глыбамъ, шаговъ на 100 и 150; въ нпыхъ мѣстахъ оно суживается, пересѣкается рѣками и ручьями, также скалами; отъ того проѣздъ экипажей и повозокъ очень тяжелъ; кромѣ того частые, долгіе зикзаки удлинниваютъ путь, и потому онѣ сдѣланъ на приморской террасѣ покрытой кустарникомъ и лѣсомъ, и часто отходитъ въ глубь страны версты на 2, 3, и 4, и слѣдуетъ по песчаннику, глини и болотистой почвы, на которой сдѣланы гати, а чрезъ малыя рѣчки мосты; чрезъ это дорога безпрепятствевна, но только подымается часто на крутыя горы и спускается минуя бездны. Съ укрѣпленія Илори къ с. Катауламъ, въ 15 верстахъ, прорѣзывается долину р. Меркула, принявшая въ себя многіе ручьи и рѣку Мокву, вытекающую изъ Сванетіи. При соединеніи Моквы и Меркулы, на высотѣ уцеліа, построень въ VIIIмъ или IXмъ вѣкѣ Моквинскій храмъ, внутренностію схожій на храмъ Воскресенія Спасителя въ Іерусалимѣ. Гигантскія его формы, осѣненные вѣковыми деревьями, взросшими на куполѣ и по наружнымъ стѣнамъ портика, издали представляются какъ бы дремучимъ, высокимъ боромъ. Храмъ построенъ изъ плитоваго, дикаго, полированнаго камня, гранита и мрамора, и за исключеніемъ двухъ боковыхъ ходовъ и вершинны купола, еще очень проченъ и можетъ простоять нѣсколько столѣтій. Внутреннее расположеніе придѣловъ, каменныхъ возвышенныхъ хоръ и колоннъ, столь поразительно, что даже дикіе умы Абхазовъ изумляются. При храмѣ, встарину, были устроены два дворца: Дадіана и Епис-

копа - но онъ разрушенъ съ храмомъ въ 1678 г. Абха-
замн. Колокольная выотою въ 80 футовъ еще уцѣлѣла и
находится среди каменной ограды, идущей крутомъ мона-
стырѣ, имѣющаго съ 3хъ сторонъ крутой спускъ въ рѣ-
кн. Входъ въ монастырь по долинѣ, осыпной высокими
лѣсомъ и виноградными лозами, которыя покрываютъ стѣ-
ны и внутренность монастыря въ руинахъ. Около подо-
швы возвышенія, на которомъ стоитъ монастырь въ ущелии,
идетъ р. Меркула по каменистому руслу, шириною въ 20
сажень; мѣстами она глубока, пробѣгаетъ быстро по живо-
писному ущелию. Въ устьѣ ея водятся осетры и семга, ко-
торыхъ Абжнвы не ловятъ, а замѣчая чрезъ свѣтлую воду
убиваютъ пулей. За Меркулой, дорога шириною отъ 30 до
40 шаговъ, продѣлана между густымъ построннымъ лѣсомъ,
до казачьяго Катаульскаго поста расположеннаго на каме-
нистой рѣкн Катаулкн, съ толстымъ полисадомъ, - что спа-
саетъ его отъ Абхазскихъ воровъ.

Этотъ постъ находится подъ охраненіемъ правительницы
округа княгини Кесарин, живущей отъ него въ верстѣ, въ
селеніи Кутаулахъ, которое разбросано по лѣсу на нѣсколь-
ко верстъ, и занимая центръ Абжнвы перерыто буэраками.
Сакли селенія деревянные и сходны съ Имеретинскими, безъ
оконъ, съ двумя сквозными дверями. Домъ владѣтельницы
отличается отъ ея подвластныхъ только тремя окошка-
ми и малою галлерейкою: внутренность же состоитъ въ 3хъ
маленькихъ комнатахъ. Вотъ дворецъ владѣтельницы, имѣ-
ющей во власти 2400 сакель и много подвластныхъ, въ числѣ
которыхъ 12ть тысячъ людей воинственныхъ. Очаровательно-
стію, растительностію и климатомъ, подобныхъ мѣстъ на Во-
сточномъ берегу нѣтъ. Словомъ сказать, здѣшняя страна
лучше пресловутой Индіи. Здѣсь христіанъ уже три тыся-
чи, остальной народъ: магометане, язычники и неимѣющие
никакой вѣры. Впрочемъ княгиня Кесарія усердная Хри-
стіанка, имѣетъ при себѣ постоянно Мингрельскаго миссі-
онера, отправляющаго въ малой часовѣ свою службу.
Княгиня не имѣла средствъ, еще не успѣла построить

храмъ. Возобновленіе Христіанства прежде шло здѣсь быстро, но вдругъ пріостановилось, почему намъ неизвѣстно; хотя братъ Кесарин, прежній Епископъ Абхазскій, нынѣ Гурійскій Антоній, много о томъ старался; кажется что введенію Христіанства, препятствуютъ поселившіеся въ Ошечурахъ Турки, находящіеся вблизи Катаулъ. Въ то время какъ мы прибыли въ Катаулы, Кессарія была на поминкахъ у своего дворянина, которыя происходили по умершему съ годъ его брату. Дикотрогательная пѣснь Абхазовъ раздавалась печально по лѣсу и рвала сердце; пѣснь перерывали холостые выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ. Насъ отвели для отдыха въ убранную саклю, но Кессарія хряпая, уважая обычай подвластныхъ, за что пріобрѣла всеобщую ихъ любовь, - отказала женскому любопытству видѣть пріѣзжаго гостя. Накопецъ уже вечеромъ, она приняла меня какъ роднаго, извиняясь въ мѣдленности свиданія: необходимою народныхъ обычаевъ и причинъ; и точно, какъ можно не посѣтить того, кто цѣлый годъ хныкалъ, рвался, пренебрегалъ одеждою, удалялся удовольствій, отращивалъ волосы и заросъ ими какъ дикій звѣрь; словомъ сказать, исполнялъ въ совершенной точности постановленіе своихъ предковъ; такого подданнаго посѣтить необходимо; этимъ самымъ, владѣтель вынуживаетъ уваженіе подвластныхъ и имѣетъ вліяніе на ихъ нравственность, спокойствіе и религію; другое же обращеніе здѣсь имѣетъ свою невыгоду, ибо народъ крайне страстенъ и прихотливъ.

Прежнія несчастія и 45 лѣтній возрастъ, еще не совсѣмъ сгладили бывшую красоту Кессаринъ; въ ее полномъ лицѣ, Римскаго профиля, играетъ еще румянецъ; малый ростъ уменьшаетъ ее пріятность, но она получивъ хорошее Грузино - княжеское воспитаніе, при родномъ братѣ владѣлѣ Мингрелинъ Леванѣ Дадіанѣ, привлекала къ себѣ болѣе утонченною вѣжливостію и нравственностію, чѣмъ красотою, и имѣла толпы почитателей. Бывшій владѣтель Мингрелинъ отдалъ ее въ замужество за Али - Бей Шервашидзе, владѣтеля Абжива, который будучи преданъ воли Россіи, во время Абхазскихъ междоусобій и бунта, потерялъ очень,

много: главная резиденція его Катаулы, была неоднократно сжигается мятежниками, но подвластный народъ, къ чести его и благородству, не смотря на бѣдствія, гибель своихъ жилищъ и имуществъ, голодуя и плача съ семействами остался ему преданнымъ, и съ удаленіемъ хищниковъ призывалъ Али-Бей опять на владѣніе. Абживцы проливая кровь нѣсколько лѣтъ, мучились, скрывались въ лѣсахъ, въ корни деревьевъ, траву и встрѣчали возвратъ владѣтеля съ радостію. Рѣдкій примѣръ любви, такихъ примѣровъ у горцевъ много, хотя другіе и увѣряютъ, что настоящій властелинъ у полудикарей-есть деньги или золото. Но благородное самопожертвованіе Абживцевъ, уваженіе ихъ къ старшимъ и старцамъ, выказываютъ тому противное. Не всѣ народы одинаковы въ правахъ. Замѣтимъ, что горецъ всегда чтитъ храбрую рѣшительность, любитъ защищать обиженныхъ, и часто защищая ихъ гибнетъ съ семействомъ. Скажите только ему, что тотъ обиженный, у того убили роднаго или разграбили его имущество, и онъ безъ думы о собственной жизни, гибели, о санѣ, силѣ его врага бросается на помощь, принимаетъ за него смерть съ фатальною любовью друга; если же онъ убитъ и остался въ рукахъ враговъ, онъ бросается въ ихъ толпы, вырываетъ его или покрываетъ свои тѣломъ или уноситъ въ свой домъ; такіе примѣры бываютъ ежедневно. Всѣ удивляются какъ по одному визгивому крику или сигналу, не только выстрѣлу, горцы собираются вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, въ сотняхъ и тысячахъ, тогда какъ, они живутъ далеко другъ отъ друга, въ разбросанныхъ сакляхъ. Это сигналъ истиннаго братства, сигналъ общей смерти: слыша его, они забываютъ жену, дѣтей, имущество, жизнь и съ беззаботностію серны пробѣгая крутыя скалы, бездны, лѣса, рѣки, стремятся на смерть; въ пылу битвы бьются шашками съ веселіемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ этому влечетъ ихъ и кровожадная наклонность; эгоистическій же вѣкъ дѣйствуетъ иначе, еще хуже, лишь бы ему хорошо было, а тамъ весь свѣтъ гори огнемъ; что уже совершенно противно закону природы, особенно Христіанству.

Однакожъ послѣдніе годы Али-Бей, жилъ счастливо съ доброю женою, оставилъ по себѣ дочь и сына Григорія: первая отдана за Дальскаго князя Ботанъ — Бея. Когда мы постигли княгиню, Ботанъ-Бей за послушаніе и хищничество, лишась владѣній своего въ Далахъ, скитался по лѣсамъ Ци-бильды и Псукцевъ, принялъ имя абрека, и потому дочь Кессаріи жила по необходимости въ ея домѣ.

Прахъ Али-Бея положенъ въ деревянномъ домѣ, Турецкой постройки, на открытой долинѣ окруженной плодовыми деревьями, орѣхами съ лозами винограда, имѣющаго стволъ въ діаметръ четверть аршина; что показываетъ его древность. Вино вкусно, имѣетъ свой букетъ и пріятную кислоту.

Говоря съ Кессаріею о Христіанствѣ, нравахъ и обычаяхъ подвластныхъ, мы слѣдили за ея рассказомъ, и можемъ увѣрить каждого, что она чрезвычайно прозорлива и добра.

Показывая внутренность жилища, она не упустила по женской искренности, показать и свой женскій Абхазскій нарядъ. Потомъ сдѣлавъ распоряженіе о нашемъ успокоеніи, она отправилась опять на поминки. Оставшись съ сыномъ Григоріемъ, мы бродили по селенію, окрестностямъ, замѣчая съ удовольствіемъ сборъ Абхазовъ, Самурзуханъ и Сванетовъ на лошадиную скачку 12 Мая. Наградный выигранный призъ назначаемый княгинею — была серебрянная чаша. Григорій, которато знали мы 5ти лѣтнимъ младенцемъ, былъ уже лѣтъ 16ти, высокаго росту, крайне пріятливъ и по молодости словоохотелъ. Мы провели день весело и послѣ Абхазскаго ужина, чрезвычайно — гостепріимнаго, при которомъ Абхазцы какъ и при очищеніи остатковъ его, усиливали свою дѣятельность и веселость, мы почевали пріятно на хорошо убранномъ Азіатскомъ ложѣ. Рано утромъ, поблагодаривъ лично княгиню за гостепріимство, въ сопровожденіи двухъ данныхъ Абживцевъ — проводниковъ и козака, отправились для осмотра къ Моквинскому храму. Теперь княгини намъ уже не видѣть, по крайней мѣрѣ, прошу ее за очно, принять отъ меня совершенную признательность за искреннее радушіе, угощеніе и почтеніе къ Русскому какъ къ родному. Увѣряемъ всяка-

го читателя, что эта женщина выше всякой похвалы. Изъ Катаулъ вступаете въ густой, чистый лѣсъ; здѣсь дорога узка, проведена на болотистой почвѣ, которую при густотѣ лѣса, не могутъ прощитъ и осушить солнечные лучи, отъ того дорога, не смотря на искусство, гати, фашины, бѣ верстѣ до глинистаго крутаго подъема на гору, кажется вдвое длиннѣе. Поднявшись на эту высоту, видите поляну и съ ней шумное море, безконечный для глаза лѣсъ, чрезъ который продолжая слѣдованіе верстѣ 10ѣ, приближаетесь къ р. Кадору и видите обработанныя нивы, обсаженныя съ боковъ правильно деревьями. Здѣсь начинаются мѣста пріятныя для души и дыханія, почва смягчена образованіемъ, чрезъ просвѣчины лѣса видно въ 3хъ верстахъ море, слышенъ гулъ волнъ его и р. Кадоры, при устьѣ которой, на нѣсколько верстѣ, идутъ древніе сады и разрушенныя зданія: онѣ дали поводъ нѣкоторымъ писателямъ, ошибочно означить тутъ мѣсто древней Діоскурін, что по всѣмъ древнимъ картамъ несправедливо: она означена въ Сухумской бухтѣ, гдѣ заглохшія руины, съ остатками каменнаго храма, показываются около селенія Кхелассури; по картѣ же Арріана, при устьѣ Коракса или Кадора назначено Римское поселеніе, оно было разрушено Турками въ 1451 году.

Г л а в а X I.

Прощай страна, гдѣ лѣсистыя, скалистыя горы тонуть въ мрачныхъ туманахъ и облакахъ, гдѣ съ шумомъ быстрыхъ рѣкъ и потоковъ, бѣгущихъ въ ущеліяхъ и долинахъ, сливаются дикіе сигналы туземцевъ; прощай прекрасная страна, гдѣ въ чистое море, такъ часто погружается непорочно-стыдливая луна и глядятся звѣзды; ты видѣла меня юношей, полнымъ веселія, смѣло глядящемъ въ даль жизни, видѣла также съ поникшею головою, не мечтающаго о сладостяхъ здышней жизни, твой видъ радовалъ меня, но пугала пустыня. Наконецъ прощай страна, въ которой позналъ, что юношество, молодость шумить, поетъ и веселится; зрѣлость сражается съ рокомъ, съ слабостію, обдумываетъ дѣла и испознаетъ ихъ, а старость, живя въ Господѣ, трудится для славы Его.

Проезжая здѣсь, въ Абхазіи, я ощутилъ тотъ восторгъ, который возбуждаетъ въ натуралистѣ дикая, романическая картина. Взоръ на каждомъ шагу замѣчаетъ ее разнообразіе. Здѣсь рѣки, заслуживаютъ вполне это имя, онѣ не дремлютъ въ кустарникахъ, но катятся иногда съ игрою страха въ тѣни горъ и лѣсовъ; свергаясь съ вершинъ и утесовъ водопадомъ, онѣ змѣются въ прелестныхъ долинахъ, и протекая черезъ дорогу, какъ бы приглашаютъ путника: остановиться для отдыха и слѣдовать за ихъ извивистымъ теченіемъ. По сторонамъ, горы вздымаясь съ величественною красотою къ верху, выказываютъ разнovidность своихъ утесовъ и долинъ, но болѣе изъ нихъ возвышешья представляя свои остроконечныя, круглыя вершины въ массахъ, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ. Такой хребетъ проходя линіею на большое пространство, представляетъ видъ мрачный, поражающій воображеніе, чувства, и человекъ здѣсь невольно сознается, что *я*, есть въ мірѣ ничтожнѣйшій атомъ.

Но наконецъ вы предъ Кадоромъ, извѣстнымъ въ древно-

сти своими золотыми и серебрянными розсыпями. Эта рѣка находится въ 48 верстахъ отъ Галазги и въ 20ти отъ Катауль. Выходить изъ спѣговаго хребта Кавказа, и соединяясь съ многими горными ручьями охватываетъ Цибильду и пробѣгаетъ Абживъ. Р. Кадоръ чрезвычайно быстра, - $5\frac{1}{2}$ узловъ въ часъ, - но однакожъ, хотя и съ опасностію, но переходима пѣшеходами: каменистый бродъ вышиною въ полчеловѣка и меньше; но не смотря на такую глубину, не всякій пѣшеходъ и всадникъ пускается чрезъ Кадоръ; вообще пѣшие переправляются большимъ числомъ схватясь дружно руками, тросоватые и имѣющіе головокруженіе, бывають часто жертвою волнъ; оступка лошади и пѣшехода, имѣетъ тѣже слѣдствіе. Среди рукавовъ, волны столь стремительны, что переправляющемуся даже всаднику кажется, будто онъ кружится съ лошадыю и несется къ морю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одному пѣшеходу съ большою дубиною, подвигающемуся шагъ за шагомъ, опасіе и страшіе. Кадоръ раздѣляется на три главныя рукава, заключающія между ними песчано - паносныя острова, гдѣ отдыхая, проѣзжіе подкрѣпляются на дальнѣйшій опасный переходъ, особенно при прибыли водъ.

Въ переправахъ войскъ 1834, 35, 37го года, бывали примѣры, что волны вырывая цѣлые ряды солдатъ или отдѣленія взводовъ, ударяя о неравные камни, мчали съ собою въ море, тогда здѣшніе жители Абхазцы, забывавъ о гибели, бросались въ страшныя водовороты и вырывали ихъ жертвы, отъ того погибающихъ былъ одинъ или два человѣка. Такіе перевозчики или переправщики, раздѣляясь по островамъ, на берегу и вблизи главныхъ водоворотовъ, перегоняли на лошадяхъ другъ друга въ волнахъ, кидались въ бездны съ отважностію. Горныя орудія и ящики, опрокинутые съ лошадыми, были уносимы далеко, что и заставляло навьючивать ихъ на лошадей, - тогда дурныхъ, гибельныхъ слѣдствій при переправѣ не оказалось. Устроить всегдашняго моста здѣсь почти невозможно: ибо, при 300 саж. ширины рѣки, быстротѣ воды, она крайне неровно - кашениста; кромѣ того съ горъ и съ низменныхъ береговъ, часто несутся съ истока съ

быстрыми волнами огромныя карчи деревь, которыхъ едва ли что остановить, напоръ ихъ столь стремителенъ и ужасенъ, что сворачиваетъ огромныя каменныя массы и разбиваетъ море широкою красивою лентою, версты на полторы.

Въ полноводіе, пѣшеходы переплавляются на длиннорукихъ каюкахъ. Голые перевозчики, атлетическихъ формъ, проводятъ каюкъ вдоль берега и противъ теченія, саженой на 100 вверхъ; тамъ садясь проворно въ каюкъ, спускаются косвенно къ другому берегу: каюкъ стрѣлою пролетаетъ къ песчанному острову. Недоѣзжая до него пятнадцать шаговъ, перевозчики бросаютъ стоящимъ тутъ людямъ веревки, иначе же уносятся въ море или переворачиваются. Словомъ переправа страшна.

На другой сторонѣ Кадора находится малая деревушка, жители ее по большей части перевозчики, но и занимаются также земледѣіемъ. Деревня расположена на островѣ плѣнительнаго вида; тутъ древній фруктовый садъ, въ которомъ, послѣ лишь только сдѣланный переправы, отдыхаете съ пріятностію. Садовой, свѣжій, ароматическій здѣсь воздухъ лекарственъ для больныхъ. Отсюда переправляетесь черезъ Кадоръ еще два раза, и послѣ мѣлкаго рукава осыненнаго лѣсомъ, вамъ на ужасной, крутой высотѣ, представляется монастырь Дранды, кажущійся издали грознымъ исполиномъ, возвышаемымъ въ величественныхъ формахъ деревьями покрывающими куполь и шаружныя стѣны. Къ храму поднимаетесь по узкой, обрывистой дорожкѣ.

Кадоръ освѣщенный слабымъ свѣтомъ луны, мнѣ кажется достойнымъ той дани удивленія, которую приносятъ туземные обитатели. Съ боковъ его возвышаются крутые берега, осыненные яблоками, орѣхами, инжиремъ и виноградомъ; старыя, вѣтвистыя деревья, величественно сливаютъ свои главы съ куполомъ разрушеннаго здѣсь храма, въ оградѣ котораго и за цѣло заключаются пещеры и могилы древнихъ монаховъ; туземцы увѣряютъ, что не надобно здѣсь жить, что тутъ живутъ духи, которые своенравны и злы. За равниной монастыря слѣдуютъ овраги, за ними крутыя возвышенія тянутся волнисто къ сѣдому Кавказу. Такая чудесная мѣстность

съ гармоническимъ трепетомъ листьевъ, покрывается ночью гнѣвомъ тысячи соловьевъ, и человекъ невольно сознается, что здѣсь жизнь дышетъ величіемъ, красотою, но будучи удалена отъ образованнаго міра, заключена такъ сказать въ дремучемъ саду, заключаетъ свои страхи, болѣе усиливающіеся отъ скитающихъ хищниковъ.

Послѣ постройки у. Илори, Генераломъ Ахлестышевымъ, отрядъ двинулся къ Драндамъ. Съ болѣею опасностію и трудомъ, по причины разлива, перешелъ буйную рѣку Кадоръ, и водрузивъ свои святыя знамена въ монастырь, сдѣлалъ кругомъ его укрѣпленіе въ нѣсколько полубастіоновъ, на ровной возвышенности съ 2хъ сторонъ открытой на пушечный выстрѣлъ; съ Востока же и Запада здѣсь обрывы, внизу которыхъ бѣжать по песчаннику шумливыя волны Кадора.

Храмъ сложенный изъ полированнаго плитняка, за исключеніемъ купола еще цѣль, и до занятія Русскими служилъ жителямъ загономъ для скота; при занятіи монастыря, въ немъ первоначально было устроено жительство коменданта. При расчисткѣ нашли много древнихъ монетъ и вещей. Отъ монастыря мѣстность къ морю спускается, идетъ разсыпанными холмами, горами, за которыми справа, является во всемъ своемъ величіи маститый старецъ Кавказъ — хребетъ Кобулетскихъ и Аджарскихъ горъ, сливающихся съ облаками.

При занятіи Драндскаго монастыря, по стѣнамъ, куполу и расцелинамъ его, росли по большей части фиговыя деревья, съ ними переплѣтался виноградникъ вмѣстѣ съ другими лѣнами, и густою сѣтью ниспадая къ землѣ, застилали своею зеленью стѣны зданія: видъ былъ чрезвычайный, какого не представляло ни одно старинное зданіе за Кавказомъ. На едва стоящей колокольнѣ росли тоже деревья; для прозаической пользы онѣ были срублены, а колокольня грозившая паденіемъ, вскорѣ за тѣмъ сломана. Не смотря на вѣковое запустѣніе храма, сырость воздуха, онъ довольно проченъ, кое гдѣ по стѣнамъ его осталась живопись Греческой иконописной работы; въ самомъ центрѣ купола сохранилось изображеніе Спасителя и надпись Славянскими буквами: І. С.

Х. Р., что оказывается и въ другихъ Закавказскихъ храмахъ; вѣроятно она была принята для образныхъ надписей, или наконецъ, изъ Россіи забравшійся живописецъ, оставилъ свой трудъ въ XIII или XIV столѣтіи.

Нѣкогда около Дранды, на большое пространство, были монастырскія селенія; разрушительная рука времени пощадилъ ихъ фруктовые сады. Земля необыкновенно сочна, воздухъ прекрасный, исключая въ укрѣпленіи; въ 4 верстахъ, отъ него, на берегу моря, построилъ магазинъ окруженный полусадомъ.

Дранды важны въ стратегическомъ отношеніи: до 1837 и 1841 г. были обезпечиваемы Цибильдино - Дамцами; впрочемъ, въ 1835 г., малая команда слѣдила за толпою хищниковъ въ горы Цибильды, навела ужасъ на ея аулы, отняла похищенное, и довольствуясь сдѣланнымъ страхомъ возвратилась въ свояси. Съ уничтоженіемъ Дальскаго племени въ 1841 г., Дранды сдѣлались спокойны отъ нападеній и защищались только 30 казаками и 25 ч. лѣсной команды, живущей здѣсь для заготовленія лѣса на зданія новаго города Сухума.

Здѣсь отъ сырости, древнихъ погребенныхъ тѣлъ и времени, до занятія Русскими сдѣлался воздухъ азотическимъ, особенно въ ночное и ненастное время, и годъ отъ году портя строеніе, дѣлается еще хуже; отъ того укрѣпленіе почти брошено. Вообще замѣтимъ, что въ странахъ жаркихъ, необразованныхъ, никогда не должно занимать болотистыхъ и жилыхъ мѣстъ, особенно гдѣ остались развалины: ибо прежніе жители ихъ, могли сгнѣнуть отъ заразныхъ болѣзней или другихъ какихъ либо гибельныхъ причинъ и оставить послѣ себя мѣзму; въ такихъ мѣстахъ всегда страдаютъ новыя поселенцы, и если не приняты благоразумныя мѣры медицинской осторожности, то годъ отъ году болѣе и болѣе. Особенно подвергаются порчи деревянные строенія, въ подтвержденіе такого мнѣнія, представьте себѣ долго стоящій госпиталь: возшедшая въ стѣны его и землю мѣзма, столь рѣзко характеризуетъ его болѣзненность, что невозможно возобновить свѣжій воздухъ; рѣзкое и бальзамическое куреніе помогаетъ временно; вотъ

главная причина, отъ чего слабые, съ малыми даже, припадками болѣзни, поправляются мѣленно или заболѣваютъ еще больше. Дѣйствительно, посадите нѣжное дерево около гнилаго, и оно въ самое короткое время, перемѣняетъ свой пріятный вкусъ на вязущій, за тѣмъ гнѣтъ, и къ великому вашему огорченію наконецъ пропадаетъ; тоже самое бываетъ и съ человекомъ, болѣе нѣжнымъ чѣмъ растеніе. Такое слѣдствіе мы испытали на себѣ въ Драндахъ. Расположивъ укрѣпленіе на 100 саж. впереди отъ нынѣшняго, мы бы избѣгнули древнихъ могилъ, монастырь бы послужилъ передовымъ укрѣпленіемъ и состояніе Драндъ было бы упрочено на вѣки; теперь зданія 1837 г. уже сгнили, судите о здѣшнемъ воздухѣ. Въ послѣднее время для очищенія воздуха, дѣланы были разные опыты учеными, которые нашли, что зловоніе происходитъ отъ освобожденія амміака и сѣрнистаго водорода, что надобно соединить сѣрнокислое желѣзо съ мелкимъ углемъ, развести нѣсколько горстей этаго состава въ водѣ и полить вонючее тѣло или курить, тогда уголь жадно овладѣваетъ сѣрнистымъ воздухомъ, кислота желѣза поглощаетъ амміакъ и воздухъ дѣлается чистымъ. Около Драндъ есть каменный уголь и металлическія жилы.

Въ окрестностяхъ монастыря пр. рода животворна и величественна; здѣсь человекъ понимаетъ, что безъ него пр. рода живеть страдальчески. - Спустившись по крутому склону, вы слѣдуете прекрасной дорогой къ морю, подъ прохладою душистаго лѣса и бальзамическихъ травъ. Гулъ морскихъ волнъ сливается съ шумомъ столѣтняго, дремучаго лѣса, и покрывается игривою мелодіею птицъ; недоходя сто сажень, рисуется для глаза безконечно синее играющее море. Отъ магазина въ двухъ верстахъ, на песчаномъ берегу взморья, прорѣзывается ничтожная рѣчка, — граница Абживскаго и гористаго Абхазскаго округа. Жителямъ Сѣвера, пріятно встрѣтить темную зелень лавровыхъ деревьевъ, плющей и пальмъ или самшитовъ, растущихъ преимущественно на взморью. Видъ растеній величественъ, хотя часто онѣ растутъ и кустарникомъ; порода бука и пальмъ на видъ не

красивая, но криво-высокая, твердая какъ кость, лимоннаго цвѣта, съ болотными наростами, крохотными листочками и улитками. Часто на этихъ деревьяхъ вѣтся виноградъ, который иногда обвиваетъ великолѣпно самыя вершины высокихъ, ровныхъ чинаровъ, ниспадаая съ нихъ густою тѣнью; грозды его довольно крупны, почти чернаго цвѣта, вкуса кислватаго; изъ нихъ дѣлаютъ вино, подобное съ понятіемъ дикаго состоянія, въ родѣ кваса. На половинѣ дорогъ, начинаютъ какъ бы изъ воды, выказываться стѣны Сухума и мелькать въ бухтѣ его корабельныя мачты. Отсюда образуется рейдъ, въ углу котораго стоитъ крѣпость Сухумъ. Рейдъ одинъ изъ лучшихъ на Восточномъ берегу.

Съ Драндскаго мыса слѣдуете 9^{ть} верстъ по песку и глыбѣ, за тѣмъ вступаете въ лѣсъ, въ которомъ были остатки развалинъ въ 1837 г., нынѣ можетъ быть ихъ не существуетъ; отсюда въ семи верстахъ находится селеніе Кхелассури, мѣстопробываніе правителя Абхазскаго округа Дмитрія Шерванидзе, человѣка съ хорошими способностями, занимающагося Русскою литературой; жалко, что этотъ Христіанинъ не обращаетъ настоящаго вниманія на свой народъ, отъ того онъ приверженъ до фанатизма къ мусульманству.

С. Кхелассури расположено въ полуверстѣ отъ моря, на рѣкѣ этаго имени, довольно быстрой, здоровой и переходимой въ бродъ. Сакли жителей расположены по обѣимъ сторонамъ ее и идутъ по косогору высокой горы, которая спускаясь уступами, упирается подошвой своей въ песчанную морскую террасу. На самой вершинѣ стоитъ домъ Турецкой постройки, отъ котораго по отлогости къ морю тянется внизъ древняя стѣна Севастополя, полуразрушенная, и мѣстами только видная по фундаменту; съ нею соединяется почти у моря разрушенный храмъ, называемый туземцами Окваме: онъ закрытъ темною, зеленою колючкою, плющемъ, низиремъ и съ моря даетъ видъ живописный.

Вблизи селенія, по холмистому взморью, расположены въ одну линію жилища Турокъ, у которыхъ свой начальникъ. Передъ этими жилищами разбросаны по песку качерны, вхо-

дѣлѣ только въ устьѣ рѣки. Это Турецкое поселеніе было прежде вредно для владычества Россіи, къ нему дозволено было приставать Турецкимъ качернамъ, которыя не привозя по трактату пороха и орудій, могли привозить порохъ изувѣрія - мулъ, которые подъ видомъ торговли, разорительной для туземцевъ, утверждали въ магометапствѣ, и недовольствуясь этимъ зломъ, переходили по Абхазскимъ тропинкамъ къ независимымъ племенамъ горцевъ. Словомъ, это поселеніе было главной причиной всѣхъ бѣдъ Абхазовъ при Гассанъ - Бѣ, нынѣ онѣ отклонены благоразуміемъ и жизнь въ Сухумѣ сдѣлалась спокойною. Жители Абхазскаго округа, болѣе другихъ одичавшіе черезъ Турокъ тутъ живущихъ, менѣе приступны для Христіанина, чѣмъ въ другихъ округахъ; но гостепріимство къ иностранцамъ и у нихъ водится, подобно только всегда остерегаться воровства, оно въ прежніе годы, было необходимымъ качествомъ туземцевъ. Только одно Христіанство, при цивилизаціи и народной торговлѣ, можетъ смягчить нравы и изъ безнравственныхъ, одичалыхъ - сдѣлать преданными волѣ Россіи, каковыми теперь оказываются Пмеретипы, Мингрелы и Гурійцы. Абхазскіе жители, потомки Діоскуровъ - Саниговъ, болѣе постоянны въ своихъ прежнихъ обычаяхъ и крайне мстительны характеромъ, упрочивъ между нами Христіанство, мы можемъ быть увѣренными, что они будутъ также ему крайне преданы.

Съ С. Кхелассури проѣхавъ лавровый лѣсокъ и поляну, вступаете въ стѣны Сухума. На пути видите мѣстами груды камней развалинъ. Таково положеніе приморья, но прежде чѣмъ станемъ говорить о Сухумѣ, обратимся къ Цибилюдѣ.

Мы уже замѣтили что Дранды сопредѣльны съ Цибилюдою (Cibilis), которая продолжается къ Кавказу до поперечной линіи къ Сухуму. Она подвластна Россіи съ 1837 г. и есть теперь провинція Русская, управляемая приставомъ. Она сопредѣльна съ вольными племенами; что было прежде главною причиною непослушанія ея и разбоевъ, отпаденію отъ соотчичей Абхазовъ и веденію съ ними вѣчныхъ набѣговъ; но въ случаѣ Черкесскаго нападенія на Абхазію, она соединялась съ нею

и дѣйствовала дружно. Народъ здѣсь немногочисленъ, но дикъ, прежде пятый человѣкъ былъ вооруженъ. Цибильда будучи перерѣзана горами и безднами, подъ защитою ужасныхъ ущелій непроходимаго лѣса, незаконно занималась прежде разбоями; въ чемъ участвовало болѣе Дальское племя, что и заставило Генерала Муравьева, послѣ ужаснаго покоренія въ 1840 г. переселить остатки Дальцевъ въ приморскія долины, и на утесистомъ мѣстѣ построить малый фортъ Мирамбу, съ прикрытіемъ роты солдатъ и съ 80ю семействами освобожденныхъ Русскихъ, въ горахъ оживившихся. Приставомъ былъ Лисовскій; постоянно наблюдая страну и жителей, онъ сдѣлалъ имъ подробный очеркъ. Теперь захватываемыхъ въ неволю и плѣнныхъ нѣтъ, форштатъ же Мирамбы переведенъ въ Анапу, Цибильда совершенна спокойна и предана власти Русской; не худо поселить въ ней 3000 Русскихъ семействъ, съ достаточнымъ военнымъ прикрытіемъ, тогда Дальское и Пятигорское ущеліе будутъ въ нашихъ рукахъ, и мы, будемъ имѣть скорый, свободный путь къ цѣлительнымъ источникамъ.

Дранды еъ Пятигорскомъ имѣли письменныя сношенія въ 5ть дней, туда и обратно; таковыя велись чрезъ Абхазскихъ кунаковъ. Климатъ и почва въ Цибильдѣ рѣдки добротою, и нѣтъ сомнѣнія, что она здоровѣе и лучше странъ приморскихъ, ибо болѣзней въ ней нѣтъ. Дорогъ въ Цибильду три: изъ Драндъ, Кхелассури и Сухума; послѣдняя лучше и ближе.

Крѣпость Сухумъ находится въ пяти верстахъ отъ Кхелассури, расположена на приморскомъ берегу. По сказаніямъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, Великая Діоскурія, начиная съ Кхелассури, продолжалось до Сухумскаго мыса. Прокофій въ *de bello Persiquo* и *Gothi quo*, говоритъ о Севастополѣ, назначая его положеніе довольно вѣрно, но онъ уже называетъ Діоскурію *Sebastus*. Другіе отдаютъ это названіе гор. Фазису. Великая Діоскурія означена въ картѣ Арріана на томъ мѣстѣ, гдѣ. нынѣ Сухумъ: въ бухтѣ его представлено три судна, чего не видно ни въ одномъ мѣстѣ Чернаго моря. Обширность Севастополя свидѣлствуютъ

оставшіеся еще теперь груды развалинъ, по полямъ и горамъ, версть на 25 окружностію; также общарные трубы и каналы, которые засорившись, подернулись тиною, землею, и образовали временемъ кругомъ Сухума искусственныя болота: что исправить съ трудомъ и издержками очень возможно. Слѣдовательно здѣшняя крѣпость, построена Турками изъ матеріаловъ бывшихъ на ея мѣстѣ, не въ 1678 г., а лѣтъ сто назадъ, по увѣренію туземцевъ.

Крѣпость состоитъ изъ 4хъ каменныхъ бастіоновъ и на каждомъ поставлено пять орудій. Бастіоны въ 3 сажени вышиною, слѣдовательно такъ возвышены надъ строеніями, помѣщенными внутри, что вѣтры долженствующіе освѣжать и возобновлять воздухъ въ крѣпости, ударяясь о стѣны проходятъ выше; отъ того лѣтомъ, во время жары и непастья, духота и жаръ дѣлаются въ ней нестерпимыми. Впрочемъ, въ послѣднее время, этотъ недостатокъ отвращенъ свободою жизни. Внутри Сухума, устроены подземныя трубы для стоку воды въ дождливое время, съ ними соединились прорытые за крѣпостію глубокіе каналы, обложенные камнями, которые наполнялись морскою водою моря и прѣсною изъ горнаго ручья; сюда, за 30 лѣтъ, входили Турецкія малыя суда и качерны, останавливаясь также на морскомъ берегу. Часть этихъ каналовъ засыпанная, обратилась въ стоячее болото, гдѣ жительствоуютъ лягушки, ящерицы, земляные раки и др. насѣкомыя, вредныя испаренія которыхъ вредятъ много воздуху, особенно, при неопрятности жителей форштата, вольнопромышленниковъ: Грековъ, Армянъ, Грузинъ и Абхазовъ, имѣющихъ здѣсь свои лавки и убѣжища; въ послѣднее время и этотъ недостатокъ исправленъ; болота уничтожаются, для чего назначены большія суммы денегъ.

Крѣпость едва можетъ вмѣстить батальонъ солдатъ. При занятіи въ 1809 г., она отдѣлялась отъ моря дорогою на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, теперь же море подмываетъ его переднюю стѣну такъ, что одинъ бастіонъ уже обрушился, другому предстоитъ таже участь; прежніе подъемные мосты чрезъ каналы временемъ и беззаботностію

уничтожились. Некоторые говорят и пишут, что у Турокъ Сухумъ считался здоровымъ мѣстомъ, куда прїѣзжали они лечиться; впрочемъ здѣшній приморскій воздухъ, постоянно лучше жаркаго Азіатскаго, гдѣ такъ часто зараждается чума. Въ самой крѣпости растутъ фиговья деревья, персики и черешни; фиги укоренились въ старыхъ строеніяхъ; что обнаруживаетъ симпатію ихъ къ камнямъ известковаго свойства. Бастіоны соединены прямыми куртинами отъ 60 до 80 сажень, толщина въ 1¹/₂ футъ, вышиною въ три сажени. Два Южные бастіона примыкаютъ къ морю, другіе два къ болоту, которое, въ 250 саженьяхъ отъ крѣпости, покрыто кустарникомъ и густымъ дубовымъ лѣсомъ. Къ Востоку идетъ поляна съ хорошею луговою травою, на растояніи 300 сажень; къ ней примыкаютъ подошвы высокихъ горъ, гдѣ на вершинѣ располагается новый городъ; въ немъ уже устроены казармы и гостиница; жители его пользуются водою изъ горнаго ключа, а при недостаткѣ его, изъ рѣки Баслаты, идущей въ полуверстѣ отъ крѣпости, около Сухумскаго карантина. Важный Сухумскій пунктъ теперь упрочивается. Крѣпость же пользуется водою изъ 2^{хъ} колодезѣй: вода ихъ соленовата, но въ пищу и въ питье безвредна. Жители форштата берутъ воду изъ р. Баслаты; которая шириною въ пять сажень и довольно глубока, рыбы имѣетъ много, которую однакожъ лѣтомъ, по причинѣ здѣшнихъ лихорадокъ и жары, ловятъ и употребляютъ мало. Вода Баслаты происходитъ отъ сліянія ручьевъ и болотной воды, при взморьѣ вообще очень тиниста и нездорова, почему моряки берутъ ее на суда, въ 300 саженьяхъ отъ моря; тогда болѣзненныхъ послѣдствій, даже на брацтвахъ, не оказывается. Около карантина тянутся ввезенныя на песчано - гольшій берегъ Турецкія качерны. Деревянный карантинъ хорошъ. Броневскій увѣряетъ, что лѣтъ за 20^{ть} въ его время, въ Сухумѣ жили люди зажиточныя, употребляли кофе, варенье, ликеры, портеръ и вино привозимое туземцами, что и нынѣ потребляется здѣсь служащими. У подошвы городского возвышенія устроенъ батаническій садъ, подъ надзоромъ умнаго ботаника, Абхазскаго Доктора, по прозку Генерала Раев-

скаго. Изъ растений его, въ 1841 году въ проѣздъ въ Грузію, мы взяли: кавалерскую голубую и бѣлую звѣзду въ вазонахъ, кипарисъ 3хъ сортовъ, жунику и жирную траву, которую съ весны до возобновленія свѣжей капусты, употребляютъ солдаты въ пищу; хотя по химическимъ изслѣдованіямъ, она заключаетъ въ себѣ ядовитое начало, но въ этомъ климатѣ послѣдствій вредныхъ ее не оказывается. Такія растенія и Ливанскіе кедры, мы дали для зоологическихъ опытовъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, удѣливъ частицу ихъ и Каспю, въ Темиръ - ханъ - Шуръ.

Теперь обратимся къ историческимъ событіямъ Сухума. Эта крѣпость заложенная древними, поправленная и передѣланная Турками, сдѣлалась лѣтъ сто назадъ резиденціею главнаго Пашы, присылаемаго Диваномъ для управленія Черкесскимъ берегомъ. Отсюда производился обширный, безчеловѣчный торгъ невольниками и невольницами. Здѣшніе туземцы претерпѣвая насилія, долго негодовали на ужасы производимыя Турками, наконецъ возбутовались и подъ предводительствомъ двухъ князей: Леванъ-Бей и Суфиръ-Бей взяли Сухумъ. Доброе согласіе этихъ князей, могли бы тогда еще основать независимость, но вражда межъ ними вспыхнула. Леванъ побѣдивъ брата принялъ магометанство, и будучи не въ состояніи удержать за собою крѣпость, продалъ ся Турецкому правительству за 24 тыс. серебромъ. Оно поручило защиту К. Сухума янычарамъ, а тѣ, по своему тогдашнему самовластию, считая вовсе не нужною, бросили, и дали средство занять ее сыну Левану — Келишу, который во избѣжаніе Турецкихъ издержекъ, былъ утвержденъ на владѣніе Портою. Дѣйствіе Келиша описаны въ политическомъ положеніи Восточнаго берега, изъ котораго видно, что ласка къ нему Султана повела Абхазію къ независимости и единенію власти. Дерзость Келиша наказана изувѣрнымъ сыномъ, убившимъ его и двухъ братьевъ и потомъ сдѣлавшимся комендантомъ Сухума; но и онъ въ свое время, былъ изгнанъ Сафиръ - Беемъ и его братьями, при помощи Мингрелин, оставя по себѣ въ крѣпости гнѣздо нечестія и безначалія; почему въ 1809мъ году, явилась къ Суху-

му Русская эскадра изъ Черноморскаго флота, подъ начальствомъ К. Л. Дадти. Десантъ ея, въ силѣ одного батальона морскаго полка, высадился съ Маіоромъ Конрадини и взявъ форштатъ, одно орудіе, разбилъ Абхазо - Турецкую конницу, зажегъ форштатъ, и бросился къ крѣпостнымъ воротамъ. Бомбардировка съ моря разрушала стѣны и постройки, такъ что ядра остались и до нынѣ въ стѣнахъ. Послѣ 2хъ часоваго усилія, Конрадини, не смотря на орудійныя и ружейныя выстрѣлы, разбивъ ворота ворвался въ крѣпость; гарнизонъ бѣжалъ въ противоположныя ворота и скрылся въ лѣсистыхъ горахъ. Потеря Русскихъ была въ 109 убитыхъ; гарнизонъ потерялъ не меньше; въ крѣпости найдено значительное количество съѣстныхъ и военныхъ припасовъ. Память о Келишѣ осталась въ пропснествіяхъ, его дворцъ и прахъ его предковъ, здѣсь скрытыхъ. Сафиръ-Бей утверждёнъ былъ владѣтелемъ; смерть его дала ходъ новымъ безпорядкамъ въ Абхазіи, но Сухумъ, закрытый твердыми стѣнами и орудіями, смѣялся надъ усиленіемъ, хитростями Абхазовъ и Турокъ, иногда отважно отражая напоры ихъ, и былъ спасительнымъ мѣстомъ для правительницы Абхазіи княгини Тамары и ея семейства, съ приближенными князьями и дворянами. Послѣ 5хъ лѣтняго бунта, владѣтель Михаилъ, возвращаясь опять въ спокойную Абхазію, былъ принятъ съ честью въ Сухумъ 1826 г.: ему самотовали съ судовъ, стоящихъ въ полуверстѣ отъ крѣпости. Наступающая война 1828 года съ Турками, дала имъ право надѣяться на возвращеніе Черкесскаго берега. Турецкое Правительство, собирая войско для защиты своей страны, считало предохранительною мѣрою, взбунтовать противъ Россіи хищныхъ горцевъ, для чего оно дѣятельно слало къ нимъ своихъ фанатиковъ, агентовъ. Константинопольскій дворъ не жалѣлъ ничего, чтобы воспользоваться магометанскимъ исповѣдываніемъ Кавказцевъ. — Кромѣ Закубанскихъ племенъ всегда враждебныхъ Россіи, имя Пророка и денежная расточительность - взволновали горы и Абхазовъ, которые увѣряя наше Правительство въ покорности, приготовлялись между тѣмъ ко всеобщему

возстанію. Неожиданно - тайныя убійства стѣснили Сухумъ такъ, что за стѣны его нельзя было сдѣлать шагу, но быстрое слѣдованіе Генерала Гессе въ Турецкія владѣнія, по Восточному берегу къ Трапезонду, победы его: взятіе кр. Поти, Св. Николая, Кинтришскихъ высотъ и движеніе къ Батуму, не смотря на 30 тысячнаго непріятеля, до такой степени устрашили и изумили горцевъ, что они отложась Кхелассурскихъ Турокъ, съ радостію соединили свои силы съ силами Генерала Гессе; но Русскіе зная вороватый, звѣрскій характеръ туземцевъ Абхазскаго округа, недовѣря горской воспламенной покорности, были постоянно въ осторожности, и дѣйствительно, ихъ окружали въ видѣ торговцевъ Турецкіе шпіоны, чрезъ которыхъ люди гарнизона были захватываемы Абхазами за стѣнами крѣпости, продаваемы въ Цибильду и въ сыговья горы къ независимымъ горцамъ, въ неволю. Такое положеніе дѣлъ было до 1837 г. Съ одной стороны употреблялись: измѣна, коварство, плѣтъ и убійство; съ другой: осторожная дисциплина, умъ, ласка и любовное правленіе; ибо горца разомъ исправить не возможно, особенно въ закоренѣлыхъ привычкахъ, которыя предками ихъ считались за доблесть. Русскіе страдали, несли крестъ съ терпѣніемъ и молитвою, надѣясь временемъ перемѣнить горца, въ чемъ дѣйствительно и успѣли: теперь Абхазинъ проѣжая мимо Русскаго, говоритъ ему чисто по Русски: Здравствуй, и часто прибавляетъ слова конакъ или братъ. Словомъ сказать, Христіанство, героизмъ Русскихъ — вотъ главные принципы перемѣны нравственности въ горцахъ; Абхазскіе туземцы часто просятъ Русскихъ къ себѣ въ гости и, угощаютъ болѣе чѣмъ своихъ родныхъ. — Вотъ кстати выписка изъ дневника:

.... Я выѣхалъ изъ Сухума въ Восточныя ворота и вступилъ въ мелкій лѣсокъ, въ которомъ изрѣдка выказывались деревья высокія и толстыя: Дорога на шесть верстъ была песчаная и шла въ 200 шагахъ отъ моря; далѣе, горы идущія съ правой стороны, сближались къ нему землею, холмистою стѣною. На приморской террасѣ есть остатки каменнаго укрѣпленія: оно какъ-бы сѣло, покрылось водою изъ ручьевъ

бѣгущихъ съ скатовъ, не имѣющихъ стоку въ море, также болотистою почвою, простирающеюся на нѣсколько верстъ, — что образовалось въ слѣдствіе сильныхъ морскихъ штормовъ, заливающихъ приморской берегъ съ низкою террасою, и подтверждается наносомъ туда песку, камней и раковинъ. Это укрѣпленіе называется вообще старымъ Сухумомъ, который будто-бы занимали Турки до возобновленія новаго; но мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ и полагаемъ, что эти руины есть остатокъ Римскаго или Греческаго поселенія, или передоваго ихъ укрѣпленія, отъ внезапныхъ дикихъ набѣговъ горцевъ на Великую Диоскурію или Севастополь; впрочемъ ручаться нельзя, ибо никакіе факты не даютъ о немъ свѣдѣній, Арріанъ въ 114 г. по Р. Х, только назначаетъ въ картѣ своей, на этомъ мѣстѣ башни и зданія, въ перинѣ же своемъ или посланіи къ Императору Траяну, говоритъ о здѣшнихъ мѣстахъ крайне сбивчиво и легко, такъ что основываясь на его сказаніяхъ, тоже нельзя сказать ничего вѣрнаго; чрезъ это самое надобно ждать, пока скажутъ справедливые будущіе геологи, не найдутъ ли они какого нибудь здѣсь знаменитаго и неизвѣстнаго города.

За старымъ Сухумомъ, въ двухъ верстахъ, стремиться быстро р. Гумиста: она довольно широка, глубока, но однакожь пѣшеходами мѣстами переходима. Въ истокъ ее, около горы Іезвѣсть, противъ деревни Анакуа, добывается свинецъ; въ Южныхъ же горахъ Абхазіи достаютъ глину для посуды, известъ, токальные камни, плиты и жернова для мельницъ. — Гумиста подобно другимъ горнымъ рѣкамъ, имѣетъ направленіе отъ Сѣвера и Сѣвера-Востока къ Югу-Западу, стремиться быстро, что не дозволяетъ при устьѣ, заносимомъ пескомъ и камнемъ, слѣдовать лодкамъ по рѣкѣ вверхъ; русло ея крайше каменисто. Переправясь черезъ рѣку въ бродъ, — ибо моста еще не сдѣлано, — слѣдуете прежде по песчанному взморью, за тѣмъ, вступивъ на террасу, по узкой дорогѣ проложенной въ 1835 г. Теперь она почти заросла, мосты поломаны, по верхомъ ѣдите безостановочно въ душнстой прохладѣ лѣса, до древняго г. Никопсиса, находящагося въ руинахъ, отъ котораго въ полу-

версть находится казачій деревянный постъ, воздвигнутый на крутомъ возвышеніи. Здѣсь, съ Сѣвера - Востока, съ хребта крутыхъ, неприступныхъ горъ, называемыхъ Псырскими, спускается въ узкомъ оврагѣ, довольно быстро и шумно р. Псырста. На крутыхъ берегахъ ея, осѣненныхъ иширеми, самшитомъ и дубомъ, можете отдохнуть съ пріятностію: васъ никто не потревожитъ, кромѣ иногда несносной мухи и рѣдко малаго скорпіона, противъ него нѣйте шерстяной коверъ, онъ бонится его какъ овцы и козла. Отдыхая съ пріятностію въ тѣни лѣса, подъ гармоническій шумокъ р. Псырсты, пѣніе соловьевъ и дроздовъ, грохота морскихъ волнъ, видите съ боку себя, на обрывистой террасѣ, прочное, высокое, каменное строеніе, безъ верхней крыши, съ узкимъ окномъ для входа; внутри его растутъ высокія деревья; что это такое, для какой надобности построено? отгадать трудно, болѣе полагать надобно, что оно устроено для защиты, или есть остатокъ языческаго храма. Передъ вами слѣдуютъ прохожіе вооруженные Абхазцы съ бараньею котомкою за плечами, привѣтствующіе васъ по Русски: Здравствуй, здравствуй! Вы невольно улыбнетесь отъ удовольствія и сдѣяете поклонъ. Болѣе изъ нихъ смѣлые подходятъ и даже не стыдятся садятся около васъ; если вы курите трубку, то протянувъ руку, они просятъ убѣдительно вашего титюна (табака). Не отказывайте, они станутъ рассказывать, Абхазо - Русскими словами и жестами, кое - что о своихъ нравахъ, бѣдности и горахъ; разумѣется ничего не понимая, вы только улыбаетесь или дѣлаете знакъ удивленія; къ чему, при образованной догадливости, можно скоро примѣниться. Абхазинъ полагая, что вы поняли рассказъ будеть въ восхищеніи, и съ откровенностію дѣтской природы, выскажетъ что у него на сердцѣ: ибо въ ту минуту, онъ уже считаетъ васъ кунакомъ, другомъ, и Боже избави, если кто нибудь изъ его братьевъ, обидитъ васъ хотя словомъ, не только дѣломъ, онъ вступится оружіемъ. Таковъ - то характеръ бѣднаго класса Абхазовъ, скорый на словоохотность, дружбу, любовь, и въ тоже время на ненависть, мщеніе и кровь. - Но замѣчу, не совсѣмъ довѣряйте его честности, смотрите за

своими вещами, онъ не считаетъ за грѣхъ, преступленіе, взять у васъ незамѣтно бездѣлицу; впрочемъ такіе ворихи теперь очень рѣдки; но за то похищеніе дѣлають искусно и мгновенно. Вотъ примѣръ: Мы были въ Илорахъ. У одного моего пріятеля, паслась пара лошадей на лугу, вблизи палатокъ. Былъ ясный день, кругомъ люди ходили взадъ и впередъ, въ числѣ ихъ были Самурзуханы и дѣти ихъ. Одинъ изъ мальчиковъ сдѣлавъ въ двухъ тонкихъ веревочкахъ петлю, игралъ вертѣлся около сидящихъ за чаемъ, и незамѣтно бросилъ петли подъ ноги лошадей, разумѣется онъ попалъ случайно. За тѣмъ мальчикъ скрылся; лошади подвигались къ саклямъ и садамъ, гдѣ кормъ былъ лучше; объ нихъ справлялись слуги, но ничего не замѣтили: лошади подвигались по необходимости и боли: мальчикъ скрываясь за деревомъ сжималъ ногу петлей и постепенно къ себѣ притягивалъ. Наступали сумерки, ударили къ зарѣ, мальчикъ находясь уже вблизи лошадей, быстро вскочилъ на одну и взявъ другую за поводъ, скрылся межъ лѣсомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ храбрый офицеръ Л., въ послѣдствіи награжденный орденомъ Св. Владиміра, за взятіе Турецкой качерны съ орудіемъ, до такой степени былъ разсерженъ и тронутъ, — онъ былъ изъ Грузинъ, — что надѣвъ на себя тотчасъ шашку и двухствольное ружье, объявилъ лично одинъ войну Самурзуханн, бросился въ погоню за мальчикомъ, но слѣда сего уже не было: онъ можетъ быть въ то время передалъ лошадей товарищу, или былъ въ такихъ овраговъ, куда и звѣрь не двинется. Словомъ, угонка лошадей и похищеніе вещей, были прежде не рѣдки, за настоящее состояніе нравственности не ручаемся. Однакожъ около Псыртскаго поста, васъ защищаютъ козаки, которые обходятся съ Абхазами очень грубо и недовѣрчиво: всему причиной лошади, которые угоняются при казачій неосторожности. Есть пословица на Руси: «кто казака обманетъ, тотъ два дня не проживетъ,» здѣсь же Абхазы, горцуютъ на ворованныхъ у нихъ лошадяхъ, живутъ припѣваючи, и если окажутся ворами, то смѣются какъ своему молодечеству, или бросая

лошадь убѣгаютъ домой. Никопсисъ вначалѣ была городъ, за тѣмъ съ первыхъ вѣковъ Христіанства, здѣсь основалось Архіепископство Зикковъ или Джигетовъ, остатки котораго, видны теперь въ развалинахъ трехъ храмовъ; въ одномъ изъ нихъ, по историческимъ фактамъ и преданію туземцевъ, хранятся Св. останки Апостола Симона Зилота, убитаго Сунами. Древній городъ простирался далеко, что показываютъ разбросанныя каменные его руины и фруктовые виноградные сады, простирающіеся по обширной доли-нѣ, на пятнадцать и болѣе верстъ, къ сѣверному Кавказу, которыми нынѣ пользуются Абхазы и свины. Впрочемъ, здѣшній виноградъ хорошаго свойства, фрукты имѣютъ вяжущій вкусъ, въ родѣ лѣсныхъ, дикихъ; можетъ быть отъ времени и не-смотренія онъ перемѣнился.

Съ возвышенія Никопсиса, видите безграничное, сизое море, освѣщаемое вѣликопшымъ, живительнымъ солнцемъ; предъ глазами вашими слѣдуютъ правильными рядами волны, которыя разсѣкаютъ плывущіе изъ разныхъ мѣстъ Азовскіе баркасы и Турецкіе качершы. Раскинувъ подъ вѣтеръ свои малые паруса, онѣ летятъ къ вамъ стрѣлою; иногда въ тоже время, являются вдали верстъ за 20 и 30тъ, большія военныя суда какъ величественныя лебеди: покрытыя водяною пылью, какъ темнымъ сумракомъ, онѣ извергаютъ изъ себя пламя и перекатный громъ сигнальнаго выстрѣла. Въ тоже время, солнечный лучъ вдругъ скрывается за сумрачнымъ облакомъ, въ морѣ дѣлается зыбь, наступаетъ буря, суда удаляются въ безграничное море, и освѣщаемыя игривою молніею и зарницею, подъ раскатами сильно оглушающаго грома, раздающагося вдали грозными перекатами по горамъ Кавказа, онѣ, управляемыя человекомъ, сражаются съ вѣтрами, съ громадою волнъ, перемѣняя поспѣшно и непрестанно свои паруса, то спускаются въ морскія бѣдны, то опять vyplываютъ съ величьемъ, подобно добру, которое упавъ въ житейской бурѣ отъ тревоженій, возвышается духомъ къ небу, съ красотою Ангела; не то бываетъ съ дурными судами, какъ и людьми, въ которыхъ еще играютъ

пороки - кровь, они не испытавъ полной грозы, бури, упадаютъ духомъ и дѣлаются жертвами. Духовная сила, состоящая въ Христіанскомъ благочестіи, есть лучшій кормчій челоуѣка, противъ всякой житейской бури.

Съ Псыретаго поста, имѣя въ нѣсколькихъ шагахъ, вправо, громадный хребетъ Абхазскихъ горъ, слѣдуете по холмисто—лѣсной долинь, встрѣчая безпрестанно пробѣжнихъ и прохожихъ Абхазовъ. Путь вашъ услаждаютъ пѣньемъ соловья и дрозды, основавшіе свое здѣсь царство, также гуль моря, и вы съ полною пріятностію, подходите или подъѣзжаете къ развалинамъ стараго плитоваго укрѣпленія, на глубокой рѣкѣ Гудавтѣ, выходящей изъ Кавказской горы Ахъ — Баху или Пшовъ - Дагъ. Въ рѣку Гудавту входятъ лодки на 4 версты; за нею на морскомъ берегу расположенъ Турецкій рынокъ, около котораго стоятъ встасканныя на песокъ Турецкія качеры. Поднявшись на глинистую гору, вы, лѣсною, болотистою дорогою достигаете укрѣпленія Бомборъ, расположеннаго на открытомъ возвышеніи. Съ моря глядѣть чрезвычайно пріятно: вся Абхазія представляется холмистою, лѣсною долиною, за которою съ полнымъ величіемъ глядѣть снѣговой Кавказъ, осыненный разнообразіемъ облаковъ.

ГЛАВА XII.

Люди дѣйствуютъ по одинакимъ общимъ законамъ, но не въ одинаковыхъ формахъ; формы жизни образуются подъ вліяніемъ безчисленнаго множества причинъ, и потому бываютъ разнообразны до безконечности. Замѣтимъ, что и духъ известнаго вѣка, народа, сословія и т. д. согласуясь съ временемъ, принимаетъ особенныя направленія и свои оттѣнки, которые вполнѣ нигдѣ и никогда не повторяются.

Укрѣпленіе Бомборы въ 46 верстахъ отъ Сухума.

Бомборы слово Абхазское, означающее пастбище. Находясь въ двухъ почти верстахъ отъ моря, оно основано Генераломъ Гессе въ 1830мъ г. на томъ мѣстѣ, гдѣ была главная сшибка, въ 1824, Генерала Горчакова съ 10ю тысячами Абхазовъ и Черкесовъ. Построено въ нѣсколько бастіоновъ, среди которыхъ находятся казармы для батальона и домъ съ садомъ, для начальника 3го отдѣленія Черноморскаго берега, также дома офицеровъ, артиллерійскіе сараи и погреба. Въ 150ти саженьяхъ отъ Бомборъ, съ Восточной стороны возвышается холмъ; при подошвы его и при рѣчкѣ Пшандрѣ, расположена полукругомъ слобода женатыхъ солдатъ. Кругомъ землянныхъ стѣнъ укрѣпленія, на самый дальнѣйшій выстрѣлъ орудія, разстилаются поля, огороды и пажити, для безопасности разчищенные Русскими. Съ Запада, въ 100 саженьяхъ, находится форштатъ, обнесенный ровомъ и брустверомъ, въ которомъ идутъ въ два ряда лавки и купеческія жилища. Эта защита сдѣлана на случай печальнаго нападенія отъ Абхазовъ, что случилось въ 1834 г: Абхазскіе воры съ Черкесами, подѣхавъ на галерахъ, исполнили съ успѣхомъ свое намѣреніе: вырѣзавъ нѣсколько человѣкъ, ограбили лавки и ретировались обратно въ свояси. Такіе набѣги прекращены теперь Черноморскими лодками, и потому воровства и разбоевъ не случается, развѣ въ маломъ видѣ, и то рѣдко.

Нѣкоторые изъ Абхазовъ, особенно Магометане, глядятъ на Русскихъ съ недоувѣрчивостію и ненавистію; впрочемъ князь Михаилъ, владѣтель Абхазіи, живущій въ Соуксахъ, для предупрежденія безпорядковъ, принялъ съ Русскимъ начальствомъ прочныя мѣры.

Вотъ одно безпокойство съ построенія Бомборъ, но перемѣнить нравственность дикаго народа тотчасъ нельзя, она влита въ кровь съ молокомъ матери, привыкшей ублажать въ дѣтяхъ дурную наклонность. Слѣдуя страсти, горецъ отдается безъ всякаго размышленія о хорошей и дурной сторонѣ ее, и потому не мудрено, если къ воровству прибавить и убійство; не имѣя справедливо—грознаго суда и истинно просвѣщеннаго взгляда, онъ исполняетъ прихоть и волю свою, не думая во все о наказаніи. Однакожь теперь Абхазы страшась Бомборской гаубвахты, куда ихъ часто отправляетъ владѣтель, также суда въ Кутань, и другихъ дальнѣйшихъ распоряженій, поправляются въ нравственности и сильно горюютъ о прежней своей свободѣ.

Воздухъ въ Бомборахъ не - совсѣмъ хорошъ, отъ того, что вѣтеръ съ моря удерживается лѣсомъ, а съ горъ ударяясь о высоты, отражается и несется выше стѣнъ укрѣпленія. Главный недостатокъ укрѣпленія есть вода, ибо рѣчка Пшандра, протекающая около стѣнъ, отъ нечистотъ женатой слободы и мытья бѣлья, всегда мутна, и не употребляется въ пищу. Такой недостатокъ отклоняется родниками, находящимися вблизи холма, имѣющихъ воду чистую, холодную и здоровую. Перенеся госпиталь на холмъ и сдѣлавъ каменнымъ укрѣпленіемъ, мы оставимъ родники за собою; Пшандра, текущая у подошвы холма, послужитъ водянымъ ровомъ; холмъ же командуя мѣстностію, освѣжаясь частыми горными и съ моря вѣтрами, будетъ имѣть чистый воздухъ; въ Бомборахъ же онъ исправится, если перенесется госпиталь. Кромѣ того теперь, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, Пшандра можетъ быть отведена, и мы должны доставать воду изъ родниковъ,—что при малочисленности гарнизона крайне опасно; намѣреніе же вырыть колодцы въ Бомборахъ, по причинѣ глинисто-каменистой почвы, осталось безуспѣшно.

Окрестности Бомборъ плѣнительны видомъ, лѣсъ къ морю расчищенъ, на берегу его стоитъ полнсадное укрѣпленіе защищающее магазейнъ; кромѣ того есть укрѣпленія на рѣкахъ Холодной и Мычишъ, гдѣ заготавливаютъ лѣсъ для построекъ, кирпичъ, извѣсть, заготавливаютъ сѣно и стерегутъ разведенное хозяйство Бомборъ. На Мычишѣ сдѣлана хорошая съ механизмомъ водяная пила. Устроилъ Бомборы Генералъ Пачовскій, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и умный.

Жители близлежащихъ селеній, особенно Соуксъ, а часто и издали, приходятъ и пріѣзжаютъ продавать на форштатъ свои произведенія и покупать нужное для своего обихода. Каждодневно базаръ наполняютъ толпы Абхазовъ: они прохаживаются дружно изъ лавки въ лавку и веселятся съ солдатами; многіе изъ нихъ уставши, садятся по Восточному обычаю - поджавъ ноги, на гласисѣ укрѣпленія; нѣкоторые вынимаютъ изъ за пазухи маленькіе, тоненькіе чубуки съ трубочками и закуривая, торгуютъ янцами, сыромъ и своимъ тарелочнымъ медомъ, вспоминая прежніе веселые годы и удовольствія. Всѣ Христіане и Магометане любятъ выпить нѣсколько стакановъ вина. Хотя излишняго пьянства нѣтъ, но случается, что нѣкоторые изъ нихъ подгулявъ, отправляются въ своемъ съ хриплою Русскою пѣсней, безжалостно коверкая слова ея, такова: «По улицѣ мостовой,» въ общемъ употребленіи, и другія; но смыслъ темень и крайне - смѣшенъ, такъ что вы иногда бросаете все, чтобы услышать пѣснь, изъ устъ не-бритаго, съ голою головою Абхаза.

Нѣкоторые Абхазы покумались уже съ жителями Бомборъ, и вы подъ часокъ ихъ веселости видите дружественныя лобзанія. Правительство одобряетъ такое соединеніе; если бы къ тому присоединить награду и дать Русскимъ болѣе свободы въ занятіяхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что гарнизонъ переживаясь вскорѣ на Абхазинкахъ, былъ бы началомъ перваго поселенія и Христіанства; внимательный надзоръ за выборомъ невѣстъ съ душевными качествами, должно быть попеченіемъ начальства, какъ и дальнѣйшее смотрѣніе за Христіанскою ихъ правственностію. Абхазія того стоитъ. Эта страна есть одна изъ

самыхъ лучшихъ страи въ мірѣ по приморью и другимъ удобствамъ. Насъ увѣряли сторожилы, что до 1824 г. Абхазы очень любили Русскихъ, братовались съ ними и жили дружно, теперь держутъ такъ сказать за пазухой камень; кажется, что тому причиною бунтъ 24 года, въ который, ихъ много погибло въ сшибкахъ съ Русскими. Теперь спокойствіе поддерживается военною силою и благоразуміемъ. Въ 1841 году, полагали снести зданія Бомборъ во вновь создаемый городъ Сухумъ, но здѣшній купеческій форштатъ долженъ былъ остаться; однакожъ такое назначеніе отложено.

Бомборы служатъ укрѣпленіемъ власти владѣтеля. Зима въ нихъ умѣренна, холодъ едва доходитъ до 10 градусовъ, но по ночамъ онъ очень чувствителенъ.

Изъ Бомборъ къ дому владѣтеля, князя Михаила, проѣзжаете четыре версты по прекрасной, широкой дорожѣ, подъ прохладною тѣнью плодovitаго сада и между рядами сакель. Мѣсто, гдѣ расположенъ дворецъ владѣтеля, возвышено надъ моремъ сажень 10^{ть}, и называется Соуксами, разбѣгается по холмамъ и ярамъ на длину и ширину 3хъ верстъ. Сакли расположены подъ фруктовыми деревьями и виноградомъ. Тутъ прихоть, шѣга природы на каждомъ шагѣ.

Соуксы, получили имя отъ рѣки Холодной или Хыпсты, по причинѣ необыкновеннаго ея холода, который сохраняетъ и во время необыкновенной жары. Хыпста начинается истокъ съ Кавказской горы Харчи, падаетъ пѣнистымъ водопадамъ съ перпендикулярной высоты 50^{ти} сажень; шумъ его ужасенъ, видъ превосходитъ. Она не широка, но глубока и вначалѣ чрезвычайно быстра, особенно вблизи истока, около котораго идетъ ущеліе въ сѣньовыя горы, къ обществу Псху. По довольно возвышенному, каменистому и известковому берегу этой рѣки, къ морю, тянутся съ обѣихъ сторонъ жилища Абхазовъ, и представляются пажити съ превосходными видами земледѣлія и сѣянныхъ травъ. Плодородіе этого мѣста и здоровый климатъ, есть главная причина здѣшней осыдлости Абхазовъ, какъ и за рѣкой Мычишью.

Рѣка Мычишь, въ 7^{ми} верстахъ отъ Бомборъ, выходитъ

изъ отраслей Кавказа и спускался въ ложбины, идетъ спокойно, извиваясь мило: спизою лентою; надъ которою вздымаются высоко крутые отроги, имѣющіе на вершинахъ и по косогору красивыл жилища съ садами, лугами и пахатыми. Рѣка Хыпста и Мычншъ входятъ въ Пицундскую бухту; послѣдняя рѣка удобна въ устьѣ для входа малыхъ лодокъ; Хыпста же отбрасываетъ ихъ въ морѣ.

Въ Соуксахъ благодѣтельные дожди напояютъ землю и способствуютъ ея плодородію, въ Бомборахъ же, напротивъ, бываетъ большая засуха, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; такая изумительная перемена на пространствѣ четырехъ верстъ, производитъ то, что въ Соуксахъ поспѣваютъ плоды скорѣе и крупнѣе, и люди живущіе въ пятнадцати верстахъ отъ моря, вблизи странъ вѣчныхъ снѣговъ Кавказа, бываютъ бодрѣе живущихъ при взморьѣ, въ кругу болотныхъ и лѣсныхъ испареній.

Каменный и деревянный дворецъ владѣтеля Абхазіи, построены на высотѣ командующей Соуксами, имѣютъ предъ собою зеленый лугъ, по сторонамъ котораго идутъ отдѣльныя сады его служителей, также храмъ Византійскаго стиля, построенный въ крайней древности и исправленный Михаиломъ; въ немъ замѣчательны древніе богатые образа. Съ боку дворца прилегаеть садъ. На зеленомъ лугу, передъ дворцомъ, соединяются толпы пріѣзжихъ изъ дальнихъ мѣстъ вооруженныхъ Абхазовъ и Черкесъ: они разсуждаютъ съ горячностью, часто съ крикомъ о дѣлахъ своей родины, къ нимъ всегда послѣ отдыха выходитъ владѣтель Михаилъ, и слѣдуя медіаторскому положенію законовъ, съ важностію рѣшаетъ дѣла. Часто довольный уваженіемъ народа и судомъ своимъ, позволяетъ веселиться; тогда князья, дворяне, простой народъ соединяясь дружно, представляютъ картину вооруженную, праздную и веселую: въ разныхъ мѣстахъ поютъ, въ другихъ стрѣляютъ изъ пистолетовъ, скачутъ на лошадяхъ, хвалятся оружіемъ, лошадьми и своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Словомъ сказать, тутъ зритель видитъ оживленную картину быта горцевъ. Миссіонеры и женщины закутанныя въ свои по-

крывала, смотреть изъ оконъ дворца, и разумѣется, при дикой, неприличной пляскѣ - смѣются и закрываются; показываться народу недозволяетъ обычай страны; но въ особенные дни разрѣшаетъ это владѣтель. За каменнымъ заборомъ слѣдуетъ зеленая отлогость кончающаяся ручьемъ: средину ея, украшаютъ своею тѣнью вѣтвисто - столѣтнія древа, обвитыя виноградомъ, котораго грозды висятъ и представляютъ жаждущему страннику свой кислый напитокъ. Подъ такими деревьями можно видѣть милыхъ Абхазинокъ, съ головною покрывшкою въ родѣ Турецкой чалмы; бѣдныя дѣвушки имѣютъ на головѣ пакидной платокъ; женщинъ можно видѣть, и то осторожно въ прогулкахъ, или когда проходятъ онѣ за водою съ большимъ кувшиномъ, но болѣе при покупкѣ у нихъ домашнихъ произведеній, иначе никакъ нельзя, онѣ чрезвычайно осторожны, особенно съ посторонними; часто разсмотрѣвъ украдкою красавца, закрываются и убѣгаютъ; хотя такой обычай нельзя хвалить, но нельзя и бранить, во всякомъ народѣ есть свои условія въ жизни. Было время моей молодости, когда откидывая въ сторону думу о роднѣ, я стремился воображеніемъ въ Соуксы; тогда мнѣ казалось, что это мѣсто образованное природою, имѣетъ всѣ удобства, чтобы сдѣлаться моимъ постояннымъ убѣжищемъ, но съ годами человекъ перемѣняется, и теперь Соуксы, мнѣ одинаково пріятны, какъ и другія мѣста міра.

Съ укрѣпленія Бомборъ до Пицундъ, дорога шириною въ 30ть сажень, удалена отъ моря на 7м или 8 верстъ; длиною въ 32 версты. Слѣдуя по холмистымъ ея мѣстамъ, вы поднимаетесь и спускаетесь непрестанно, переправляясь чрезъ многія рѣчки, ручьи и овраги. Съ дороги видописъ превосходна. Многіе виды сняты въ 1856мъ году.

Переправившись черезъ крутой Пицундскій хребетъ горъ, высотой въ 500 сажень, спускаетесь къ у. Пицундамъ, около крутыхъ овраговъ, между сосновымъ, дубовымъ лѣсомъ и подъ вѣтромъ холоднаго сибирскаго Кавказа. Сначала спуска, еще въ семи верстахъ, выставляется въ громаднхъ формахъ, обвитый растеніями древне - Патріаршій Пицундской храмъ, прославленный великими міровыми событіями и святыми останками.

Овъ окруженъ полтора саженною каменшою стѣною и вооруженъ орудіями; Пицунду защищаетъ рота солдатъ. До XI столѣтія, здѣсь пребывало высшее духовенство Мингрелін, Имеретін, Сванетін, Гурін и Грузін; съ XV го прїѣзжало на особенно-важные праздники, посвященіе Католикосовъ, Епископовъ въ новый санъ, и часто, на приготовленіе Св. Мвра. Такое божественное стремленіе духовенства къ храму, бывшіе многіе чудеса Божіи, влииваженіе въ дикихъ горцахъ. Храмъ сложенъ изъ широкаго, плотнаго кирпича съ обширнымъ куполомъ, и нынѣ довольно проченъ, не смотря на расщепленны и, что заросъ елками, низиремъ и разнымъ кустарникомъ, которыхъ корни, покрытые плющемъ, разрываютъ стѣны. Внутри надъ портикомъ, осталась еще на стѣнахъ свѣжая иконописная работа, въ алтарѣ по угламъ святаго престола, стоятъ четыре мраморныя бѣлыя колонны, и между ими положены древніи св. книги. Длина храма до иконостаса 32 шага, поперечникъ 30ть шаговъ, стѣны до купола вышиною 10 сажень. Живопись не смотря на сырость климата и вѣковое запустѣніе, отличается яркостію красокъ, но только въ родѣ Суздальской. Нерукотворенный образъ Спасителя писанный альфреско - еще цѣлъ; Георгій на конѣ, поражающій змїя - очень замѣтенъ Въ алтарѣ хранится мѣдная труба, священная для Абхазовъ, по своей древности и значенію; она, во время онѣ, сзывала мірянъ въ важныхъ случаяхъ, особенно при возникавшихъ распряхъ; тогда приходили и приходять сюда горцы разныхъ племенъ, чтобы давать клятву; ихъ накрывали священнымъ покрываломъ. Въ такомъ состояніи перешелъ къ намъ Пицундскій храмъ, съ древнею утварію, книгами, находящимися теперь въ вѣдѣніи коменданта.

Рейнегъ описалъ здѣшнее рельефное Распятіе Спасителя, котораго однакожъ теперь нѣтъ. По линіи иконостаса идетъ маленькая колоннада, въ родѣ перилъ Католическихъ храмовъ; отъ того полагали нѣкоторые, что служеніе въ немъ было Католическое, но оно было Греческое. Вся живопись представляетъ дѣланіе Спасителя, Апостоловъ и покрыта надписями, изъ которыхъ одну снѣлъ Дюбоа, вотъ она: « Не забудь

Господи, Католикоса Кира, служителя твоего, при воскресеніи мертвыхъ, онъ по благочестію своему, достроилъ храмъ и куполь. О Господи, Ты знаешь все, исполни мое желаніе; годъ 7»

Всѣ украшенія, колонны, мраморъ и скульптура, однако-вы съ храмами Пантикапей, Херсона и другихъ Крымскихъ, до пылъ сохранившихся. Шардеъ въ своемъ путешествіи увѣряетъ, что церковь построена во имя Св. Божіей Матери, но такъ какъ здѣсь проповѣдуя пострадалъ Св. Апостолъ Андрей, то въ честь его называется храмомъ Св. Андрея; по это неправда, ибо всѣ Апостолы имѣли такое же право.

Грузинскія лѣтописи и Византійская исторія, особенно Проконій въ *de bello Persiquo*, ясно утверждаютъ, что храмъ построенъ Іустиніаномъ II, въ честь Св. Божіей Матери или *Diaparae*, въ 551 г.; кромѣ того Грузинскіе лѣтописи и грамоты царей Закавказья на имя Католикосовъ, написаны на церковь Бичвинтской Божіей Матери. Главное теперешнее достоинство Пицунды, въ глазахъ современнаго человечества есть то, что основанная 1300 лѣтъ, она противится разрушительному времени и людской глупости. Осѣненная вѣковыми деревьями, сказываетъ великую истину, что хорошее зерно упавъ на камень, растетъ хотя и криво, но процвѣтаетъ долгіе вѣки! ничто не можетъ лучше выразить и охарактеризовать Христіанскаго благочестія какъ этотъ храмъ: по видимому въ дряхломъ тѣлѣ своемъ, онъ выказываетъ могущественно божественный плодъ, о которомъ размышляя, чувствуете въ душѣ успокоеніе, сладость и надежду въ провидѣніе, — что спасаетъ отъ соединенія съ зловреднымъ другимъ растеніемъ, заражающимъ васъ ядомъ своего дыханія. — Было предположеніе еще въ 30хъ годахъ, исправить Пицундскій храмъ; производилась даже переписка о выпискѣ иконостаса, но сдѣланная сѣта на поправку, въ 60 тысячъ сер., отклонила доброе намѣреніе до настоящаго времени; теперь только заботятся о поддержаніи храма; впрочемъ насъ увѣряли, что на поправку его уже ассигнована сумма. Съ возобновленіемъ монастыря, въ немъ будетъ пребывать главный Абхазскій Епископъ.

Пицунда въ древности, извѣстна подъ именемъ Великаго Питіуса (Pitheüs); въ Грузинскихъ лѣтописяхъ называется Бичвинтою. Находясь подъ властію Абхазскаго Католикоса, она въ продолженіе власти Византійскихъ Императоровъ, была предѣломъ Имперіи на Восточномъ берегу, и считалась ссылочнымъ мѣстомъ, - въ чемъ утверждаетъ ссылка сюда Іоанна - Златоуста но онъ не доѣхалъ до Пицунды и возвратясь въ Коману, умеръ послѣ причастія. Теперь Пицундскія руины посѣщаются вольными горцами; прежде горы даже приносили жертвы: часть морскаго грабежа или промысла, хотя считались мусульманами и язычниками; таково было благоговѣніе ихъ къ храму, они и теперь почитаютъ его утварь, церковныя украшенія какъ святыню, считая за величайшее преступленіе, достойное всѣвозможнаго наказанія, что нибудь тронуть или похитить изъ него.

Прежніе трудолюбивые монахи пасали въ окрестностяхъ много фруктовыхъ деревьевъ съ виноградомъ, очистили лѣсъ и окрестность на большое пространство; отъ того къ морю и по его песчанному берегу, идетъ на нѣсколько верстъ прекрасная, сосновая роща, бальзамическій запахъ ея очищаетъ воздухъ, который по причинѣ засоренныхъ каналовъ и трубъ кругомъ стѣны, обращенныхъ временемъ въ стоячее болото — крайне несносенъ, особенно въ Августъ и Сентябрь мѣсяцъ: тогда фрукты, рыба, вода вредятъ внутреннему организму и производятъ здѣсь горячки и лихорадки желчнаго свойства. Впрочемъ постоянной и совершенной смертности нѣтъ: медицина приняла мѣры и отстрапаетъ этотъ недостатокъ жизни. Туземцы одинаково страдаютъ какъ и Русскіе. Въ пяти верстахъ отъ Пицунды на Сѣверъ есть озеро Эякитъ, изобильное рыбой, бакланами и утками, которыхъ однакожь не трогаютъ, по ихъ вредности лѣтомъ; другое малое озеро расположено въ верстѣ.

Жители близлежащихъ селеній спокойны и довольно привязаны къ Русскимъ. Вначалѣ 1834 года, Черкесы въ первый разъ согрѣшили, прѣехали на нѣсколькихъ галерахъ къ Пицундамъ, съ намѣреніемъ вырѣзать гарнизонъ и огра-

бить храмъ; но принятые при высадкѣ ружейнымъ залпомъ солдаты, извѣщавшихъ о томъ заблаговременно Абхазами, съ потерей нѣсколькихъ своихъ князей, уѣхали домой обратно.

Здѣшняя бухта удобна для стоянїя большихъ судовъ, но хуже Сухумской; глубина моря отъ 3хъ до 26 футовъ; иловатый грунтъ его очень удобенъ для якорей. Суда закрыты отъ Сѣвернаго и Восточнаго вѣтра высокими горами Кавказа, Западный съ моря ударяется на мысъ, одинъ только Юго-западный вѣтръ дующій отъ Трапезонда, имѣетъ здѣсь свое слабое вліяніе. Тутъ нѣтъ мѣлей и подводныхъ камней, море котлисто, а для постояннаго сношенїя съ другими укрѣпленїями, находятся два Азовскіе баркаса.

Изъ Пицундѣ къ р. Бзыбы, дорога на семь верстъ простирается между богатымъ лѣсомъ, въ полуверстѣ отъ моря. Въ 1835 г. она пролегла къ Константиновскому укрѣпленію, расположенному съ обѣихъ сторонъ рѣки, но въ тотъ же годъ сильный разливъ ея, при низменности укрѣпленїя, смылъ его.

Занимая этимъ укрѣпленіемъ важный пунктъ на р. Бзыбѣ, Русскіе прекращали навсегда Черкесскіе набѣги на Абхазію, кромѣ того имѣли постоянное сближеніе съ Сѣверною ея необитаемою частію. Предполагали устроить на этой же рѣкѣ, въ восьми верстахъ редутъ, гдѣ черезъ бродъ переправлялись прежде Черкесы, но по причинѣ затруднительной доставки продовольствїя людямъ, это отложено; на мѣстѣ же смытаго укрѣпленїя, содержится большой пикетъ казаковъ и солдатъ. Здѣсь, въ нынѣшнее время, переправляются Абхазы и Джигеты на своихъ длинныхъ каюкахъ.

Рѣка Бзыба есть одна изъ быстрѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ, находится въ 37 верстахъ отъ р. Мычинни. Бзыба выходитъ съ Кавказской высоты Азурбена, прибавляясь горными ручьями и весеннимъ дождемъ, охвативъ Сѣверную и Восточную часть Пицундскихъ горъ, съ ужаснымъ стремленіемъ врывается на полторы версты въ море; кажется, что съ волнами ея и карчами летитъ трепеть и страхъ; быстрота стремленїя-шесть

узловъ въ часъ. Грозный Терекъ, славный Сулакъ, Самуръ, Ингуръ и Кадоръ, пробѣгая по наклонному руслу, менѣе быстры, ибо есть мѣста, гдѣ они текутъ по равнинѣ; но Бзыба, пробѣгая верстѣ 30 пространствомъ, постепенно спускается къ морю, и отъ того одинаково - быстра до конца своего устья, гдѣ въ одно мгновеніе прорѣзываетъ 3хъ саженьныя морскія волны, и могуществомъ своимъ, какъ-бы выражаетъ побѣду Давида надъ Голиафомъ; напротивъ, другія горныя рѣки вообще спокойны въ устьѣ. Въ 1835 году, при постройкѣ укрѣпленія, необходимо было занять другую сторону р. Бзыбы къ Гаграмъ. Для устройства переправы, съ эскадры здѣсь стоящій, назначенъ былъ 12ти весельный катеръ съ опытнымъ офицеромъ Романчуговымъ и хорошими гребцами. Перевѣхать прямо было не возможно, волны не давали ходу; посему силою 300 человекъ, поднимали катеръ 4хъ дюймовыми канатами, вверхъ теченія на 100 сажень. Здѣсь матросы сидѣлись, и гребли пускались на перерѣзъ рѣки косвенно; можно сказать, что полуверстное пространство до песчаннаго островка, образуемаго двумя рукавами рѣки, баркасъ пролеталъ стрѣлою, и ударялся въ него столь сильно, что трескъ и глухой шумъ по песку, былъ слышенъ далеко; но съ этого острова, движеніе дальнѣйшее было не возможно, и потому, опять по прежнему, поднимали катеръ еще 50 сажень выше.

Замѣтимъ, что канатъ на катеръ былъ въсомъ въ 23 пуда, - однакожъ, такая тяжесть при гребцахъ, ни сколько не замедляла быстрого его стремленія. Облегчивъ катеръ до пяти человекъ и уменьшивъ толщину канатовъ, моряки совѣтовали испытать, для соединенія съ тѣмъ берегомъ рѣки, послѣднее средство. Приближался къ нему косвенно, отрубить одинъ канатъ привязанный къ носу баркаса, тогда первые буруны ударя въ его средину, обратятъ носъ противъ теченія, а слѣдующіе за ними, бросая съ быстротою къ берегу. Такъ и случилось: катеръ едва не увлекся опять назадъ, но Боцманъ - матъ расторопный морякъ, успѣлъ схватиться за кустъ, и уносимый теченіемъ чуть не былъ вырванъ изъ катера, если бы другіе не удержали; въ то же

время, сильный гренадеръ высочилъ на землю и привязалъ веревку къ дереву: таковы были заботы и опасности въ продолженіи двухдневнаго устройства переправы.

Переправа готова, войска переправляются на катеръ посредствомъ канатовъ; вдругъ нанеслись грозныя тучи, поднялась буря на море и отразилась въ Бзыбѣ. По волнамъ ея неслися съ истока большія каряи деревъ, и сильнымъ напоромъ своимъ остановили катеръ среди рѣки. Страшно было смотрѣть, какъ волны яростно бунтуя, обдавали его пѣною и дерескакивали черезъ бортъ; но тяжелѣе, горьче было смотрѣть на несчастныхъ, погибающихъ: они съ блѣдными лицами, поднимали руки къ небу, умоляли насъ о помощи; но что мы могли сдѣлать, плыть противъ бѣшенныхъ волнъ были не въ силахъ. Наконецъ довольствуясь нанесеннымъ страхомъ, волны какъ бы шутя прыгнули въ катеръ, и съ быстротою стрѣлы, перевертывая людей, понесли ихъ по верху себя въ море. Нѣкоторые изъ несчастныхъ, на пути ухватились за каряи и остановились при взморьѣ. Въ то же время, небо облилось страшно-багровымъ сумракомъ, волны морскія поднимаясь, пѣнными клубами до 3хъ саженой высоты, грохотали страшно и сражались съ волнами Бзыбы. Съ обѣихъ сторонъ раздавались визгливые крики Абхазовъ: князья ихъ топили въ рѣкѣ; Русскіе барабаны били тревогу, ибо только одна рота съ 300 Абхазовъ подъ начальствомъ Михаила, были переправлены на вражій берегъ, слѣдовательно осторожность была необходима. На другомъ берегѣ, отрядъ построился батальоною линіею, орудія были приготовлены съ картечью и гранатами, чтобы въ случаѣ Черкесскаго нападенія на переправившую роту съ Абхазами, не-совсѣмъ намъ преданными,—которыхъ, мы въ первый разъ ставили въ свои ряды, — могли оборонять выстрѣлами. Въ то же время оживотворилась сила Христіанской любви великимъ подвигомъ: юнкеръ Семчевскій, воспитанникъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, замѣтивъ опасность людей на катерѣ, когда онъ остановился среди рѣки, бросился къ устью, сѣлъ въ бѣгу весельную лодку, и прорываясь въ морскихъ волнахъ съ опасностію, явился на встрѣчу по-

гибающимъ какъ избавитель — Рыцарь Христовъ. Спорясь искусно съ гибелію, онъ голый, обхваченный веревками, ледяная отъ стужи, бросался въ перерѣзъ морскихъ и Бзыбскихъ водъ, и съ опасностію жизни, проносясь большое пространство три раза, въ резко-стремительныхъ потокахъ волнъ, успѣлъ спасти трехъ человѣкъ: одного матроса и двухъ Абхазовъ, въ числѣ которыхъ, былъ первый князь Абхазіи Кацц-Маргани. Молитва матроса была къ Христу скромная съ упованіемъ на его милосердіе; мусульмане же, упавая душею, поднявъ руки къ небу, взывали къ Аллаху съ горячими слезами. И Господь любя равно дѣтей своихъ спасъ ихъ красавцемъ.

Въ то же время отличился любовью къ человѣчеству умный Полковникъ Берилевъ. Генералъ же Ахлестышевъ, начальникъ отряда, заботясь какъ отецъ, принялъ рѣшительныя мѣры, и все пришло въ порядокъ; ангеломъ добрымъ налетѣла погода, и церекурава, при умныхъ распоряженіяхъ, была вновь прочтѣ устроена.

Съ рѣки Бзыбы, дорога вступать въ густой лѣсъ и высокій папартникъ, за тѣмъ на песчаную террасу, съ боку которой идетъ долгое, непроходимое болото съ большимъ тростинникомъ и конскими пиявками. Вдали за лѣсомъ, выказываются съ правой стороны крутыя отрасли Кавказа, суживающіяся постепенно къ у. Гаграмъ; за болотомъ слѣдуетъ дорога черезъ балки, далѣе расширяется и проходитъ подѣ тѣнію вѣковыхъ древъ, по натуральному шоссе до рѣки Гагрибши, находящейся въ двухъ верстахъ отъ Гагръ. Гагрибша выходя изъ ущелья, сжатого скалистыми отрогами, летитъ стремглавъ уступами, съ шумомъ каскада по большому бѣлымъ камнямъ, и врывается стрѣлою въ Черное море. Отъ Гагрибши до Гагръ, дорога превосходна и достойна даже для прогулокъ; кругомъ ея расчищенъ лѣсъ, воздухъ свѣжъ и ароматенъ, вы забываете опасность отъ хищника, который можетъ здѣсь скрыться за колючкой и большимъ деревомъ, толщиною въ два и три человѣческихъ обхвата.

Безъ всякаго сомнѣнія, что море, въ разные періоды времени, выходило изъ своихъ береговъ и затопляло страну, или

покрайней мѣрѣ приморскія мѣста; отъ того въ Бомбо-рахъ, Пицундахъ и даже здѣсь на скатахъ, встрѣчаются мор-ской песокъ, голышъ, раковины и другія вещи, водящіяся только въ морѣ.

Нынѣшній владѣтельный домъ происходитъ изъ династїи знаменитой Мингрельской фамиліи Шервашидзе, извѣстной въ Грузинской хроникѣ съ царя Давида - Созидателя, и не-давно перенесенной на мѣсто династїи древнихъ властителей Абхазїи. Настоящій владѣтель Михаилъ Шервашидзе, былъ первоначально на воспитанїи одного Убыкскаго князя, за тѣмъ, послѣ бунта въ Абхазїи, съ 1824 по 1827й годъ, жилъ въ Мингрелїи и Имеретїи, выучился Русскому языку, Европей-скимъ приличїямъ и живетъ по Русски прпсоединяя Азі-атскіе народныя обычаи. Онъ ума хорошаго и имѣетъ твер-дый характеръ. Бѣдственные примѣры съ дѣдомъ и братомъ, и полновластное опекунство матери, сдѣлали его нерѣши-тельнымъ и осторожнымъ: онъ опасается и кинжала горцевъ и тяжелой немилости Русской власти; впрочемъ его уважа-ютъ Русскіе и онъ споспѣшествуетъ волѣ правительства; но не можетъ сбросить съ себя привычекъ и безпечности Азі-атскаго влстѣлїина; окруженный вліяніемъ приближенныхъ, онъ страшится подвинуть народъ къ какому нибудь измѣне-нію, - что однакожъ очень трудно и идетъ исподоволь.

Абхазы называютъ себя Абста, Турки зовутъ ихъ Абаза, каковое прозвище носятъ одно племя на Сѣверѣ Чернаго моря, граничащее съ Черноморїею рѣкою Кубанью. Абхазы зна-ютъ только Алапъ живущихъ на гребнѣ хребта, поднимающа-гося отъ равнины Абхазской; малые эти остатки заброшенныя вихремъ политическихъ бурь, происходятъ отъ древняго мо-гучаго племени Алапъ; нынѣ ихъ смѣшиваютъ съ Осетинами занимающими, верстѣ 200 протяженіемъ мѣста Сѣвернаго и Южнаго склона. Алапы не смотря на прежнюю свою многочис-ленность, не имѣютъ теперь политической важности. Занимая голыя, каменистыя вершины Кавказа, разобщенныя между со-бою горными великанами, засыпанные большую часть года снѣгами, Осетины - Алапы, никогда не могли составить цѣ-

лое, имѣть общихъ военныхъ предпріятій; и не имѣя собственныхъ князей, узденей и дворянство, не имѣли предводителей, ограничивались защитою жилищъ и набѣгами другъ на друга.

Скажемъ кстати кое - что объ Абхазіи и нравахъ народа. Абхазія имѣетъ три округа: Абживскій, Абхазскій и Бзыбскій; кромѣ того, съ 1837 года, причислена къ ней для управленія Цибильда, а въ 1841 г. Джигетія; первая оружіемъ, вторая добровольна. Народоначисленіе въ Абхазіи считается до 50 тысячъ, но едва ли будетъ такое число. Надъ округами есть потомственные владѣльцы, зависящіе отъ общаго, поставленнаго Россією, котораго власть ограничена законами Русскими. Въ дѣлахъ обыкновенныхъ судятся отъ него по Медіаторскому положенію, а въ дѣлахъ важныхъ отъ Россіи; хотя увѣряютъ, что у горцевъ тотъ владѣтель, кто имѣетъ больше денегъ, но тутъ однакожъ этаго не замѣтно; могущественная держава поддерживаетъ владѣльца средствами, оружіемъ и законами. Всякій болѣе провинившійся изъ Абхазовъ, присылается владѣтелемъ на гаубвахту въ Бомборы или въ Сухумъ, а потомъ, для окончательнаго рѣшенія его участи, въ Кутаисъ.

Абхазы болѣе склонны къ воинственности, враждѣ чѣмъ къ миролюбію, - что укрѣпляется внушеніями мусульманъ и другими вольными племенами. Имѣя характеръ болѣе огненный, тщеславный, они предаются страстямъ безъ всякаго размышленія о послѣдствіяхъ, рѣшаясь на все, что покажется необходимымъ ихъ прихоти. На постороннихъ смотрять съ пренебреженіемъ, и рѣдко даютъ цѣну достоинствамъ. Безпрестанные раздоры между собою, укрѣпляютъ въ нихъ суровость и недоувѣрчивость въ правъ, и потому, Абхазинъ всегда носитъ при себѣ винтовку, шашку, пистолеть, чтобы въ случаѣ нападенія врага или хищника, отразить ударъ ударомъ. Немногіе аулы живутъ въ согласіи, и жители ихъ, проходя мимо другъ друга смотрять недружелюбно: готовы пустить въ грудь пулю или изрубить. Только въ Христіанскихъ аулахъ, находящихся вблизи дома владѣтеля, жители менѣе осторожны, не всегда носятъ съ оружіемъ, но и тутъ,

такая переменна въ нравъ произошла при Русскихъ: чрезъ силу ихъ, законы, промышленность, и болѣе чрезъ Христіанство.

Къ сожалѣнію, нравственная жизнь Абхазовъ много потерпѣла и терпитъ еще отъ Исламизма, потакающаго порочнымъ склонностямъ; привычка слѣдовать имъ обратилась въ законъ, и усилія перевернуть такой порядокъ нравственности, утвержденной столѣтіями, не-совсѣмъ удачны. Отъ того, на постоянное спокойствіе народа нельзя полагаться; вспоминая свою дикую свободу, онъ можетъ возмутиться при благопріятномъ случаѣ, къ-чему всегда склоняють осѣдлые между ими Турки; только чрезъ удаленіе ихъ съ Восточнаго берега, можно еще надѣяться на сближеніе Абхазовъ съ Русскими кровными узамъ и Христіанствомъ, также на будущее спокойствіе ихъ потомковъ. Только такимъ образомъ можно пайти въ нихъ вър-ныхъ помощниковъ, въ улучшенія другихъ вольныхъ племенъ; нынѣ же, не смотря на большія награды, они дѣйствуютъ двулично.

Подобно другимъ горцамъ, полудикіе, грубые Абхазы, слабо привязаны къ догматамъ своей религіи. Бывъ прежде дурными Христіанами, они въ дикости, безъ противорѣчія приняли магометанство и остаются плохими слѣдователями этаго ученія, какъ равнодушно поклонялись прежде истинному Богу. Они и теперь помнятъ нѣкоторые обряды покинутый вѣры, уважаютъ уцѣлѣвшіе храмы, и въ важныхъ случаяхъ жизни приходятъ въ Пицунду, для принесенія клятвы, которая считается порукою несомнѣнной ихъ истинны и ненарушимости обѣта.

Природныя, сильныя дарованія ихъ, не усовершенствованныя образованіемъ, постоянно удивляютъ всякаго просвѣщеннаго и дѣльнаго человѣка: иногда тонкія, живыя, насмѣшливыя замѣчанія, выказываютъ рѣзко ихъ умъ и наблюдательность. Удивительно, что Абхазы, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Греками, Римлянами, съ Босворцами, Генуезцами, не позанимствовали отъ нихъ: ни гражданскаго устройства, ни образованія - или получивъ его, не усвоили въ

своихъ правахъ; но можетъ быть, закоренѣлость въ своекорыстїи побѣдителей и покровителей, основало прежнїе здѣсь города и селенїя на тѣхъ же условїяхъ, на которыхъ и нынѣ рассчитываютъ свое владычество Европейскїе купцы, полагая силу, влеющую къ просвѣщенїю, въ промышленности, что совершенно противно законамъ природы и прививаетъ въ народъ развратъ и безчеловѣчїе.

Абхазы имѣютъ отличный видъ отъ другихъ горцевъ; меньше правильнѣйшій окладъ лица, смуглы, черноволосы, худощавы, выраженїе лица меланхолическое, росту средняго, сложенїя необыкновенно - крѣпкаго. Имѣютъ свой особенный гортанный языкъ, неимѣющій грамматики. Одѣтые въ сѣрую или черную черкеску, бѣдные ходятъ босыми ногами, или надѣваютъ длинныя чулки — горскїя сандалии и чавеки (башмаки). Отъ Черкесъ разнятся въ одеждѣ тѣмъ, что вмѣсто горской шапки, по большей части бритую голову покрываютъ остроконечнымъ башлыкомъ, обматывая его кругомъ головы въ видъ чалмы.

Князья ихъ въ разговорѣ, принимаютъ тонъ самоувереннѣйшій, рѣшительнѣйшій, какъ будто слова ихъ не подлежатъ никакому оспориванїю; впрочемъ вынужденнѣйшій насильемъ разговоръ ихъ, крайне непрїятенъ и смѣшенъ, особенно когда говорятъ они по Грузински или по Турецки. Кромѣ того въ отвѣтахъ замѣтна какая-то недовѣрчивость и суровость; въ другомъ же обществѣ непринужденная гордость, ставитъ ихъ выше его; въ тоже время, холодная учтивость къ людямъ почтеннымъ или достойнымъ, выказываетъ обдуманность ихъ и своего рода благосклонность; но за то съ людьми не - совсѣмъ чистыми, что узнаютъ по прозорливости, обращаются съ презрѣнїемъ, отвѣчаютъ съ коварною улыбкою, обращая рѣчь свою въ ихъ насмѣшку, въ особенности хвастунамъ не даютъ пощады. Одежда ихъ чиста, опрятна и изукрашена галунами и оружіемъ.

Различныя члены ауловъ, связаны нѣкотораго рода союзомъ, который ничто не можетъ разрушить или ослабить. Такія связи и единомысліе, собирали прежде ужасныя шай-

ки, разсѣвали опустошеніе и нищету въ вражескихъ поколѣніяхъ; налагая на нихъ различныя, унижательныя дани, - что еще осталось въ обычаяхъ другихъ горскихъ, независимыхъ племенъ.

Абхазы неимоверно легки въ ходьбѣ; вытерпѣвая стужу и непогоду безъ жалобы, закрываются буркою и башлыкомъ, питаются въ дорогѣ одной курурузной лепешкой или кускомъ гомин сваренной въ водѣ; бурка съ камнемъ и пнемъ подъ изголовьемъ, есть почти всегдашняя ихъ постель.

Хотя бѣдность разительна на Абхазахъ, но крѣпкія, античныя ихъ члены, обрисовываютъ новыхъ Аяксовъ и Ахиллесовъ. Спросите у прохожаго Абхаза что - нибудь, и онъ, опершись руками и подбородкомъ на дуло длинной виптовки, отвѣтитъ вамъ съ суровою важностію. Смотри на чрезвычайный стапъ, грозно - военное положеніе, приличное только самому образованному воину, и нисколько на дурную чоху, бурку и изорванный башлыкъ, вы невольно засмотритесь, и переберете въ памяти своей всѣхъ мноолическихъ героевъ Греціи, Рима и Рыцарей среднихъ вѣковъ. Лица ихъ смугло-желтыя, обросшія волосами и бородою, хотя не - совсѣмъ полныя, но выразительныя, - что при быстрыхъ движеніяхъ и рѣзкихъ отвѣтахъ чрезвычайно замѣчательно. Приученные съ младенчества къ безстрашію, ловкости, они вообще всѣ отличныя стрѣлки, такъ, что горлицу убиваютъ пулей въ сердце, въ 100 шагахъ и болѣе. При переправѣ черезъ грозныя, быстрыя волны Кадора и особенно глубокой р. Бзыбы, дѣти ихъ охотно вызывались на переправу въ плавъ лошадей, и голые, бросаясь верхами въ глубину волнъ, визжа надъ ухомъ лошадей подобно звѣрю, проносились большое пространство къ морю, между несущимися ужасными карчами; одинъ ударъ ихъ и они кажется уже жертвы смерти; зрители соболѣзнуя трепетами отъ страха; но нѣтъ, ребятишки вырываются изъ опасности побѣдителями, и становясь твердо на другомъ берегу, глядѣли съ удовольствіемъ на окружающихъ и какъ бы говорили: вотъ мы персправились, посмотримъ какъ вы это исполните; и въ слѣдъ за тѣмъ, не чувствуя холода и усталости, при-

нимались за прежнее дѣло. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ награждали, а отцы любовались дѣтками, и еще выказывали больше удалства и безстрашія. Кромѣ того, когда наши войска слѣдовали въ Пиндусскихъ горахъ, между ихъ аулами, то туземцы почти всѣ выбѣгая на дорогу, помогали поднимать на горы большія тяжести, и дѣлали это съ крайнею веселостію, шумомъ, ни сколько не обижая отсталыхъ солдатъ; нѣкоторые даже изъ нихъ просили зайти къ себѣ и быть кунаками (друзьями); но Русскимъ нѣкогда было дружить, воля начальника вела ихъ впередъ къ независимымъ горцамъ. Видя неудачу въ дружествѣ, они на раздыхъ приносили свои разныя произведенія и домашнее хозяйство, и продавали за безцѣнокъ, вымѣнивая болѣе на старыя рубахи, и т. п. По обязанности моей, я былъ часто въ поѣздкахъ одинъ повсюду, даже ночью, въ разныхъ мѣстахъ, но никогда не былъ обиженъ даже словомъ, всегда проходящій или проѣзжій встрѣчалъ меня первый добрымъ словомъ: Здравствуй; или проѣзжая весело, снималъ шапку и кланялся; другіе увѣрили, что не были такъ счастливы.

Вообще Абхазы добры какъ природа, но коварны и злы; если дѣло идетъ до родины обиды не простятъ, особенно за убійство, воровство — отвѣчаютъ убійствомъ. Будучи удалыми кавалеристами, они прекрасно сѣдять на лошадахъ и какъ бы танцуютъ на ихъ, пренебрегая опасностями битвы. Но главный недостатокъ ихъ, состоитъ въ томъ, что позволяютъ говорунамъ имѣть вліяніе на ихъ жизнь и счастье.

Абхазы почитаютъ и любятъ какъ роднаго того, кто принимаетъ въ нихъ участіе; словомъ, на дружбу склонны, но и на войну тоже. Замѣтивъ къ себѣ вниманіе и гостепріимство, они просились съ подобострастіемъ быть кунаками, просили въ свой домъ, я бывалъ у нихъ, и чистосердечно признаюсь, что они угощали меня какъ роднаго, чѣмъ ни-есть лучшимъ, узнавая по глазамъ моимъ, что мнѣ хотѣлось. Но довѣряться на дружбу всѣхъ не возможно, душа предчувствуетъ кто того достоинъ. Нѣкоторые изъ нихъ изумляются хорошей жизни Русскихъ солдатъ и иногда кумятся, а иногда воруютъ у нихъ домашнее хозяйство.

Женщины не такъ красивы какъ въ Имеретіи и Мингреліи, и не такъ занимаютъ собою какъ Грузинки, впрочемъ и между нихъ есть красавицы, которыми не налюбуеться; однакожь они не совсемъ опрятны, рѣдко моются мыломъ и въ одеждѣ небрежны. Нѣтъ сомнѣнія, что эта невнимательность происходитъ отъ бѣдности, и потому еще, что здѣсь ловеласовъ почти нѣтъ. Одинъ только княжескія фамиліи занимаютъ собою, наряжаясь всегда въ шелковыя распашныя платья, выпускаютъ каштановыя волосы по плечамъ, и завиваютъ иногда въ 6 косичекъ, а на головѣ носятъ Грузинскіе налобники съ лапчакъ. Простые же, покрываютъ голову обыкновеннымъ платкомъ, или завязываютъ его въ родъ турбана—чалмы. На женщинахъ лежитъ не только забота о домашнемъ хозяйствѣ, но даже уходъ за пахатами и жатвою. Жены за измѣну прежде наказывались кнжжаломъ и смертію, теперь неизвѣстно; прежде за это преступленіе сажали ихъ на лошадь лицомъ къ хвосту и возили по ауламъ, нынѣ смягчено наказаніе; но за то судятся владѣтелемъ строго; отъ того про измѣну не слышно и вѣрность женъ есть отличительное достоинство.

Способности Абхазовъ необыкновенно быстрые; почти всѣ разсуждаютъ здраво о такихъ предметахъ, о которыхъ задумается и образованный. Имѣя хорошую память, скоро выучиваются разнымъ языкамъ, какъ напр. при непрестанномъ сообщеніи съ Русскими, Абхазинъ въ одинъ годъ говоритъ почти чисто по-Русски, и даже, съ удовольствіемъ участвуетъ въ солдатскихъ хорахъ; что очень смѣшно; нѣтъ зрителя который удержится отъ смѣха. Словомъ сказать, не смотря на праздность, одно природное воспитаніе, и на всѣ усилія Турокъ унижить нравственную ихъ силу, они имѣютъ такъ сказать зародышъ въ себѣ къ благотворному образованію: многіе пишутъ по Турецки, Грузински, а теперь нѣкоторые, образовываясь въ Бомборахъ и въ Сухумѣ, даже по Русски.

Образъ жизни Абхазовъ почти патріархальный. Довольствуясь малымъ, они считаютъ за величайшій трудъ ухаживать за пахатами, виноградомъ и сѣнокосами, исключая ско-

та, къ нему любовьъ выказывается рѣзко. Почти у каждаго, найдете отъ 5 до 6 коровъ, пять и шесть паръ быковъ, двадцать барановъ и овецъ, послѣднія имѣють шерсть иѣжную и имѣють сзади сальные курдюки. Лошадь бываетъ не у всякаго, только князья, богатые и искусные воры имѣють ее, что даетъ нѣкоторую значительность въ простомъ народѣ. Изъ домашняго хозяйства имѣють разнаго рода вернатыхъ и большія стада свиней, которыя не требуя попеченій хозяина, пасутся сами собою въ лѣсу и почти какъ дикія; ихъ убиваютъ пулей какъ и птицъ, живущихъ вдали отъ хижинъ, по одинакѣ въ лѣсу. Магометане, заклятые враги свиней много служили и служатъ къ ихъ истребленію, — въ чемъ утверждали насъ старикъ.

Здѣсь конскихъ табуновъ нѣтъ, и порода лошадей мѣлкая, дурная, но и та рѣдка; отъ того обладаніе лошадью, даетъ право на званіе здѣшняго дворянина, то есть, на званіе удалаго и исправнаго воина. Овцеводство, въ слѣдствіи скудости пастбищъ, ничтожно; но козловъ здѣсь достаточно; эти животныя, не требуютъ за собою лѣжнаго надзора, и находятъ пищу въ самыхъ безплодныхъ, дикихъ мѣстахъ и скалахъ.

Благо земледѣлія имъ мало извѣстно. Суровость, дикость жизни, лишаетъ скота необходимаго продовольствія; отъ того прежде, и даже теперь, изрѣдко похвщались стада и имуществъ. Это считалось необходимою а не порядкомъ; жить на счетъ другихъ, заслуживало у горцевъ похвалу, и они часто изъ молодечества, подобно неожиданному потоку, устремлялись въ долины и уводили стада сосѣдей, что и нынѣ водиться у вольныхъ горцевъ. Взаимныя похищенія поддерживались кровомщеніемъ, чрезъ которое происходили опустошенія земель и поколѣній, болѣе и болѣе дѣлавшихся отъ того еврипыми. Сильное семейство устрашало слабыхъ, изыскано для себя пользу, налагая на нихъ черныя дани, для отдачи которыхъ заставляли похищать имущество у другихъ слабѣйшихъ. Отсюда происходили всѣ несогласія, ссоры, нѣкоторой родъ внутренней войны, мщеніе и взаимная

гибель; нѣтъ сомнѣнія, выигрывали только тѣ изъ нихъ, которые жили въ неприступныхъ горахъ, и были окружены ущельями: они дѣлали съ жителями долинъ что угодно, чему примѣромъ могутъ служить, еще въ недавнее время, несогласіе Цибильды съ Абхазскимъ округомъ, нападенія Убуховъ на Абхазовъ и обратно, также набѣги Самурзуханцевъ на Мингрелію, и внутренніе въ самой Абхазіи, бывавшіе часто между аулами; отъ того жители постоянно ходили вооруженными, надѣясь отразить набѣгъ осторожностію. Но съ покровительства Россіи, они сдѣлались мирнѣе; болѣе изъ нихъ жестокіе, вредные, получили грозные уроки и сдѣлались спокойными.

Путешественникъ XVII столѣтія, Шардень, говоритъ, что Колхида простиралась до Меотіи — Азовскаго моря; что Абхазы живутъ разбоемъ и воровствомъ, убиваютъ что не попадется въ ихъ руки, почти наги и не знаютъ никакой общественности; что кромѣ дара слова, въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго: они какъ и Черкесы очень жестоки, и увеличивая свирѣпость, выказываютъ въ себѣ рѣшительныхъ разбойниковъ и дерзостивѣйшихъ воровъ на свѣтѣ; что нынѣ исправляется даже у вольныхъ Черкесовъ: время беретъ свое, и сдѣлало уже большую перемѣну въ ихъ нравахъ и обычаяхъ; лучше сказать, сблизивъ между собою, подвело къ нѣкотораго рода цивилизаціи. Такое положеніе произошло съ явленіемъ Русскихъ. Движеніе въ горы, завоеванія ихъ, заставили горцевъ сблизиться, чтобы тѣмъ представить больше средствъ къ сопротивленію; въ чемъ помогали Турки и мусульмане, и нѣтъ сомнѣнія, что дикіе горцы, видя въ ихъ защитниковъ родины стали уважать и приняли магометанство; кромѣ того нѣсколько изъ духовныхъ лицъ Турокъ и Хаджей въ Мекку, провозглашая войну, прекратили внутреннія ссоры, войну, обративъ всѣ усилія противъ завоевателей, успѣли уже вдохнуть въ невѣжественныя, воинственные племена весь религіозный фанатизмъ Востока.

Плетеная, крытая камышемъ сакля, не защищающая отъ зимнихъ непогодъ, составляетъ убѣжище Абхазскаго семей-

ства; весьма немногіе князья имѣютъ досчатые дома. Эти сакли вообще разбросаны по лѣсу, или построены на чистыхъ мѣстахъ подъ фруктовыми деревьями, обнесены заборомъ, около котораго вьется иглистая ежевика и колючка. Среди забора сакли, образовывается чистый дворъ съ большою травою. Впрочемъ, жилища разбросанныя по косогорамъ и буэракамъ, заставляють путника: то подниматься къ нимъ, то спускаться. Рѣдко около нихъ устроены хлѣвы для скота; лошадь и любимая корова, или овца, находится въ комнатѣ за перегородкой, - чрезъ что воздухъ въ ней не - совсѣмъ пріятенъ: ибо оконъ нѣтъ, и чистый воздухъ и свѣтъ входятъ чрезъ сквозныя двери, противъ которыхъ, на полу комнаты тлѣетъ или горитъ огонь; надъ нимъ приготовляютъ пищу въ желѣзномъ или чугунномъ котлѣ. Скамейки, идущія съ двухъ сторонъ комнаты, покрыты ковромъ, кожей или цыновкой—домашняго рукодѣлья, замѣняютъ имъ постель и всякую мебель, къ которой, необходимо причислить деревянные чурбаны; въ рѣдкихъ жилищахъ найдете подушки и каминъ,-- чрезъ это самое Русскихъ считаютъ извѣженными. На стѣнахъ виситъ оружіе: оно чѣмъ древнее, тѣмъ выше цѣнится и болѣе привлекаетъ уваженіе; нѣкоторые изъ Абхазовъ, опасаясь еще теперь вражескаго, Черкесскаго нападенія, или недруга, спятъ въ платьѣ въ оружіемъ. Такая бѣдная тревожная жизнь, зависитъ болѣе отъ недостатка цивилизаціи.

Засѣянные поля разными сѣменами, едва достаточны для ихъ пропитанія, и то отнимають у нихъ Турки, которымъ дозволено владѣтелемъ производить торговлю. Они часто, за поле кукурузы стоящее тридцать рублей сер., даютъ впередъ кусокъ гнилой нанки или полотна, и потомъ когда поспѣетъ, собирають на качерыны. Вся внутренняя торговля въ ихъ рукахъ, изъ которой, торгуя съ Трапезондомъ, они извлекають свои выгоды. Прежде даже у нихъ велась безчеловѣчная торговля какъ товаромъ, невольницами и плѣнными для Турецкихъ гаремовъ; нынѣ это прекращено Русскими. Часто не имѣя денегъ, Абхазы нуждаются въ необходимомъ, и за тряпки никуда негодныя, отдають свое домашнее хозяйство.

Въ заключеніе скажемъ, что здѣшніе мусульмане, назидаемые и подстрекаемые Турками въ ненависти къ послѣдователямъ Христа, еще съ дѣтства утверждаются въ слѣпой и неукротимой враждѣ; отъ того въ взрослыхъ безмолствуютъ всѣ чувства человечества, и коль скоро гласъ муллы и хаджей призоветъ на истребленіе иновѣрцевъ, то горцы тотчасъ готовы. Такое состояніе дикаго ума и правилъ, противопоставить сильную преграду Христіанству и довѣрію къ Русскимъ, въ то самое время, когда Абхазы чувствуя всѣ преимущества кроткаго, умнаго правленія, стремятся къ Россіи душою, убѣждаясь въ чистотѣ ея своимъ возрастающимъ благоденствіемъ. Легкомысліе, предразсудки, старые обычаи и подозрительность столь въ нихъ велики, что они вѣрятъ всему, что имъ скажутъ о Христіанинѣ; забываютъ всѣ пощечины, благодаренія, собственную пользу и устремляются къ возстанію и брацѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое стремленіе предусмотрѣнное еще вначалѣ, отвлекается благоразуміемъ и силою войскъ, могущихъ обуздать буйные порывы мусульманскаго мстительнаго сердца и бышеной местн. Словомъ, здѣсь владѣлецъ зависить отъ народа, а народъ отъ владѣльца; чѣмъ кто сильнѣе, тотъ и беретъ верхъ. Россія разбираетъ дѣла за убійство, но по древнему обычаю, преступникъ долженъ вознаградить родственниковъ убитаго: пятнадцатью душами крестьянъ, лучшею, осѣдлавною лошадыю, шашкою, ружьемъ и пистолетами. Если же не въ состояніи, то родственники убитаго лишаютъ жизни убійцу. Если воръ открытъ, то онъ обязанъ обиженному отдать въ двое украденнаго, кромѣ того долженъ дать владѣтелю одного человѣка; но если не имѣть крестьянъ, то служить самъ. Исповѣдающіе Магомета судятся муллами по кораци: рѣшеніе его удалетъ власть владѣльца. Сословіе Абхазовъ состоитъ въ князьяхъ, дворянахъ, рабахъ или пѣшихъ и крестьянахъ; есть еще Чинакчи, тѣлохранители владѣтеля, пользующіеся правомъ дворянъ, хотя и происходятъ отъ крестьянъ. По требованію владѣтеля, подвластный народъ платитъ то, что онъ назначитъ и отбываетъ всякаго рода повинности. Князья съ крестьянъ берутъ въ

родъ: одну корову, кувшинъ вина и третью часть урожая. Главныя нужды Абхазовъ: соль, желѣзо и другія вещи пообходимыя въ хозяйствѣ, прежде удовлетворялись Турецкими купцами изъ Батума и Трапезонда, нынѣ Армянами и Греками.

Абхазы живущіе вблизи моря менѣе дикі, чѣмъ живущіе къ горамъ, — что очень естественно, и происходятъ болѣе и менѣе отъ сближенія съ другими народами, или отъ жизни, климата, отражающихъ либо гибкость, либо суровость въ нравахъ. Занимаются постоянно охотой, для которой истребляютъ лѣса огнемъ. Въ назначенные дни бываютъ у нихъ скачки; побѣдитель получаетъ призъ, состоящій въ серебрянномъ кубкѣ.

Языкъ Абхазскій одного корня съ Черкесскимъ и раздѣляется на нѣсколько нарѣчій, — что происходитъ чрезъ родство съ горами, а потому, этимологическіе розыски въ языкѣ ихъ очень трудны. Абхазы продаютъ Туркамъ: самшитъ и буковое дерево, куны и лисьи мѣха, толстые суконные кафтаны и войлочныя шапки или бурки. Въ домашнемъ быту живутъ бѣдно и не такъ опрѣтно какъ Черкесы. Сакли строятъ изъ досокъ или плетня, обмазывая ихъ глиной, покрывая крышу лачою или стеблемъ гоміи. Выдѣлываютъ въ двухъ мѣстахъ оружіе подъ чернью, владѣютъ имъ ловко, стрѣляютъ вѣрно, пулю, дробь и порохъ цѣнятъ высоко; зашищаютъ съ особеннымъ искусствомъ завамы и горныя проходы; словомъ, они люди воинственные, въ горной войнѣ изобрѣтательны и очень осторожны.

Праздники при рожденіи младенца, дѣлаются у каждаго непременно, у владѣтеля и князей продолжаются долѣе; всѣ знающіе ихъ павѣщаютъ съ поздравленіемъ. Гостямъ отводятся для жительства нѣкоторыя зданія, гдѣ они ѣдятъ, ноютъ, пляшутъ подъ стукъ бубенъ, иногда зурны, оглашая воздухъ выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ. У владѣтеля, такой праздникъ при рожденіи дочери, продолжается шесть недѣль, а при рожденіи сына, цѣлый годъ; первый ему не совсѣмъ пріятна, и грусть проявляется на его сурьезномъ

лицъ; дѣло другое когда родиться сынъ, - тогда онъ не похожъ на себя, ко вѣмъ до безконечности ласковъ и угощеніе дѣлаетъ цѣннѣе. Въ такомъ случаѣ онъ обѣдаетъ особенно, съ почетными лицами и духовенствомъ, навѣщаетъ гостей только изрѣдка, выходъ его сопровождаютъ вооруженныя толпы, которыхъ тоже угощаютъ первые дни на лугу.

Полудикій Кавказскій народъ, привыкшій къ лѣни и смутамъ анархій, - началамъ дикой свободы, считалъ ихъ и считаетъ ложно за блаженство свое; но это самое вовлекаетъ его въ безпрестанныя кровавыя распри и безобщественность, — что впиваютъ въ себя горцы съ молокомъ матери, и отъ того, они не въ состояніи попятъ всѣхъ неисчислимыхъ, отеческихъ потерь Россіи.

Она, принявъ Кавказъ въ свое попеченіе, думая о его спокойствіи сначала увлекалась взаимными выгодами, и потому, перешагнувъ рубежъ Кавказскихъ твердынь, назначенныхъ природою для границъ ея съ Азією, должна была испытать борьбу, продолжающуюся доселѣ съ воинственными племенами, съ грубой организаціей, дикими привычками, фанатизмомъ мусульманства, который поддерживался и поддерживается явно и тайно двумя сильными Азіатскими монархіями: Персією и Турцією, также, съ мѣлочными выгодами, самовольствомъ невѣжественныхъ вассаловъ и съ злоупотребленіямъ ихъ власти; словомъ, съ такими препятствіями, которыя представляютъ страшныя, необработанныя страны ихъ съ народомъ: или неподвижно - лѣнливомъ или шатающимся, но всегда слѣпо - преданнымъ своимъ повѣрьямъ и привычкамъ, ненавидящимъ всѣ нововведенія, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ общественномъ устройствѣ. Кромѣ того, вступая на такое поприще, она была озабочена важными политическими событіями въ Европѣ, обороною собственныхъ границъ и мѣсть, и не могла тогда обратить должныхъ средствъ къ упроченію власти въ дикомъ краѣ, до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія; но такая мѣдленность въ рѣшительномъ покореніи, происходила кажется болѣе отъ безнадёжности въ сохраненіи за собою Кавказа;

въ чемъ утверждалась, встрѣчая повсемѣстно смуты и возмущенія непріязненныхъ туземцевъ, нѣсколько-лѣтнія опустошенія чумы, холеры и настоящую болѣзненную, климатическую смертность; отъ того упущенныя сначала преобразовательныя мѣры положительнаго плана управленія, сдѣлались въ послѣдствіи уже затруднительными, ибо долговременное Азіатское положеніе горцевъ, обратилось въ ихъ народную потребность, которую охладить и перемѣнить надобны чрезвычайныя мѣры, съ величайшимъ пожертвованіемъ средствъ.

Здѣсь въ Абхазіи, Христіанство водворилось опять съ 1810 г., и обратило пять тысячъ народа; остальные: магометане и язычники. Христіане около владѣльца довольно мирны и общежительны.

Прежде Турки доставляли имъ кромѣ мануфактурныхъ издѣлій, оружіе, свинець и мѣдную посуду. Они же продавали Туркамъ: плѣнныхъ Русскихъ, Грузинъ, Армянъ и невольниковъ, похищенныхъ у враждебныхъ народовъ. Многіе отдавали дочерей своихъ въ гаремъ Султана и вельможъ Турецкаго двора, считая торговлю дѣломъ низкимъ, а теперь, чрезъ посредство Армянъ и Грековъ, получаютъ предметы роскоши, также соль и другіе продукты, вымѣнивая на ихъ свои произведенія или покупая на деньги.

При такомъ направленіи ума и сердца, странно видѣть что Абхазы празднуютъ: 25ое Декабря и съ нимъ Рождество Спасителя, каждый годъ три дня сряду Пасху, употребляя по обыкновенію въ пищу красныя яйца, празднуютъ Св. Троицу, Св. Илію, держутъ своевременно посты; кромѣ того развалины оставленныхъ Христіанскихъ храмовъ, какъ и клятву въ нихъ, считаютъ священными и непреложными, имѣютъ священныя древа, которымъ также поклоняются. Словомъ, здѣсь Христіанство, мусульманство и язычество слилось, и представляютъ въ отдѣльности свои особенныя обычаи, которымъ и слѣдуютъ.

ГЛАВА XIII.

Несчастному всегда сіяетъ золотая звезда въ голубомъ небѣ—она есть милосердіе Христово. Спаситель! чиста моя вѣра, молитва, но Боже и вѣрѣ, даль жизни темна! Что замѣнить ее здѣсь? послѣдній вздохъ сердца и потухшія очи! а что будетъ жизнь духа безъ сердца? объ томъ знаешь Ты! На крестъ, на могилу, на небо и землю, на точку начала и цѣль всѣхъ твореній, Всемогуцій Создатель накупилъ завѣсу, наложилъ какъ печать, и она покрываетъ сначала созданья: ее не расторгнуть разрушаясь міръ, сгонъ не растопить, не смоетъ вода! Прости мнѣ Спаситель за думу мою, молитва стремиться съ любовью къ тебѣ, пропитаетъ пространство и тьму, и всегда въ бѣлизнѣ предъ тобою.

К.

Послѣднее укрѣпленіе въ Абхазіи есть Гагры, сдѣлано въ 1830 году Генераломъ Пацовскимъ, не смотря на затрудненія представляемая природою и горами: Джигетамн и Убыхами. Занявъ это мѣсто десантомъ, или лучше сказать овладѣвъ воротами въ Абхазію, Русскіе прекратили возможность горцамъ—дѣлать сухопутные набѣги на Абхазію и соединяться съ нею кровавыми узами.

У. Гагры занимаетъ малый лоскутокъ земли, находящейся при морѣ, между двумя скалистыми отрогами Кавказа, изъ которыхъ одинъ составляетъ оконечность треугольника, заключающаго равнину отъ рѣки Бзыбы. Въ Гаграхъ площадь въ 400 шаговъ. Тутъ жаръ нестерпимъ и усиливается раскаленнымъ пескомъ, глыбами морскаго берега и окрестными скалами, заслоняющими свободное теченіе воздуха. Море враждуетъ съ крѣпостію; прежде осенью и зимою, во время сильныхъ бурь, оно буйно заливало часть Гагръ, разрывая туры укрѣпленія, потому теперь, для прочности и безопасности его сдѣланы стѣны каменные, Генераломъ Муравьевымъ въ 1841 году.

Въ первое время занятія, выбросило къ самымъ казармамъ, во время бури, якорь судна въ 140 пудъ. Здѣшнюю торговлю производятъ маркитантъ батальона. Прежде жизненные продукты были здѣсь очень дороги, ибо морскіе штормы прекращали соединеніе съ Абхазією; нынѣ, черезъ Черноморскія лодки и пароходы, сообщеніе постоянно.

При постройкѣ укрѣпленія, непреходило дня безъ перестрѣлокъ. Горцы предпринимали нападеніе большими силами, но всегда отраженные храбро, удалялись съ большою потерей. Прѣжнее укрѣпленіе не было приспособлено къ мѣсту, и крѣпостныя орудія не могли вредить непріятелю, который зналъ безвредность выстрѣловъ, подползалъ къ стѣнамъ и убивалъ часовыхъ. Дѣйствию его способствовалъ лѣсъ, находящійся на скалахъ двухъ отроговъ ущелія. Выходящія команды еще болѣе страдали отъ непріятеля - разбойника, умѣющаго пользоваться каждымъ выгоднымъ мѣстомъ для удачнаго выстрѣла и своего закрытія; гарнизонъ рѣшился завести собакъ, и съ тѣхъ поръ стало безопаснѣе. Собаки, не всякой повѣрять, открывали горца, и погибая спасали людей,—за что и были назначены имъ казенный паекъ. По примѣру Гагры, собаки-заведены во всѣхъ фортахъ Восточнаго берега, и очень чутки и умны; опѣ каждый вечеръ, имѣя у себя вожатыхъ старыхъ собакъ, выходили за стѣны и берегли Гагры. Наконецъ къ пользѣ укрѣпленія, сняты лѣсъ со скалъ и въ ущеліи на пушечный выстрѣлъ. Черкесы перестали беспокоить команды, не смѣли показываться днемъ и переходить съ скалы на скалу; въ случаѣ же нападенія, гарнизонъ рассчитанный по фасамамъ, становился по мѣстамъ въ пять миль. Трудно выказать болѣе мужества и присутствія духа, какъ оказала эта горсть удаленныхъ, изнуренныхъ воиновъ, въ числѣ 300 человекъ, въ теченіе трехъ лѣтъ.

Въ 1833 году, горцы въ числѣ трехъ тысячъ напали на Гагры, но были отражены. Въ 1835 году повторили попытку. Укрѣпленіе было вѣрно, гарнизонъ состоялъ въ 380 здоровыхъ, на лицо было 150 человекъ; казалось, что побѣ-

да должна быть за ними, но Богъ разсудилъ сдѣлать иначе. Черкесы въ числѣ пять тысячъ, раздѣлились три части: одна должна была напасть съ Сѣвера, другая съ ущелія, третья прїѣхавъ на галерахъ разломать гнилой полисадъ, зажечь здашя и ударить въ тылъ гарнизону. Приступъ былъ напачетъ въ два часа темной ночи. Собаки бывшія за стѣнами, чуя врага, всполошились еще съ вечера. Настала ночь. Гарнизонъ понимая причину собачей тревоги, приготовился. Наконецъ Черкесы приблизились къ Гаграмъ, на встрѣчу имъ полетѣлъ грозный снарядъ орудія, но они не дожидаясь другаго, бросились быстро съ гиканьемъ на туры. Въ то же время десантъ ихъ, въ числѣ 150 сильныхъ, отважныхъ горцевъ, разбивъ ничтожную полисадную преграду, раздѣлился къ казармамъ; но большые соединясь сдѣлали дружный отпоръ, ихъ остановившій; остальная часть гарнизона, занятая защищеніемъ другихъ сторонъ укрѣпленія, не ожидала нападенія съ моря, ибо была увѣрена, что военныя суда блокировавшія берегъ, находились вблизи Гагръ. Бой дѣлался сильнѣе, ожесточеннѣе: гремѣли орудія и передавая по горамъ свой грохотъ разили врага, но онъ безстрашно лѣзъ черезъ туры, въ амбразуры орудій, и погибая отъ штыка и картечи, усиливалъ напоръ свой. Гиканье горскаго десанта и крикъ больныхъ въ укрѣпленіи, заставилъ гарнизонъ отдѣлить часть своихъ храбрецовъ на помощь; но межъ тѣмъ и большые получивъ внезапно силы, прикатили на середину орудіе и десантъ; выгоняли картечью наконецъ при свѣжей помощи ударивъ въ штыки, заставили горцевъ бѣжать на галеры. Тогда битва на другихъ пунктахъ сдѣлалась отчаяннѣе: Русскіе сражались какъ львы и побѣдили. Разсвѣтъ открылъ побѣду, кровь горцевъ текла ручьемъ около Сѣверныхъ туровъ, и Черкесы объятые паническимъ страхомъ бѣжали. Вылазка гарнизона, въ числѣ 25 человекъ, преслѣдуя врага, захватила шесть оставленныхъ знатнѣйшихъ, княжескихъ тѣлъ, что яснѣе показываетъ страхъ горцевъ, измѣнившихъ коренному своему обычаю: не оставлять убитыхъ въ рукахъ непріятеля и вырывать ихъ, не смотря на ужасный огонь орудій и силу вражью. Потеря Черкесъ была велика: двѣ туровыя

стороны укрѣпленія были залиты ихъ кровью. Уронъ гарнизона состоялъ въ одномъ человѣкѣ и унесенномъ барабанѣ, между тѣмъ это нападеніе послужило въ пользу его: многіе изъ больныхъ получили выздоровленіе, какъ бы воскресли. Въ то самое время, отрядъ, назначенный для улучшенія укрѣпленій въ Абхазіи и проложенія въ ней дороги, оканчивая укрѣпленіе, находился близко на Бзыбѣ и сильно встревожился. Громъ Гагрскихъ орудій перекашиваясь по горамъ, разсыпался въ Бзыбскихъ волнахъ; даже Русскіе и Черкескіе ружейные выстрѣлы, не смотря на 25хъ верстное пространство, различить можно было по звуку; но идти въ ночь на помощь къ Гаграмъ, по стезѣ еще неизвѣстной — было неосновательно; впрочемъ на помощь послана, по первому выстрѣлу орудій, конная дружина Абхазовъ и казаковъ съ княземъ Михаиломъ и генераломъ Пацовскимъ: она летѣла на коплхъ по песчанному берегу. Съ зарею, туда же двинулись шесть ротъ съ горными единорогами; изъ которыхъ одна рота, вечеромъ вступила тайно въ укрѣпленіе, другія пять возвратились обратно. Черкесы не зная сикурса Гаграмъ, въ слѣдующую ночь сдѣлали вторичный приступъ, но безъ всякаго сомнѣнія были разбиты и понесли сильный уронъ. Если бы Русскіе роты остались въ лѣсу, то они могли преградить отступленіе по узкой, непроходимой тропишкѣ, или по крайней мѣрѣ сразиться съ горцами открыто.

Спустя нѣсколько дней, укрѣпленіе на Бзыбѣ было кончено и цѣлый отрядъ пришелъ къ Гаграмъ. Вѣтхіе туры падали сами; укрѣпленіе можно было разобрать руками, и удивительно, какъ Черкесы не взяли его, надобно истинно отнести къ Божьему спасенію! Третья паралель могла болѣе принести защиты, чѣмъ Гагры безъ бруствера, безъ рва, съ одними гнилыми турами. Въ такомъ-то несчастномъ такъ сказать тѣлѣ, находилась горсть Русскихъ, билась 5хъ лѣтъ почти каждый день, безъ всякой помощи противъ самыхъ храбрѣйшихъ, многочисленныхъ горскихъ племенъ. Укрѣпленіе было поправлено и расширено на долину, почти до подшвы скалистыхъ отроговъ. Къ Сѣверу и Востоку, состоя-

ло изъ высокихъ туровъ, съ Юга шла дренія, каменная стена монастыря, къ морю толстый дубовый полисадъ. Здѣшній древній, полуразрушенный храмъ, построенный въ одно время съ Пицундскимъ, былъ единственнымъ мѣстомъ сообщенія Черкесъ съ Абхазами. Планъ Черкесской атаки былъ расчитанъ умно; зная слабость укрѣпленія и свою отважность, они могли ручаться за побѣду, но разбитые въ прахъ, лишились навсегда даже надежды имѣть у себя ключъ прежнихъ своихъ набѣговъ въ Абхацію; кромѣ того обидѣвъ Русскихъ, они были увѣрены въ непрѣмномъ наказаніи, и чтобы оно не могло проникнуть въ глубину ихъ страны, стали укрѣплять приморскій берегъ завалами. Въ тотъ самый день, когда они были отбиты отъ Гагръ, суда посланные для рекогносцировки приморья, приставъ къ мысу Мамаю, разбили 4 галеры, и рѣшительнымъ своимъ дѣйствіемъ навели всеобщій ужасъ въ Джигетин. Это случилось печально. Русскіе какъ бы платили визитъ за визитъ. Разбитые горцы у Гагръ, а можетъ быть и раненые, спѣша домой, издали слышали громъ Русскихъ орудій, и разумѣется страдая сердцемъ, бѣжали на защиту семействъ скорѣе, чѣмъ на взятіе Гагръ.

Въ Гаграхъ протекаетъ ручей, который во время жаровъ высыхаетъ, по этому гарнизонъ пользуется водою изъ родниковъ, которые образуются по спятіи гольиной: подъ ними скрывается вода тающихъ снѣговъ и ручьевъ, стекающихъ съ горъ. При постройкѣ Бомборъ и Гагръ, благоразумная дѣятельность и примѣрное терпѣніе Генерала Пацовскаго, могли только преодолѣть неисчислимыя препятствія и затрудненія при недостаткѣ всѣхъ средствъ, и устроить въ первомъ Штабъ-Квартиру полка, лучшую за Кавказомъ. Надобно было ежеминутно остерегаться воинственныхъ жителей, непріязненно смотрѣвшихъ на водвореніе Русскихъ, открыто изъяслявшихъ враждебное чувство; надобно было привести лѣсъ, хотя и не издаиска; для чего необходимъ былъ рогатый скотъ, содержаніе котораго безъ сѣна невозможно; также, провести сырую, ненастную зиму всему гарнизону безъ исключенія въ балаганахъ, крытыхъ напартникомъ - дурнымъ

защитникомъ отъ течи, при продолжительныхъ, незнаемыхъ въ Россіи дождяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянное продолженіе работъ, необходимыхъ для устройства жилья и разныхъ принадлежностей для мастерскихъ и магазиновъ, при недостаткѣ припасовъ, породило между войскомъ болѣзнь и смертность, но однакожь, въ два года окончены главныя были зданія, а выписанный изъ Имеретин странствующій механикъ, выстроилъ прекрасную пыльную мельницу, чрезвычайно облегчившую производство построекъ. Какую цѣну даютъ современники, намъ къ сожалѣнію извѣстно; но будутъ ли знать потомки о тѣхъ подвигахъ мужества, тяжкихъ трудовъ и безотвѣтнаго терпѣнія въ перенесеніи всякаго рода лишенія Закавказскаго воина, которому совсѣмъ неизвѣстны выгоды и пріятности образованной жизни? это зависитъ отъ добраго пожеланія.

Считаемъ нужнымъ кое-что сказать о здѣшнихъ феноменахъ природы, выпишемъ разсказъ изъ нашего дневника 1841 года.

.
Очаровательно играли лучи солнца съ волнами моря, въ то время, когда мы подъѣзжали къ Пицундамъ. Въ разныхъ точкахъ берега изъ фортовъ, раздавался по горамъ грозный перекалъ выстрѣла орудій и тревожилъ наше спокойствіе. Въ Пицундѣ произвелъ на насъ впечатлѣніе храмъ его величественной постройки, и изображеніе Нерукотвореннаго Образа Спасителя, вблизи скѣпа, въ которомъ лежатъ останки неизвѣстнаго духовнаго сановника.

Ровно въ 12ть часовъ ночи, мы бросили здѣсь якорь. Ступая одною ногою на берегъ, мы были крайне удивлены. Съ отдаленной точки Востока пронеслась по небу звѣзда: какъ блестящая зарница свѣта, освѣтивъ большое пространство, она остановилась въ полуверстѣ отъ моря, и блистая величественнѣйшимъ свѣтомъ, изливала его кругомъ на природу; въ то самое время, небо покрытое безчисленными звѣздами, выказывая свой дивно-безпредѣльный, сизый сводъ, засіяло новою, величественною жизнію Міроздателя.

Звѣзда, окруженная долгими, играющими лучами, наконецъ стала спускаться къ землѣ ярко, величественно, и недоходя болѣе 100 сажень, вдругъ съ грознымъ трескомъ, потрясшимъ воздухъ и горы, разсыпалась милліонами ясныхъ звѣздочекъ, и потомъ, съ оставшимся послѣднимъ свѣтомъ, опустилась въ море или на землю, намъ неизвѣстно.» Это звѣзда явилась въ 1841 и, на третій день Св. Пасхи, но мы всегда ее помнили и помнимъ. Прошли годы военныхъ тревогъ, заботъ, мы выезжаемъ съ Кавказа, и на пути окруженные, ограбленные разбойниками-горцами, спасенные силою Христа, выезжаемъ въ Тифлисъ въ самомъ бѣдственномъ видѣ.

Спустя два мѣсяца, въ день 31 Марта 1842 г. требуютъ насъ въ судъ, для полученія найденныхъ вещей въ старомъ разрушенномъ на Куръ храмѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, вещи состояли въ разодранныхъ кускахъ одежды и бумагъ, въ числѣ которыхъ была наша записная книжка о Восточномъ берегу; развертываемъ ее, и первое бросившееся слово, было: ... Гагры!» *Здѣсь утврляютъ туземцы, спасая и убивъ С. Ипатій, Епископъ Гагрскій, котораго церковь празднуетъ 31го Марта.* Вещи были получены въ тотъ же день. Тогда прижавъ книжку къ сердцу какъ Св. Ипатія, отслуживъ молебень Спасителю, мы невольно вздумали, что Господь назначилъ насъ быть писателемъ Кавказа и всего въ мірѣ чудеснаго, и что книжка должна замѣнить намъ все имущество и богатство. Съ такою думою, мы больные и бѣдные выезжаемъ въ Россію. Наконецъ вотъ равно черезъ пять лѣтъ, въ 31й день Марта 1847 г. вышла въ свѣтъ 1я книга нашего Руководства, для славы Божіей и пользы Отечества, и облагодѣтельствованная милостями Царя Небеснаго и Царя Земнаго, какъ бы исполняетъ пророчество природы. Сіе самое заставляетъ умолять Премудрѣйшее Провидѣніе, не оставить насъ и впредъ своимъ благословеніемъ и помощію для славословія своего: Да восхваляю Тебя Господи изъ конца въ конецъ земли и Неба, да восхваляю всѣмъ существомъ моимъ на каждомъ мѣстѣ, и да вознесу Тебя съ Божественнымъ сыномъ Твоимъ, окруженныхъ Ангелами, Херувимами и Серафимами,

сколько въ силахъ дуня моя! Но Ты Господи, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь во славу Твою, и спизошли силу быть вѣрнымъ, чистымъ Рыцаремъ твоего сына Іисуса Христа.

Теперь, когда Южная Россія, омываемая Чернымъ моремъ соединилась съ Кавказомъ, очень естественно, что она повлечетъ новыя болѣе обширныя связи, выгодныя во всѣхъ отношеніяхъ: ибо путь въ Редуткаль и въ другія мѣста Восточнаго берега, сдѣлался болѣе извѣстнымъ и лучшимъ; отъ того, въ самое кроткое время, Кавказъ кажется уже менѣе страшнымъ для пріѣзжающихъ, и намъ пріятно думать, что Черное море раздѣлявшее прежде два благодатные края, понесетъ изъ улучшеннаго свои избытки и сроднитъ ихъ между собою. Тогда ложное понятіе о Закавказьѣ, какъ о странѣ отдаленной и неприступной, родившіеся прежде отъ опасностей сухопутныхъ гористыхъ сообщеній и народной дикости — не станеть удерживать и остальныхъ Русскихъ отъ знакомства съ Кавказомъ; пріѣхавъ туда, они, при нынѣшнихъ благодѣтельныхъ мѣрахъ, найдутъ вмѣсто голыхъ скалъ и грозно-жестокихъ Черкесъ, страну благословенную Богомъ, наслаждающуюся тишиною, безопасностію и обиліемъ, а народъ, дающій уроки Европейцамъ въ Христіанской жизни. (*)

До сихъ поръ, мы старались познакомить читателя, сколько могли, съ природою Кавказа и правами его обитателей, раскрыть предъ нимъ, сколько прелестнаго, дивнаго и живописнаго можетъ встрѣтить путешественникъ на каждомъ шагу, въ благословенной странѣ Юга и Востока, не говоря нисколько о царствѣ прозябаемомъ, ископаемомъ, о чемъ слѣдую своей системѣ описанія, будемъ говорить въ слѣдующей книгѣ. Мы только показали, что съ величественною природою сходенъ горенецъ, что онъ не смотря на полудикость имѣетъ въ себѣ много прекрасныхъ качествъ, воспріимчивъ ко всему до-

(*) Мы очень благодарны газетѣ Кавказъ, за собранные факты и идеи, и воспользовались ими сколько могли. Рекомендуемъ всякому читателю эту умную газету

броду и началъ общественности, не чуждъ къ усвоенію свѣтой религіи; показали также, какое вліяніе имѣетъ она на его сердце. Такую - то дивную, Богомъ благословенную страну съ рыцарскимъ народомъ, было угоднѣ Судьбѣ вручить попечительству Россіи. Законы начертанные Творцемъ, по которымъ движется человѣчество въ своемъ прогрессѣ не преложны и неизмѣняемы, и Русскіе какъ добрые наставники, не обходимы принять въ объятія еще незрѣлое дитя, и исполнить великое дѣло предназначенія въ его преобразованіи.

ГЛАВА XIV.

Взошла заря. Изъ за тумановъ, на небосклоны голубомъ, ~~истаютъ~~ главы гранитныхъ великановъ, увѣчанные льдомъ. Въ ущельи облако проснулось, какъ парусъ розовый надулось и понеслось по вышнему. Все дышетъ утромъ; по косорогу, за оврагомъ, Черкесъ на борзомъ скакунѣ, ѣдетъ тихимъ шагомъ. Еще блестящее свѣтло, росы холмовъ не осушило; со скалъ высокихъ надъ путемъ, склонился дикій виноградникъ, его серебряной росой осыпанъ часто копъ и всадникъ. Небрежно бросивъ поводъ, красивой плеткой онъ махаетъ, и пѣсню дѣдовъ иногда, склонясь на гриву запѣваетъ; и дальній отзывъ за горой, уныло вторитъ пѣсни той. Л.

Вслѣдъ за Гаграми начинается Джигетіа, недавно признавшая власть Россіи и поступившая въ вѣдѣніе Абхазскаго Владѣтеля. Съ скалистаго отрога Гагръ тянется къ у. Св. Духа, параллельною линіею къ морю, уступистая, лѣсистая цѣпь горъ, скрывающая отъ глазъ любопытныхъ внутренность горной страны. Часто горы, пересѣкая голышный берегъ, врываются подошвами своими на нѣсколько сажень въ морскія волны и преграждаютъ всякое слѣдованіе; впрочемъ, пѣшеходъ пробирается по берегу, или въ скалѣ по узкой тропинкѣ. Въ 25 верстахъ отъ Гагръ, на расширившейся равнинѣ Кавказскаго ущелья, стоитъ вблизи берега земляное укрѣпленіе Св. Духа, съ блокгаузами. Протекающая вблизи стѣнь рѣчка, разливаясь годами - смываетъ ихъ; но искусство инженеровъ играетъ съ природою, и при дѣятельности уничтожаетъ сей недостатокъ. Завозвышеніями ущелья выказываетъ все свое величіе и красоту съдой Кавказъ.

Съ укрѣпленія Св. Духа, глубина страны скрыта параллельною цѣпью высокихъ горъ, тянущихся къ Кавказу, въ ущельи которыхъ на взморьѣ построены Русскіе форты: Навагинскій, Головинскій, Лазаревъ, Вельяминовскій, Кабардинскій

Константиновскій, Раевскій, Троицкій, Геленджикъ, Новорос-
сійскъ, Александрія, Анапа и другіе, идущіе постепенною ни-
тью берега къ Сѣверо - Востоку. Эти форты, занимая важные
пункты въ странѣ независимыхъ горцевъ, преграждаютъ сбли-
женію ихъ и торговль съ Турками. Каждый фортъ имѣя при се-
бѣ два Азовскіе баркаса, ловить постоянно Турецкія качеры
съ оружіемъ, порохомъ, невольниками и другими вещами. Это
обстоятельство, болѣе же необходимость въ существованіи,
особенно при нѣскольکو - лѣтнихъ голодахъ, принуждаетъ
вольныхъ горцевъ, имѣть съ фортами постоянную мѣну или
тасовку своихъ произведеній на муку, соль и Русское одѣя-
ніе. Такая торговля, болѣе или менѣе зависитъ отъ ихъ
спокойствія, однакожъ нѣсколько не мѣшаетъ имъ въ на-
значенное время, болѣе осенью и зимою, собираться въ нѣ-
сколькихъ тысячахъ и безуспѣшно нападать на форты и на
команды, выходящія въ лѣсъ для заготовленія дровъ. Были
правда случаи, когда они и брали укрѣпленія, такъ въ 1839
г., что было описано въ Сынѣ Отечества, — они взяли съ
большою потерей четыре недостроенные форта, защищае-
мые ротою или двумя солдатами; но теперь попытки ихъ
всѣ неудачны.

Недавно два нападенія на слабый ф. Головинскій, со-
провождались необыкновеннымъ дивомъ Божиимъ, спасеніемъ
форта, смертію значительнѣйшихъ горскихъ князей - латни-
ковъ и нѣсколькихъ тысячъ самыхъ храбрѣйшихъ горцевъ.
Казалось бы, что нѣсколько - лѣтнія неудачи, могли вразу-
мить ихъ и удержать отъ нападеній, но не проходитъ ночи,
въ которую форты оставляются въ покоѣ, такъ, что проѣз-
жая мимо морскаго берега, только и слышишь тревогу:
стукъ Русскихъ барабановъ, визгъ горцевъ, громъ орудій и
свистъ ружейной стрѣльбы. Днемъ все успокоивается, изрѣд-
ко по взморью увидишь пробирающихся пѣшиходовъ и ко-
ныхъ горцевъ, или по вершинамъ, откуда они передаютъ
другъ другу свои страшные, визгливые сигналы; также по го-
лышному взморью ихъ качеры и галеры.

Удаляясь отъ Абхазіи, или отъ странъ древней Колхиды,

вы уносите съ собою пріятное впечатлѣніе: для васъ какъ будто закрывается великая книга міра и жизни, и что только прельщало прежде, остается для васъ пріятнымъ сновидѣніемъ, незабудкой. За открытою, гористою равниною, украшенной разнообразною зеленою выставляютъ какъ монументы вѣковъ свои величественныя, грозныя формы, руины древняго Христіанства. Новая страна, сжатая горами, для взора кажется темною; воображеніе ваше взволнованное или утомленное въ Колхидѣ, мало по малу складываетъ крылья свои и отдается мысленно на прискорбное съ нею прощаніе; и нѣжный, живительный лучъ Южнаго солнца, согрѣвая мысли, не можетъ вырвать изъ души вдругъ затопившейся исполненной грусти. Тутъ по сѣрымъ или зеленымъ скатамъ горъ перебѣгаютъ съ крикомъ горцы, изрѣдка замѣтите на голышномъ берегу ихъ несчастную хижину, пашни, болѣе же безжизненный голый берегъ, который извиваясь темною лентою возвышеній, идетъ къ Геленджку, Новороссійску, Анапѣ, являющимся издали какъ пріятная мысль въ горестной жизни: онѣ останавливаютъ васъ и ваши думы на короткое время.

Въ такихъ мысляхъ, мы выѣхали изъ форта Головинскаго. Вѣтеръ былъ попутный, небо свѣтло, баркасъ летѣлъ быстрымъ лебедемъ; вдругъ небо стало нахмуриваться, противный вѣтеръ пробѣжалъ по воздуху и морю, баркасъ спустилъ паруса пошелъ на веслахъ. Кругомъ темнѣю сумракомъ, наконецъ онъ закрылъ совершенно Черкесскій берегъ: въ пяти шагахъ, мы не могли разглядѣть волнъ, на насъ крапился съ воздуха сѣрый капля, море стонало и какъ бы билось волнами о берегъ.

Положеніе наше было не совсѣмъ завидно. Мы не знали гдѣ мы? идемъ ли въ море или находимся около берега? мы подвигались впередъ тихо, ибо противный вѣтеръ и теченіе морскихъ волнъ — разбивали въ прахъ всѣ усилія гребцовъ. Туманъ усиливался и наконецъ, образовалъ противъ насъ грозную, водяную тучу или тифонъ, который стремился къ намъ быстро бурнымъ духомъ.

Вотъ уже близко, холодъ пробѣгаетъ по тѣлу, что будетъ? не знаемъ;—нечаянность поражаетъ душу. Вдругъ туманъ разсѣялся, и мы очутились въ 5 саженьяхъ отъ встасканной на песчаный Черкесскій берегъ, полуразрушенной Турецкой качерны. Около нее стояла толпа горцевъ и о чемъ-то толковала съ жаромъ. Въ одинъ мигъ баркасъ далъ поворотъ и изъ фалконста его, съ громкимъ гуломъ раздавшимся по горамъ, полетѣла въ горцевъ картечь; испуганные неожиданностію, а можетъ быть и болью, они стремглавъ взбѣжали на вершины и оглашая воздухъ визгомъ, въ нѣсколько минутъ собрали до 100 горцевъ. Должно полагать, что они считали нашъ баркасъ за передовое судно Русскаго десанта; но мы удовольствовавшись ихъ страхомъ, болѣе же собственнымъ спасеніемъ отъ морскаго тифона, видя невозможность дальнѣйшаго слѣдованія на веслахъ къ форту Вельяминскому, повернулись съ баркасомъ назадъ, и распутивъ паруса по вѣтру пронеслись опять къ ф. Лазареву быстрѣе, чѣмъ вышли, и черезъ часъ сидѣли за чайнымъ столикомъ у добраго коменданта гостемъ.

Рѣзкій, холодный вѣтеръ свистѣлъ по временамъ и ударяя въ укрѣпленіе — разгонялъ густой туманъ, который однакъ стоялъ до вечера, растилаясь отъ вѣтра пеленой прозрачнаго гаса по полямъ, проникнутыхъ тѣжнымъ свѣтомъ луны, которая блистала всѣмъ блескомъ, какой придастъ Южная атмосфера, серебрила извилины рѣки, утесы и вершины снѣжныхъ горъ.

Вообще народы Восточнаго берега есть племя Адиге или Черкесы (Черкъ - рѣзать, кесъ - голова); Адигъ означаетъ ущеліе при морѣ (аде - ущеліе, ге - море). Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе произошло потому, что они живутъ въ ущеліяхъ Кавказа при морѣ, и приняли имена отъ своихъ предводителей, или отъ горъ, рѣкъ и т. п. Собственные Черкесы, обитающіе къ Сѣверу, называются: Бесленесвцы, Мансуровцы, Чемиргойцы, Абадзехи и Шапсуги, далѣе за ними къ Абхазіи: Натугайцы, Убыхи, Джигеты; кромѣ того на Сѣверной оконечности горъ, за рѣкою Кубанью, живутъ на равнинахъ

и предгоріяхъ Кавказа остальные ихъ племена. Едва ли не вся мѣстность ими занимаема покрыта въковыми кипарисами, самшитомъ, топодемъ, ольхою и другими мачтовыми и строевыми лѣсами, вѣнчающими вершины горъ, и раскидывающіяся по отлогостямъ и ущеліямъ украшаютъ равнины и берега рѣкъ: Агакуша, Убинъ, Каракубанъ или Афибсъ, Су, Ишагу, Шадгану, Лабу, Урупъ, большой и малый Зеленчукъ, Шахе и Сухбзе, вытекающія изъ высочайшихъ горъ Кавказскаго хребта, имѣющихъ скалистые берега и теченіе подобное Тереку, но приближаясь къ морю русло ихъ расширяется, берега становятся пологими и теченіе медленнѣе. Вода въ горахъ мутна отъ сносимой нечистоты съ горъ; но предъ моремъ она очень чиста и здорова.

Кавказскіе горцы заслуживаютъ вниманіе въ разныхъ отношеніяхъ, но болѣе потому, что сохранили древніе обычаи и нѣкоторыя черты первобытнаго характера. Слѣды патріархальной жизни и суровые нравы, облегчаютъ доступъ въ ихъ отдаленную древность и показываютъ, какъ народы, появляясь въ младенческомъ состояніи, зрѣютъ, мужаютъ, дряхлѣютъ, и какъ на могилахъ ихъ возникаютъ новыя, присвоивая имена предшественниковъ или принимая другія. Замѣтимъ, что первоначально люди соединялись въ бродячія семейства, потомъ устранивали общество, которое вело жизнь дикую, довольствуясь тѣмъ, что производила окружающая природа, потомъ, постепенно переходя изъ дикости, изыскивало къ пропитанію средства болѣе надежныя, обезпечивающія далѣйшее существованіе и заводило пчеловодство и скотоводство. По мѣрѣ того какъ усиливалась необходимость, въ пастушескій бытъ вкрадывалась роскошь, смягчала нравы и дѣлала земледѣліе необходимымъ занятіемъ; нужды прибавляясь временемъ изыскивали и другія средства для улучшенной жизни.

Такіе переходы сопровождали переворотъ въ развитіи способностей и нравственности: болѣе сильное поколѣніе взявъ перевѣсъ надъ другими, составляло съ ними обширное племя, которое стремясь жаждою пріобрѣтешъ или нуждою,

покоряло слабѣйшихъ, и своевременно исчезало подъ игомъ болѣе сильныхъ; нравы, обычаи перемѣшивались между побѣдителями и побѣжденными, и при измѣненіяхъ дали себѣ общій характеръ: такъ гостепріимство, ненависть къ иноземцамъ, уваженіе къ храбрости, неукротимое мщеніе за обиды, вѣрность въ словѣ, хищничество, нѣкоторые военныя добродѣтели и корысть, можно встрѣтить во всѣхъ Кавказскихъ горахъ; онѣ укрылись въ нихъ, чтобы выказать дикое состояніе людей первобытныхъ, неприкосновенныхъ вліанію обстоятельствъ. За тѣмъ слѣдовало въ горы Христіанство, оно смягчало нравы, подводило къ истинному Богопознанію; но людскія страсти разрушившія связь могущественныхъ Имперій, дозволили вмѣсто святой вѣры, укорениться Исламизму и восцарствовать кровавому періоду воиновъ и истребленій, съ ними естественно слилось и язычество; отъ того мы видимъ ту жалкую смѣсь религій въ горахъ, которая поражаетъ наблюдателя своею неправильностію и суевѣріемъ.

Удаливъ историческій рассказъ такихъ перемѣнъ горцевъ въ другое мѣсто, мы обратимся къ послѣднему состоянію ихъ нравовъ. Въ XVI столѣтіи Иттеріано писалъ такъ:

«Черкесы обитаютъ въ странѣ дикой, необразованной, но крайне укрѣпленной скалами, въ центрѣ которой есть прекрасное ущеліе (фортъ Головинскій). Оно болѣе обработано, обитаемо и природою лучше другихъ мѣстъ. Здѣшніе горцы говорятъ языкомъ гортаннымъ и имѣютъ множество нарѣчій. Они считаются Христіанами, имѣютъ Греческихъ Священниковъ, но дѣтей крестятъ въ 8ми лѣтнемъ возрастѣ; однакожъ такое крещеніе состоитъ въ кропленіи святою водою и краткомъ благословеніи, - что ихъ крайне восхищаетъ. Князья входятъ въ храмъ не ранѣе 60 лѣтъ; до того времени, они занимаются разбоемъ; но за то въ старости дѣлаются въ религій строгими, ибо время ихъ страсти прошло; они присудствуютъ въ храмѣ при священной литургіи, тогда какъ прежде, выѣзжали туда на лошадяхъ.

Жены разрѣшаются отъ бремени на соломѣ, которая, по мнѣнію горцевъ, должна быть непременно первою постелью

младенца; потомъ несутъ его къ рѣкѣ и обмываютъ, не смотря на ужаснѣйшій, постоянный холодъ воды. Имя младенцу даетъ чужестранецъ, замѣняющій званіе воспріемника.

Сословія горцевъ раздѣляются: на князей, зависимыхъ дворянъ, рабовъ и невольниковъ. Дворяне очень почитаемы и ѣздятъ на лошадахъ; заботливо занимаются о скотоводствѣ, и если въ стадѣ окажется хорошій жеребецъ, то его ставятъ въ своемъ жилищѣ.

У князей много подвластныхъ дворянъ, которые живутъ независимо другъ отъ друга, и кромѣ ихъ власти не знаютъ никакой, не имѣютъ законовъ и судью для правосудія. Сила, воля и покровительство знатнаго - кончаютъ всѣ споры.

Князья считаютъ за ничто умерщвлять другъ друга, родные своихъ родныхъ, брать брата, и потому часто вражда кончается обоюдною смертію. Не имѣютъ совѣсти и стыда соединяться съ женою умершаго; закономъ позволено многоженство.

Если младенецъ дойдетъ до 2хъ и 3хъ лѣтняго возраста: ему для воспитанія даютъ дядьку, который обязанъ выучить его ѣздѣ на лошади, ходить за курами, птицами и свиньями. Въ юношествѣ занимаются обученіемъ въ домашнемъ хозяйствѣ, ходятъ за животными, а когда онъ сдѣлается взрослымъ, посвящаютъ жизнь дикому скотоводству, далѣе обращенію съ людьми, и т. п.

Почва вообще болотиста и закрыта Азорскимъ тростникомъ и лѣсомъ, и заключаетъ въ себѣ множество перерѣзывающихъ тропинокъ, гдѣ спрятавшись за камнемъ или деревомъ, они грабятъ бѣдныхъ прохожихъ туземцевъ, отнимаютъ у нихъ скоть, и захвативъ дѣтей продаютъ въ неволю.

По берегу моря и въ глубинѣ къ Кавказу нѣтъ денегъ, отъ того всѣ торговли сдѣлки у туземцевъ производятся Бокасинами, которые состоятъ изъ кусковъ рубашечнаго холста; кромѣ того горцы препровождаютъ большое количество невольниковъ въ Каиръ, гдѣ для этой торговли назначаютъ лучшее мѣсто. Такихъ невольниковъ покупаютъ Султанъ и его Адмиралы.

Верхнее одѣяніе горцевъ состоитъ въ плащѣ или шерстяной эпанчѣ (буркѣ), которая на правомъ плечѣ, для движенія ру-

ки, всегда открыта Голова ихъ выбрита и подобна засахаренному хлѣбу; на ней оставляють сверху хохоль. Подъ буркой носятъ шерстяныя теренцы и холстинныя панталоны, которыя къ ногамъ спускаются складками, какъ спускалось прежде Римское одѣяніе. Они щеголюють другъ передъ другомъ башмаками, (чавеками), также широкими холстинными шараварами.

Постоянно у пояса носятъ коженныя мѣшечки, сдѣланные ихъ женами, въ которыхъ находится огниво; лучшую бритву и точно берутъ всегда съ собою.

Болѣе богатые изъ нихъ, имѣють отъ 300 до 500 золотыхъ дукатовъ, съ которыми обходятся съ благоговѣніемъ, какъ съ божественною вещію или какъ съ умершимъ другомъ; кланяясь золоту, они съ уваженіемъ открываютъ свои головы.

Земледѣіемъ занимаются съ осторожностію, имѣя надъ своею головою всегда все оружіе и кольчугу, чтобы въ случаѣ опасности, могли тотчасъ отразить ее. Камышевыя постели ихъ обтянуты кожею.

Судьями своими назначаютъ людей не-совсѣмъ извѣстныхъ и не такъ сильныхъ въ народѣ, чтобы они не могли имѣть вліянія и сдѣлаться владѣтелями; кромѣ того не желаютъ давать полнаго отчета въ своихъ дѣлахъ, увѣряя, что дѣла князей-владѣтелей народныхъ, необходимо скрывать, и что такая скрытность, есть начальный опытъ военной осторожности, необходимой въ дѣйствіяхъ.

Щедрость цѣнять высоко и готовы изъ самолюбія отдать все, исключая оружія и лошади; но получившій подарокъ, не можетъ отказать имъ за то ни въ какой просьбѣ.

Въ дорогѣ, горцы постоянно вооружены и на лошади: ее не даютъ никому, — она есть главная ихъ пышность и богатство. Большая часть князей за лошадь готовы отдать все, за то и берегутъ ея какъ неоцѣненное сокровище.

Въ добычѣ ищутъ золота и серебра, которое тотчасъ употребляютъ на чаши, обдѣлку седель и оружія, — ибо здѣсь благородныхъ металловъ не имѣется. Живущіе по берегу моря чрезвычайно акуратны и осторожны въ торговлѣ.

« Они непрестанно дерутся съ Татарами, живущими вблизи ихъ. Во время холодовъ, морозовъ, они отправляются на грабежъ въ Таврическій Херсонъ. Толпы ихъ немногочисленны, но чрезвычайная ихъ дѣятельность, проворство и рѣшительность — замѣняютъ силу и число.

« Татары лучше всѣхъ народовъ выдерживаютъ эти пабѣги, потерю свою и безпокойства, и часто, незванные посетители, когда уже возвращаются домой съ добычей, проходя по болотистымъ мѣстамъ, снѣгамъ и лѣдамъ — бываютъ разбиты; ибо Татары застѣвши въ удобномъ мѣстѣ, съ постоянствомъ вытерпливаютъ непогоду, и нападая неожиданно побѣждаютъ. Черкесы вообще красивы и дѣтельны; считаются лучшими людьми между Канрскими мамелюками. Жены ихъ скоро свыкаются съ иностранцами.

« Горцы гостепріимны даже къ врагу, принимаютъ съ большою ласкою; съ тѣхъ поръ гость считается конакомъ, другомъ; если онъ чужеземецъ, его сопровождаютъ къ своему пріятелю, защищая въ опасной дорогѣ, съ гибелію для собственной жизни, отъ обидъ, грабежа другихъ, считая такую защиту своимъ долгомъ. Это конакство — какъ дома такъ и вдали очень вѣрно.

Они промышляютъ большою частию рыбною ловлею, въ особенности антисеями (асетрами), и понимавъ, пускаютъ въ воду своихъ рѣкъ, очень удобную для сваренія въ желудкѣ; ѣдятъ всякаго рода мясо домашнихъ и дикихъ животныхъ. Они не имѣютъ вина и пшеницы, для хлѣбнаго посѣва употребляютъ просо (гомія) и другія; пьютъ бузу и медъ.

« Дома ихъ соломенные, камышевые и деревянные; владѣтель и князь считаютъ за безчестіе имѣть каменные, говоря: что такіе можно строить только изъ страха и жить безпрестанно защищаясь. Горцы обитаютъ въ одномъ домѣ большими семействами. Мужчины, женщины все вмѣстѣ; находящіяся развалины и камни, князья отдаютъ для жилища своимъ людямъ, сами же стыдятся о томъ и думать.

Ежедневно упражняются на лошади метаніемъ стрѣлъ въ

цѣль; каждая стрѣла пущенная даже на удачу, попадетъ почти всегда.

«Жены ихъ занимаются дѣланіемъ кошелековъ для огниво, также гладкихъ шерстяныхъ поясовъ.

«Погребеніе мертвыхъ у нихъ необыкновенно. Послѣ смерти князя, строятъ въ лѣсу высокій катафалкъ, на которомъ кладя тѣло, вынимаютъ внутренности. Въ продолженіе 8ми дней, родственники, друзья, подвластные посѣщаютъ умершаго, приносятъ ему въ подарокъ: серебро, лукъ, опяхало и другія вещи. Двое ступенъ лѣстницы занимаютъ родные въ лѣтахъ почтенныхъ, которые придерживаютъ гробъ лѣвою рукою. Около ихъ, юная дочь умершаго держа въ рукѣ открытое опяхало или кусокъ шерсти, смахиваетъ постоянно мухъ. Въ день же смерти отца, она садится впереди всѣхъ женщинъ на землю, и не отвѣскаетъ безслезныхъ глазъ отъ покойника, — плакать стыдно и не принято. Въ продолженіе 8ми дней, она не оставляетъ своего мѣста; въ концѣ послѣдняго берутъ высокій столъ и разрубивъ на двое, кладутъ на него умершаго съ подарками; за тѣмъ относятъ на мѣсто погребенія въ лѣсокъ въ сопровожденіи многочисленной толпы, и бросая на гробъ его землю, возвышаютъ могилу. Спустя нѣсколько дней, въ часъ обѣда, слуга покойника взявъ осѣдланную его лошадь отправляется на могилу, и тамъ назвавъ его три раза по имени, проситъ на обѣдъ къ родственникамъ и друзьямъ. Исполнивъ это, слуга возвращается уже верхомъ на лошади, увѣряя съ прискорбіемъ, что господишъ не отвѣчалъ ему. Послѣ такого отказа, родственники и гости не дожидаясь покойнаго, полагая, что исполнили долгъ свой, садятся за столъ, и вспоминая подвиги его, ѣдятъ и пьютъ исправно.

Такъ говоритъ Интеріано, но спустя 4ре года, для нихъ наступила новая эпоха: Магометане завладѣли берегомъ. Патріархъ Іерусалимскій Доснѣей, путешествуя въ странахъ Кавказа въ 1658мъ году, говоритъ такъ о Джигетахъ: «Послѣ счастливаго, пятидневнаго плаванія, пристали мы къ Черкесіи, жители которой Страбонъ называетъ Кер-

кетами, а Оттоманы Черкесами. Народы это собственно есть Зикки; хотя несведущіе мореходцы и называютъ ихъ Керкетами, но Керкеты обитаютъ въ Сѣверной части Кавказа. Мѣсто, гдѣ мы бросили якорь, была скала, называемая тамошними жителями Контози (оно на древнихъ картахъ означена межъ Адлеромъ и Гаграми); тамъ между двумя горными протоками есть мѣсто для убѣжища. Тутъ находится высокій, четырехъугольный, изъ цѣлаго камня столбъ, увѣнчаный каменною верхушкою. Мы нашли передъ колонной, бронзовую статую Св. Георгія, (что лучше доказываетъ древнее Христіанство), вокругъ которой находятся головы кабановъ и оленей, стрѣлы, копья, шашки и якоря повѣшанные на деревьяхъ. Мѣсто это служить убѣжищемъ. Керкеты встрѣтивъ кого нибудь изъ иностранцевъ за этими рѣками, тотчасъ грабятъ и дѣлаютъ невольниками. Если корабль потерпитъ кораблекрушеніе и станетъ у береговъ на мѣль, то берутъ въ плѣнъ матросовъ; кромѣ того всякое судно, желяющее здѣсь кинуть якорь около берега, не имѣя туземцевъ на борту - не смѣетъ высаживать пассажировъ. Но въ Контози, Греки и Оттоманы, пристають какъ въ портъ имъ принадлежащій: они тамъ высаживаются на берегъ, живутъ не боясь ни грабительства, ни плѣна, и туземцы обходятся съ ними съ величайшею кротостію.»

«Неприкосновенность вещей здѣсь удивительна. Если вы забудете на здѣшнихъ берегахъ какую либо вещь свою, то можете быть увѣрены въ ея цѣлости. Кромѣ того намъ совѣтовали ничего не брать отсюда и подтвердили совѣтъ фактомъ:»

«Вы видите—говорили они, здѣсь при входѣ въ гавань галеру это было полузатопленное судно; когда Оттоманскій флотъ выѣхалъ изъ Кафы, противные вѣтры пригнали его сюда, матросы и солдаты чтили святость обычая у здѣшняго столба; но одинъ изъ нихъ, принадлежавшій это галерѣ, осмѣлился взять четверникъ, которымъ мѣряютъ хлѣбъ. Когда флотъ выѣзжалъ отсюда, одно только это судно погибло. Берегитесь и вы подобнаго несчастія! Спусти нѣсколько

дней пришесть къ намъ маленькій старичекъ объявить, что туземцы этой страны послали нарочнаго къ Татарскому хану. Мы спросили его, какой онъ вѣры. Онъ не умѣлъ отвѣчать, но вышувъ книгу изъ мѣшка, высѣваннаго у него на правой рукѣ, спросилъ не можемъ ли дать другую подобную? Раскрывъ книгу, мы увидѣли, что это былъ молитвенникъ (Nemi—horologion), печатанный въ Венеціи. Мы сказали, что на суднѣ находился Патріархъ, и что мы изъ его свиты. Это извѣстіе, онъ и его спутники-приняли съ величайшею радостію; тутъ мы узнали, что они Христіане потому только, что постятся по средамъ и пятницамъ, а нѣкоторые изъ нихъ и въ продолженіи Великаго Поста. Кажется, что прежде они были Христіане и люди образованные. Ибо по свидѣтельству Фотія, въ 96мъ его письмѣ, ссылаясь на Страбона кн. VII, Понть наименованъ Авксіиномъ потому, что Скифы обитающіе на его берегахъ, приносили въ жертву язычества людей; но Милесинцы и Іонійцы, построивъ тамъ города, смягчили нравы этихъ народовъ; подъ владычествомъ же Оттомановъ, они почти возвратились въ прежнее варварское состояніе.»

Кромѣ того, мы должны замѣтить, что весьма тотъ ошибается, кто думаетъ, что горцевъ можно покорить однимъ оружіемъ. Защищаясь въ неприступныхъ мѣстахъ, пользуясь извѣстными имъ выгодами, они храбры до изступленія и фанатизма. Привыкнуши къ перенесенію нужды и трудовъ, отказывая себѣ въ необходимомъ для существованія, горцы, безъ всякаго военнаго порядка и устройства, могутъ ниспровергать предпріятія отважнѣйшихъ военачальниковъ, въ чемъ увѣряетъ, кромѣ характеристики ихъ, одинъ взглядъ на большое неприступное пространство, ими занимаемое. Почти всѣ Главнокомандующіе Кавказа, старались огнемъ и мечемъ прокладывать путь въ глубь Кавказскихъ ущелій, и хотя правда многое успѣли сдѣлать: занявъ долины и выгодные пункты, и отбросить горцевъ къ снѣжнымъ вершинамъ, но это не мѣшаетъ горцамъ платить непрестанными набѣгами на занятые пункты укрѣпленіями, и Русскіе, должны хранить

ихъ съ крайнею острогожностію и умомъ, сопровождаая даже команды за дровами, довольно большимъ военнымъ прикрытіемъ. (*) Но и такіе форты снисканы великими жертвованіями и служатъ пунктами для сбора войскъ, путями сообщеній въ краю дикомъ, защищая обширныя равнины или лѣса. Впрочемъ недавно, горцы чувствуя необходимость въ существованіи стали сближаться, но это не мѣшаетъ имъ своевременно обнаруживать свою враждебность къ Русскимъ.

Горцы въ нравахъ своихъ имѣютъ крайность. Кипучія страсти, при первомъ впечатлѣніи, обнаруживаютъ въ довольно рѣзкихъ чертахъ: порывы благородные и недостатки или душевныя слабости, самую чистую нравственность и преступленіе, необычайную твердость и слабость въ характерѣ, свѣтлыя, здравыя понятія и заблужденія.

Мстительные до изступленія, они вѣрны въ словѣ и свято хранятъ дружбу; гостепріимны и недоувѣрчивы, цѣломудренны и сладострастны; будучи весьма чадолюбивы и кротки въ семейной жизни, считаютъ смерть убійство дѣломъ обыкновеннымъ. Женщины у нихъ въ совершенномъ рабствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуются большимъ уваженіемъ, такъ, что при хозяйственныхъ распоряженіяхъ и покупкахъ ихъ, мужчины удаляются, и могутъ только уже послѣ, при выходѣ продавца спросить о купленномъ и цѣнѣ его. Обида нанесенная женщиной считается поступкомъ предосудительнымъ.

Всѣ вольныя племена, кровное мщеніе сохраняютъ въ семействѣ непреложнымъ. За убійство обязаны мстить ближайшіе родственники; что не рѣдко переходитъ по послѣдству къ дѣтямъ и внукамъ, и даже къ друзьямъ убитаго; иногда же прекращается денежными сдѣлками до первой возможности. Если преслѣдуемый врагомъ, видя неминуемую гибель желаетъ спастись, то ему стоитъ только прибѣгнуть подъ защиту какой-нибудь женщины. Такое убѣжище останавливаетъ порывъ гнѣва, но считается постыднымъ.

(*) С. Картины Кавказскихъ странъ Зубова. Т. I.

Обязанности дружбы, по обычаю, сохраняются строго. Съ кунакомъ (пріятелемъ) вы можете ѣхать всюду: взявъ подъ свое покровительство, онъ отвѣчаетъ за безопасность вашу не только въ своемъ домѣ, но даже обязанъ охранять и въ проѣздѣ чрезъ владѣнія непріязненныхъ племенъ, хотя бы это стоило ему жизни. Если вамъ нравится его оружіе или лошадь, чѣмъ онъ дорожитъ болѣе всего на свѣтѣ, онъ вамъ ихъ не продастъ а подарить, но за то вы должны одарить его вещью равной или болѣе ценной. Храбрость горцы ставятъ въ ряду высокихъ достоинствъ и предпочитаютъ смерть плѣну, въ мнѣніи ихъ постыдному. Черкеса можно взять въ плѣнъ развѣ только тяжело - раненнаго, безоружнаго или мертваго, - что представляетъ иногда неудача въ битвѣ, и то рѣдко, потому что они тѣла убитыхъ и раненныхъ своихъ товарищей поспѣшно увозятъ или относятъ въ безопасныя мѣста; кромѣ того, Черкесъ безъ оружія не отлучается отъ своего дома; даже пастухъ надзирающій за стадомъ, въблизи аула, также точно вооруженъ какъ бы собиравшійся на грабежъ или противъ непріятеля: онъ всегда носитъ на себѣ ружье, пистолетъ, шашку, а иногда кинжалъ. Нѣкоторые Закубанцы берутъ съ собою лукъ и колчанъ съ стрѣлами, которыя бросаютъ болѣе въ тылъ бѣгущему непріятелю. Отважнѣйшіе набѣдники носятъ на себѣ панцири, кольчуги и стальные шишаки.

Ополченія противъ врага и сборъ партій для набѣговъ, дѣлаются съ согласія общаго народнаго совѣщанія, гдѣ назначаютъ условія и сборные пункты. Военноначальниковъ нѣтъ, всѣ военныя распоряженія составляютъ совѣты и наставленія храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ военномъ дѣлѣ. Не зная дисциплины, они дѣйствовали прежде болѣе разсыпнымъ строемъ, пѣше, конные и пѣшие иногда собираются кругомъ своихъ флаговъ, въ отдѣленія, толпы, и смотря по мѣстоположенію, силами своимъ, сражаются довольно удачно. — Главное правило ихъ тактики: внезапное нападеніе и скрытая засада въ завалахъ. Когда намѣренія ихъ обнаружены, они дѣйствуютъ открыто, если превосходятъ, то стараются окружить непрі-

ителя; часто обходятъ во флангъ и въ тылъ кидаясь на обобы. Отступленіе свое прикрываютъ самыми отважными паъздинками и стрѣлками, употребляя военныя хитрости и засады въ лѣсу, чтобы навести туда непріятеля и не дать ему средствъ вырваться; чему способствуютъ ущелія, лѣса и овраги.

Такъ какъ цѣль пабѣга ихъ — есть добыча, то всякій изъ нихъ старается захватить, что либудъ по лучше и побольше.

Общія добычи: скотъ, табуны лошадей, плѣнныхъ, значительное количество хлѣба дѣлятъ на всѣхъ; разумеется при дѣлѣжѣ, князья и старшины получаютъ долю больше, нежели простой народъ. Плѣнныхъ продаютъ вдаль или оставляютъ у себя для работъ. Положеніе невольниковъ тягостно: при дурной пищѣ, несчастные употребляются на тяжелыя работы, иногда заковываются въ цѣпи, особенно когда пойманы бѣгутъ въ бѣгствѣ.

Уваженіе къ старцамъ, имѣетъ у нихъ свои наружныя приличія: сынъ при отцѣ и даже посторонній молодой человекъ въ присутствіи старшаго, или уважаемыхъ лицъ по званію и достоинствамъ, не смѣетъ сѣсть безъ особеннаго приглашенія, и вступить въ общій разговоръ, пока не обратятся къ нему съ вопросомъ.

Мусульмане изъ нихъ, совсѣмъ не пользуются правами многоженства, да и нѣтъ средствъ поддержать его: рѣдкій имѣетъ двѣ, три жены. При грубомъ состояніи правоваго и ничтожномъ различіи сословій, они крайне знакомы съ тщеславіемъ. Князья обыкновенно берутъ себѣ въ замужество женъ изъ княжескаго дома; но дѣти рожденные хотя отъ законной жспы, но изъ простаго рода, не только не пользуются уваженіемъ народа, но и не наследуютъ отцовскаго титула. Замужнія женщины могутъ видѣться только съ близкими родственниками, даже мужъ посѣщаетъ жену скрытно, чтобы не видѣли посторонніе. Дѣвицы пользуется больше свободою: въ праздничныя дни выходятъ съ открытымъ лицомъ на общественное гулянье, гдѣ пляшутъ вмѣстѣ съ мужчинами, составляя общій кругъ. Тогда-то одинокіе выбираютъ себѣ женъ. Женихъ за невѣсту долженъ внести калымъ, смотря по званію

и красота дѣвицы. Случается, что за княжескую дочь или какую нибудь знаменитую красавицу, платятъ пятьдесятъ и болѣе штукъ воловъ, столько же лошадей, овецъ или нѣсколь-ко сотъ тумановъ, до 1000 руб. серебромъ. Обрядъ бракосочетанія совершается очень просто: отецъ или братъ невесты получивъ калымъ, привозятъ ее къ жениху, и съ того времени она считается его уже женою; разумѣется, это сопровождается большимъ угощеніемъ, — о чемъ мы уже прежде сказали въ описаніи Осетинскихъ нравовъ. Разводы не затрудительны: кому не нравится жена, тотъ можетъ возвратитъ ее родственникамъ. Примѣры разводовъ не рѣдки, но за то мужу не возвращается калымъ, и онъ обязанъ дать ей содержаніе, смотря по своимъ средствамъ и званію. Постоянство въ супружествѣ должно скорѣе отнести къ корыстолюбію, чѣмъ къ чистотѣ нравовъ; кромѣ того супружескій разрывъ дѣлаетъ безчестіе мужу.

Въ дѣлахъ до родины характеръ горцевъ скромнѣе, благоразумнѣе и проникателенъ; проявляется въ патриотизмъ худо понимаемомъ, но пламенномъ и составляющимъ ихъ отличное качество, которое не дозволяетъ дойти къ сердцу горцу высокому чувству челоуѣколюбія. Любовь къ странѣ, деревнѣ и къ своему поколѣнію—чрезвычайна глубока: они чтутъ отца, мать, семейство свое и родныхъ до девятого колѣна, и готовы за каждаго изъ нихъ пролить кровь; въ этомъ правилѣ усердіе выходитъ изъ всякихъ предѣловъ; болѣе усиливаетъ его тщеславіе.

Если васъ судьба назначитъ быть ихъ сосѣдомъ, то вы сначала будете въ постоянномъ страхѣ, но потомъ привыкнете. Предположимъ, что половина изъ нихъ достаетъ себѣ пропитаніе честнымъ образомъ, работою, сколько же сотенъ и тысячъ, которые не хотятъ ни работать, ни умереть съ голоду, нищенствуютъ, крадутъ или живутъ на счетъ своего предводителя, исполняя его приказанія, какія бы онѣ ни были. Отъ того часто, они сотнями сходятъ въ ближнія горы и долины, и нападая грабятъ всѣхъ и каждаго, влеча ихъ съ собою съ добычею; по ихъ мнѣнію

гораздо благороднѣе завладѣть стадомъ съ шашкою въ рукѣ, нежели паниматься работать въ полѣ, и если является къ тому охота, то вѣроятно изъ хитрости, желанія узнать мѣстность и чѣмъ нибудь при случаѣ поживится отъ хозяина. Самые пачальники ихъ не лучше, и если не приказываютъ имъ воровать, грабить, то и не запрещаютъ, а напротивъ даютъ еще убѣжище преступникамъ, позволяя укрываться въ горахъ своихъ и лѣсахъ. Каждый князь имѣетъ довольное число лѣнтлевъ, которыхъ кормить, но часто они кормятся на счетъ другихъ. Вооруженные постоянно, они готовы нарушить спокойствіе страны по первому знаку своего вождя; на Кавказѣ, у Русскихъ такіе сосѣди повсемѣстны.

Духъ раздора поселился въ нихъ издавна; подозрѣніе и не-павиость между обитателями горъ и долинъ — есть неизъяснимыя причины наслѣдственной вражды между главными фамиліями,—что однакожъ пріучаетъ къ взаимной вѣжливости и осторожности.

Въ нихъ, народный характеръ отпечатывается стонческою твердостію, которую не могутъ тронуть никакіе случаи, какъ бы неожиданны, горестны и ужасны онѣ не-были. Привыкнувъ къ опасностямъ, съ надеждой на свою ловкость и силу, они недоступны робости и страху, исключая рѣзкой случайности, поражающей самаго безстрашнаго. Въ безпкойной жизни, они столько перенесутъ несчастій, что подобное въ другихъ не трогаетъ ни чувства совѣсти ихъ, ни сожалѣнія. Посмотрите на горца, когда воспламеняетъ его гнѣвъ, или онъ выставляетъ свои любовь къ родинѣ: глаза его расширяются, изливаютъ токи пламени, зубы скрежещутъ, кулаки сжимаются или хватаются за ручку кинжала, шашки или пистолета; въ волненіи, горецъ вскакиваетъ съ мѣста, кричить какъ тронутый звѣрь готовый разорвать все, и часто, вслѣдъ за такимъ гнѣвомъ, является на лицѣ спокойствіе, пробѣгаетъ улыбка, онъ будто соглашается, покоренъ до нельзя; это еще хуже, ибо въ ту же минуту онъ изобрѣтаетъ: какъ лучше можетъ наказать врага или противурѣчащаго. Для него пѣтъ въ мірѣ палатъ, дома, которые бы могли замѣнить ему его

утесы, саклю, какъ бы она бѣдна и дика ни была. Удаляясь отъ нее вдаль онъ почти потухаетъ въ жизни, и если изрѣдка воспламеняется, то эта вспышка погасаетъ вскорѣ; словомъ сказать, въ удаленіи отъ родины, младенческихъ привычекъ, онъ умираетъ часами, минутами.

Бубны, зурна и часто волюнка, съ живымъ вакханальнымъ пѣньемъ, предшествуетъ всякой энергіи и восторженнымъ дѣйствіямъ горцевъ. Въ домахъ же, игрокъ извлекаетъ изъ балалайки съ 4 ми металлическими струнами, нестройные звуки, подпѣваетъ, придаетъ игру праздненствомъ, и часто ведетъ ихъ на смѣлое, отважное предпріятіе, или на месть.

Въ раздробленныхъ на мелкія части горскихъ племенахъ, разсѣянныхъ на столь значительномъ пространствѣ, находится множество маловажныхъ владѣльцевъ, совершенно одинъ отъ другаго независимыхъ, живущихъ между собою во всегданней враждѣ, что препятствуетъ имъ дѣйствовать удачно соединенными силами, также и прочному союзу, возможному только тамъ, гдѣ власть сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Принуждаемые горцы силою покорствуютъ, даютъ аманатовъ, не щадятъ клятвъ и обѣщаній, но при первой возможности снова измѣняютъ и дѣйствуютъ какъ враги. Будучи бѣдны до крайности, лишены всего необходимаго, они пахотятся подъ тягостнымъ ярмомъ своихъ князей, неограждены законами, ведутъ жизнь страшную другъ для друга. Промышленность ихъ ничтожна: они привозятъ на продажу и мѣну черкесски разныхъ цвѣтовъ изъ сукна собственнаго издѣлія, между которыми есть отличной доброты, - также бурки, большое количество овечьей шерсти, медъ, воскъ, кожи волчьи, мѣдвѣжьи и бѣлчьи мѣха, туры и бычачьи рога, а при берегахъ: рыбій жиръ, рыбу и икру, также добрыхъ горскихъ лошадокъ.

Любопытно описаніе о ихъ торговлѣ одного путешественника, въ 1670 г. Онъ говоритъ: « что съ Мингреліи до Азовскаго будетъ 600 верстъ, на которомъ пространство идутъ лѣсистыя горы. Здѣшнихъ жителей, Турки вообще называютъ Черкесами. Климатъ здѣсь дурной, холодный и влажный,

Горцы мало заботятся о посѣвѣ и земледѣліи, отъ того Турки оставили эту страну безъ вниманія и не желаютъ обладать ею. Суда изъ Кафы (Ѳеодосіи) и Константинополя, бросаютъ якорь вблизи берега и видятъ варваровъ полунагихъ и жадныхъ, которые завидѣвъ судно бросаются съ горы съ визгомъ разбойниковъ, къ самымъ волнамъ моря. Тутъ начинается торговля вооруженная и занимательная. Если горцы захотятъ быть на суднѣ, то дадутъ прежде заложниковъ, и равномѣрно, если матросамъ позволяютъ сойти на землю: ибо они очень невѣрны, отъ того за одного матроса отъ нихъ берутъ трехъ аманатовъ. Суда мѣняють вещи: на невольниковъ обоюго пола и всякаго возраста, на медь, воскъ, кожу, мѣхъ шакаловъ, зердаву - схожую на куницу и др. животныхъ, которыя у нихъ водятся. Мѣна происходитъ такъ. Прежде баркасъ судна съ вооруженными людьми идетъ къ берегу; приближеніе его крайне осторожно и наблюдательно: ибо если Черкесъ окажется на берегу больше положеннаго, то баркасъ удаляется; въ противномъ случаѣ начинаютъ переговоры издали, въ слѣдствіе которыхъ, горцы приносятъ къ волнамъ свои товары и условливаются въ мѣнѣ; тогда баркасъ приближается, люди сходятъ на берегъ, притомъ необходимо быть крайне осторожнымъ: горцы при возможности украсть или забрать все, рѣшаются на мѣну и вѣроломство. Вообще они очень дики, хотя прежде были Христіанами, теперь же не имѣютъ никакой религіи, кромѣ естественной, ибо нѣсколько обычаевъ, принятыхъ отъ Христіанъ и магометанъ нельзя считать за вѣру. Они живутъ въ деревянныхъ шалапахъ и почти нагіе, захватывая прохожихъ и другъ друга, продаютъ ихъ въ неволю Туркамъ и Татарамъ. Женщины здѣсь обрабатываютъ землю - сѣя одно только просо. Купцы здѣсь торгующіе, рассказываютъ тысячи злодѣйствъ о здѣшнихъ народахъ. Нельзя вѣрить ни одному горцу въ безопасность, по дикости ихъ, никто ихъ не обезпеченъ отъ невольничества; это самое не дозволяетъ узнать въ точности страну Черкесъ и Абхазовъ, а потому такихъ жестокихъ людей, неумѣющихъ различить Сѣверъ отъ Юга, лучше оставить.

Временная покорность, снисканная умомъ и войною, является здѣсь по необходимости. Нѣтъ грознаго меча и горецъ испытываетъ жало страсти, уязвляетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ главѣ его дѣйствій высится умнѣ фанатикъ, и его, горецъ держится до крайности, не замѣчая вреда своему спокойствію и счастію. Если глава побѣжденъ—онъ смиряется, падаетъ долу душевно предъ побѣдителемъ, отдыхаетъ до перваго случая, когда можетъ приняться за прежнее дѣло съ большею хитростію и надеждою на выигрышъ, и наконецъ возстаетъ. Таковъ общій характеръ горцевъ, находящійся постоянно въ броженіи, въ волненіи, подобно церовной, гористой своей родинѣ; что заставляетъ его находить въ войнѣ: необходимость и утѣху. Но горцы всего міра одинаковы. Прочтите исторію, она утвердитъ это мнѣніе; и если взгляните въ настоящій бытъ общественнаго духа Шотландцевъ, Ирландцевъ, горныхъ Испанцевъ, Швейцарцевъ, Черногорцевъ, Албанцевъ, Карпатцевъ, Друзовъ, Курдовъ, Аванцевъ, дикихъ Американскихъ Индейцевъ и наконецъ племени Гуанчи, то невольно согласитесь въ необыкновенномъ сходствѣ способностей ихъ и характеръ, не смотря на то, что они живутъ другъ отъ друга въ большомъ разстояніи, отдѣлены горами, морями и океанами. Хотя нравы ихъ и обычаи въ нѣкоторомъ отношеніи и различны между собою, но это нисколько не мѣшаетъ имѣть общій гордой, волнующій духъ, не смотря на то, что большая часть сказанныхъ горцевъ, была прежде почти совсѣмъ истреблена, и нынѣшніе потомки, произойдя изъ послѣднихъ отростковъ подрубленнаго корня, шли подъ вліяніемъ побѣдителей,—что несомнѣнно должно было отразиться на ихъ нравственность; но и эти племена усвоивая образованіе владыкъ своихъ, едва-ли не хуже Кавказцевъ, и если между ними найдемъ болѣе спокойныхъ, то это качество перешло въ духъ ихъ презъ Христіанскую любовь, смягчающую сердце даже звѣря. Жизнь общественная произошла не случайно, она есть плодъ долгихъ и умныхъ идей о нравственности. Сыну Кавказа даны физическія и моральныя способности, надобно ихъ развить въ

своей степенн и надзираа за ходомъ, ждате слѣдствій. Приро-
за давъ горцу крѣпость и гибкость въ тѣлѣ, не отказало въ
своихъ душахъ, пріемлющихъ и сохраняющихъ добрыя
впечатлѣнія; она сдѣлала его обладателемъ прекраснѣйшей
страны, гдѣ благотворное небо, плодотворная почва и близость
моря, представляютъ всѣ средства къ удовлетворенію потре-
бностей и даже прихотей; гдѣ чудныя картины природы,
возносятъ думы всякаго созерцателя выше земныхъ предѣ-
ловъ. Безъ истиннаго руководителя, горецъ бросается въ разныя
норочныя дѣла, но когда развернется предъ нимъ въ полной
силѣ вѣчная истина о безсмертіи души, онъ нестанетъ бро-
дяжничать, воровать, убивать, и будетъ добрый сынъ матери
природы. Въ прежнія времена ему предвѣщали уже о томъ, на-
правляя къ настоящей стези: что и осталось въ религіозныхъ
повѣрхъ и обрядахъ, но не упрочилось, въ слѣдствіе горь-
кихъ обстоятельствъ. Да, было время, когда и горецъ, пови-
нуясь свѣтой волнѣ, высказанной ему преданіемъ и открове-
ніемъ Божиимъ, преклонялъ колѣна предъ Распятіемъ и при-
знавалъ заступничество Св. Дѣвы. Но нечистота правовъ уда-
лило счастье; тогда Богъ послалъ къ нимъ послѣдователей
Магомета, и символомъ вѣры засіяла луна: горецъ сталъ тво-
рить молитву у истока воды, язычники опять обратились къ
прежнему началу, вспоминая временемъ, чрезъ преданіе, свя-
тую вѣру предковъ, создавшую въ ихъ гористой землѣ храмы;
но однакожъ въ крайности, въ гибельныхъ переворотахъ,
обращался съ молитвою къ Господу, и Онъ милуя блудныхъ,
носилъ Ангеловъ для спасенія. Полудикари опять обраща-
лись къ настоящей вѣрѣ; наконецъ раздались въ горахъ по-
бѣды Христіанъ, и горцы думая о наступающей гибели обрати-
лись за помощію къ магометанамъ, и чѣмъ рѣшительнѣе былъ
мечъ Христовъ, тѣмъ усиливался больше фанатизмъ ихъ. Перево-
роты слишкомъ разительны и совершили то, что горцы забывъ
вѣру чистую, оставили память ея въ разнообразныхъ религіо-
зныхъ понятіяхъ и формахъ, образовавъ для себя такъ ска-
зать не Бога любви, Отца, а болѣе Бога страха, наказанія.
Измученные собственными безпокойствами, раздробленные на

мелкія племена, при дикой анархической свободѣ, они находятся въ грубыхъ формахъ феодальнаго и демократическаго правленія, основавшаго силу свою въ народныхъ съѣздахъ и постановленіяхъ; общественный ихъ судъ - есть воля сильнаго, рѣшающая дѣла какъ ей хочется. Народныя собранія бываютъ не въ пышныхъ зданіяхъ, а подѣ чистымъ небомъ, въ долинахъ освященныхъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ, или прахомъ усопшихъ отцевъ, что не уничтожая ихъ независимости, даетъ въ жизни нѣкоторую правильность, которая, однакожъ, разрушается при дерзкомъ фанатикѣ, или при такъ называемыхъ ими пророкахъ. Хотя они погибали почти всѣ, но проявленіе ихъ постоянно, чрезъ что война продолжается. Кромѣ того временная, условная покорность горцевъ, никогда не вознаграждаетъ тѣхъ потерь и издержекъ, которыя сопряжены съ, усиленными мѣрами укрощенія, она только можетъ дать способъ Россіи, созрѣвшей въ собственныхъ силахъ, понести подобно устарѣлому Западу, избытокъ ихъ во внутренность горъ, водворить тамъ нравственное воспитаніе, устроить колоніи, промышленность, усвоить естественныя сокровища и кончить корыстолюбіе теперешнихъ мелкихъ торговцевъ. Этимъ самымъ устранился въ Россіи иноземное соперничество во внутренней торговлѣ, которое иссушаетъ ея источники. и подведетъ еще къ большому блеску и славы Имперію, въ которой солнце не закатывается.

Въ хозяйствѣ ихъ, кромѣ обыкновеннаго скота, отличаются овцы съ курдюками и красивой наружности лошади, легкіе на бѣгу и неутомимыя, которыхъ держутъ горцы большими табунами. Здѣшняя дичь состоитъ въ фазанахъ, куропаткахъ, драфахъ, журавляхъ, куликахъ, перепелкахъ, гусяхъ. Между земноводными есть черепахи, а между рыбами: стерляди, осетры, севрюга, лососи, тарань, щуки, караси, лини, кефаль, форель и шамалъ; кромѣ того есть въ горахъ дикія пчелы, но пчеловодствомъ совсѣмъ почти не занимаются.

Господствующая у нихъ вѣра есть Магометанская, Суннитскаго исповѣданія, также частями находятся Шиты и

поклоняющіеся солнцу, но прежде Христіанство еще осталось въ обыкновеніяхъ и праздникахъ.

Горцы воспитанники природы, не зная изнѣженности и роскоши, имѣютъ стройный станъ, ростъ выше средняго, фізіогномію выразительную, черты лица правильныя, орлиный носъ и воинственную осанку. Князья ихъ, потомки Арабовъ, отличаются смуглостію лица и особливою надменностію характера. Красотою издревле славятся женщины: черные глаза полныя живости, высокая грудь, стройный станъ, очаровательная бѣлизна лица отъисненная живымъ румянцемъ, разбросанныя по плечамъ темнорусые волосы: вотъ очеркъ красавицы здѣшнихъ горъ, но вообще нравственность ея не замѣтна: Черкешенки вообще злы, вспыльчивы, ревнивы, мстительны, и готовы на всѣ крайности, — что отнести пужно къ необразованности; нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти недостатки происходятъ отъ почти — рабскаго состоянія и безпрестанной заботы о хозяйствѣ, что преждевременно располагаетъ ихъ къ сварливости и дѣлаетъ несносными.

Черкесы связаны другъ съ другомъ родствомъ, что удерживаетъ ихъ отъ взаимныхъ обидъ и сближаетъ для сопротивленія внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и самое воспитаніе въ чужихъ фамиліяхъ и народахъ, сближаетъ князей съ народамъ, и обратно, такъ сказать одними семейными узами.

Братскія общества горцевъ, состоятъ изъ бѣглецовъ разныхъ націй, находящихъ здѣсь пріютъ и убѣжище, и всякій, кто присягнетъ Черкесамъ надъ Алкораномъ вести себя сходно обычаямъ страны, тотъ принимается въ общество, дѣлается братомъ и священною особою для прочихъ: права его равняются правамъ туземцовъ.

Дикія, непокорныя племена Кавказа, имѣютъ нѣкоторыя условія для правильной жизни. Осѣдность, обезпеченіе собственности и жизни cadaго, получила начало изъ обычая, освященнаго древностію какъ бы святостію закона. Нельзя положить, чтобы безъ какой-либо чрезвычайной причины, событія, сильный могъ бы отнять у слабаго клочекъ земли, та-

бунъ или скоть; у нихъ опредѣлено право наслѣдства и каждый знаетъ, что построенный имъ домъ или засѣянное поле, надъ которымъ онъ трудился, достанется по его смерти дѣтямъ его. За кровь, какъ и во всѣхъ странахъ Европы, установлена пеня; да и самое кровомщеніе, приведенное такъ сказать въ систему, исполняемое болѣе какъ непремѣнная обязанность, нежели какъ внушеніе страсти, не служить ли уздою буйному произволу? Кромѣ того, всѣ сдѣлки по торговлѣ вышней и внутренней, обезпечиваются залогами и поручительствами; даже въ нѣкоторыхъ племенахъ, установленны особыя проценты за просрочку платежа.

Частныя дѣла нѣкоторой важности, какъ напримѣръ: споръ двухъ семействъ о землѣ, ссора за убійство важнаго челоуѣка, похищеніе изъ знатнаго дома жены или дочери и дѣла общественныя, какъ то: о войнѣ или мирѣ съ сосѣдственнымъ народомъ или о покорности Русскимъ - разбираются и получаютъ рѣшеніе въ народныхъ собраніяхъ.

Но при всемъ томъ, ни полезная дѣятельность, ни привычка жертвовать частію дохода для общественнаго дѣла, не утишила въ Черкесскихъ племенахъ буйнаго духа наѣздничества и отваги; до нынѣ Черкесъ на лихомъ конѣ, въ стальной кольчугѣ, щегольски вооруженный, оставляетъ семью и ѣдетъ въ набѣгъ за Кубань, какъ на празднество. Словомъ сказать, жители Кавказа, какъ всѣ народы близкіе къ колыбели, любятъ дѣятельность безъ труда и готовы ринутся на случайности войны; тамъ спасаютъ они силы отъ дремоты въ наѣздничествѣ и ратоборствѣ; лучше сказать, они сознаютъ физическую природу а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовную— въ дерзкомъ удалствѣ, въ пренебреженіи къ свѣту и жизни; никто не прояснилъ ихъ ума, не утончалъ вкуса и обычаевъ: они, не имѣютъ писменъ, ихъ никто не знакомилъ съ художествами, ремеслами, не поощрялъ къ труду, не научалъ возбуждать производительныя силы богатой почвы; словомъ, они никогда не были соединены съ благонамѣренными нововводителями благородной дѣятельности. Однакожь торговля была первую злою ихъ наставницею, она являлась временемъ отъ

Грековъ, Римлянъ, Генуэзцевъ и Турковъ. не имѣя истиннаго нравственнаго основанія, она болѣе требовала, для сластолюбія своего или роскоши, женщинъ и отроковъ. Черкесы отдавали охотно красавицъ за грубую ткань, сафьяны, оружіе, порохъ — и не одна дѣва Кавказа, сдѣлалась неоцѣненною жемчужиною въ гаремъ знатнаго мусульманина и даже повелителя правотѣрныхъ.

Столь легкій способъ получать необходимые предметы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежда пріобрѣсти знатное родство — одинаково льстили тщеславію Черкесъ и врожденной наклонности ихъ къ лѣни. Погрузившись въ безпечность и тушеядство, они обрабатывали поля, по мѣрѣ определенныхъ семейныхъ нуждъ, съ истерпѣніемъ выжидая прихода къ нимъ малыхъ судовъ, которыя безъ флага и вида, ищутъ не бухты удобной, а скалы освященной сигнальнымъ огнемъ, и радуются не ясному дню, а темной и бурной ночи.

Такой торговли препятствуютъ Русскіе, но еще не въ состояніи запятъ другою, ибо сношенія горцевъ съ укрѣпленіями, ограничиваются только мѣною куръ и янца на соль; однакожъ постоянныя начала промышленности уже развертываютъ требованія горцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, когда купцы и Черкесы свяжутъ себя въ лучший порядокъ взаимности, то при мѣрахъ нравственности, могутъ вывести для себя благодатныя послѣдствія.

ГЛАВА XV.

Науки и искусства ищутъ взаимной помощи, и часто, подобно граціямъ, близнецамъ красоты, они съ сочувствіемъ подаютъ другъ другу руку. — Такое сочувствіе и соединеніе случается съ тѣми, въ которыхъ духовная и сердечная сторона болѣе развиты въ Христіанскомъ благочестіи.

Состояніе нравовъ и обычаевъ, съ остатками древняго Христіанства горцевъ, теперь сдѣлалось болѣе извѣстно чрезъ одного Армяно - Григоріанскаго Священника Іоанна. Этотъ благочестивый и ревностный сподвижникъ вѣры, понуждаемый духомъ Божиимъ, рѣшился отправиться въ среду непокорныхъ племенъ и совершить тамъ подвигъ обращенія на путь истины, отпавшихъ отъ лова Христіанской церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вооруженный упованіемъ и вѣрою, достойный пастырь преодолѣлъ всѣ трудности, и успѣлъ отчасти въ похвальномъ своемъ предпріятіи. Съ удовольствіемъ представляемъ нѣкоторыя мѣста его описанія.

«Екатериноподарскіе Армяне, — говоритъ онъ, — приводили ко мнѣ часто Черкесовъ и говорили, что они Армяне; но я не могъ въ нихъ узнать не только Армянъ, но и Христіанъ. При понужденіи ихъ подойти къ моему благословенію, они, стараясь показать что Христіане, вмѣсто крестнаго знаменія прикладывали руку ко лбу, дѣлали ею на груди какое-то движеніе, но все не умѣя креститься. Послѣ, я часто собиралъ ихъ, водилъ въ церковь, показывалъ имъ св. иконы, училъ молитвамъ, внушалъ вѣру и догматы. По пріѣздѣ же моемъ въ Русскіе аулы къ тамошнимъ Армянамъ, я встрѣчалъ у нихъ много Закубанскихъ соплеменниковъ, бывшихъ тамъ по торговлѣ или родственнымъ связямъ, и отъ нихъ собравъ нужныя свѣдѣнія, чтобы болѣе ознакомиться съ положеніемъ своихъ единовѣрцевъ, три раза ѣздилъ въ земли

мириныхъ и немириныхъ горцевъ, имѣя проводникомъ одного знатнаго Черкеса и пятерыхъ изъ Закубанскихъ Армянъ. Такимъ образомъ собралъ свѣдѣнія о землѣ, простиравшейся отъ Анапы до укрѣпленія Ахметъ, что близъ горы Эльбруса, частью по личному обозрѣнію, частью же по распросамъ.

Преданія и рассказы старожиловъ убѣждаютъ, что Черкесы, не болѣе какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, приняли магометанскую вѣру. Разсматривая ихъ обычаи, видимъ, что они были Христіанами. Различныя обстоятельства издревле стали ослаблять въ нихъ вѣру Христа, и заблужденія вкрадываясь мало - по - малу, наконецъ приблизили ихъ почти къ совершенному идолопоклонству.

До обращенія въ Магометанство, Черкесы при молитвахъ обращались на Востокъ, зажигали восковыя свѣчи, курили ладанъ и клали земные поклоны. Испрашивая у неба миръ, благополучіе, изобиліе земныхъ плодовъ, и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, собирались подъ тѣнь нѣкоторыхъ большихъ деревьевъ, привязывали къ сучьямъ кресты, совершали жертвоприношенія и заключали угощеніемъ. Это называлось здѣсь богоугодною жертвою или молебномъ. За немнѣніемъ священниковъ, избирали какого - нибудь старика, облачали его въ бѣлую войлочную мантию (лымыч), и тотъ, взявъ въ руки деревянную чашу подобную причастной, наполнивъ ея виномъ, а за немнѣніемъ его — водкою или бузою, обращаясь лицомъ къ Востоку, и стоя среди народа читалъ обычную молитву, а часто импровизированную на мѣсть. Потомъ обращаясь къ народу, призывалъ на него милость и благословеніе небесъ, желая ему исполненія въ томъ, что было поводомъ къ молебствію. Все это заключалось пьянствомъ.

Вначалѣ cadaго года, въ первыхъ числахъ Генваря, постились цѣлую недѣлю, питаясь одними лишь бобами; этотъ постъ назывался у нихъ какъ и теперь называется: «мясопустъ (тлеусменъ)». Послѣ сего праздновали Рождество Христово цѣлую недѣлю, проводя время въ пирахъ и забавахъ.

Созереніе или Срѣщеніе Господне торжествовали слѣдующими обрядами: наканунѣ, въ вечернюю пору, въ домъ назна-

ченный для молитвъ, входила одна богатоубранная, молодая навобранная съ зажженною свѣчою въ рукѣ — остаткомъ отъ прошлагодняго праздника, и ею зажигала другія свѣчи. Освѣтя домъ, становилась у запертыхъ дверей; но, во все время пребыванія тамъ, она не должна была отвращать лица отъ Востока. Тѣмъ временемъ собирался народъ у дверей. Хромой старикъ съ палкой, усаженной восковыми свѣчами, подходилъ къ той двери и говорилъ: «Ай Созерешъ, пчерухи тхечахъ, что значить: отверзай намъ двери.» Народъ единогласно повторялъ эти слова, и когда молодая женщина отворяла двери, тогда старикъ совсѣмъ народомъ входилъ въ домъ, зажигалъ на полкѣ свѣчи и читалъ молитвы. Потомъ въ молитвенномъ домѣ и внѣ оного раскладывали костры, народъ расходился по своимъ жилищамъ съ зажженными свѣчами и ими зажигалъ у себя костеръ.

Еще имѣли праздникъ Шечаръ, предъ которымъ постились цѣлую недѣлю, а нѣкоторые во-все ничего не ѣли. Во все это время, при молитвахъ, каждый осыпалъ свои руки мукою. Въ концѣ поста праздновали память Св. Сергія, и эту недѣлю называли Абшетлабшетсутъ, что значить: храбрые воины или мужественные сподвижники.

Масляницу называли Угагъ, а Великій постъ — Угысь. Последний продолжался сорокъ-восемь дней. Вербный день называли Гушгахъ, что значить: Воскресеніе Мертвыхъ. Въ слѣдующіе Воскресенье праздновали Пасху - Удышъ. Въ продолженіе всего поста собирали яйца, не употребляя ихъ даже по надобности; разбить яйцо считали преступленіемъ.

Наканунъ Пасхи красили яйца, сперва разгвѣлялись ими, потомъ уже другими лствами. Говорятъ, что даже и теперь во многихъ мѣстахъ, въ горахъ, соблюдаютъ эти обряды.

Въ день Воскресенія Мертвыхъ—Гушгахъ, всякій отправлялся на кладбище и поминалъ предковъ своихъ молитвами, лствами и разными благотвореніями.

Ежегодно, въ день 7 Апрѣля, праздновали Нагышатахъ — Подарокъ свѣжихъ цвѣтовъ. Сей обычай сохранился и до нынѣ. Въ этотъ день дѣвцы и молодыя женщины тол-

нами идутъ въ поле, собираютъ цвѣты и дарятъ ими другъ друга. На вопросъ о причинѣ такого обыкновенія, старики мнѣ сказывали, что это перешло къ нимъ отъ предковъ, въ ознаменованіе того, что Ангелъ при благовѣщеніи Св. Маріи, принесть ей цвѣтокъ.

Праздновали день Вознесенія - Господня - Отбекъ (жребій). Въ этотъ день, въ первѣй разъ, приносили въ жертву ягненка, готовили изъ него пищу; съ этого дня разрешалось употребленіе мяса.

Еще былъ праздникъ называвшійся Тгагрешыхъ, что значить Божья дочь или Господня Дѣва. Въ этотъ день каждая дѣвица относила по цыпленку въ домъ молитвы, тамъ готовили кушанья, народъ собирался на дѣвничій обѣдъ, послѣ котораго онъ поздравляли своихъ гостей съ заговѣньемъ Богородицы. Слѣдующую недѣлю постились, а въ Воскресеніе за-тѣмъ торжествовали праздникъ Богородицы: Тап-хояне миріамшко, меріемнефъ тѣежалъ дыхрызашъ мозыпшахъ, что значить: Великаго Бога Мать, великая Марія, свѣтлая Марія облаченная въ золото - бѣлое, на челѣ имѣетъ луну а вокругъ себя солнце. Подобныхъ хвалебныхъ пѣсень во славу Божьей Матери много, и Пресвятая Дѣва, до сихъ поръ, въ особенномъ почтеніи у горцевъ.

Праздникъ Псуткъ или День Окропленія водою—сопровождается веселыми играми народа, который окропляется въ это время водою.

Есть еще много людей, соблюдающихъ и исполняющихъ до сихъ поръ всѣ эти праздники и обычаи, въ особенности накануне праздниковъ Св. Великомученика Георгія и Св. Іакова.

При жертвоприношеніяхъ, рога животного украшаютъ зажженными восковыми свѣчами, кормятъ его солью, а при совершеніи жертв - обращаются къ Востоку.

Что этотъ народъ былъ Христіанскимъ народомъ, то доказываютъ еще названія нѣкоторыхъ дней недѣли, такъ напримѣръ: Воскресенье у нихъ Тхавмахъ или День Божій, Середа — Параскеже или Малый постъ; Пятница Парамшко или Большой постъ. Посему видно, что Воскресный день въ

древноети, быть посвященъ ими Господу, а Середа и Пятница назначены для поста.

Въ горахъ и по берегу Кубани, во многихъ мѣстахъ, сохранились Христіанскіе храмы и гробницы съ надписями; увѣряють, что въ нѣкоторыхъ есть церковныя книги и утвари. Преданіе повѣствуетъ, что лѣтъ шестьдесятъ назадъ, Шапсугскіе Черкесы, видя въ Анапѣ на степяхъ Ногайскихъ и въ Кабардѣ - распространеніе мусульманства, сами рѣшились обратиться къ нему: они построили мечеть и стали молиться на Югъ, а Натухайцы остались при прежней религіи, продолжая поклоняться Распятію и молиться на Востокъ. Потомъ Шапсуги въ большомъ числѣ напали на нихъ, собрали всѣ кресты и сожгли ихъ. Натухайцы не замѣдлывая отплатить имъ разрушеніемъ и сожженіемъ ихъ мечетей; такимъ образомъ возникшее междоусобіе продолжалось двадцать лѣтъ. При перемиріяхъ, Натухайцы брали всегда верхъ надъ Шапсугами: « вы, - говорили они послѣднимъ: вы наши братья, измѣнили закону предковъ, приняли новый, но мы не можемъ согласиться, чтобы вы послѣдовали Магомету и требуетъ: возвратитесь къ старому закону. »

Тѣ и другіе неоднократно обращались съ жалобами къ Анапскимъ пашамъ: одни требуя удовлетворенія за истребленіе крестовъ, другіе за разрушеніе мечетей. Напрасно паши, старались преклонить Натухайцевъ къ принятію магометанства, но они были непреклонны и утверждали, что поклоненіе Распятію старѣе Магометанства, что всѣ горцы пераздѣльно исповѣдывали Христа, и что Шапсуги отложившись отъ закона предковъ, первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ и оскверненію святыни. Паши, по долгамъ разсмотрѣннѣ обстоятельствъ междоусобной ихъ распри, отдали справедливость Натухайцамъ и съ большимъ усиліемъ примирили оба клана.

Шапсугская мечеть разоренная назадъ тому сорокъ лѣтъ, находилась въ Абинѣ, гдѣ теперь Русское Абинское укрѣпленіе и православная церковь.

Въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія, Гассанъ - па-

ша принявъ въ управленіе Ашапу, съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ земли Черкесовъ, и то угрозами, то богатыми подарками — склонилъ ихъ согласиться на принятіе Магометанства. Горцы принуждены были дать присягу въ вѣрномъ соблюденіи правилъ корана и принять наставниковъ въ новой вѣрѣ. Такимъ образомъ водворилось Магометанство во всей Черкесіи.

Черкесы, отъ смѣси различныхъ вѣръ, имѣютъ множество вѣрованій и предрасудковъ свойственныхъ народу дикому, съ пламеннымъ воображеніемъ, легкомысленному, склонному вѣровать во все чудесное и сверхъестественное. По сему заговоры, колдуны и колдуньи, гаданія, заповѣдные лѣса, рѣки и пещеры — у нихъ въ полной силѣ. Въ особенности, важную роль играютъ колдуны. Если кто заболѣетъ, или случится въ домѣ какое нибудь несчастіе, то это приписываютъ дѣлу злыхъ людей, и по одной лишь догадкѣ хватаютъ подозрѣваемыхъ, связываютъ, кладутъ между двухъ зажженныхъ костровъ, и мулла при стеченіи народа, допытываетъ у него имена сорока чертей, съ которыми обвиненный какъ колдунъ долженъ быть въ союзѣ. Обыкновенно старухи и преимущественно такія, которыя уже были въ подобной огненной передѣлкѣ, служатъ донощицами; указываютъ мѣста, гдѣ подложены злымъ челоувѣкомъ предметы имѣвшіе силу чаръ, по большой части разноцвѣтныя нитки связанныя въ узелки; потомъ лечатъ больныхъ, совѣтуютъ принять мѣры противъ причиненнаго зла, и тому подобное. Гаданье на бараньей лопаткѣ также въ большой силѣ, и ни одно важное предпріятіе не обойдется безъ того, чтобъ не посоветоваться съ такою костью. Множество лѣсовъ считается неприкосновенными, куда никто не ходитъ, не пускаютъ скотины, не берутъ и прутики, а посмѣявшійся надъ повѣршемъ народнымъ и нарушившій святыню своимъ прикосновеніемъ, непременно будетъ наказанъ хромотою, слѣпотою, или другою какою нибудь болѣзнію, семейственнымъ несчастіемъ и т. п. Если же во время военное, непріятель незнающій силы заповѣднаго лѣса, тронетъ его, то быть ему разбитымъ,

а потому, всѣ неудачи воевавшихъ съ Черкесами, приписаны подобной причины, и объ этихъ случаяхъ, очень не-рѣдкихъ, ходитъ въ народѣ множество странныхъ и смѣшныхъ сказокъ. Повѣрье говоритъ, что эти лѣса заключаютъ въ себѣ могилы злыхъ и, что для нихъ обыкновенный огонь не дѣйствителенъ, болѣе же нелѣпые слухи увѣряютъ, что эти лѣса заключаютъ въ себѣ могилы святыхъ и угодниковъ Божіихъ. Такъ напримѣръ, въ лѣсу называемомъ Гучыпце - Гавашихъ есть могила Тлебшъ, усыпанная кругомъ желѣзными опилками; въ ней покоится кузнецъ кончившій жизнь въ святости. Подобныхъ могилъ въ Черкесіи очень много, гдѣ въ праздничные дни собирается народъ, и по своимъ древнимъ обрядамъ совершаетъ Таншъ - богослуженіе. Эти праздники называются у нихъ пасхальными днями.

Обычай гостепріимства соблюдаются свято. Если къ кому нибудь пріѣдетъ въ гости знакомый, то хозяинъ, а за его отсутствіемъ старшій въ домѣ, встрѣчаетъ пріѣзжаго и проситъ его въ кунацкую или гостинный домъ. Если тотъ верхомъ, то встрѣчающій принимаетъ отъ него лошадь и оружіе. Гость долженъ отдать хозяину все свое вооруженіе и быть совершенно покоенъ за цѣлость вещей и своей свободы. Его тотчасъ приглашаютъ сѣсть на почетное мѣсто, на подосланную подушку, подметають полъ и разводять огонь; чѣмъ больше огня, тѣмъ больше чести. Хозяинъ со всѣми сосѣдями или своими узденями стоитъ передъ гостемъ, служитъ ему, спрашиваетъ о здоровьѣ, развѣдываетъ о причинѣ посѣщенія, и если пріѣзжій нуждается въ проводникѣ, спутникѣ, или въ лошади, то тотчасъ безъ всякихъ отговорокъ, охъ ему самъ проводникъ и спутникъ, уступаетъ ему свою лошадь, а если не имѣетъ другой, то сопровождаетъ его пѣшимъ, или даетъ такого проводника, который отвѣчаетъ за безопасность гостя. Пока пріѣзжій въ кунацкой, то хозяинъ при немъ безотлучно и безропотно угощаетъ его.

Передъ подачею кушанья, подають ему мыть руки. Потомъ приносятъ яства на деревянныхъ столякахъ о трехъ ножкахъ, называемыхъ по Черкески аны, - что значитъ: а - ру-

ки, ны - глаза, т. е. туда обращаются руки и глаза всѣхъ ѣдящихъ. Хлѣбъ называется посета; - это густо сваренная каша, которую окружаютъ всегда мясное кушанье, съ разсолѣмъ въ кружкѣ. Если же хозяинъ для гостя велѣлъ зарѣзать барана, то это уже считается знакомъ большаго уваженія. Баранъ цѣликомъ варится въ котлѣ, но безъ головы, ногъ, печени, и уже потомъ подается на анахъ, окруженный этими принадлежностями, въ присутствіи разсола и кислаго молока. Это кушанье называется у Черкесъ *сыло*, а у Кабардинцевъ *быгомазе*. Второе почетное блюдо именуется *китлебесъ* - курница съ лукомъ, перцемъ и масломъ; на анахъ въ пастѣ дѣлаютъ углубленія, и кладутъ туда подобнаго рода соусъ. Потомъ подаютъ шашлыкъ, и въ заключеніе родъ супа въ ковшахъ.

Всякое блюдо подносится гостю на особенномъ столѣ, и непременно должно быть имъ попробовано, ибо отказъ обижаетъ хозяина. Потомъ отъ гостя аны переносятъ къ слѣдующей кучкѣ, состоящей не болѣе какъ изъ четырехъ чловѣкъ, онъ ие къ другой, и такъ далѣе, пока на столѣ ничего не останется, а тѣмъ временемъ гостю подаютъ слѣдующее кушанье. Если кто нибудь является изъ знатныхъ, то ѣсть одинъ; если же изъ простыхъ, то хозяинъ раздѣляетъ съ нимъ трапезу, иначе же, во все время угощенія, служить ему и ѣдаетъ самъ уже послѣ, въ другомъ мѣстѣ.

Если гость подастъ слугѣ кусокъ пасты или баранины, то это считается особенною милостію и уваженіемъ; но такая честь прилична только слугѣ, а не для порядочнаго чловѣка. По окончаніи угощенія, подаютъ воду для умыванья рукъ и подметають полъ. Обыкновенно по утру приносятъ въ кунацкую кислое молоко съ пастою, а иногда съ ватрушками; въ полдень, если есть уважаемый гость, то подаютъ баранину, но не въ большомъ количествѣ, за то вечеромъ, поварахи истощають все свое искусство, чтобы блеснуть угощеніемъ.

Кто чѣмъ болѣе уважаемъ, тѣмъ болѣе бываетъ посѣщаемъ; и тогда всякое дѣло привозится на его разсмотрѣніе, и

иногда самое пустое, обсуживается трое сутокъ. Если кто нибудь явится къ хозяину, и скажетъ: защити меня; то отвергнуть его считается предосудительнымъ, потому, что тѣмъ выставится личная слабость. Когда хозяинъ прицалъ кого, нибудь подъ свое покровительство, то долженъ оборонять его отъ всѣхъ возможныхъ обидъ, а еслибъ онъ не защитилъ и тотъ нашелъ безопасность у другаго, то отказавшій въ защитѣ подвергаетъ себя страшному наказанію и вѣчному безславію.

При этомъ не обращается ни малѣйшаго вниманія: правому или виновному дается защита, и потому, каждый разбойникъ рѣшается на любое злодѣіе, въ надеждѣ найти покровительство. Давшій убѣжище, ни подъ какимъ видомъ не долженъ выдавать своего кунака, пока не примирить враждующихъ, или тотъ не заплатитъ за кровь. Если же дѣло не можетъ быть окончено двумя этими средствами, то поступаетъ на разсмотрѣніи Шаріата (духовнаго суда), и когда этотъ судъ, рѣшитъ выдать убійцу головой обиженной стороны, то давшій убѣжище, обязанъ передать его въ руки мстителей, и они уже вольны сдѣлать съ нимъ что угодно: удавить, утопить или содержать въ вѣчномъ рабствѣ.

Выкрадывать жепъ изъ семейства въ большемъ обыкновеніи; въ такомъ случаѣ она поручается защитѣ какого - нибудь важнаго лица. Иногда, послѣ продолжительнаго времени, при несогласіяхъ, выгоняють ее съ дѣтьми, берутъ другую жену и съ нею удаляются въ горы.

Послѣ совершеннаго разрушенія Армянскаго царства, народъ его разсѣлся по всему міру, и много привлеченныхъ выгодами торговли поселились между Черкесами, пріобрѣли недвижимое имѣніе, даже крѣпостныхъ людей, и брачными союзами съ Черкесами сильное родство. Преданіе говоритъ, что тамошніе Армяне—есть выходцы изъ Анатоліи, Трабзонда, Царьграда, Крыма и Грузіи; нѣкоторыя фамиліи переселились туда лѣтъ 200 назадъ. Черкесы, бывши тогда Христіанами, никогда не мѣшали отправленію богослуженія, по правиламъ Грегоріанскаго исповѣданія, поддерживавшагося

время отъ времени, приходившими изъ Турціи и Крыма священниками; но случалось имъ оставаться и по нѣскольку лѣтъ безъ пастырей. Лѣтъ за сорокъ, былъ у нихъ священникомъ Илія, дѣти котораго теперь въ Нахичевани, и за нимъ рядъ другихъ до сего времени. Горцевъ посѣщали также священники изъ Эчміадзинскаго монастыря, для сбора приношеній. Впрочемъ, они ни чѣмъ не отличаются отъ Черкесовъ: языкъ, обычаи, нравы, кушанья, домашняя утварь и одежда — одинаковы; однакожь Армянскаго языка они не знаютъ и живя близъ Черноморскихъ Армянъ, имѣютъ слабое понятіе о ихъ вѣрѣ.

Здѣшнее Христіанство, заложенное Апостолами, поставленными ими Епископами, въ послѣдствіи было возобновляемо Греками, Римлянами, Грузинами и Русскими; но неизвѣстно, въ какой степени усвоено Христіанство племенами Кавказа, чрезъ кого именно, и просвѣтило-ли оно только жителей равнинъ и предгорій, или проникло въ глубь Кавказа? Всего вѣроятнѣе, что дикія и грубыя поколѣнія, живущія внутри горъ, не имѣя сношеній съ обитателями равнинъ, не переставали косить въ язычествѣ. И когда вліяніе Христіанскихъ Державъ, на племена Кавказа оказывалось въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, то и ученіе Христова, не вполне утвердившись, постепенно изглаживалось; а человекъ хотя и дикій, по созданію своему долженствующій жить всегда подъ вліяніемъ духовнаго міра, теряя вѣру свою, сталъ подчиняться другой — язычеству сосѣдей своихъ, язычеству никогда не умирившему въ горахъ. Напротивъ, при непрерывномъ движеніи, черезъ перемѣны дикихъ Кавказскихъ народовъ, другъ друга вытѣснявшихъ, каждый оставляя на мѣстѣ часть своего племени, сообщалъ прежде водворившемуся и вѣрованія свои, которыя умножали, упрочивали обычаи. Вотъ причина, почему у горцевъ такое разнообразное смѣшеніе религіозныхъ обрядовъ, мѣровъ, обычаевъ, законовъ. Удалившись въ неприступныхъ ущельяхъ и горахъ отъ цивилизаціи чужеземной, они сохранились, черезъ тысячелѣтія, въ первобытномъ видѣ до нашихъ временъ. Въ нихъ — то должно искать первыхъ элементовъ древняго міра.

И для того, заимствуемъ, на первый разъ, нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, изъ записокъ одного просвѣщеннаго горца, который, трудясь въ продолженіе многихъ лѣтъ надъ собраніемъ обычаевъ, повѣрій и историческихкихъ событій своей родины, оставилъ множество драгоценныхъ матеріаловъ. (*)

Древніе Черкесы поклонялись многобожію и вмѣстѣ съ тѣмъ чтили нѣкоторыхъ Христіанскихъ святыхъ. Въ семьѣ ихъ боговъ, первое мѣсто занималъ Зейкутхъ—богъ издѣичества, покровительствовавшій ихъ любимому ремеслу. Время не сохранило ни идоловъ его, ни даже формъ въ народномъ преданіи. Послѣ всякаго удачнаго набѣга, Черкесы удѣляли лучшую часть добычи и съ оружія на долю Зейкутха, и относили въ заповѣдныя рощи, гдѣ и до сихъ поръ находятъ на священныхъ деревьяхъ старинное оружіе.

Мезитхъ—богъ лѣсовъ, располагавшій судьбою звѣрей; къ нему обращались съ молитвами объ успѣхѣ ловли. Въ повѣрьяхъ своихъ, Черкесы представляли это божество въздѣющее на золото-щетиистой свивѣ. По вѣленію Мезитха, олени сходились на луга и божественныя дѣвы доили ихъ.

Созерешъ—богъ общія и домашняго благоденствія. Каждый домъ сохранялъ въ амбарѣ истуканъ его—деревянный обрубокъ съ семью сучьями.

Въ установленный день для чествованія Созереша, всѣ члены каждаго семейства собирались вечеромъ въ амбаръ; хозяинъ выносилъ идола съ благоговѣніемъ, съ открытою головою, прилѣплялъ къ каждому его суку по небольшой зажженной восковой свѣчкѣ, и съ торжествомъ, въ сопровожденіи домашнихъ внося въ саклю, ставилъ его на подушки посреди комнаты. Всѣ присутствовавшіе, отъ мала до велика, взявшись за руки окружали идола; тогда хозяйка громко произносила такую молитву:—Созерешъ! благодаримъ тебя за урожай пылѣшняго лѣта, молимъ тебя даровать и

(*) Руской службы Полковникъ,

въ будущіе годы обильную жатву. Молимъ тебя, Созерешъ охранять нами хлѣба отъ кражи, нашъ амбаръ отъ пожара! При всякой остановкѣ ся, окружающіе идола дѣлали кругъ, и въ одинъ голосъ кричали Аминь.

Послѣ такого молебствія, идола безъ всякой уже церемоніи выносили обратно въ амбаръ, гдѣ и сохранялся онъ въ покоѣ да праздниества новаго года; между тѣмъ, члены семейства садились за сытный ужинъ, и въ честь Созереша выпивали много разныхъ напитковъ.

Овцеводство имѣло покровителемъ какого-то Еминша. Изъ преданія объ этомъ божествѣ можно заключить, что между Черкесами - язычниками были такіе, которые издѣвались и надъ своими богами.

Каждое домашнее животное имѣли своего бога; за исключеніемъ лошадей, и по всему видно, что послѣднія тогда еще у нихъ не водились. Это подтверждаетъ слѣдующее народное преданіе. Нѣкогда жители равнинъ напали на горцевъ; тѣ сдѣлавъ засаду, разбили ихъ, и въ число добычи захваченной у непріятеля, досталось имъ нѣсколько лошадей. Побѣдители, не только не знали что дѣлать съ ними, но полагая, что бѣлая масть означаетъ старость, при дѣлѣжѣ отдавали трехъ бѣлыхъ коней и двухъ сѣрыхъ за одну гнѣдую. Преданіе говоритъ, что одинъ старикъ, которому на долю досталась такая диковинка, обрадовавшись, что она замѣнитъ ему дряхлыя ноги, вскарабкался на лошадку, только лицомъ къ задѣ и схватился за хвостъ, который показался ему самою удобною частию для управленія. Лошадь побѣжала и старикъ ударился о землю. «Если зайдутъ эти безкрылые журавли къ намъ въ горы, то мы погибнемъ!» воскликнулъ несчастный паѣздникъ, когда очнулся отъ страшнаго паденія; и тутъ же, съ общаго согласія - зарѣзали всѣхъ лошадей. Кто бы могъ отгадать въ потомкахъ ихъ Черкесахъ, пылкихъ отважныхъ паѣздниковъ.

Черкесы имѣли и богинь. Княгиню водъ Псахокоамъ воображали прекраснѣйшею дѣвой. Ворожейки обращались еще къ какимъ-то божественнымъ дѣвамъ.

Кромѣ того, каждое урочище, пещера, гора, рѣчка и тому подобное, даже ремѣсла, имѣли своего духа и покровителя. Кузнецы почитали какого - то Лепша, который дѣлалъ сабли, разсѣкавшія цѣлыя горы желѣза.

Преданіе повѣствуетъ, что на вершинѣ свѣжнаго Эльбруса, за какіе - то грѣхи прикованъ одинъ великанъ. Когда онъ пробуждается отъ оцѣпененія, то спрашиваетъ у своихъ стражей: «ростетъ ли на землѣ еще камышъ и родятся ли агнята?» Безжалостные стражи отвѣчаютъ: «камышъ растетъ и агнята родятся.» Отъ такого отвѣта, великанъ приходитъ въ бѣшенство, рветъ свои оковы, и тогда земля дрожитъ отъ его движеній, цѣпи брызжутъ молніи и грохочутъ громами; его тяжкое дыханіе — порывы урагана, стоны — подземный гулъ, бурная рѣка съ пенствомъ вырывается изъ подпожья Эльбруса его слезы.

Въ честь какого - то Нарта Саусрука, въ зимнее время, Черкесы задавали пиришество; въ гостинный домъ относили яства, напитки и сѣно. Въ послѣдствіи, когда стало распространяться въ Черкесіи Магометанство, въ гостяхъ, посылаемыхъ Нартомъ вмѣсто себя, не было недостатка. Магомтанинъ въ ночь Саусрукъ, отправляясь погостить къ язычникамъ, и тѣмъ сохранили между ими обычай гостепріимства.

Въ жизнеописательной пѣснѣ Саусрукъ упоминается о странѣ Урисѣ, что на Черкескомъ языкѣ означаетъ Россію, страну Руссовъ.

Черкесы язычники посвящали одинъ день Святой Дѣвѣ, называя ее Великою Матерью Великаго Бога, и праздновали день грома.

Вотъ все, что въ настоящее время извѣстно о мнооолгін Черкесскихъ народовъ; время и образованность горцевъ представлять болѣе точныя свѣдѣнія.

Таковы нравы и обычаи народовъ, укрывшихся отъ благодатныхъ лучей просвѣщенія на рубежѣ стараго свѣта съ новымъ, между упадкомъ и возрожденіемъ. Здѣшніе туземцы остаются въ дикости, когда кругомъ процвѣтаетъ міръ. Отставъ образованіемъ отъ Европейцевъ на нѣсколько вѣ-

ковъ, они добрые, живые, одаренные отъ природы здравымъ умомъ и способностями - могутъ быть полезными Россіи.

Перенебъ два первые періода жизни, горцы сбѣжали шагъ къ третьему. Ускользнувъ отъ владычества непріязненныхъ народовъ, разъединенные съ своими родичами, незнакомые ни съ какою властію, они страшатся покинуть свои заветныя ущелія, ограждающія ихъ независимость. Въ нравственной борьбѣ за дикую свободу, заключается главная причина того упорства, съ какимъ они, при всеобщемъ стремленіи къ улучшенію противятся нововведеніемъ; лучше сказать, дикари Кавказа, приласканные какъ вольныя птицы или звѣри - поймутъ свое назначеніе, теперь же, они дѣти рѣзвыя, живыя, растущія въ необузданной свободѣ, общаются много хорошаго, ознакомясь съ преимуществомъ образованной жизни и съ понятіемъ промышленности - они менѣе будутъ думать о своей дикой независимости.

Самая крайняя крѣпость на Восточномъ берегу - есть Анапа, основанная Турками въ 1784 году, когда Русскіе взяли Тамань. Анапа имѣетъ хорошій портъ, защищенный отъ вѣтровъ высокими горами окружающими крѣпость, - что заставило обратить на нее особенное вниманіе и построить прочно изъ камня, усилить большимъ числомъ гарнизона, подъ начальствомъ Трехбунчужнаго - паши, который содержалъ въ зависимости и страхъ Натугайцевъ, сопредѣльныхъ крѣпости. Имѣя эту крѣпость вблизи Русскихъ владѣній, Турція поддерживала непріязненное расположеніе въ горахъ къ Россіи. Анапа лежитъ при впаденіи рѣки Бугуръ въ Черное море, и представляетъ амфитеатръ зданій расположенныхъ по скату горы, въ окружности имѣетъ до трехъ верстъ. Крѣпость довольно хорошо устроена, обороною ея служатъ 20 пушекъ; прпморская сторона защищена съ особеннымъ тщаніемъ. Городъ распространяется, и теперь, въ родѣ уѣздныхъ городовъ Россіи. Русскіе въ первый разъ заняли штурмомъ въ 1791 г., не смотря на 25ти тысячный гарнизонъ и отчаянную защиту. Возвративъ Портъ, они вторично взяли въ 1807 г. и потомъ въ 1811 г. Отдавая опять Турціи, она была взята

въ 1828 г. Генераломъ Меншиковымъ и по Адрианопольскому трактату, уступлена на вѣчныя времена Россіи. Занятіемъ этой крѣпости, отвлечена безчеловѣчная торговля невольниками, и получено средство для вліянія на спокойствіе непріязненныхъ горцевъ.

Г л а в а XVI.

Человѣкъ бываетъ постоянно въ борьбѣ съ физической природой, съ обществомъ и съ душевными наклонностями, и если сердцемъ помнить Господа и дѣла свои вѣдетъ въ Христіанскомъ законѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, рано или поздно бываетъ ихъ побѣдителемъ.

Разрѣзывая быстро морскія волны, пароходъ пролетѣлъ съ шумомъ около Черкесскихъ береговъ и наконецъ вступилъ въ Босфорскій проливъ. Наступала ночь, и съ минуты на минуту, отъ нависшей черной тучи, дѣлалась темнѣе и темнѣе; временемъ вылеталъ огненный лучъ, освѣщалъ мракъ и удаляясь къ морю, разлетался въ безпредѣльность; за нимъ, естественно слѣдовалъ глухой перекатъ грома; въ морѣ волны бушевали, поднялись и заставили купеческія суда остановиться въ разныхъ точкахъ пролива. Прѣзжая на пароходѣ, мы сначала различали верхи судовъ, но послѣ, онѣ утонувъ въ тяжеломъ сумракѣ росистой ночи - скрылись, мы только на высотѣ гротъ - мачтъ, замѣчали ихъ блестящіе фонари.

Босфорскій проливъ хотя довольно широкъ, но мѣлокъ, и для хода военныхъ малыхъ судовъ и пароходовъ имѣетъ только узкій, означенный путь; слѣдуя имъ безостановочно къ Керчи, мы прошли близъ города утромъ и рано бросили якорь въ Таманской бухтѣ. Здѣсь устроена деревянная пристань для мелкихъ судовъ; въ ней стоитъ каменная таможенная будка и домъ гребцовъ Азовскихъ баркасовъ. Отсюда, по крутому склону, поднимаетесь къ г. Тамани, поставленному на крутой, глинистой террасѣ, пятидесяти саженной высоты отъ водъ Черноморскаго пролива. Съ моря, городъ видѣнъ за тридцать верстъ.

Г. Тамань имѣетъ 80 домовъ, изъ которыхъ только пять

изрядныхъ наружностію, но не прочностію, и тѣ идутъ рядомъ съ дурными, которые какъ - бы выросли въ землю, чѣмъ отличается и не - совсѣмъ хорошій рынокъ. Такова главная улица, за нею въ глубь идутъ еще двѣ, три, между кирпично-серцевыхъ заборовъ, около которыхъ валяются въ сору свиньи и шатаются рогатый скотъ; къ нимъ для деревенской картины присоединяется стая голодныхъ большихъ собакъ, отъ которыхъ въ ночное время пѣшеходу нѣтъ прохода. Воздухъ здѣсь спертъ и удушливъ. За заборами, по песчанымъ бугоркамъ, разбросано въ безпорядкѣ пѣскольکو турлучныхъ хатъ, отставныхъ жепатыхъ солдатъ: онѣ для опрятности смазаны известью. Вообще въ Тамани, жители состоятъ изъ разнообразныхъ племенъ: Русскіе мужики, солдаты, Греки, Армяне, Евреи и наконецъ Черноморцы. Въ концѣ прошедшаго столѣтія и началъ нынѣшняго, здѣсь была главная штабъ - квартира Черноморіи; — нынѣ она въ Екатеринодарѣ. Словомъ, городъ Таманъ представляетъ печать скудости, безобразія въ Азіатскомъ вкусѣ; однако передній фасъ его, назначенный подъ церковь — прекрасенъ, но теперь зацѣпъ старыми источенными камнями, гольшинами, окруженъ вѣтхими избушками и полуразрушеннымъ заборомъ, окруженностію на 100 сажень; съ боку его навалена груда Керченскихъ пиленныхъ камней, пожертвованныхъ купцами для новой создаемой церкви. Если это мѣсто спланируется и церковь выстроится, то нѣтъ сомнѣнія Таманъ много выиграстъ и приманитъ новыхъ жителей. Теперь къ старой церкви, расположенной на бугрѣ за городомъ, вы поднимаетесь снизу главной улицы. Каменные стѣны храма засыпаны до половины песчаными желтыми буграми, въ которыхъ живутъ змѣевидныя, сѣрыя ящерицы — онѣ для своего удовольствія и развлечения бѣгаютъ подъ ногами пѣшехода, - что крайне непріятно и отвратительно.

Старый городъ простирался отъ нынѣшняго далѣе въ глубину на пѣскольکو верстъ, и во время онѣ имѣлъ до 30 тысячъ жителей, теперь нѣтъ и 500тъ; прежніе прекрасные сады, фонтаны, которые еще застали Русскіе, засыпаны пес-

комъ, остался только садъ называемый жителями Баги — садъ роскошный и чудесный съ хорошею водою; также, село Давидовко, около котораго есть озеро окружностію на версту, въ родѣ резервуара воды; дно и бока его были прежде обложены камнемъ, а среди, при Туркахъ, была башня — нынѣ лѣтъ и слѣда: время все измѣнило и изъ хорошаго сдѣлано ничтожнымъ. На утесистомъ возвышеніи морскаго берега, командующимъ окрестностію, сохранились еще теперь руины обширной Турецкой крѣпости.

Главная причина запустѣнія Тамани — есть вихрь, случившійся въ 1854 году: онъ ударился на песчаную дюну и разварачивая ее постепенно, раскидалъ песокъ подобно вулканическому изверженію, засыпавъ зеленую равнину, пахати, сады, дома жителей, развалины, и съ могуществомъ несясь какъ Ангелъ страха на сел. Давидово, окружилъ и покрылъ первые дома его, также стѣны единственнаго здѣсь храма. Слѣды ужаснаго вихря остались до нынѣ: богатная почва испортилась, сады болѣютъ, уничтожаются, растительность года отъ года слабѣетъ; напротивъ, удалитесь только отъ церкви вправо на двѣ версты, и вы увидите истинную благодать Божию: все прозябаетъ изумительно, недостасть только воды, но и та, при дѣятельныхъ розыскахъ, около возвышеній, непрестанныхъ балокъ или буэраковъ — можетъ открыться.

Однакожъ вихрь сдѣлалъ и пользу: вообще люди стараются селиться на мѣстахъ жилыхъ, не заботясь о томъ, что это самое вредитъ ихъ жизни; чтобы больше этаго не случилось, вихрь распорядился засыпать гибель, пощадивъ вправо и влево обширныя долины покрытыя густою зеленою, и особенно прекрасную окрестность Фанагоріи, гдѣ расположенъ Русскій госпиталь и другія зданія, куда изъ Тамани, идетъ дорога по равнинѣ, вблизи уступистаго берега пролива, тутъ на каждомъ шагу, только и слышишь благодатный гимнь милліоновъ жаворонковъ, ласточекъ, дроздовъ и скворцовъ — онѣ какъ представители древнихъ обитателей, заставляютъ задуматься, вспомнить исторію Тамани, потомъ всего міра,

и дивные или грозные его перевороты. Въ дополненіе этихъ идей, вдали и подлѣ, въ разныхъ точкахъ пространной равнины и возвышеній, представляются древніе курганы или могилы бывшихъ Меотійскихъ, Скиѣскихъ, Босворскихъ владѣтелей; чѣмъ значительнѣе играли роль они, тѣмъ выше сооружали имъ склепы. Такіе курганы почти всѣ разрыты археологами и нумизматиками, и найденныя вещи или сокровища хранятся въ С. Петербургскомъ и Керченскомъ Музѣ.

Отъ Тамани въ Фанагоріи всего верста, на которой, вдоль обрывистаго берега, не худо расположить строенія и развести на переднемъ ихъ фасѣ бульваръ, а старый городъ засыпанный до половины пескомъ, оставить. Залаявъ свѣжія мѣста для домовъ, садовъ и огородовъ одною длинною улицею, будемъ имѣть воздухъ свѣжій, морской, — что при устройствѣ новые фонтановъ и усладительномъ пѣиіи птицъ — будетъ превосходно и очаровательно.

Старая Тамаискія церковь построена Черноморцами въ 1793 г. — въ годъ залятія Черноморіи и Тамани. Стѣны ея сложены изъ древнихъ камней; деревянный куполь и колонада обиты желѣзными листами, — послѣдняя идетъ кругомъ храма. Архитектура его проста, но величественна. Теперь вихрь засыпавъ ее пескомъ, сдѣлалъ юдолю плача: среди ограды, вы видите надъ положеннымъ здѣсь прахомъ каменные или мраморныя плиты, урны на пьедесталахъ и другія изображенія. Подъ навѣсомъ колонъ и церковной крыши, приложены къ стѣнѣ храма три бѣлыя, мраморныя колонны въ $1\frac{1}{2}$ саж. длиною, имѣющія діаметръ нижняго конца футъ и съверху - 9 дюймовъ: онѣ довольно рѣдки; подлѣ ихъ три мраморныя, съ рѣзбою, круглыя пьедестала, въ аршинъ діаметромъ и такой же и вышины. Около дверей находится въ родѣ табуретовъ три пьедестала Дорическаго ордена съ разными крестами, также два мраморныя круглика въ родѣ трамбовокъ съ надписями, одна вырѣзана по Гречески и непонятна археологамъ, истерта до нельзя; другая Русско - славянскимъ языкомъ говоритъ, что въ царствованіе Великой Екатерины, въ 1792 г., разрѣшена свѣту историческая ис-

тишиа о Глѣбѣ царѣ Тмутараканскомъ, Атаманомъ Головною, которой собщилизъ объ пей графу Пушкину, и въ 1803 г. объяснена Львомъ Никольскимъ, подписано: Протоіерей Деменко; — что совершенно отвергаетъ сказаніе Керченскаго Музея. Это истинна заключается въ томъ, что князь Глѣбъ, мѣрилъ пространство Керченскаго пролива отъ Тамани до Корчевы, и открылъ, что онѣ находятся другъ отъ друга въ разстояніи тридцати двухъ верстъ; — за тѣмъ означенъ годъ.

Кромѣ того, въ стѣну храма вставлены мраморныя плиты съ двумя надписями; одну изъ нихъ стертую временемъ читать нельзя: видно только изъ оставшихся словъ, что она говоритъ по Гречески о какомъ-то здѣшнемъ повелителѣ; другая представляетъ крестъ и слова ее вырѣзаны на старомъ Еллино - Греческомъ нарѣчій.

Третья видна на помость — она вырѣзана Арабскимъ языкомъ и полунстерта; мы просили выпутъ ее и хранить для музея. Въ храмъ другихъ рѣдкостей нѣтъ, живущихъ Русская и обыкновенная. Словомъ, остатки древняго храма могутъ служить только украшеніемъ новому, теперь создаемому. Кругомъ храма идетъ обширная равнина, разрѣзанная къ морю непрестанными буераками, гдѣ пасется скотъ. Берегъ моря опоясываетъ полуостровъ Тамань на 40 верстъ; крутые скалы, земляныя уступистыя отлогости, — гдѣ растутъ тростникъ, свиснутъ змѣи и видны звѣринныя пещеры, — входятъ въ морскія волны; эти мѣста мы посѣщали два раза. Поперечникъ изъ с. Давидова къ Бугасу, съ небольшимъ 10 верстъ, усяянъ Черноморскими хуторами, которые расположены на плѣнительномъ мѣстѣ, какъ и хуторъ Маіора Бѣлаго и другой напротивъ его на берегу р. Кубани, разлывающейся здѣсь на большое пространство. Тутъ мѣсто волшебное и доступное только Христіанамъ:

Фанагорія окружена высокимъ валомъ и рвомъ, расположенныхъ фортификаціонно Генераломъ Суворовымъ, находится на утесистомъ берегу Керченскаго пролива; тутъ устроенъ каменный госпиталь и строенія. За валомъ развертывается въ глубь Черноморіи обширная степь съ благоухающими трава-

ми, она скрываетъ даль свою холмистою цѣпью горъ вулканическаго свойства, гдѣ природа какъ-бы умерша, изрѣдка на сѣроземлянѣ ея покрывалъ увидите зелень или дикій цвѣтокъ. Здѣсь, въ пяти верстахъ, есть въ горахъ колодцы съ сѣрою лавою, также конусообразныя сопки, возвышающіяся время отъ времени и выбрасывающія на дальнее разстояніе камни, землю; остатки которыхъ теперь находятся въблизи соленыхъ болотъ. Охотники увѣрили насъ, что здѣсь часто въблизи ихъ ногъ развѣрзалась бездна, которую желая показать любопытнымъ, они не отыскивали и слѣдовъ. Часто изъ сопковъ выходитъ паръ, особенно около родниковъ. Старожилы увѣряютъ, что въ 1836 г. одна сопка, имѣющая четырехъугольное жерло, извергала изъ себя ночью съ огнемъ большіе камни, землю, известь, и усылала ими зеленую равнину къ Фанагоріи; днемъ же видѣть былъ изъ сопки дымъ; тогда картина была страшная, камни прилетали и въ укрѣпленіе. Слѣдовательно, здѣсь мѣстность вулканическаго свойства, гдѣ около горныхъ болотъ, произведеніе лавинныхъ ключей, водятся стаи крошшиповъ, чашкъ: онѣ съ крикомъ печали носятся надъ головою путника, какъ бы желая сразиться съ нимъ или предостеречь объ опасности. Здѣсь земля известковата, съ мелкимъ камнемъ, флора бѣдна и кругомъ обитаетъ грусть; напротивъ внизу зеленые доли усаждаются пшеницею жаворонковъ и скворцовъ.

Черноморіа расположена на низкой, болотистой равнинѣ, понижающейся отъ к. Анапы къ Азовскому морю и р. Кубани. Большею частию покрыта болотами, камышами, но есть въ ней и мѣста способныя для земледѣлства. Отъ р. Курки до границы Кавказской области, земля болѣе для того способна и возвышена, исключая берега рѣкъ наполншихъ Черноморію, грунтъ которыхъ состоитъ изъ глины съ примѣсью песку. Сѣверная часть имѣетъ почву ту же и черноземъ, весьма мягкій и способный для земледѣлія; однакожь урожай зависить отъ погоды: ибо въ дождливыя годы, по причинѣ рыхлости земли, хлѣбъ не достигнувъ зрѣлости согниваетъ на корнѣ, а въ сухіе годы, растительная сила, связана

заглубленіемъ земли отъ жаровъ, — черезъ что, въ пей видны безпрестанныя трещины.

Судя по геологическимъ наблюденіямъ и неоднократнымъ огненнымъ изверженіямъ съ примѣсю ила, камней и другихъ вещей въ разныхъ мѣстахъ Черноморіи, полагать подобно, что здѣшніе холмы, откуда онѣ выбрасываются съ теченіемъ лавы, были прежде вулканическія сопки, что замѣтно по наружному ихъ образованію, имѣющихъ остроконечныя формы; кромѣ того тутъ находятся изобильные ключи черной нефти, которая оказывается при Кизельтамацкомъ лиманѣ, гдѣ, при появленіи воды вытекаетъ въ ближайшія ямы, и собираясь ковшами, продается для мазанія колесъ, подъ названіемъ земнаго дегтя. Онѣ продается дешево. Въ горахъ, по Азовскому моря есть желѣзная руда и магнитъ; у Чернаго, глинистый желѣзный камень, мослаки, мастодонты и другія; близъ с. Стеблѣвки есть ключъ минеральной воды. По протяженію Западной границы находятся также много озеръ, многіе съ самосадочною солью, приносящія значительный доходъ Черноморскому войску, какъ и табуны крѣпкихъ, видныхъ лошадей, которыя пасутся въ камышахъ круглый годъ, не смотря даже на холодную зиму, — что временемъ уменьшается ихъ количество. Кромѣ того и рыбная ловля въ Кубани и Азовскомъ морѣ, приноситъ значительный доходъ. Цѣпь горъ по берегу Азовскаго моря состоитъ изъ округленных холмовъ съ большими обрывами; вообще здѣсь горная порода состоитъ изъ глинистаго сланца, вторичнаго известняку, образуются каменино - угольныя и третичныя фации, между ими замѣтны и вулканическаго свойства.

Азовское море омываетъ Западную границу Черноморіи и образуетъ въ пей три значительные и одинъ малый заливъ. Керченскій проливъ отдѣляетъ Таманскій полуостровъ отъ Крыма и образуетъ, въ 16 верстахъ отъ Тамани, довольно значительный заливъ, — что для торговцевъ можетъ доставить большія выгоды.

На главную пользу Черноморцамъ доставляетъ рѣка Кубань, на которой расположены большею частию казачьи ста-

нищы. Выходя изъ Кавказа, р. Кубань простирается по странѣ горцевъ и казаковъ съ небольшимъ двѣсти верстъ, не считая всѣхъ извилинъ ея, которыя съ точностію нельзя опредѣлить. Она проходитъ около г. Екатеринодара и у. Копыла; тутъ раздѣляется на два рукава, изъ которыхъ первый, называясь Чорнымъ Протокомъ, въ родѣ отдѣльной рѣчки, посредствомъ особаго лимана, въ Сѣверо Западномъ направленіи, впадаетъ въ Азовское море; другой раздѣляется при устьѣ на два рукава, и впадаетъ въ Черное море образуя Ачужевскій островъ, имѣющій возвышенное мѣстоположеніе.

Рѣка Каракубанъ Западнѣе у. Копыла, выходитъ изъ Кубани и течетъ въ землѣ Закубанскихъ горцевъ, тамъ соединяясь опять съ Кубанью, около Тадызинской переправы въ 7ми верстахъ, образуетъ Каракубанскій островъ, который, по его чистоту воздуху, возвышенному положенію и натуральной границы съ горами, не худо укрѣпить и сдѣлать центральнымъ пунктомъ Черноморскаго кордона, слѣдящаго за безопасностію станицъ и проѣзжихъ отъ горцевъ. Потомъ рѣка Эя, дѣлаетъ границу между Кавказской областію, Черноморією и Допскими землями, протекаетъ на Сѣверо - Западъ и наконецъ Эйскимъ лиманомъ впадаетъ въ Азовское море. Кромѣ того въ Кубань впадаютъ рѣки: Казачій Ерикъ, Ангелвка, Кирпили, Бейсу и Челбасы.

Дорога къ Ставрополю изъ Тамани, идетъ черезъ Темрюкъ, Копыль и Екатеринодаръ, бсрегомъ рѣки Кубани, и составляетъ Черноморією 250 верстъ. Около Темрюка есть семь обширныхъ и затруднительныхъ болотъ, гдѣ дорога пролегаетъ по гатямъ и плотинамъ. На всемъ протяженіи ея, въ разстояніи пяти верстъ, учреждены казачьи ликеты, отъ которыхъ проѣзжающіе получаютъ въ охрану конвой.

Въ Черноморіи считается два города, три мѣстечка, двадцать четыре селенія и шесть заселковъ, а жителей считается до 70 тысячъ; отъ того на версту пространства можно положить три души, не считая въ то число многихъ бесплодныхъ земель остающихся для скота.

Кому неизвѣстны любопытныя подробности о Запорож-

цахъ, людяхъ отважныхъ и безпокойныхъ, игравшихъ важную роль въ дѣлахъ Малороссіи. За поступки свои, набѣги на мирныхъ обитателей пограничныхъ земель, они неоднократно подвергались гнѣву Россійскихъ Царей, и наконецъ, Запорожская Сѣча уничтожена 1775 г. Августа 3. Однакожъ часть казаковъ, желая загладить проступки и испросить прощенье, участвовала въ Турецкой войнѣ 1787 г. и во взятіи Очакова; получивъ дозволеніе на поселеніе въ земляхъ нынѣшней Черноморіи, казаки соединялись съ поселенными Малороссіянами сдѣлались вѣрными подданными Россіи и получили нынѣшнее названіе. Сначала находились они въ вѣдѣніи Херсонскаго Губернатора; но частые прорывы Закубанцевъ, нанесившихъ величайшій вредъ новому казачеству, также и планъ общаго покоренія Кавказа, заставили присоединить ихъ къ Кавказскому Корпусу 1820 г. Сюда въ два раза, а именно: съ 1809 по 11 г. 22,306 душъ муж. пола, и 1820 г. 25,000 душъ переселилось изъ Малороссіи, которые вошли въ составъ войска. Отъ того языкъ здѣсь чисто Малороссійскій. Вѣра Христіанская, въ которой много старообрядцевъ изъ секты Поповщины, которой держутся и многія станицы Кавказской области.

Находясь постоянно на стражѣ противъ непріязненныхъ горцевъ, Черноморіцы имѣютъ правы, обычаи и духъ воинственнаго народа, суровыя черты лица, проникательный взглядъ, крѣпость въ мускулахъ, владѣютъ ловко оружіемъ и занимаются съ лѣнью земледѣльствомъ. Очень гостепріимны, но крайне грубы въ обращеніи, имѣютъ доброе сердце и потому расположены чувствовать нужды и горести ближняго, особенно обижаемаго, издерживаютъ большія суммы на заведеніе госпиталей, богадѣленъ и помогаютъ новымъ переселенцамъ чѣмъ могутъ. Женщины красивы и весьма трудолюбивы, исправляютъ всѣ сельскія и домашнія работы неумолимо и съ прилежаніемъ. Въ праздники, казаки любятъ бездѣйствіе, и по нѣскольку часовъ гуляя, проводятъ въ разговорахъ и разсказахъ; также надмѣнны и горды, - что итъ сомнѣнія, происходитъ въ слѣдствіе преимуществъ которыми пользовались и пользуются.

Одежда Черноморцевъ съ малымъ измѣненіемъ сходствуетъ съ Черкесскою. Пища сходна съ Малороссійскою; но высшій ихъ кругъ живетъ какъ Русскіе дворяне и помѣщики. Постройка домовъ некрасива и по недостатку лѣса состоитъ почти изъ мазанокъ нашихъ степныхъ губерній; только болѣе зажиточные люди имѣютъ деревянные дома, обитые тесомъ. Каждое селеніе имѣетъ нѣсколько широкихъ улицъ, расположенныхъ довольно правильно и обнесенныхъ кругомъ землянымъ валомъ, верхъ котораго покрытъ терновникомъ. За валомъ слѣдуетъ глубокій ровъ, а для входа въ станицу съ двухъ сторонъ сдѣланы ворота: онѣ охраняются казаками днемъ и ночью и запираются только на ночь. Словомъ, каждая станица есть укрѣпленіе, на воротахъ котораго и по брустверу поставлены орудія.

Начальникъ Черноморіи есть Войсковою Атаманъ, пребывающій въ г. Екатеринодарѣ и зависящій отъ Начальника Кавказской области. Черноморія для управленія раздѣляется на четыре округа, съ Земскими Сынскими начальствами. Въ округахъ находятся до 40 куреней; атаманомъ cadaго, выбирается болѣе умное и уважаемое лицо изъ офицеровъ.

Главный городъ Черноморіи - есть Екатеринодаръ, построенный казаками въ 1792 г. на низкомъ, глинистомъ и болотистомъ мѣстѣ, при р. Кубани; имѣетъ широкія, грязныя улицы. Дома довольно красивы, лавки поправляются. Ярмарка производится на обширной площади передъ крѣпостію въ день Св. Троицы и 1го Октября, куда собирается купечество съ Кавказской области, Дона и Таганрога; горцы тоже пріѣзжаютъ для закупки необходимостей для домашняго быта.

Во время ярмарки, жители города получаютъ значительный доходъ за отдачу квартиръ и запасаются всѣмъ на круглый годъ. Въ это время наѣзжаютъ сюда актеры, фигляры; по этому Черноморцы и торговцы веселятся до упаду. При городѣ находится большое количество хорошихъ садовъ, но онѣ еще во младенчествѣ, не смотря на разведеніе здѣсь Крымскихъ лучшихъ виноградныхъ лозъ. Укрѣпленіе, имѣя названіе

крѣпости, расположена при р. Кубани, и заключаетъ въ себѣ большой деревянный соборъ, котораго внутреннія украшенія и нѣкоторыя хранящіяся рѣдкости-заслуживаютъ вниманія, особенно: мѣстный мраморъ, найденный съ надписью 1792 г., богато-вызолоченная чаша со всѣмъ приборомъ, глазетовыя ризы со стихаремъ и совсѣмъ облаченіемъ; также войсковое бѣлое знамя, серебряныя литавры, двѣ такія же трубы, блюдо и солонка. Въ крѣпости находится госпиталь, каменные общественныя зданія и кирпичныя курени. Въ городѣ достойны замѣчанія: домъ для Гимназій и Богадѣльня; жителей въ немъ до 10 тысячъ. Кромѣ г. Екатеринодара, есть г. Тамань и значительныя мѣстечки: Темрюкъ, Копыль и Бугасъ, въ послѣднемъ находятся таможня, карантинъ и кордонъ на косѣ, образуемой Чернымъ моремъ и Кубанскимъ лиманомъ, откуда переправляются къ к. Анапѣ. Тутъ въ окрестностяхъ замѣтны жилища древнихъ обитателей.

Черноморскому войску дано право: пользоваться произрастеніями, озерами, продавать въ свою пользу пиво и вино, управляться собственными обычаями подъ ведѣніемъ лицъ назначенныхъ Правительствомъ, также избираемыхъ отъ общества начальниками и не платить подати. За то, они обязаны на своемъ иждивеніи, служить временно въ полкахъ, и если потребуетъ надобность, содѣйствовать Россіи противъ враговъ и содержать пограничный кордонъ на р. Кубани, который состоитъ въ двухъ линіяхъ: одинъ на берегу рѣки, другой на почтовомъ тракѣ; кромѣ того, для безопасности въ степи и камышахъ, между ими располагаются секреты - или особенная наблюдательная стража. Кордоны состоятъ отъ 10 до 100 казаковъ; при каждомъ жилищѣ ихъ есть вышка съ казакомъ, наблюдающимъ за пространствомъ противоположнаго берега Кубани, на значительное разстояніе; онъ обязанъ въ случаѣ непріятельскаго движенія, зажигать тотчасъ соломенно - смоляной маякъ; по этому знаку, казаки съ ближайшихъ постовъ собираются къ нему для отраженія непріятеля, а живущіе внутри кордона принимаютъ мѣры осторожности.

Казаки находятся постоянно на службѣ, чтобы противуста-

вить отпоръ Черкесскому набѣгу; чрезъ это лишаются временемъ къ раскрытію источниковъ народнаго богатства. Всѣ сельскія работы потому принуждены исправлять больше женщины; отъ того, при трудолюбіи ихъ, Черноморія не можетъ довольствоваться хлѣбомъ собственнаго урожая, и находится въ необходимости покупать его изъ Кавказской области и у пограничныхъ Закубанцевъ, занимающихъ плодородныя, возхитительныя долины, изобилующія пажитями и лѣсами; чрезъ это самое, Черноморцы, не имѣютъ времени, настоящимъ образомъ развести у себя сады или заняться ихъ улучшеніемъ. Рыбная ловля и разведеніе крупнаго скота, крупнѣе Малороссійскаго, есть главная отрасль ихъ дохода; однакожь не смотря на такія затрудненія, между казаками есть много людей богатыхъ.

Золотой вѣкъ настанетъ для Черноморіи, когда Закубанцы смиряться и противоположный берегъ Кубани займется Русскими поселеніями.

Черноморскіе Казаки и сосѣди ихъ Закубанскіе горцы, встрѣчаясь непрерывно съ оружіемъ въ рукахъ: то на пограничномъ Кубанскомъ рубежѣ, то при взаимныхъ вторженіяхъ въ предѣлы того или другаго края, вели между - тѣмъ изстари сношенія. Но такое сближеніе, не смотря на существенную мѣстную необходимость, подавляемое оружіемъ, не могло быть прочнымъ и обширнымъ. Со стороны горцевъ, сношенія поддерживались преимущественно прибрежными мирными Бжедугами, которые населяя неблагоприятную, болотистую и лѣсистую почву, по необходимости искали въ торговой промышленности, обильнѣйшихъ источниковъ своего довольства и богатства.

Торговля сношенія Черноморцевъ и Закубанцевъ, на всемъ почти четырехъ - сотѣ верстномъ протяженіи пограничнаго рубежа, сосредоточивались въ пяти или шести пунктахъ, гдѣ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, смотря по военнымъ обстоятельствамъ, производилась постоянная мѣна мѣстныхъ произведеній, со стороны горцевъ: лѣса, а со стороны казаковъ, преимущественно соли. Между этими пунктами, про-

мысленники изъ Закубанскихъ Армянъ, разновременно переселившіеся на землю Черноморскаго войска, въ положительномъ смыслѣ забрасывали сѣти въ мутную воду.

Такия торговля сношенія продолжаются и по нынѣ, но безъ сомнѣнія, въ болѣе обширномъ смыслѣ, и теперь; въ самое короткое время, надобно ожидать болѣе положительныхъ связей. Нынешній намѣстникъ Кавказа, Князь Михаилъ Семеновичъ, старается о водвореніи спокойствія въ горахъ, распространяя для того межъ ими воззванія съ доброжелательнымъ напоминаніемъ о благахъ мира; не ручаясь за совершенно выгодныя послѣдствія, въ тоже время не смѣетъ хулить, ибо начало ихъ въ Христіанскомъ духѣ. Горецъ соединяясь съ казакомъ, будутъ имѣть случай для болѣе короткаго знакомства, и свою полувѣковую враждебность обратятъ временемъ въ дружество. Въ 1845 г. былъ огромный съѣздъ Закубанцевъ различныхъ племенъ къ Екатеринодару, на Троицкую войсковую ярмарку. Въ продолженіе болѣе недѣли, непрерывныя обозы арбъ и караваны व्यюковъ тянулись отъ Кубани къ Екатеринограду. Закубанцы безоружные, смиренные, промышленные и работающіе—рисовались на первомъ планѣ ярмарки. Можно сказать, что горцы сложивъ съ себя на кордонной чертѣ оружіе, дѣлались совершенно мирными промышленниками; числомъ ихъ было до 10 тысячъ, въ которыхъ участвовала четвертая часть немирныхъ Шапсуговъ и Абедзеховъ; арбъ съ Закубанскими произведеніями считалось до 4 тысячъ. Сложная цѣнность привознаго ихъ товара, восходила до 13, 500 р. с. а. отпускнаго. —до 22, 500 р. серебромъ.

Принятые необходимыя мѣры осторожности, были тщательно скрываемы отъ Закубанскихъ посѣтителей, съ благоразумною цѣлію: усыпить обычную ихъ недовѣрчивость; имъ оказаны были, какъ добрымъ сосѣдямъ, всѣ ласки гостепріимства: каждый вечеръ гремѣла въ ихъ станѣ войсковая музыка, для всѣхъ почетныхъ людей откуплены были входы на зрѣлище; не упущено изъ вида ничего, что только могло занять пріятнымъ образомъ слухъ и взоръ полудикаря. Осо-

бенно поражали горцевъ гимнастическія представленія стравляющихъ волтижеровъ и акробатовъ. Такой пріемъ вызывалъ Закубанцевъ на рѣшительное довѣріе и непритворную веселость. При закатѣ солнца, оканчивая торговыя хлопоты, они составляли шумныя круги для игръ и забавъ въ собственномъ вкусѣ. Словомъ, гостепріимство казаковъ обращало торговую сходку въ веселый для нихъ праздникъ. На Покровскую ярмарку 1845 года, при всѣхъ усиліяхъ казачества, былъ съѣздъ Закубанцевъ ограниченъ; причиною тому служили народныя бѣдствія сопровождавшія лѣто того года, какъ то: сильная засуха и опустошительныя нашествія саранчи. Впрочемъ Закубанскихъ аробъ и мирныхъ горцевъ, было: 982 а. съ 901мъ чел. и 90 аробъ съ немирными 163 чел.

За то въ 1846 г., стеченіе Закубанскихъ каравановъ на Троицкую ярмарку (20 - 27 мѣсяцаго Мая), не смотря на то, что допущены были отъ однихъ только мирныхъ ауловъ, сборъ было чрезвычайный. При торговомъ движеніи всего почти народонаселенія мирныхъ Закубанскихъ обществъ, замѣчательно въ особенностн, что сопровождавшія пропускъ Черкесъ на ярмарку, чрезъ кордонную черту распоряженія и мѣры, направленія къ соблюденію безопасности, порядка и благочинія - увѣнчались полнымъ успѣхомъ, безъ измѣняющаго обремененія кордонныхъ карауловъ и безъ малѣйшаго ропота со стороны Закубанцевъ; въ чемъ состояло до сихъ поръ непобѣдимое затрудненіе. Эти толпы народа, непривыкшіе къ подчиненности и единодушію, прибывали, отбывали и мѣнялись съ многочисленнымъ съѣздомъ ярмарки съ нашей стороны, безъ всякаго замѣшательства и непріязненнаго столкновенія.

Приготовленные заблаговременно, Черкесы стали наполнять ярмарачный станъ своими многочисленными обозами, за два дня до поднятія торговаго флага, и когда ихъ шумный таборъ установился, тутъ представилась самая разнообразная и самая полная выставка предметовъ народнаго богатства и народной промышленности Закубанскихъ ауловъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, и въ всякое время года, подобное

явленіе невозможно. Черкесскій таборъ равнялся остальному къ ярмарскому съѣзду, въ немъ заключалось 5139 арабъ, съ 6, 244 чел. Сумма привознаго товара превосходила 10ть тысячъ р. сер. Главнѣйшіе предметы привоза составляли: строевой и хвойный лѣсъ, валы, ося, челны (каюки), корыта и другія подобныя издѣлія; также цыновки, плетенки различныхъ родовъ, Черкесская одежда, невыдѣланныя кожи, сало, масло, медъ, воскъ, каштаны, орѣхи и пр. Сумма отпуска произведеній и товаровъ въ горы, была равна суммѣ привоза потому, что торговля, не смотря на обращеніе монеты, была болѣе мѣшочная. Содержаніе отпуска составляли преимущественно зерновой хлѣбъ, холсты, бумажныя и шелковыя ткани, земледѣльческія орудія, сундуки, посуда мѣдная, глиняная, деревянная, особенно раскрашенная въ узоры-имѣла большой сбытъ. Наконецъ достопримѣчательно, что болѣе роскошныя Закубанцы, вывезли съ ярмарки между прочими вещами, 28 фун. чаю и сахару 13 пудовъ, также вина, около 3 ведеръ.

Хотя главный хребетъ Кавказскихъ горъ тянется непрерывною грядою, однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, выдвинулись къ Сѣверу, въ томъ числѣ самыя замѣчательнѣйшія: Эльбрусъ и Казбекъ. Сѣверный склонъ хребта, въ ширину 70 верстъ, сначала спускается къ низу, потомъ образуетъ какъ бы плоскую возвышенность; послѣ чего, поднимаясь опять снова, оканчивается надъ равниною весьма крутыми уступами, извѣстными подъ названіемъ Черныхъ Горъ; отсюда вытекають рѣки Кубань и главные ея притоки: Форсъ, Бѣлая, Лаба, Урупъ и Зеленчукъ; на правомъ берегу главной рѣки, простирается степь, прорѣзанная лишь незначительными ручьями отъ Эльбруса къ Востоку; Малка и Терекъ отдѣляютъ равнину отъ гористой мѣстности, за исключеніемъ весьма незначительной по высотѣ, но длинной по протяженію вѣтви горъ, которая отдѣльными холмами проходитъ возлѣ Пятигорска и Ставрополя, и возлѣ послѣдняго совершенно исчезаетъ. Въ этой отрасли беретъ начало р. Кума, служащая пограничною чертою Кавказа съ Астраханскою Губерніею.

Черноморская кордонная линія, вачиная отъ Чернаго моря идетъ по Кубани и, оканчивается при станицѣ Воронежской, не въ дальнемъ разстояніи отъ впаденія Лабы въ Кубань. Впередѣ этой линіи, находятся три отдѣльные укрѣпленія: Гостюгай въ землѣ Натугайцовъ, Абинское и Хоринское у Шапсуговъ.

Правый флангъ состоитъ изъ двухъ линій: внутренней, по Кубани до укрѣпленія Хумора, и передовой, вдоль по Лабѣ до Ахметовскаго укрѣпленія. Укрѣпленіе въ верховьяхъ б, Зеленчука, служить связью между этими линіями.

Противъ Черноморской береговой линіи и праваго фланга, между вершинами Кавказскаго хребта и Черныхъ Горъ, обитаютъ общества племени Адиге — Натугайцы, по обѣимъ склонамъ; потомъ Ханушъ, Шапсуги большіе и малые, Абадзехи и Карачаевцы. Между Черными Горами и Лабою, на послѣднихъ отрогахъ: Бжедухи, Хетакуан, Темиргои, Егерикон Махоши, Бесленей и переселенные Кабардинцы, они прежде жили близъ Суджукъ - кале, но въ XVI столѣтіи переселились въ нынѣшнюю Кабарду.

Ханушъ или старожилы, жительствующие въ глубинѣ горъ за Шапсугами, мало извѣстны, и между самыми Черкесами называются дикими народами. Остальные племена исповѣдуютъ Магометанскую вѣру. Духовенство прежде не имѣло у нихъ силы, и при возникающемъ вліяніи Шаріата, породило между Черкесами тѣ кровопролитныя, междоусобныя войны, отъ которыхъ Закубанцы — Черкесы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе слабеютъ. Языкъ, нравы и обычаи разныхъ обществъ, весьма мало отличаются другъ отъ друга. Законы, вообще, основаны на древнихъ обычаяхъ и постаповленіяхъ, опредѣленныхъ въ разное время на горскихъ сѣздахъ.

Здѣсь благорастворенный климатъ; плодородная почва покрыта превосходнымъ строевымъ лѣсомъ разнаго рода, съ признаками богатыхъ минеральныхъ рудъ и каменнаго угля, до которыхъ еще не прикасалась рука человѣка; долины на которыхъ прежде существовало обширное скотоводство, и

наконецъ Кубань, судоходная почти отъ устья Лабы, и всѣ Черкескія рѣки изобилующія рыбою, а лѣса дорогими пушными звѣрями, - должны обратить вниманіе Россіи на эту страну, могущую быть весьма важною въ торговомъ и промысловомъ отношеніи.

ГЛАВА XVII.

Рѣдѣть облаковъ летучая гряда! Звѣзда вечерняя, блестящая звѣзда, твой свѣтъ осеребрилъ зеленныя долины, и дремлющій заливъ и черныхъ горъ вершины; люблю твой яркій свѣтъ въ воздушной вышнѣ — онъ думы пробудилъ уснувшія во мнѣ!

Переправясь прямо черезъ Керченскій проливъ, вы въѣзжаете въ долгую Керченскую бухту, проходите межъ рядами 200 судовъ всѣхъ Европейскихъ націй. Теперь суда, идущія въ Азовское море, выдерживаютъ карантинъ въ Керчи, и по этому случаю, ихъ много стоитъ передъ Керченскимъ карантиномъ. Однако не всѣ онѣ пускаются въ море: перевозъ товаровъ изъ Таганрога въ Керчь, производится большею частью каботажемъ.

Керчь стоитъ на мѣстѣ древней Пантикапен, столицы царей Босфорскихъ. Въ древности уничтоженная, вновь созданная Генуезцами, она называлась различно: Герать, Боспро, Воспро и Пандико.

Въ 1771. г. поступивъ во власть Россіи, Керченскій замокъ построенный изъ песчаннаго камня, именуемый Турками Герать, былъ круглой формы съ выдавшимися углами; его окружало пять или шесть хижинъ, ибо большая часть древнихъ домовъ была сломана, а для обороны гавани построенъ фортъ въ видѣ звѣзды, обложенный плитнякомъ. Но эти укрѣпленія были ничтожны, потому что Мидридатова гора господствуетъ надъ ими; она совершила преждевременное забвеніе и бѣдность Керчи, а Ениколоу, стоящему въ 12ти верстахъ—прочность. Но съ 1821 года, при новомъ благоустроенномъ порядкѣ, при которомъ нельзя уже бояться вражескихъ нападений, г. Керчь сталъ поправляться и сдѣлалъ морскимъ портомъ; съ того времени, хотя и медленно, но онъ возрасталъ, народонаселеніе увеличилось, нѣкоторые частныя люди ос-

появилъ въ немъ торговыя заведенія и построили красиво-хорошіе дома. Послѣ уже Керчь, Ениколь и тринадцать тысячъ десятинъ земли, составляющихъ Восточную оконечность Керченскаго полуострова, образовали Керчь - Еникольское градоначальство. Въ 1843 г. Керчь сдѣлалась общимъ карантинъ для судовъ Азовскаго моря, такъ, что суда не могутъ проходить Босфоръ, не выдержавъ прежде карантинъ въ Керчи; чрезъ это самое выгода удалена отъ Таганрога, которую прежде извлекали здѣсь и Θεодосійскіе купцы. Впрочемъ эта мѣра кажется благоразумна, ибо въ Таганрогъ, портъ ничто иное какъ открытый рейдъ, и многія суда принуждены были выдерживать карантинъ въ 15 верстахъ отъ берега, потому что вблизи его море слишкомъ мелко и нагрузка товаровъ должна производится посредствомъ лодокъ, — что затруднительно, долго и опасно. Θεодосія же, не имѣя этого недостатка, при удобной бухтѣ, потеряла въ торговыхъ отношеніяхъ по другимъ уважительнымъ причинамъ, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Любимая промышленность Керченскихъ жителей — есть рыбная ловля: весною въ Керчь - Еникили заготавливается много осетровъ и богатыхъ сельдей, которыя оттуда вывозятся въ Южную Россію. Ловля осетровъ и приготовленіе балыковъ и икры — промыселъ очень выгодный и значительный; кромѣ того, изъ Керчи вывозится соль, добываемая изъ Опускскаго и Чикпракскаго озера, ежегодно до сто тысячъ центнеровъ или до полтора милліона пудовъ.

Главное достоинство и сила Керчи — есть Керчь - Ениколь, откуда суда проводятся каботажемъ въ Азовское море. Это селеніе, расположенное въ 12ти верстахъ отъ Керчи, при подошвѣ уступистыхъ возвышеній и морскихъ волнъ, освѣжается частыми горными вѣтрами и дождями, имѣетъ въ концѣ разчлененнаго косогора каменное укрѣпленіе, первоначальную постройку котораго надобно отнести еще древнимъ Грекамъ, а украшеніе Генуэзцамъ и наконецъ Туркамъ. Крѣпость обширна и прочна; высокія стѣны ея, съ обѣихъ сторонъ обложены дикимъ плитнякомъ и расположены довольно правильно, такъ, что суда съ пролива едва ли могутъ взять ее, мы такъ

полагаемъ при совершенно-прочной отдѣлки, но теперь это другое дѣло, она какъ памятникъ времени миновавшихъ, сохраняется отъ совершеннаго паденія; въ ней расположенъ госпиталь для людей Черноморскаго берега и Керчи. Здѣсь вечерняя прогулка по возвышеннымъ стѣнамъ укрѣпленія, какъ и по морскому берегу—чрезвычайны. Жители селенія побольшой части Греки, имѣютъ храмъ Византійскаго стила, въ которомъ передняя часть иконостаса сдѣлана удивительно слѣпымъ рѣзчикомъ. Вечеромъ, здѣсь народъ толпится по улицамъ, и вы смѣло сближаетесь съ Греками.

Отсюда дорога къ Керчи, поднявшись на высоту, идти долиной, по которой непрестанно вблизи и вдали разбросаны высокіе курганы, гробницы царей Меотіа и Босеора.

Городъ Керчь расположенъ на равнинѣ, окруженной съ право Митридатовою горою и слѣдующими возвышеніями, также курганами—мѣстомъ упокоенія Босеорскихъ царей, гдѣ антиквары роются какъ кроты. Почти всѣ курганы изрыты, обысканы, драгоценныя рѣдкости отосланы въ С. Петербургскій Музей, въ Эрмитажъ Императорскаго. Дворца или сохраняются въ Керченскомъ Музѣ, построенномъ на Митридатовой горѣ въ видѣ Пароенона. Къ нему идетъ великолѣпная лѣстница съ уступистымъ бульваромъ и садомъ,—что устроено въ неурожайное время, для поданія средствъ жизни бѣдному классу народа. Самый замѣчательный курганъ прозванъ Царскимъ, потому что гробница его открыта къ самому приѣзду Государа Императора въ 1837 году. Тамъ найдены любопытнѣйшія вещи: множество щеголеватыхъ дѣлъ и бездѣлокъ самой утонченной роскоши прежняго міра, украшенія всякаго рода, полный приборъ прихотливаго дамскаго туалета, хомутъ осыпанный драгоценными камнями въ золотой оправѣ, принадлежавшій вѣроятно любимому кошу — найдены въ гробницѣ знатной Гречанки; во всего замѣчательнѣе: золотая маска покрывавшая лице, и на которой еще можно распознать черты той, которая пролежала въ гробницѣ болѣе двадцати столѣтій. Внутренность кургана составляла родъ пещеры со сводами, вышиною въ пять аршинъ. Стѣны

и своды сложены изъ большихъ четверехъугольныхъ камней, какъ въ Колизеѣ, безъ цемента, и такъ хорошо сбережены, что будто-бы были сложены недавно.

Городъ распространяется богатыми каменными зданіями, водопроводами и бассейнами; улицы широки и чисты, исключая занявшихъ предгорія. Гостиницы прекрасны; но главное достоинство Керчи есть два храма: одинъ Греческій, построенный въ пятомъ вѣкѣ, и Русскій, построенный въ 1844 году.

Вообще вкусъ временъ Іустиніана и его пріемниковъ, удалялся болѣе и болѣе отъ Греческихъ образцовъ и создалъ новый родъ церковной архитектуры, болѣе приспособленный къ требованіямъ Христіанской религіи, слѣдственно мало подобный древнимъ зданіямъ: онъ названъ Византійскимъ. Вообще высокій куполъ сдѣлался тогда принадлежностію всякой церкви, и свѣтъ падающій отъ него на олтарь, считался божественнымъ свѣтомъ, исходящимъ съ неба. Вначалѣ куполъ былъ узокъ, но отличался высотой, внутренность же храма была крайне сжата; — отъ того древніе храмы можно тотчасъ узнать, и тѣмъ болѣе, что ихъ такъ много на Восточномъ берегу; таковъ и Керченскій. Въ числѣ мраморныхъ обломковъ, хранящихся въ музеумѣ—есть Ионическая капитель съ крестомъ, плохой работы, на абакѣ, и еще Коринфская капитель довольно дурнаго вкуса, съ двумя крестами по сторонамъ своимъ: есть несомнѣнные слѣды двухъ здѣшнихъ церквей. Мраморъ, употребляемый здѣсь прежде, былъ зернисто-сахаровиднаго сложенія, цвѣту бѣлаго съ синими полосами. Мраморъ употребляемый въ Византіи былъ совсѣмъ другой и двухъ родовъ: бѣлый Паросскій, котораго обломки остались съ надписями, сдѣланы въ видѣ гробницъ, также пестрый, голубой, сѣрый и бѣлый, *cipolino* Италіанцевъ—но послѣдній былъ не въ такомъ употребленіи какъ первый. Около Днѣпра, въ Южной Россіи, употребляли сѣрый и бѣлый съ голубыми цвѣтами, онъ употреблялся и въ Босфорѣ; большая часть надписей о Перизадѣ, Левкаонахъ, Спартакѣ сдѣланы на такомъ мраморѣ. Все это можно замѣтить въ здѣшнемъ музеѣ.

Бывалъ я въ разныхъ Европейскихъ городахъ, видѣлъ веселость, но той душевной отрады при закатѣ солнечномъ я не чувствовалъ: все доброе здѣшнее дворянства, купечество и ремесленники стараются непременно соединиться на здѣшней великолѣпной пристави, какъ бы въ одно семейство. Отраднѣе глядѣть на милыхъ, обворожительныхъ Русскихъ барышень, Гречанокъ и другихъ иностранокъ, свивающихся въ одинъ туръ съ мужчинами всѣхъ націй, и высказывающихъ своею веселостію, певучестью, что рано или поздно соединятся друзья и враги на судъ нашего Премудрейшаго Отца.

Митридатова гора упирается подошвой своею въ крайнюю оконечность бухты Босфорскаго пролива, и видна далеко. Городъ построенный на краю горы, прежде шелъ уступами, въ видѣ полукружія, котораго концы простирались по обѣимъ бокамъ ея; — нынѣ много перемѣнился, выдѣлся впередъ на долину къ курганамъ. Посреди огромныхъ кучъ развалинъ, покрывающихъ древнее помѣщеніе города, были и есть слѣды древнихъ главныхъ улицъ, идущихъ къ городскимъ воротамъ. Теперь въ Митридатовой горѣ выкапываютъ непрестанно каменные гробы, — что частію показываетъ насыпное ея состояніе, — тогда какъ въблизи музея, идутъ въ горѣ сланцевые слои известняка и алебастры, употребляемой здѣсь вмѣсто извести. Какое богатство! По Митридатовой горѣ, въ древности была цитадель окруженная на большое пространство каменною стѣною, слѣдовъ которой однакожь не осталось, все пошло на вновь создаваемый, правильный городъ. Внутри вырубленъ нынѣ, шириною въ семь футовъ, съ ступеньками — онъ былъ, вѣроятно, назначенъ для статуи Сивиллы, Фригійской богини или Церерѣ Темесоорѣ законодательницѣ и божеству Еллезинскихъ таинствъ. Такъ увѣряютъ де — Скасси и Дюбоа; по теперь этотъ нынѣ называется креслами Митридата, съ которыхъ, будто бы онъ рѣшалъ дѣла своего обширнаго царства. Площадь горы была украшена дворцами, а можетъ быть и храмами, ибо многія полипныя скалы обтѣсаны какъ Митридаковы кресла и цитадель. Здѣсь теперь стоитъ будка,

скрывающая прахъ Степковскаго. Неизвѣстно только, какимъ образомъ жители цитадели добывали воду, или запасались ею, не видно слѣдовъ водопроводовъ, да и провести воду на такое возвышенное мѣсто, едва ли можно. Городъ расположенный внизу, былъ счастливѣе, туда проведены изъ долины источники, и можетъ быть тѣ самые, которые теперь наполняютъ водою главные Керченскіе фонтаны.

Въ послѣдствіи, помѣръ того какъ окончилась бухты заносило пескомъ, отмель расширялась, и пространство между горою и портомъ увеличивалось на счетъ моря, жители переселялись ближе къ нему и покидали прежній городъ; отъ того, съ Христіанства, Милезійская цитадель съ храмами и дворцами обратилась въ кладбище, - такое измѣненіе замѣтно; кромѣ того въ глубину горы на сто сажень, находятъ обломки всѣхъ сортовъ вещей, наносную землю, перемѣшанную съ осколками Этрурскихъ вазъ, куски мрамору, строительныхъ матеріаловъ и отрывки надписей; тутъ же находятъ множество могилъ въ видѣ каменныхъ ящичковъ, изъ тонкихъ плитъ Керченскаго третичнаго известняка, распиленнаго инструментомъ. Такіе гробы слишкомъ древни, остовы обратились въ пыль, изрѣдка попадаетъ кость, зубы и металлическія вещицы.

Курганы, разсыпанные въ степи подобно трапинкамъ, идутъ группою къ Θεοδοσίη. Чтобы дать понятіе о нихъ постройкѣ, древнихъ царяхъ и вещахъ, расскажемъ въ примѣръ объ открытіи самаго главнаго, золотого кургана.

По старой дорогѣ, обставленный могилами, въ верстахъ трехъ отъ Керчи, Митридатова гора сглаживается и образуетъ узкую долину. Потомъ она снова круто подымается и даже на большую высоту чѣмъ прежде, и идетъ въ Сѣверо-Западномъ направленіи, до Азовскаго моря. Здѣсь вообще называютъ ее золотою горою.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога проходитъ между двумя горами, надъ нею господствуетъ золотой курганъ, указывающій, что здѣсь обитало племя, могущественнѣе того, которому принадлежатъ курганы разсыянные по равнинѣ.

На самомъ гробѣ горы, на отвѣсной высотѣ въ 327 фу-

та возвышается золотогорскій курганъ, футовъ до ста вышиною и слишкомъ полтора въ діаметръ. Онъ имѣетъ выпуклую форму и отличается отъ всѣхъ другихъ кургановъ тѣмъ, что снизу доверху его идутъ стѣны; снаружн, онъ въ родѣ Египетскихъ пирамидъ обложенъ былъ большими кусками Керченскаго камня, фута въ три и четыре, по всѣмъ направленіямъ: онъ складены уступами, безъ цемента и глины.

Этотъ памятникъ, единственный по величинѣ своей, сдѣлался издревле таинственнымъ предметомъ безчисленнаго множества легендъ. Древнѣйшія преданія Греческія и Римскія, за ними Татарскія и Турецкія, говорятъ много о несмѣтныхъ сокровищахъ въ немъ скрытыхъ: отъ того онъ и названъ Алтунъ-обо, то есть Золотой горой. Преданіе говоритъ, что наканунѣ великаго Иванова дня, здѣсь прежде являлась дѣва поджидая суженаго, съ которымъ желала раздѣлить сокровища. Греческая легенда, найденная близъ Митридитовыхъ креселъ, назначаетъ золотую гору могилу Митридата; но исторія отвергаетъ увѣрля, что онъ похороненъ съ царскою пышностію въ г. Синопѣ, въ фамильномъ склепѣ своихъ предковъ.

Въ этомъ курганѣ сдѣлано самое богатое, самое великолѣпное открытіе древностей: въ одной части его, нашли могилу Скиѣскаго царя.

Къ Золотой Горѣ примыкаетъ съ Югу крутая гора, которая составляетъ ея отрогъ; Татары называютъ это возвышеніи Куль - оба - холмомъ пепла; оно находится внѣ прежняго Керченскаго укрѣпленія, въ 6 верстахъ къ Еникаю. Солдаты добывали тутъ изъ кургана, почти разрушеннаго, камня; онъ обложенъ циклопическою стѣною, имѣетъ діаметръ въ сто шестьдесятъ пять футовъ. Продолжая работу, солдаты добрались до какой - то внутренней постройки - до сѣней въ квадратную сажень, обращенныхъ къ Сѣверу: онъ были покрыты Египетскимъ сводомъ, который надобно было снять, ибо поддерживался только деревянными балками совершенно истлѣвшими. Въ задней стѣнѣ была дверь, заведенная съ низу большими, а съ верху малыми камнями. Склепъ простирался почти на пятнадцать футовъ въ квадратъ. Кладка

стѣнъ были въ тринадцать рядовъ уступами, для свода оставалось мѣсто въ два фута, которое закрывалось большимъ камнемъ. Высота склепа была въ 16 футовъ; на днѣ его помоста въ 11 футовъ, былъ деревянный потолокъ уже сгнившій; сводъ покрытъ на 10 футовъ большими и потомъ мелкими камнями; вся масса кургана составляла около тысячу квадратныхъ сажень; высота была около десяти сажень.

Полъ въ склепѣ былъ выстланъ плинтами, довольно хорошо соединенными. На полу стоялъ ящикъ изъ тисоваго дерева длиною въ восемь футовъ, девять дюймовъ, высотой десять дюймовъ: онъ сдѣланъ изъ толстыхъ бревенъ и досокъ; сторона къ внутренности склепа была открыта. Ящикъ раздѣлялся на - двое доскою.

Въ одной части болѣе обширной, ближе къ стѣнѣ, лежалъ остовъ мужнины высокаго роста; бедренныя кости были длиною слишкомъ въ семнадцать дюймовъ, черепъ очень толстъ. На лбу оставались лоскутки митры—Персидской шапки, съуживающейся къ верху. На краяхъ ея были нашиты золотыя пластинки. Нижняя часть была шириною въ дюймъ и восемь линий, украшена фестонами и грифонами—эмблемою Пантикапей: но однакожъ, она не такъ была тщательно сдѣлана какъ верхняя, которая украшена фигурами, листьями и арабесками.

На шеѣ было большое ожерелье изъ массивнаго золота, сдѣланное въ видѣ кольца, которое растябалось такъ, что края его половинки заходили одинъ на другой. На каждомъ концѣ изображенъ каменный Скенъ, скачущій на лошади. Обѣ половинки дюйма на два съ конца, покрыты лазоревою и зеленою эмалью, остальная часть изогнута въ видѣ веревки. Вещь очень хорошей работы. Такія точно мѣдныя ожерелья, и перѣдко изъ другаго металла, попадались въ могилахъ на Сѣверѣ и между прочимъ въ древней Литвѣ. На правой рукѣ, лежащей около бока, по выше локтя, былъ золотой, украшенный выпуклостію браслетъ, шириною въ дюймъ. Ниже локтей были два браслета изъ электрума, сплавка изъ золота и серебра, гладкіе, шириною въ дюймъ и восемь

липій. Два браслета изъ чистаго золота, были падѣты по выше кисти; эти запастя открывались Персидскими крылатыми Сфинксами, которые держали въ когтяхъ толстую золотую нитку, служившую для того, чтобы стянуть браслетъ, когда онъ надѣвался на руку. Браслеты были хорошей работы и толщиною въ полъ - дюйма.

Въ ногахъ царя было набросано множества острыхъ камней. Лишившись кого - нибудь изъ своего поклѣтня, Скионы царапали себѣ лицо, руки и все тѣло маленькими кремнями, и потомъ такія доказательства своей горести клали въ могилу. Отъ того, могилъ покрытыхъ кремнями много около Θεοδοσίи, Симферополя и въ Крыму; что показываетъ совершенно однообразный обычай здѣшнихъ обитателей.

Въ другой узкой части гроба, лежали языческіе боги и оружіе царя. Тамъ хранился желѣзный мечъ, котораго рукоятка обложенная золотыми листочками, была украшена вогнутыми изображеніями зайцевъ и лисицъ. Клинокъ былъ совершенно съѣденъ ржавчиною; подлѣ него лежала казацкая пагайка, украшенная золотымъ листкомъ, а надъ нею былъ дѣлать изъ чистаго золота, впрочемъ, малая величина его: восемь дюймовъ и девять линій показываетъ, что это былъ родъ наплечника, изогнутаго по формѣ плеча и руки. Золота въ немъ было около полтора фунта; центръ означенъ простымъ ободкомъ и еще крутомъ, составленнымъ изъ овиковъ - отстоявшихъ другъ отъ друга на три линіи, на которыхъ вычеканены попеременно дельфины и рыбы, въ числѣ ихъ рыбки (*Chrysophrys aurata*) и мурена (*Muraena Helena*). Остальная часть щита раздѣлена двѣнадцатью кругами, между которыми вычеканены попеременно маски, изображающіи голову Медузы, головки съ остроконечными бородами въ митрахъ, также мухи и головы морскихъ коней. Лукъ и деревянные ножны его разсыпались; отъ нихъ остались: пластинки изъ электрума, длиною въ двѣнадцать дюймовъ; на немъ было изображеніе тигра терзающаго оленя, дикую козу; однакожъ, впереди на него нападалъ также Пантикапейскій гриффонъ, а съзади Фанагорійскій левъ. На широкомъ концѣ, изобраа-

женъ былъ морской конь, а на противоположномъ — маска. Лукъ влагался у Скивовъ въ ножны, въ которыхъ дѣлался другой карманъ для стрѣлъ; - эта часть украшалась золотомъ и серебромъ. Вмѣстѣ съ оружіемъ лежалъ бронзовый сапогъ, другой же у головы царя; вычеканено на немъ было слово Порнахо, которое измѣнили въ правителя Фарнака, сына Митридатова. Въ головѣ нашли пять статуекъ изъ электрума; одна изъ нихъ изображала Пигмея, другая обнявшихъ двухъ людей, держащихъ въ рукахъ рогъ, третья имѣла въ рукахъ кошелекъ: одежда всѣхъ походила на тулунъ Русскихъ мужиковъ.

Кругомъ саркофага царя, лежали и стояли необходимыя домашнія утвари, а въ ногахъ его, три литые бронзовые котла съ двумя ручками, на круглой ножкѣ съ тремя крюками, чтобы втыкать въ землю. Въ котлахъ остался еще слой сажн и бараньи кости.

Кромѣ этой посуды, тутъ найдены запасъ вина, кратеры или чаши и кубки. Вино было въ четырехъ глиняныхъ амфорахъ, стоявшихъ вправа у стѣны; на ручки изображена слово: Фазн, по среднѣ рыба; лучше сказать, въ пемъ было Фазійское или Колхидское вино. Кромѣ того, подлѣ амфоръ стояли еще два большихъ кратера: серебряный и бронзовый, въ которыхъ, Скивы мѣшали вино съ водою; въ нихъ находились по четыре кубка съ рѣдкими рисунками, представляющими сраженія и мифологическія аллегоріи. За ними, около стѣны, стояли два копия и нѣсколько связокъ стрѣлъ; отъ нихъ уцѣлѣло только желѣзо и бронзовые наконечники; вообще древки были тонки и легки; форма стрѣлъ обыкновенна, древняя; древко длиною въ пятнадцать дюймовъ.

Между этимъ оружіемъ и саркофагомъ, нашли вскорѣ другой остовъ лежавшій на помостъ близъ саркофага, и большою частию покрытый землею, но убранный такъ богато, что его нельзя не принять какъ за остовъ супруги царской, положенной же тутъ: она лежала въ томъ же направленіи какъ и онъ, имѣя на головѣ такую же митру. Пластинка изъ электрума, которымъ шапка оканчивалась - сдѣлана искусно,

на ней изображены были четыре женщины, между гирилами ладвенца (lotas); стебли его образовывали сѣдалище и его спинки. Края пластинки, которыми она скрѣплялась на верху шапки, украшены особенно четырьмя львиными масками; верхушка шапки въ діаметрѣ не болѣе двухъ дюймовъ съ половиною; низъ шапки оканчивался золотою повязкою или діадемою, въ одинъ дюймъ, восемь линій шириною, и по всей длинѣ былъ украшенъ эмалированными розетками.

На шеѣ царицы было большое ожерелье какъ у царя, съ подвижными краями, которое надѣвалось черезъ голову и было отличительною принадлежностію знатныхъ особъ. Въмѣсто всадниковъ, на концахъ ожерелья представлены два лежащіе льва. Кромѣ ожерелья, была еще часть филиграновой работы, къ которой привѣшены были на золотыхъ цѣпочкахъ фланкончики изъ чистаго золота.

Пять медаліоновъ превосходной работы, разной величины, висѣли на груди, и были соединены между собою такими же золотыми цѣпочками и флакончиками, какіе были на шеѣ. Это медаліоны отдѣланы голубою и зеленою эмалью. На двухъ самыхъ большихъ изображены Греческія Минервы, сѣдлачныя очевидно въ Пантикапен, ибо на крыльяхъ шлема вычеканены гриффы. Въ числѣ атрибутовъ Минервы, кромѣ совы и пегаса, находились: змѣи, медузы, которыя должны были украшать щитъ, также крылатый сфинксъ, а можетъ быть и сирена, точно такая какъ и на браслетахъ царя, а на забралѣ были головки лани.

У ногъ трупа былъ великолѣпный сосудъ изъ электрума, похожій на описанный прежде, только съ ножкою; украшенія этой великолѣпной вазы, весьма важны въ историческомъ и художественномъ отношеніи. Тутъ четыре группы фигуръ слѣдуютъ одна за другою, какъ эпизоды одной и той же исторіи, въ которой главное дѣйствующее лице является три раза. Нѣтъ сомнѣнія, что они въ лицахъ представляли убійство похороненнаго царя, костюмъ его совершенно Скиѣскій: узкіе панталоны, ботинки и чуха. Воинъ явившейся къ нему съ донесеніемъ, стоитъ на колѣняхъ, и какъ будто что -

то ему докладывает; онъ одѣтъ также какъ и всѣ воины на Этрурскихъ вазахъ и вооруженъ копьемъ и щитомъ; длинные его волосы висятъ по плечамъ, на немъ Кавказскій башлыкъ или Фригійская шапка. Слѣдующая фигура обращена къ нему спиною, и стоя на одномъ колѣнѣ натягиваетъ лукъ, вѣроятно царскій. Ясно, что тутъ готовятся къ войнѣ.

Далѣе, война уже началась; царь тяжело раненъ. Надо было полагать, что онъ изображенъ въ видѣ фигуры, полустоящей на колѣняхъ; передъ нею родъ Скинского мага, онъ вырываетъ зубъ изъ лѣвой челюсти раненаго. Разсматривая черепъ царя, хранящійся въ музеумѣ, замѣтили мы въ этомъ мѣстѣ слѣды рааны, кромѣ того недостаетъ во рту двухъ зубовъ.

Въ четвертомъ эпизодѣ, изображенъ царь раненный въ ногу; воинъ перевязываетъ ее.

Исподнее платье и часть чухи покрыты узорами, въ видѣ вышивки. Это маленькiя пластинки изъ золота и электрума, пришитыя къ платью, украшены оброчною работою какъ браслеты, имѣютъ съ одного конца просверленные дырочки, чтобы можно было пришивать ихъ. Въ царской гробницѣ ихъ найдено много, у подошвы стѣны тоже. Въ стѣнахъ замѣтны слѣды деревянныхъ балокъ, вѣшалокъ, на которыхъ вѣроятно развѣшаны были богатые платья царя и царицы; платья отъ времени истлѣли, и оставили послѣ себя кучи пыли и множество пластинокъ. Большею частію, они убраны въ видѣ треугольниковъ, розасъ разной величины, безъ выпуклыхъ украшеній. Но на нѣкоторыхъ вычеканены прекрасныя головки женщинъ или богинь, также разные животныя: грифона, зайца, лисицы и другихъ въ разнообразныхъ формахъ.

На одной пластинкѣ, изображены женщины въ Кавказскихъ костюмахъ; чадра ихъ или длинное покрывало, подобно Грузинскому; платье у нихъ длинное и широкое; одна изъ женщинъ, держитъ въ правой рукѣ родъ кубка, въ лѣвой ключъ.

На другой пластинки представлены два Скины—стрѣлки; они стоя спиною другъ къ другу, готовятся пускать стрѣлы;

на третьей, два стрѣлка или охотника верхомъ гонятся, за зайцемъ, лѣвою рукою они держатъ поводъ лошади, а правую пускаютъ дротикъ.

Подлѣ тѣла царицы, лежали еще два золотыхъ браслета съ барельефами, въ два ряда, то есть, по шести фигуръ на каждомъ браслетѣ, которые шириною въ три дюйма съ третью.

Вокругъ головы царицы, лежали еще шесть ножей съ костяными ручками, похожіе клинкомъ на хирургическіе инструменты, а седьмой съ золотой рукояткою, украшеною обрешною работою. Тутъ же находимось бронзовое зеркало, ручка его, изъ накладнаго золота, украшена выпуклымъ изображеніемъ грифона, который преслѣдуетъ оленя.

По Скиѣскому обычаю, царица была вѣроятно удушена, для того, чтобы сопровождать супруга въ могилу. Тутъ же, долженъ былъ находиться по обыкновенію и царскій слугитель — его тоже нашли; онъ лежалъ поперегъ склепа у Южной стѣны; вокругъ его нашли много золотыхъ пластинокъ. Шлемъ и набедренники серебрянные, вмѣстѣ съ костями лошади, лежали въ Юго - Западномъ углубленіи склепа, фута два въ квадратѣ. Тутъ же находились куски чисто - отѣланнаго дерева, принадлежавшаго вѣроятно къ инструментамъ; рисунки на нихъ превосходной работы. На одномъ изображена четырехъ-колесная колесница: въ ней женщина держитъ шлемъ, невольница поитъ изъ большой чаши лошадь, далѣе представлены сидящія женщины, и пр. Многія фигуры вырѣзаны въ Греческомъ костюмѣ.

Словомъ сказать, все носитъ на себѣ печать Скиѣскихъ идей, обычаевъ и одѣяній; живопись же на тисѣ, изъ котораго сдѣланъ саркофагъ, сохранившаяся двадцать столѣтій, представляетъ для насъ совсѣмъ новый характеръ.

Живопись находится на бокахъ гроба; сюжеты ея Греческія, хотя трупъ и окруженъ Скиѣскою роскошью; видно, что похороны устроивали Греки. По краямъ рисунка, находятся изображенія двухъ Побѣдъ въ колесницахъ, середина занята семью фигурами въ разныхъ положеніяхъ: тремя жен-

скипи, четырьмя мужскими; между ними находятся гусь и лебедь. Все они как бы бегутъ, махаютъ руками, радуются, вѣроятно тому, что приближается торжественная колесница. Головы ихъ почти стерлись. На верхней доскѣ изображенъ воннѣ стрѣляющій изъ лука.

Кажется, дерево прежде рисовки, было покрыто известью или гипсомъ, отъ того краски получили цвѣтъ розовой, меловой и бѣловатый отливъ корпусныхъ красокъ. Фонъ рисунка свѣтло-лиловой, аbrisсѣ темной краски, похожей на бистръ, которая пробивается чрезъ другія краски положенныя сверху и служитъ имъ тѣнью; ноги и руки женщинъ сдѣланы другою краскою, чѣмъ у мужчинъ; у первыхъ розовою и бѣлою, а у вторыхъ темною и зеленою, и представляются какъ бы загорѣвшими отъ солнца.

Склепъ несохранный въ цѣлости въ слѣдствіе маленькаго беспорядка. Въ день открытія, присланные ревизоры сдѣлали опись всѣмъ найденнымъ вещамъ. Двое часовыхъ поставлены были у входа въ пещеру. Къ вечеру, когда эти господа, полагая, что нечего уже дѣлать, оставили пещеру до другого дня, то для сохраненія пещеры въ цѣлости приставили ко входу тѣхъ же часовыхъ; но собравшаяся толпа, думая о золотѣ, добычи, бросилась въ склепъ, отогнала часовыхъ, обыскала и обшарила всѣ углы и нашла золотыя пластинки. Между тѣмъ шарившіе, замѣтили по звуку, что подъ склепомъ есть пустота, подняли нѣсколько пліть, и дѣйствительно, подъ верхнимъ склепомъ нашли другой, гораздо больше; въ немъ нашли много золота, которое разошлось по Керчи такъ, что не было ни одной Гривчанки, которая бы, въ то время, не носила какой-нибудь вещицы изъ древностей въ видѣ украшенія, особенно въ видѣ серегъ. Говорятъ, что въ обихъ могилкахъ найдено до ста двадцати фунтовъ золота; но это преувеличено. Правительству досталось только пятнадцать, остальные разошлись по рукамъ. При грабежѣ, вандализмъ доходилъ до изступленія, другъ у друга вырывали добычу, и чтобы помириться - разрубали на части. Такая участь постигла и большой золотой щитъ, найденный внизу: Правительство выкупало его по частямъ. Рису-

нокъ на немъ былъ превосходный и изображалъ женщину одѣтую по Гречески; по длиннымъ волосамъ ея какъ бы развѣваемыхъ вѣтромъ, можно было счесть ее за что — то особенное, она держала въ рукахъ копье и пламенный, вокругъ нея бѣгали волки, у одного въ пасти была рыба labrus.

Прочіе курганы, кромѣ скелетовъ, заключали Этрускія вазы, или подобныя имъ, съ разнообразными, прочными рисунками, много древнихъ монетъ, коронъ изъ золотыхъ листочковъ, колецъ, браслетъ, серегъ, куколъ, мраморныхъ изображеній и плитъ съ надписями, также оружіе съѣденное ржавчиною, словомъ сказать, въ нихъ былъ выраженъ характеръ прежнихъ здѣшнихъ народовъ, обычаи, одѣяніе, мифологія и исторія страны за нѣсколько вѣковъ до Р. Христа.

ГЛАВА XVIII.

Въ житейскихъ, бурныхъ волнахъ, истинный человекъ подобно лебедю, съ величіемъ чистоты выплываетъ изъ нихъ счастливо; напротивъ, люди страстливые, безхарактерные или чувствительные утопаютъ въ смятеніи стесненій и слезахъ. Посему не худо помнить всегда, что ни одна тайна, ни одна слеза - не могутъ скрыться: первая своевременно и здѣсь открывается; другую видитъ Господь, и съ восходомъ солнца, лучемъ его, уносить туда алмазной, эвфровой струей, гдѣ и хранится она до назначеннаго ей часа.

Изъ г. Керчи къ г. Феодосіи, вы слѣдуете однообразною степью, гдѣ пасутся стада овецъ, зрѣются Татарскія пахати, и тянутся по дорогѣ и въ сторонѣ запачканные сажено аулы. Недоѣзжая этого города, вправо выказывается Арабатская Стрѣлка, отдѣляющая Гнилое море отъ Азовскаго: она простирается на семьдесятъ верстъ, шириною на версту, мѣстами даже меньше. На этой Стрѣлкѣ, въ 1757 г, Генералъ Ласси, избравъ оборонительную позицію, едва не претерпѣлъ великихъ бѣдствій. Не доходя восьми верстъ города Феодосіи, дорога изъ степи спускается къ морю, и идетъ по песчанному взморью около прелестной дачи, гдѣ поселился извѣстный герой Персидскихъ войнъ—Генералъ Котляревскій, на которомъ число ранъ, равно числу его неустрашимыхъ подвиговъ. За возвышеніемъ дачи, являются взору разбросанныя вдали крутыя возвышенія Феодосіи съ большимъ числомъ вѣтренныхъ мельницъ, съ лѣва, обширной рейдъ, которому путь подобныхъ на Черномъ морѣ. Городъ окаймленный группою песчано - известковыхъ горъ, расположенъ полу-кружіемъ надъ моремъ; оставшіяся древнія, каменные башни съ боковъ, какъ бы сторожатъ его и величаво глядятся въ сизыя волны моря. Феодосія, отжившая свой древній вѣкъ, начинаетъ жить снова новою жизнью: красивыя,

каменные дома, идутъ длинною нитью широкихъ, прямыхъ улицъ къ карантину; тутъ находятся: три хорошихъ площади, вблизи ихъ храмы: Русскій, Греческій, два Армянскихъ и Католическій: онѣ очень древни, время построения ихъ извѣстно археологамъ, имѣютъ весь Византійскій стиль, обложены плитнякомъ, и во внутренности украшены живописью и образами. Въ городѣ есть прекрасный, длинный рынокъ, казенныя зданія отличны, особенно здѣшній военный госпиталь, постройки Инженера Николаева, съ садомъ, — подобныхъ зданій мало. Всѣ обывательскія дома каменные, не исключая и Татарскихъ, расположенныхъ по крутымъ городскимъ возвышеніямъ, — выбѣлены алебастромъ и известкой; по сему городѣ издали очень красивъ и опрятенъ. Идѣ по вершинамъ видны развалины древнихъ жилищъ и сады, также въ сторонѣ 3-хъ верстъ, храмъ Св. Пророка Иліи и руины Армянскаго монастыря.

Жизнь города Феодосіи противоположна жизни Керчи; тамъ кипитъ весь жаръ Европейской торговли: городъ съ утра до утра почти постоянно въ торговыхъ кликахъ, пѣсняхъ и игрѣ ширманокъ, и часто, поглощается въ звукахъ Татарской заунывной флейты, зурны и бубенъ. Въ Феодосіи, напротивъ, обитаетъ какая-то скромность, порядокъ; хотя и здѣсь идетъ почти безостановочно торговля и бродитъ ширманка, но она служитъ для домашнихъ увеселеній и утѣшаетъ гуляющихъ по здѣшнему прекрасному, приморскому бульвару, стоящему до 70 тысячъ; гдѣ, каждый вечеръ, при закатѣ солнца, любить собираться вся значительность города для свиданія, новостей, прожектовъ и любезничанья, и повѣрьте, часть, два пріятныхъ на бульваръ, заглушаетъ скуку печальнаго дня, если онъ только былъ такимъ. Сидя на скамейкѣ, упиваясь ароматнымъ воздухомъ древъ и свѣжимъ морскимъ, видите передъ собою рядъ за рядомъ слѣдующія группы прелестныхъ дамъ и барышень и фраговъ, между ними есть пріѣзжіе изъ Крыма, Одессы и даже изъ за Русской границы, для пользованія морскими цѣлительными купальнями, которыя расположены въ волнахъ морскихъ, отъ берега 50-ти шагахъ. После разнообразныхъ, пріятныхъ сердцу удо-

забавъ, гуляющіе расходятся въ сумерки по домамъ и отдаются домашнимъ увеселеніямъ, недвижимымъ забавамъ, чтенію книгъ и хорошихъ журналовъ. Если вы археологъ, рекомендуемъ здѣшній пумизматическій музей. Прежде, среди города были набросаны кучи развалинъ туземныхъ старыхъ бань и мечетей; — нынѣ, увѣряютъ, все очищено, образовалась чистая площадь съ гаубвахтой, рѣдкой постройки. Вблизи ея прилегалъ необширный публичный садъ. Иногда тишину города нарушаютъ Татарскія разнощники плодовъ, впрочемъ и они, въ свое время, присоединяютъ Азіатскую эффектность и правятся чужестранцу.

Словомъ, Θεοδοσία городъ прекрасный, а народъ въ немъ привѣтливый. Здѣсь живутъ Русскіе, Греки, Армяне, Татары и мастеровые Евреи; впрочемъ, днемъ вы встрѣтите вблизи караванъ-сараявъ, на бульварѣ и въ лавкахъ, Турокъ въ пушковыхъ эпанчахъ и разноцвѣтныхъ чазмахъ: ибо здѣсь они выдерживаютъ иногда карантинъ; противъ него въ бухтѣ находится всегда 6, 7, и даже 10ть большихъ купеческихъ и военныхъ судовъ съ брандвахтой. Около карантинъ, на возвышеніи, остались еще до нынѣ разрушенныя, высокія и толстыя стѣны древняго укрѣпленія съ башнями, за которымъ, внизу буэрака, продолжается по берегу каменный карантинъ, построенный Генуэзцами и поправленный Русскими. Подобныхъ красивыхъ и удобныхъ карантиновъ мало.

Г. Θεοδοσία былъ извѣстенъ въ крайней древности, еще во время Аѳинской республики; но война честолюбиваго Митридата съ Римлянами разрушивъ Воссюрское царство, уничтожило и сей городъ. Сначала V вѣка, Императоръ Θεοδοсій обнявъ всю пользу этого города и удобства мѣстности, украсилъ великолѣпными зданіями, назвалъ своимъ именемъ и содѣлалъ однимъ изъ важныхъ торговыхъ городовъ на Шонтѣ; сему способствовала его отличная, привольная, никогда не замерзающая бухта. Торговля Θεοδοσίи съ Константинополемъ ограничивалась мукою, масломъ, янцами, шкурами и рыбою здѣсь во множествѣ ловимую, такъ и привозимую съ Азовскаго моря и Керченскаго пролива. Въ XIII столѣтіи, г Θεο-

досія былъ взятъ Татарами, которые переименовали его въ Кафу (вѣроломный, невѣрный); но Генуэзцы, подъ видомъ пособіи Византіи, защищая здѣшнія ея поселенія взяли городъ у Татаръ обратно, укрѣпили сильно башнями и сдѣлавъ могущественнымъ, распространили свою торговлю и вліяніе по Сѣверному и Восточному берегу Чернаго моря; но возрастающая сила мусульманъ стѣснила опять торговлю Феодосіи; а потомъ, Магометъ II взявъ Трапезондъ, послалъ къ нему Мурада съ 50 кораблями для покоренія; тогда Турки соединясь съ Татарами, не смотря на отчаянную защиту Генуэзцевъ съ обывателями, взяли городъ и уничтожили вліяніе Христіанъ.

Однакожъ Турецкое правительство, понимая торговую важность города, поддерживало величіе и права его; отъ того, путешественникъ XVII столѣтія Шарденъ, очень хвалитъ здѣшнюю жизнь, торговлю и бухту, въ которой, во время его пребыванія, стояло на якорь да 500тъ различныхъ судовъ, кромѣ ввезенныхъ на песчаный берегъ качеріи и рыбныхъ большихъ лодокъ. Торговля производилась въ Азіатскомъ духѣ; въ городъ считалось до пяти тысячъ домовъ или мазанокъ, остатки которыхъ еще находятся въ руинахъ, вблизи здѣшняго Татарскаго предмѣстія, расположеннаго около городскихъ возвышеній; должно полагать, что въ то же время устроены были здѣсь великолѣпные фонтаны, оставшіеся до нынѣ.

Сначала владычества здѣсь Русскихъ, городъ лишился своихъ лучшихъ садовъ, но чтобы возобновить его торговлю, назначено было въ немъ выдерживать карантинъ всѣмъ заграничнымъ судамъ, потомъ перевели его въ городъ Таганрогъ, а въ 1833 году въ городъ Керчь; отъ того Феодосія много упала въ торговли, и поддерживается въ бытѣ собственною городекою промышленностію; въ послѣднее время, она стала быстро поправляться, и безъ сомнѣнія, раздвигая свои силы, будетъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Россіи, — чему способствуетъ, кромѣ разныхъ удобствъ, красивая мѣстность въ родѣ Неаполя. Мы желаемъ ей счастья отъ чистаго сердца: ибо за рѣдкое гостепріимство, свое она достойна любви

и похвалы. Зима здѣсь не продолжается и мѣсяца, морозы бывають въ градусовъ десять, не болѣе, въ Генварѣ солнце уже печетъ. Воздухъ хорошъ, вода бассейновъ въ пищу здорова, морскія воды цѣлительны, здѣшніе Нѣмецкіе колонисты и Татары привозять въ избытокъ свои сельскія произведенія и продають дешево; кромѣ того, вблизи Θεодосіи есть обширныя, горныя лѣса, хороша, цѣлительныя для построекъ камень и плантаціи разныхъ сортовъ виноградныхъ лозъ, чѣмъ промышленія дѣятельно, здѣшніе жители могутъ жить счастливо, не гоняясь за пышнымъ богатствомъ Керчи.

Въ лѣтнее время, въ самые жаркіе дни, посѣтителей Южнаго берега довольно, они прїѣзжаютъ искать въ Θεодосіи здоровья, купанья въ морѣ и благотельнаго дѣйствія воздуха; здѣшнее малолѣдство нечувствительно при богатой, гостепріимной природѣ: достаточно небольшого круга родныхъ и добрыхъ знакомыхъ, съ которыми бы можно быть раздѣлитъ свои впечатлѣнія. Здѣшняя природа не создана для шумныхъ, свѣтскихъ увеселеній; толпа всегда влечетъ за собою скуку, суѣту и заботу, ничто не возвышаетъ такъ души, какъ созерцаніе красотъ божественной природы, тутъ, не убиваетъ ее поклоненіе искусственнымъ кумирамъ жизни, тутъ природа выказываетъ себя въ разныхъ величественныхъ, небесныхъ явленіяхъ, дни текутъ непримѣтно, всякой въ свое время наслаждается жизнью: утромъ занимается дѣлами, чтеніемъ, потомъ купается въ морѣ, обѣдаетъ въ часъ; послѣ обѣда, отдохнувъ, дожидается вечера и великаго представленія, которое даетъ великолѣпно - закатывающееся солнце: тогда начинается прогулка по бульвару, пріятное свиданіе, а послѣ въ домашнемъ кругу бесѣда, такъ, что по истинѣ сказать, не замѣчаешь какъ протекаетъ день, и усталый, съ пріятностію отдаешься сну въ 12^{ть} часовъ ночи. Въ вѣрности изображенія здѣшней жизни, всякій изъ жителей Θεодосіи съ нами согласится.

Теперь отправимся къ Тавридѣ. Изъ Θεодосіи къ городу Симферополю дорога живописна: справа ее идетъ разнообразная видомъ цѣпь горъ разрѣзанная оврагами, гдѣ, на зеле-

ныхъ долинахъ пасутся скотъ и стада овецъ; съ лѣва идутъ хорошо — обработанныя нивы съ мызами, и придаютъ окрестности видъ живой и пріятной до самой первой станціи, имѣнія Г. Т. Здѣсь благодѣтельная природа, раскинувъ свою вѣтвистую тѣнь садовъ надъ проѣзжимъ домомъ, располагаетъ къ спокойствію и отдыху, а за тѣмъ, къ купанью въ кристально-студеной водѣ резервуара. Удовольствіе, слухъ вашъ улаживаютъ гимны крылатыхъ пѣвцовъ, основавшихъ въ саду свое скромное царство.

Здѣсь фрукты отличны. Жаль, что къ этому прихотливому мѣсту, недостаетъ рукъ и стараній опытнаго садовника и хозяина, но можно ручаться, что оно, по всей дорогѣ — есть самое здоровое и красное.

Съ него до г. Карасу—Базара, въ сторонѣ отъ дороги, видите въ степи окаймленную съ боковъ горами, жи́лы плитоваго камня — резняка, который въ нѣкихъ мѣстахъ рубятъ. Не доѣзжая до города трехъ верстъ, вправо высятся безлѣсные, известковые уступы горъ; правильно расположенные, онѣ издали подобны древнимъ обширнымъ замкамъ, въ низу которыхъ, при малой рѣчкѣ расположено нѣсколько хижинъ въ родѣ форштата. Съ лѣвой же стороны дороги, представляются вдали лѣсистыя горы, перерѣзанныя глубокими оврагами.

Вообще, виды угрюмые, дикіе и прелестные намъ всегда болѣе нравятся, чѣмъ виды безжизненной степи и обыкновенная жизнь; по творческое искусство сдѣлалось бы намъ крайне однообразнымъ, если бы мы по чувству эстетическаго симпатіи, или жеманной деликатности, захотѣли остановиться только на благоухающихъ поляхъ, роскошныхъ долинахъ, зубчатыхъ гребняхъ исполинскихъ горъ, обширныхъ берегахъ моря и безпредѣльныхъ океана; человекъ съ чувствомъ входитъ душою въ природу, снисходя потому и къ прозаическимъ ея частямъ; глубокое разсмотрѣніе, отнюдь не поселить отвращенія, напротивъ дастъ идеи, свои одушевленные, удивительныя стороны; отъ того здѣшняя почти бесплодная степь, не такъ ему покажется неспосною, какъ бѣгствующему путешественнику.

Спустившись къ лощищѣ, въ которой идетъ рѣчка и тянутся долгою нитью высокіе тополи виноградныхъ и фруктовыхъ Карасу — Базарскихъ садовъ, вы переѣзжаете ее и поднимаетесь по глинистому скату въ городъ; тутъ первую вамъ встрѣчу дѣлаетъ деревянный хуторъ, а за нимъ, очень высокій и древній мусульманскій минаретъ.

Г. Карасу — Базаръ расположенъ на возвышеніи, справа представляется крутая пологость безжизненныхъ горъ, на которой находится Татарское кладбище съ стоячими надгробными камнями.

Въ городъ выставляютъ свои высокія главы Христіанскіе храмы и Татарскіе минареты. Зданія вообще каменные или изъ мазанокъ; есть и деревянныя — но очень мало. Базаръ и сарай, идущіе на версту по сторонамъ улицы, довольно опрятны и красивы. Городъ почти Татарскій, есть только небольшое число жителей изъ Русскихъ, Армянъ и Грековъ, занимающихся разнаго рода промышленностію, болѣе садоводствомъ и винодѣліемъ.

Отсюда къ Симферополю дорога однообразна; замѣчательна первая станція, расположенная въ Русскомъ селеніи съ церковью, находящемся въ 20 верстахъ. Здѣсь есть сады, воздухъ чистъ, вода прекрасна, и зной, который печетъ путешественника въ степи и нагрѣваетъ каменные слон — здѣсь совсѣмъ нечувствителенъ. Къ Симферополю, жаръ уменьшается, равнина повсемѣстно покрыта пушистою зеленью, мѣстами выставляютъ благоухающіе, обширные сады и величественныя ихъ вершины; отъ того, недобѣжая пяти верстъ Симферополя, чувствуете и замѣчаете изумительную перемену въ природѣ, дѣйствующую на васъ благотворно.

Симферополь, прекрасный губерніскій городъ Тавриды, поправляется изумительно: въ продолженіе шести лѣтъ, возникли въ немъ цѣлые кварталы домовъ и превосходныя обширные сады, а городской садъ сдѣлался несравненнымъ гульбищемъ, сходнымъ съ Феедосійскимъ. Въ городѣ много хорошей архитектуры опрятныхъ домовъ, улицы широки, чисты, площади заняты делижансами, арбами и сельскими про-

изведеніями. Главное украшеніе его-есть новый храмъ, величественнѣйшихъ формъ, и вблизи его монументъ Долгорукову Таврическому, также, много старыхъ храмовъ; Татарскихъ мечетей съ минаретами и военный госпиталь на городскомъ возвышеніи, около котораго расположена слобода Евреевъ. За Симферополемъ простирается обширная зеленая степь, изрѣдка занятая Русскими селеніями и Татарскими аулами; станціонныя дома хороши. Передъ вами, по дорогѣ, тянутся непрестанно цѣлыми обозами Русскія повозки съ солью и Татарскія арбы съ пшеницей и мукой къ г. Перекопу, гдѣ, такъ могущественно оказалась сила Христа надъ Татарами въ прошедшемъ столѣтіи. Храмъ величественной постройки находящійся за городомъ, притягиваетъ невольно къ славословію Спасителя. Городъ начинаетъ поправляться, однакожь, домовъ хорошихъ мало; среди его находится чистая площадь окруженная частоколомъ — она есть главное украшеніе города; рынокъ ничтоженъ; люди живущіе здѣсь разныхъ племенъ; мѣстность грустная и безжизненная, при малѣйшемъ вѣтрѣ городъ покрывается тучами пыли.

За городомъ растилается зеленая равнина, въ разныхъ мѣстахъ представляются высокія мѣльницы и пасутся стада овецъ.

Въ заключеніе, прибавляемъ разсказъ, о здѣшнемъ небесномъ явленіи и странѣ, одного путешественника.

« Былъ ясный день, когда я въѣхалъ въ Перекопъ, гдѣ отдохнувъ, помолясь въ святомъ храмѣ, отправился далѣе, не успѣлъ я приблизиться къ городскимъ мѣльницамъ, какъ палѣтъ вихрь на городъ, и поднявъ клубами землю, въ мгновеніе застлалъ его обширною тучею; въ то самое время, живительный лучъ солнца ударилъ въ мракъ и освѣтилъ истинно картину ужаса. Вечеромъ ураганъ стихъ; дивное покрывало ночи, усыпанное блистающими звѣздами, свѣтилось лучами луны. Въ ночь образовались надъ Перекопомъ разныя небесныя видѣнія, которыя сражаясь извлекали изъ себя пламень и яркій свѣтъ: глаза невольно закрывались, блескъ былъ слишкомъ ярокъ. Видѣніе было очень сходно съ Сѣвернымъ сія-

ніемъ, но только страшище. Утромъ солнце свѣтило очаровательно и облило степь теплотою, кругомъ пыли упонительныя гимны жаворонки и носились степныя ласточки, я отправился далѣе. Изрѣдка въ зеленой, высокой травѣ и колосьяхъ пшеницы мелькала шапка земледѣльца; шестая сжимаемой и упадающей травы, показывала его удаленіе или приближеніе. Я былъ веселъ какъ природа, сердце вострепелось какъ птица.

Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась еще прекраснѣе. Вообще она, въ странѣ Донцевъ, Черноморцевъ, Тавриды, Екатеринославля и Новороссіи до Чернаго моря, почти постоянно зеленая, дѣвственная, усыпанная изрѣдка холмами Скифовъ или Готѣевъ. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, встарину скрывавшіеся въ нихъ и въ лѣсу, вытапывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено — золотымъ океаномъ, по которому выказывались милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловыя колокольчики; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка пестрѣла на поверхности, колосья пшеницы наливались въ гущѣ. Подъ топкими корнями ихъ шныряли куропатки и щебетали перепелки. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ гимновъ; ястребы поднявшись вверхъ и распутивъ крылья, держали себя неподвижно и надзирали глазами за травою. Крикъ двигающейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей, утокъ или журавлей — раздавался рѣзкою трубою; изъ травы подымалась тяжелая драфа, или мѣрными взмахами чайка, купаясь роскошно въ синихъ струяхъ воздуха; она то пропадала въ вышинѣ, мелькала черною точкою, то перевертывалась крылами, блестя передъ солнцемъ.

Въ полдень понесся въ степи сильный вѣтеръ, сбивающій съ ногъ путника, клубы пыли неслись съ нимъ по дорогѣ. Наконецъ къ вечеру онъ успокоился, степь совершенно перемѣнила видъ: все пестрое пространство ея охвати-

лось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца, тѣни смѣняли его полосами и постепенно темнѣли; испаренія подымались гуще: каждый цвѣтокъ, травка выпускали амбру и разливали въ степи благоуханіе. По голубо - темному небу явились полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлыя частями легкія, прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный вѣтерокъ, едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть - чуть дотрогивался щекъ.

Наконецъ, музыка наполнявшая день - стихла и замѣнилась другою. Пестрые овражки выползвали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трепачье кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда вдалекѣ, съ неба, слышался крикъ лебедя, журавля и раздавался въ воздухъ какъ серебро. Глядяли быстро ночныя звѣзды и видѣли безчисленный міръ насѣкомыхъ въ травѣ; звукъ очищенный свѣжимъ почвымъ воздухомъ, доходилъ до нашего слуха гармонією. Въ сторонѣ степи, синѣли верхушки отдаленной рощи или лѣса, и представлялись глазу какъ бы острова на неизмѣримомъ морѣ.

Подвигаясь постепенно къ Россіи, мы чувствовали болѣе и болѣе холодъ, что несомнѣнно доказывало близость Днѣпра. Вотъ наконецъ онъ сверкнулъ блескомъ волнъ своихъ и темною пеленою отдѣлился отъ горизонта. Въя холодными волнами, Днѣпръ разстилался ближе и ближе, и роскошно развернулся передъ г. Бреславлемъ. Тутъ, несвязанный въ теченіи порогами, онъ разливается по волѣ; брошенные въ середину его острова, выгоняютъ волны изъ двухъ рукавовъ къ берегамъ, немнѣющимъ утесовъ и возвышеній.

